

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Сборник научных статей

Под редакцией канд. экон. наук Е.В. Викторовой

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2021**

ББК 65.261.5

У81

У81 **Устойчивое** развитие: экологические, экономические и социальные аспекты : сборник научных статей / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. – 326 с.

ISBN 978-5-7310-5412-6

Сборник содержит материалы конференции по вопросам реализации целей устойчивого развития в России и мире. В статьях затрагиваются экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития, глобальные вызовы современности, а также национальные и региональные стратегии реализации ЦУР.

В сборник включены научные статьи экспертов, преподавателей вузов, студентов и аспирантов, выступавших на конференции «Устойчивое развитие: вызовы и возможности» 12–14 мая 2021 года.

Адресовано сотрудникам и преподавателям университетов, студентам, представителям бизнеса и гражданского общества, государственным служащим и широкому кругу читателей, интересующихся данной темой.

ББК 65.261.5

ISBN 978-5-7310-5412-6

© Коллектив авторов, 2021

© Изд-во СПбГЭУ, 2021

**FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
“SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS”**

INTERNATIONAL ANALYTIC CENTRE

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT:
ECOLOGICAL, ECONOMIC
AND SOCIAL ASPECTS**

Collection of scientific articles

Edited by PhD in Economics E.V. Viktorova

**PUBLISHING HOUSE
OF SAINT PETERSBURG STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS
2021**

LBC 65.261.5

Sustainable development: ecological, economic and social aspects : collection of scientific articles. / ed. by PhD in Economics E.V. Viktorova. – Saint Petersburg : Publishing house of SPbSUE, 2021. – 326 p.

ISBN 978-5-7310-5412-6

The collection contains materials of the conference on the Sustainable Development Goals implementation in Russia and the world. The articles cover ecological, economic and social aspects of sustainable development, global challenges of our time, as well as national and regional strategies for implementing the SDGs.

The collection includes scientific articles by experts, university teachers, students and postgraduates who made reports at the conference "Sustainable Development: challenges and opportunities" on May 12-14, 2021.

The collection is addressed to employees and teachers of universities, students, representatives of business and civil society, civil servants and a wide range of readers interested in this topic.

LBC 65.261.5

ISBN 978-5-7310-5412-6

© Group of authors, 2021
© Publishing house of SPbSUE, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Кари К. Лиля, Сирпа Санделин. Устойчивое развитие и глобальные вызовы современности.....	11
Паула Линдрос. Размышления об образовании в эпоху перемен	39
Питер Вангсбо. Раскрытие потенциала малого и среднего предпринимательства для достижения ЦУР: проблемы и возможности	41
Краузе Ю.С. Матрёшка – модель для внедрения стратегии устойчивого развития в высших учебных заведениях	47
Андреева Д.А. Управление человеческим капиталом при обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности региональных социально-экономических систем.....	62
Бобылев Н.Г., Дюков Н.В. Обзор ключевых аспектов ЦУР, рассматриваемых в добровольных местных обзорах за 2019–2021 годы	68
Букринская Э.М., Мясникова Л.А. Роль логистики в реализации концепции ESG	79
Горин Е.А. Модернизация промышленности и социальный комфорт – основа устойчивого развития и общественной стабильности.....	88
Гуляева В.Б. Влияние специальных экономических зон на устойчивое развитие стран Балтийского региона.....	96
Декина М.П. Статистический обзор выполнения цели сокращения неравенства в РФ в рамках реализации ЦУР	102
Коль О.Д. Основные направления устойчивого развития транспортно-логистического комплекса Санкт-Петербурга.....	109
Кочетков С.В., Кочеткова О.В. Инновационное состояние экономики как элемент устойчивого развития	114
Лазарева Н.В. Внутренний контроль устойчивого развития территорий	120
Львова Н.А. Модель мониторинга развития устойчивых финансов в ЕАЭС.....	126
Миняева Д.Д. Кооперация бизнеса и вуза как механизм процесса экологизации: опыт СЗИУ РАНХиГС	135
Недосека Е.В. Устойчивое развитие и проблемы обращения с ТКО в арктической зоне Российской Федерации	141
Никитина Т.В., Дембинская В.С. Научно-образовательный интенсив по разработке стратегии проекта в контексте устойчивого развития общества	152
Никифорова О.А., Дерюгина А.Д. Влияние диджитализации на академическую сферу в связи с пандемией коронавируса	158

Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. Управление социально-экономическим развитием Санкт-Петербурга в условиях глобальных трансформаций	168
Преснякова Е.В. Формирование системы стимулирования развития электротранспорта в Республике Беларусь	177
Сергунин А.А., Акулов Д.А., Бобылев Н.Г., Гадаль С. К вопросу об индикаторах достижения целей устойчивого развития ООН арктическими городами России.....	187
Соловьева Ю.Н., Некрылова И.О. Мотивы и барьеры для перехода на устойчивые практики городской мобильности в российском мегаполисе	202
Степченкова О.С. Устойчивость сектора легкой промышленности Санкт-Петербурга	211
Флуд Н.А., Дашкевич П.М. Вклад волонтерского движения в достижение целей устойчивого развития	218
Харламов А.В. Устойчивое развитие национальной экономики как условие ее конкурентоспособности.....	230
Хорева Л.В., Шокола Я.В., Николаева Д.С. Циркулярная экономика: практики крупных российских компаний	236
Шматко А.Д., Мирославская М.В., Шевченко Е. Повышение уровня конкурентоспособности выпускников вузов как способ продвижения на рынке труда	247
Веракса С.А. Совершенствование инфраструктуры финансовой поддержки малого предпринимательства как драйвер реализации целей устойчивого развития	252
Коновалов Д.Л. Разработка и построение авторской методики оценки качества корпоративного управления промышленных организаций республики Беларусь.....	267
Портнов А.В. Актуальные вопросы повышения производительности труда.....	275
Ватолина М.А., Потапов С.С. Институционализация государственной политики в сфере достижения целей устойчивого развития: опыт стран Содружества Независимых Государств	281
Вихлянцева Д.И. Доступ к экологической информации в контексте целей устойчивого развития.....	289
Комова А.С. Комплексный подход к оценке экономической устойчивости горно-металлургического предприятия	300
Проваторова А.А. Россия и Германия: реализация целей устойчивого развития	306
Русанова М.Г. Налоговое законодательство Франции в экологической сфере	311
Смекалова И.А. Развитие устойчивого туризма в России и мире	316

TABLE OF CONTENTS

Introduction	10
Kari K. Lilja, Sirpa Sandelin. Sustainable development and global challenges of our time	11
Paula Lindroos. Reflections on education in a time of change.....	39
Peter Vangsbo. Unlocking the potential of SMEs for the SDGs: challenges and opportunities	41
Krause Ju.S. Matryoshka Model for implementing sustainability in higher education institutions.....	47
Andreeva D.A. Human capital management in providing sustainable development and economic security of regional socio-economic systems	62
Bobylev N.G., Dukov N.V. Overview of key aspects of the SDGs pended in the voluntary local reviews for 2019-2020 years.....	68
Bukrinskaya E.M., Myasnikova L.A. The role of logistics in the implementation of the ESG concept.....	79
Gorin E.A. Industrial modernization and social comfort-the basis of sustainable development and social stability	88
Gulyaeva V.B. The impact of special economic zones on sustainable development in the Baltic region	96
Dekina M.P. Statistical overview of fulfillment of the Goal of reduce inequality in the Russian Federation within the framework of implementing the SDGs.....	102
Kol O.D. The main directions of sustainable development of the transport and logistics complex of Saint Petersburg	109
Kochetkov S.V., Kochetkova O.V. Innovative state of the economy as an element of sustainable development	114
Lazareva N.V. Internal control of sustainable development of territories	120
Lvova N.A. A model for monitoring the development of sustainable finance in the EAEU.....	126
Minyaeva D.D. Cooperation between business and university as a mechanism of the greening process: the experience of RANEPA	135
Nedoseka E.V. Sustainable development and problems of MSV management in the Arctic zone of the Russian Federation.....	141
Nikitina T.V., Dembinskayte V.S. Eduactional on-line course “Sustainable Innovation Bootcamp”	152
Nikiforova O.A., Deryugina A.D., The impact of digitalization on the academic sphere in connection with the coronavirus pandemic	158
Okrepilov V.V., Gagulina N.L. Managing of the socio-economic development of Saint Petersburg in the context of the global transformations	168

Prasniakova E.V. Formation of the incentive system development of electric transport in the Republic of Belarus	177
Sergunin A.A., Akulov D.A., Bobylev N.G., Gadal S. On the issue of indicators for achieving the UN sustainable development goals by Russian Arctic cities	187
Solovyova Yu.N., Nekrylova I.O. Motivations and barriers for the transition to sustainable urban practices. Mobility in the Russian metropolis	202
Stepchenkova O.S. Sustainability of the light industry sector in St. Petersburg.....	211
Flud N.A., Dashkevich P.M. Contribution of the volunteering to the achievement of the sustainable development goals	218
Kharlamov A. V. Sustainable development of the national economy as a condition for its competitiveness	230
Khoreva L.V., Shokola Ya.V., Nikolaeva D.S. Circular economy: practices of large Russian companies.....	236
Shmatko A.D., Miroslavskaya M.V., Shevchenko E. Increasing the level of competitiveness of university graduates as a way of promotion in the labor market.....	247
Veraksa S.A. Improving the infrastructure of financial support for small businesses as a driver for the implementation of the sustainable development goals	252
Konovalov D.L. Development and construction of the author's methodology for assessing the quality of corporate governance of industrial organizations of the Republic of Belarus	267
Portnov A.V., Topical issues of increasing labor productivity.....	275
Vatolina M.A., Potapov S.S. Institutionalizaion of public policy in the field of achieving the SDGs: the experience of the countriesof the Commonwealth of Independent States	281
Vikhlyantseva D.I. Access to environmental information in the context of the sustainable development goals.....	289
Komova A.S. Comprehensive approach to assessing the economic sustainability of a mining and metallurgical enterprise.....	300
Provatorova A.A. Russia and Germany: achieving the sustainable development goals	306
Rusanova M.G. French tax legislation in the environmental sphere.....	311
Smekalova I.A. Development of sustainable tourism in Russia and in the world.....	316

ВВЕДЕНИЕ

12–14 мая 2021 г. в СПбГЭУ прошла международная онлайн-конференция «Устойчивое развитие: вызовы и возможности», которая была организована в продолжение проекта **«Устойчивое развитие: от экологии к комплексному подходу».** Данная конференция явилась третьей по теме устойчивого развития. До этого в рамках проекта прошли две конференции: международная конференция "Устойчивое развитие: европейский и российский опыт" (февраль, 2019 г.) и международная онлайн конференция "Устойчивое развитие: вызовы и возможности" (июнь, 2020 г.).

На конференции в рамках 6 экспертных сессий было представлено 25 докладов, затронувших экологические, экономические, социальные аспекты устойчивого развития и глобальные вызовы современности, примеры реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) в России и мире, национальные и региональные стратегии реализации ЦУР.

Основными темами для обсуждения стали:

- реализация ЦУР в странах региона Балтийского моря, Великобритании, Белоруссии и ЕАЭС на примерах специальных экономических зон, поддержки малого предпринимательства, развития устойчивых финансов и др.;
- добровольные местные обзоры по ЦУР;
- проблемы оценки достижения ЦУР;
- климатический диалог России – ЕС;
- сокращение неравенства;
- экологическая солидарность;
- городская мобильность и логистика;
- управление человеческим капиталом и пр.

На конференции было также заслушано 6 докладов зарубежных экспертов (из Финляндии, Германии, Швеции, Нидерландов, Южной Кореи), осветивших вопросы образования в целях устойчивого развития, потенциала малых и средних предприятий для достижения ЦУР, устойчивости организаций, энергетической реновации жилых комплексов, моделей оценки устойчивости вузов.

В рамках молодежной сессии было представлено 12 докладов по темам управления и кооперации для достижения ЦУР, устойчивого туризма, международного сотрудничества по реализации ЦУР.

Всего в конференции приняли участие 70 человек, в том числе преподаватели и студенты Санкт-Петербурга, Москвы, Саратова, Республики Беларусь.

INTRODUCTION

The International conference "Sustainable Development: Challenges and Opportunities", which was organized as a continuation of the project "Sustainable Development: from Ecology to Multidimensional Approach " was held online on May 12-14, 2021 at UNECON. This conference was the third on the topic of sustainable development. Prior to that, two conferences were held within the framework of the project: the International conference "Sustainable Development: European and Russian experience" (February, 2019) and the International online conference "Sustainable Development: challenges and opportunities" (June, 2020).

At the conference, within the framework of 6 sessions, 25 reports that touched on ecological, economic and social aspects of sustainable development and global challenges of our time, examples of the Sustainable Development Goals (SDGs) implementation in Russia and the world, as well as national and regional strategies for implementing the SDGs, were presented.

The main topics for discussion were:

- implementation of the SDGs in the countries of the Baltic Sea region, Great Britain, Belarus and the EAEU on the examples of special economic zones, support for small businesses, development of sustainable finance, etc.;
- voluntary local reviews on the SDGs;
- problems of assessing the achievement of the SDGs;
- Russia-EU climate dialogue;
- reduction of inequality;
- ecological solidarity;
- urban mobility and logistics;
- human capital management, etc.

In addition, 6 reports of foreign experts (from Finland, Germany, Sweden, the Netherlands, South Korea), highlighting the issues of education for sustainable development, the potential of small and medium-sized enterprises to achieve the SDGs, the sustainability of organizations, energy renovation of residential complexes, models for assessing the sustainability of universities, were heard at the conference.

Within the framework of the youth session, 12 reports were presented on the topics of management and cooperation to achieve the SDGs, sustainable tourism, international cooperation on the implementation of the SDGs.

In total, 70 people took part in the conference, including teachers and students from St. Petersburg, Moscow, Saratov, and the Republic of Belarus.

Kari K. Lilja, Dr.Sc. (Tech.)
Sirpa Sandelin, Dr.Sc. (Tech.)
Satakunta University of Applied Sciences
sirpa.sandelin@samk.fi

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND GLOBAL CHALLENGES OF OUR TIME

Abstract. Sustainable development and responsible business have become emerging topics in the discipline of business management during the past decade. The contemporary climate worry and fear of greenhouse phenomena have raised the interest in sustainable development. However, most of the business activities that are stated to follow the theses of sustainable development are approaching single topics like pollution, climate, carbon neutrality, usage of fossil fuels, micro-plastics of oceans or equality. In point of view of sustainability, worrying about one issue covers only one or some of the 17 goals of sustainable development presented by United Nations Development Programme.

Applying the sustainable development in business is challenging. The concepts of sustainability and sustainable development are exhausting, comprehensive concepts that one can't divide in slices and select the slice that is most suitable or easiest to reach. But on the other hand, the concepts are so wide, that it is not possible to cover all the elements by one activity or one phrase in business plan. The third point of view is that in addition to the fact that highlighting the sustainability challenges existing business, chains of delivers, manufacturers and retailers, the whole ecosystem, it also gives an opportunity to innovate and create completely new business ideas that meet the demand for responsible and sustainable products and services. It is a positive challenge to find out these new opportunities, bearing in mind, that at the same time the digitalization causes same kind of requirements, challenges, and opportunities.

There are also challenges caused by the diversity of state of art and attitudes in different branches. For example, the construction industry is in many countries at least 50 year behind the other industrial branches both in digitalization and in sustainability. Also, the size of the enterprise has its impacts on the responsibility and sustainability of business.

The diversity of state of art and attitudes in different countries as well as the lack of knowledge among the people and politicians challenges the politic decision-making process required to consider the sustainability and responsibility in legislation. In common, the developing countries are seen to be decades behind the developed countries in topics like energy efficiency, environmental issues and issues concerning economic growth, equality, and health.

This paper will discuss how to meet the challenges presented above, and how to ensure that at least as many as reasonable of the goals could be considered. It will be found out that the more we are concentrating to only the most topical questions, the more difficult it can be to find a solution that would be in line with the principles of sustainable development. For example, on point of view of sustainability, it is not worth fighting against climate change if the only thinkable solution increases inequality. Thus, we have to be very careful when designing our policies and activities dealing with the sustainable development.

Keywords: sustainable development; climate change; responsible business; triple bottom line; circular economy; global reporting initiative.

Introduction

Within the decades, many scientists, politicians, and ordinary people have expressed their worry about the climate change and greenhouse effect. The average temperature of the Globe has arisen, threatening e.g. the polar and mountain glaciers. The global rise of the average temperature is widely acknowledged, but the reasons for this are continuously argued. Although there is a strong consensus concerning the impact of man on the greenhouse effect (United Nations, 2019), also the opposite opinion has a strong defense supported by conservative financial and industrial circles (Bohr, 2016). It was just after Greta Thunberg, the Swedish schoolgirl and activist, started the campaign and school strikes, when the discourse woke up, and people found out, that they can, and they should do something.

At the same time, the growth of the population has continued (Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 2019). Parallel with the population grows poverty, because the growth of the population is fastest in the poorest countries (Figure 1). Hungry, lack of clean water, contaminated soil and poor quality of education or even missing education are problems, that are generally connected with most of the poorest countries in addition to fast growing population.

Changing climate is not only the rising temperature. Worldwide increased number of storms and rainstorms, floods, and on the other hand droughts and sandstorms, have been connected to Climate Change. The natural disasters are mistreating worst the developing countries who have no resources to reserve the incidents nor capability to acts of rescue (Kyte, 2014). However, fighting against Climate Change is not the magic wand which would solve all those problems that the concept “Sustainable development” is trying to tackle. Despite of this, it has often been seen, that the term “Sustainable development” has been easily stamped on the activities that are directed only against some single environmental or social problem like the climate change, plastic in the seas, orinequality. In many cases the hidden motivation for these acts is to save the business in cases where the continuity is endangered by the changes in environ-

ment, demand, or markets, or if the reputation of the company is endangered (Gasbarro, et al., 2017).

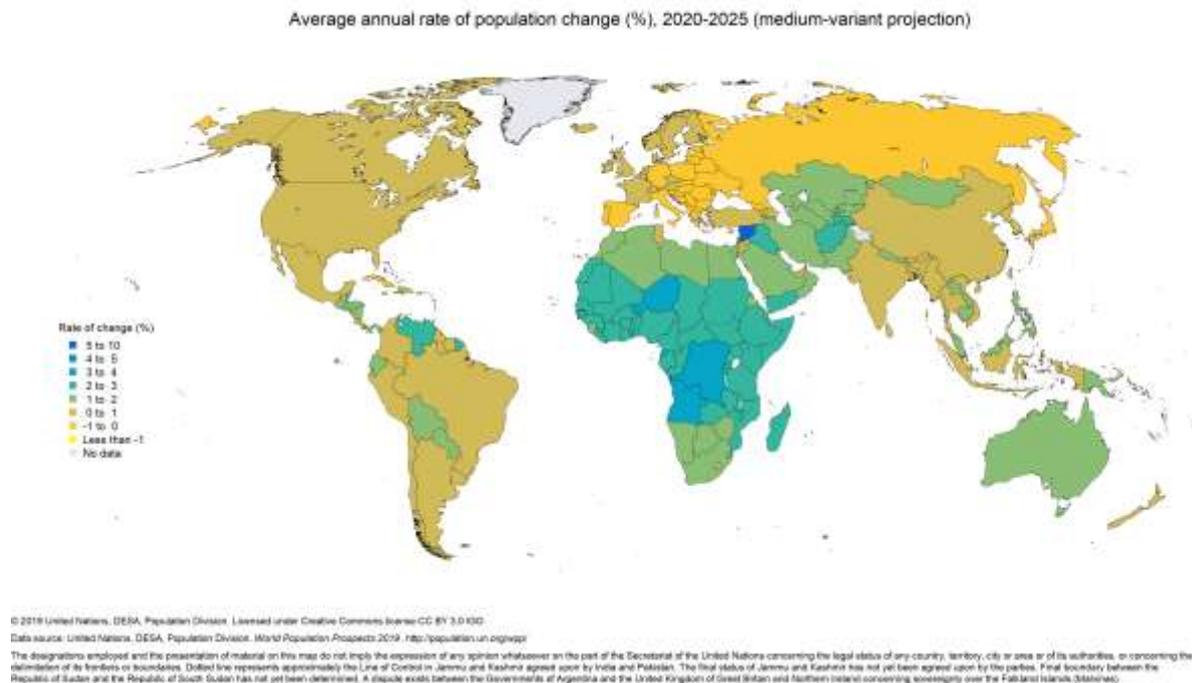

Figure 1 Speed of population growth
 (Source: <https://population.un.org/wpp/Maps/>)

Considering the sustainable development in the daily work of enterprises and governmental and municipal organizations does not include only the concerning about the climate change and the carbon footprint of company's services and products, although these are the most often seen activities with which the organizations manifest that they are following the principles of sustainable development. Single actions against climate change, e.g. changing diesel cars to electric ones, are an important symbolic gesture, but they are only one small piece of the holistic nature of the concept "Sustainable development" (Sinakou, et al., 2019). The comprehensive approach requires that both the societal, social, environmental and economic aspects should be taken into account.

Let us have another example: Bocken & al. (2014) argues that a route towards a sustainable economy could include:

1. system that encourages minimizing of consumption, or imposes personal and institutional gaps or quotas on energy, goods, water, etc.
2. system designed to maximize societal and environmental benefit, rather than prioritizing economic growth,
3. closed-loop system where nothing is allowed to be wasted or discarded into the environment, which reuses, repairs, and re-makes in preference to recycling,

4. system that emphasizes delivery of functionality and experience, rather than product ownership,
5. system designed to provide fulfilling, rewarding work experiences for all that enhances human creativity/skills,
6. system built on collaboration and sharing, rather than aggressive competition.

The study of Bocken & al. is not only approaching the designing of sustainable business plan but is also a good example about how those 17 goals of sustainable development should be included into daily operational planning. It is almost impossible to combine all the goals in one case. It is not necessary either. But depending to the context in which the United Nation's model of sustainable development is applied, at least all the relevant goals should be covered. This means that the wider the business or the ecosystem is in terms of volume, product range and operational phases (design, purchase, production, sales, after sales), the wider selection of goals should be applied. A company working in accountancy branch like bookkeeping or auditing, should worry more about equality and transparency than about workplace safety or clean water, whereas an oil refinery should be very interested in workplace safety, clean water, and climate change, without forgetting the other topics.

The success in reaching the sustainable development goals (SDG) can be measured by common sustainability assessment tools and indicators. In addition to these common tools and indicators, there is a variety of tools and indicators developed to fulfil the needs and requirements of different branches and purposes (Whitehead, 2017), e.g. to assess sustainability of beef raising, wine yards or oil refining plants, or to prove the sustainability of new public project (Bond, et al., 2012). Sustainability as a political concept is contextual and connected to cultural issues and purposes in which it is used. However, sustainability as a scientific and ethic concept should be clearly defined and unambiguous. When discoursing on sustainability, we should be able to make sure that terminology, topics, and subtopics are understood in same way by all the participants.

The concept of sustainable development has occupied its place among the political concepts, like democracy, justice, and liberty. And, like democracy, sustainable development is ambiguous, diversely understood, extremely difficult to achieve, and irreversible but desired. (Holden, et al., 2014) However, there are authors and researchers stating that the sustainable development concept has lost its relevance in politics and policy making (Holden, et al., 2014). The coverage and complexity of the definition makes the concept confusing and difficult to understand for both the politicians and people voting them as well as for entrepreneurs and business managers. It is stated that sustainable development as a concept is no longer useful in guiding policy making. It is also argued that the concept is in danger of becoming irrelevant (Holden, et al., 2014). De-

spite of all this, concept of sustainable development is still alive and located in centre of environmental, business, and societal discourse.

This paper will approach the concept of sustainable development by having a brief look at the history of concept, and after that discussing the impact of the sustainability on the business life, and the ways it challenges enterprises in common, and particularly the SME-business.

History

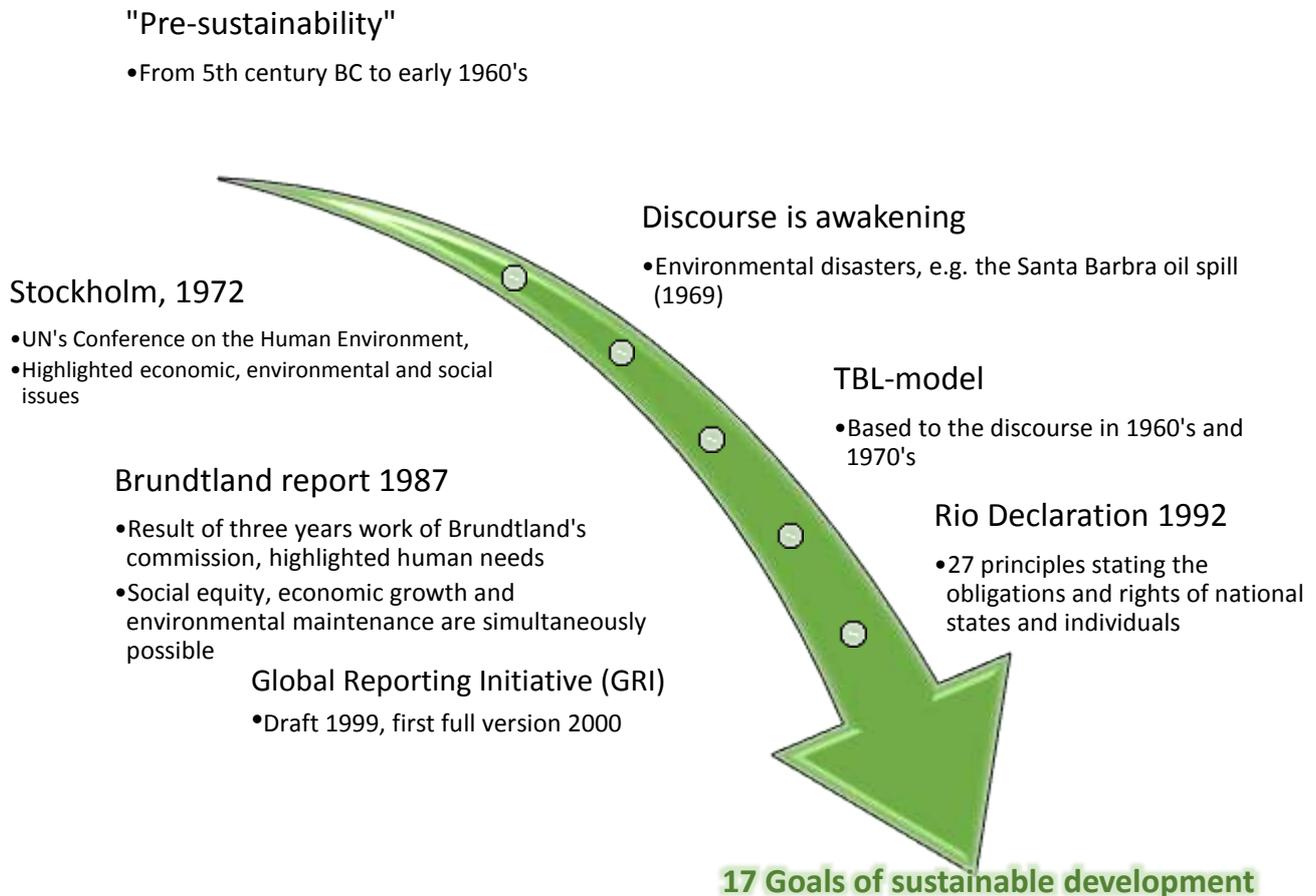
Presustainability

The needs of a mankind and their impact on the environment have been permanent topics in discourse throughout human history (Ошибка! Источник ссылки не найден.). The ancient urban civilizations in e.g. Egypt, Mesopotamia, Greek and Rome had their own challenges with environmental problems such as pollution and desertification. These issues are today connected to discussion that approach the importance of sustainability and sustainable development. The oldest known literary remarks concerning man's worry about the state of the environment can perhaps be found from the texts of Plato in the 5th century BC, and Strabo and Columella in the 1st century BC. (Du Pisani, 2006) Although there were some authors who were worried about environmental degradation caused by human activities in the pre- and early Christian era (e.g. Pliny the Elder and Varro in the 1st century AD), (Du Pisani, 2006) the raise of Christians and the belief, inherited from Judaism (Vogel, 2001), that all the nature was ordered under the command of human, and given at his disposal (Hand & Van Liere, 1984) suppressed the critical discussion for more than 18 centuries. It was not until at the Age of Enlightenment, when the biblical relationship between man and nature was seriously questioned by some of the Enlightenment philosopher, like Rousseau and Voltaire. During the next two and a half centuries, there were only few writers manifesting their worry about the damages caused by increasing mining industry and usage of wood and discussing about the relationship between welfare of man and welfare of nature. Most of the Enlightenment philosophers still agreed the symbiose between Christian view of life as a progress, and modern, empirical, and exact science and were convicted that science was the gate to the future that, together with God, would give humankind mastery over nature. (Du Pisani, 2006)

In the 18th century, the population growth and increasing consumption of resources emerged as raising topics in discourse. One of the authors who concentrated to this theme was Thomas Robert Malthus, who stated in 1798 that the increase in population should be restricted, because it threatened to outstrip food production (Malthus, 1798).

In the 19th century, coal replaced wood as the most important source of energy, which led to fear about the adequacy of coal deposits. It was estimated that English coal reserves would be used within a century and England would

lose her dominant industrial position. Sparing the fuel would be most recommendable. (Jevons, 1866) In Continental Europe German Rudolf Clausius and others emphasized the non-renewable nature of the natural resources (Van Zon, 2002).

*Figure 2: Developing the concept of sustainable development
(Compiled from Purvis (2019) and Du Pisani (2006))*

John Stuart Mill wrote in *Principles of political economy*, published in 1848, that he wished that the population of the world “*will be content to be stationary, long before necessity compels them to it*” (Mill & Laughlin, 1885). George Perkins Marsh stated that people have forgotten that the earth was given, not for consumption, but for use only, and particularly not for wasteful use (Marsh, 1867). He highlighted the different areas of the nature, destroyed by human activity, and argued that the living on the Earth might become impossible for human. It was not for the nature Marsh wanted to stop the destructive behaviour, but because of the humankind (Marsh, 1867). His approach is very close to the idea of sustainable development. Alfred Russel Wallace (1898) concluded the development of the 19th century by arguing that damage

caused by the destruction of the natural reserves is “*plundering of Earth*”, and by calling the careless consumption of oil, gas, coal and minerals, and the utilization of the rain forests as an “*injury done to posterity*”. These themes are close to themes of Brundtland Report of 1987 as well as to the themes of sustainable development.

The first half of the 20th century was split by two world wars and many minor conflicts. Between and after the world wars, people concentrated on reconstruction, and the surviving was the most representative idea of that era. The fast rebuilding and intensive urbanization and industrialization ushered in environmental damages, and due to several big environmental disasters in the end of 1960's the state of the environment became as an emerging topic in the societal discussion (Du Pisani, 2006). During the 1950's and 1960s, intensifying civil right movement in USA (Hall, 2005) and emerging left wing sympathies in Western Europe (Bornschier, 2010) on their part highlighted the human and social issues in the societal discourse of that era. One of the most important moments was the Conference of United Nations on the Human Environment in Stockholm 1972. In the course of the conversation, the environmental issues were connected to economic and social topics, and the collaboration between countries was highlighted to be a way to solve these questions (Sohn, 1973). The concept, born in Stockholm and first called as “environmentally sound development” (Purvis, et al., 2019), formed a foundation for sustainable development. In the same year, 1972, the term sustainability was connected to balance between environmental topics and economic growth in the report of Meadows & al. (1972), written to the Rome club: “*It is possible to alter these growth trends and to establish a condition of ecological and economic stability that is sustainable far into the future.*” Parallel with the two concepts named above, had also societal issues emerged into discourse. The term Sustainable society became commonly known. According to Purvis & al. (2019), the initiation to create sustainable societies was first published in *The Ecologist* in 1972. However, the term “Sustainable society” was used at least in 1970, when I.W. Gunn defined the sustainable society as a society that *lives within the limits of its environment, sustaining itself on the earths ecological interest, and not its capital* (Gunn, 1970). The sustainability, societal, economic, and environmental issues were connected already in early phase of the discussion.

Three Pillar model

This connection became soon visualized as three pillars bearing the sustainable development (Figure 3). The image of “three pillars” spread quickly in the discussion. It is worth noting the semantic difference between the words “societal” that is derived from “society” used by Gunn, and “social” used in the first known visualizations of concept “Sustainability”: Although one meaning

of social is “related to society” (Merriam-Webster, Incorporated, 2020), the term has also other context-dependent meanings.

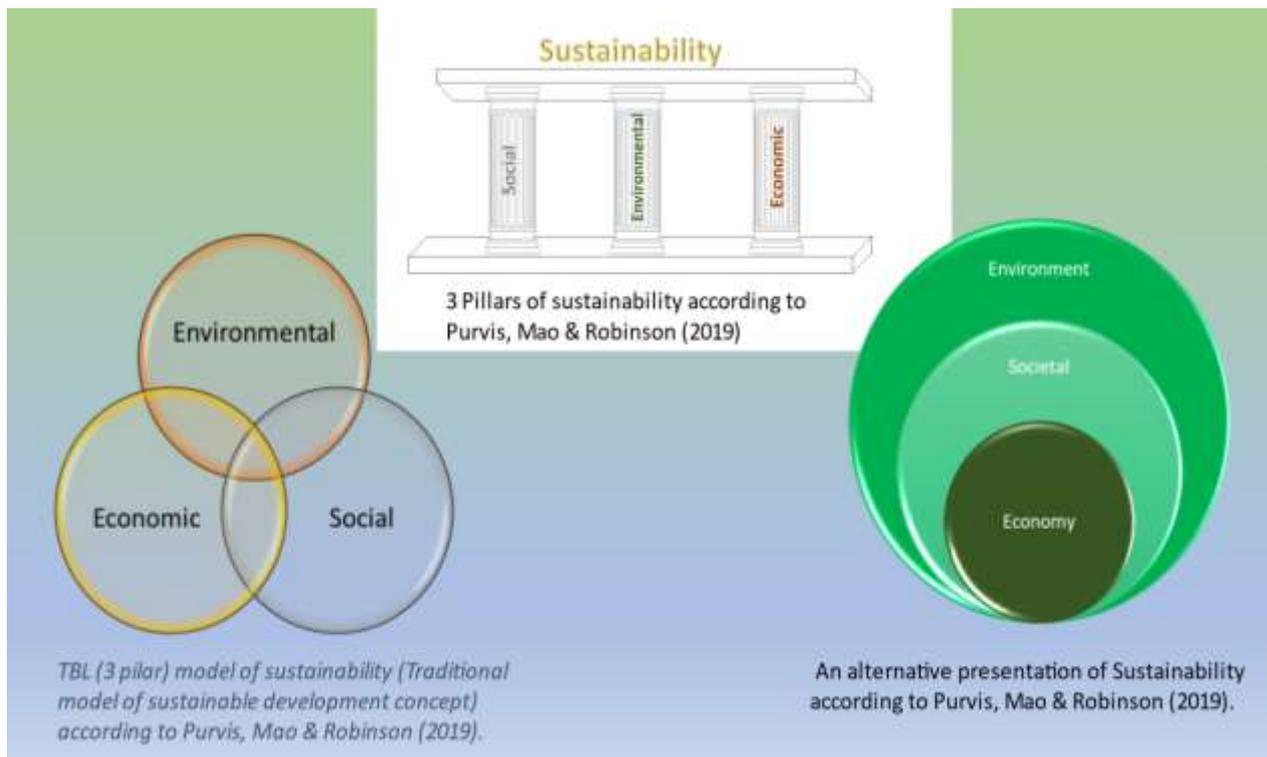

Figure 4: Interpretations concerning the 3 Pillars model according to Purvis, Mao & Robinson (2019)

The usage of separate elements was too simplifying (Gibson, 2006). The next model consisted of three partly interlaced circles. This model showed the dependency of factors on each other, but it did not include the hierarchy between the factors. Furthermore, it included an ambiguous term, “social”. Parallel image consists of three concentric circles presenting environment, society, and economy. This model is trying to present both the dependencies between elements, and the relationships between them. However, there are still open questions left. How should the figure be read? Is the topmost element, the economy most important, or do the size of each element describe their importance? Or should the environment be seen as the base that enables the founding of sustainable society which on its turn is a requirement for sustainable and balanced economy? How about the claim that a well-being society needs a balanced economy? Or social dimensions of both economy and environment? Will they be forgotten?

The Stockholm Declaration 1972, Tbilisi Declaration 1977, and the work of the Brundtland committee, that culminated to Brundtland report 1987, are important milestones of sustainability, showing a way to the Rio

Conference in 1992 where the institutionalising of the concept ‘sustainable development’ continued with the ‘Rio Process’ initiated. Central to the process was the publication of the 27 principles, a guide to future sustainable development, known as Rio Declaration, and Agenda 21, a plan for setting these principles into practice. Based to the Brundtland Report, Agenda 21 emphasized the problems caused by the division into developed and developing countries. The Agenda sympathised economic growth and free trade, and bent attention to the need to link social, societal and economic development with environmental protection (Purvis, et al., 2019). In the Rio Conference the causal connections between poverty, environment, economy, and markets were described in a way that was closer to the western modernization theory but had also acknowledged some issues from the Marxists dependency theory (Figure 5). Despite of that, it can’t be considered as a compromise between two competing models.

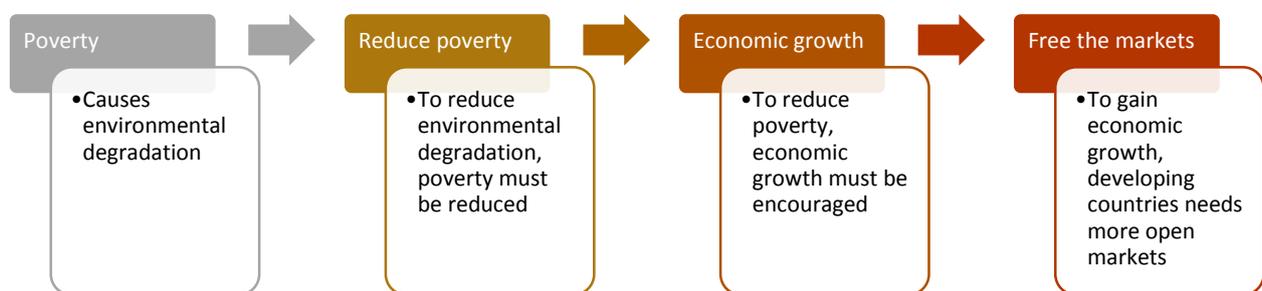

Figure 5: Assumptions behind the UN’s approach according to Purvis (2019)

The Rio Conference was held in totally opposite geopolitical atmosphere than the Stockholm Conference. The Cold War was over, and the (political) map of Europe was changing more dramatic than ever after the 2nd World War. Minds were open for change. Thus, it is no wonder that it was in and after the Rio Conference, when most of the national decision makers, politicians and governments in developed countries understood, that sustainability is not just a bypassing phenome, but something they should consider seriously. This challenge met the enterprises too, who, at least in principle, were responsible on the biggest part of the exploitation of unrenowable natural resources of the earth, on most of the pollution and who always were trying to find the most cost-effective ways to produce, lowest work cost, and who at the worst cases were prepared to pay millions in bribes to gain the most profitable terms for business.

The changing times and emerging new values that highlighted the value of environment and nature, and required more responsible business not only on point of view of environmental issues but also on point of view of social issues,

impacted on their part on the development of Global Reporting Initiative (GRI) and Sustainable Development Goals (SDG:s)

Global reporting Initiative GRI

The idea of global standardized environmental reporting emerged from an impact of the consumer, investor and shareholder activism during the 1970s, and developed and sharpened in the discourse approaching environmental and sustainability politics during the 1990s. The increasing importance of corporate social responsibility, civil regulation and private governance were part of this development. New ideas appealed to different groups of societal actors that finally lead to the birth of GRI.

The ideology behind the Global Reporting Initiative (GRI) is based to the philosophy of the Coalition for Environmentally Responsible Economies, Ceres (known until 2000 as CERES). Ceres is a coalition of investors, public pension trustees, non-governmental environmental organisations, foundations, public interest organisations, and labour unions. Ceres, that is founded in 1989, has its roots in the activism of 1960s. The development of Ceres has been impacted by the corporate social responsibility movement of the 1990s. (Brown, et al., 2009) The mission of the coalition is to encourage socially responsible investments, promote shareholder activism, and look after voluntary but verifiable commitments to codes of conduct known as Ceres Principles, and by these means to prove environmental performance and accountability among business in the USA (<http://www.ceres.org>). (Brown, et al., 2009). Ceres was directly involved in the foundation of GRI by administrating and funding the first phase of Global Reporting Initiative (Willis, 2003).

The process to create global reporting standards for responsibility reports started officially in 1997 when concept papers written by five working groups were published. In next year, GRI was accepted as a partner institution of the United Nations Environment Programme (UNEP). This enabled access to funding as well as administrative and intellectual support given by Division of Technology, Industry and Economy of UNEP, and enhanced the position of GRI. The first draft of the GRI Guidelines (Sustainability Reporting Guidelines Exposure Draft) was published in 1999 at an international conference at Imperial College London. A pilot test programme was launched, and a GRI Interim Secretariat was established in the beginning of 2000, to manage daily administration of GRI. The first official edition of GRI Guidelines was published in June 2000. (Brown, et al., 2009) Contemporary version of Guidelines consists of six standards: three common standards and three topic-specific standard series¹. The common standards are 101 –

¹ In addition to GRI-standards there are a number of other standards connected to environmental issues, e.g. ISO 14000-family, and also the other standards like ISO 9000 -family contain issues inked to environmental or social issues.

Foundation, 102 – General Disclosures and 103 – Management Approach. Specific series are 200-serie for Economic issues, 300-serie for Environmental issues and 400-serie for social issues. (GRI, 2020)

At the moment, 93% of the world's largest 250 corporations are using GRI-standards when reporting on their sustainability performance. This does not mean that GRI would be only for global corporations. Companies, public authorities, and non-profits across all sectors can publish and have published reports that refer to the GRI Standards.(GRI, 2020)

The 17 goals of sustainable development

The General Assembly of the United Nations approved the 2030 Agenda for Sustainable Development in September 2015 after two years of negotiations, launched after the Rio+20 Conference (20 years anniversary conference for Rio Declaration 1992) in 2012 (Sindico, 2016). The agenda contains 17 Sustainable Development Goals (SDGs). The new Agenda highlights a holistic approach to achieving sustainable development for all. The Sustainable Development Goals are the step marks showing a way to follow the agenda. Goals are targeted to the global challenges. Most weight has been set to those related to poverty, inequality, climate change, environmental degradation, peace and justice. All the 17 interconnected Goals should be gained. (UN, 2020)

The defining of sustainable development goals can be seen as a direct continuation for Stockholm Declaration, Brundtland Report and Rio Declarations (1992 and 2012) (Sindico, 2016). In this version of sustainability, the holistic approach is highlighted more than in any of the predecessors.

Figure 6: 17 goals of sustainable development (source:www.undp.org)

The agreement of 17 goals was not easy to gain. It took two years conversations to find a consensus between the 193 member states of the General Assembly (Unerman & Bebbington, 2018). Two negotiating tracks played the biggest role in these negotiations: The Open Working Group (OWG) on Sustainable Development Goals (SDGs) with the origin in the decision made in Rio+20, and the agreement to replace the Millennium Development Goals (MDGs), which were drafted according to the 2000 Summit, with a post-2015 development agenda (Chasek, et al., 2016). There were also other conferences and declarations in the background, like Johannesburg 2002 (Unerman & Bebbington, 2018).

The world around us is changing

The list of seventeen goals of sustainable development has now been in use for five years. During these five years the world has changed perhaps more than anyone of those who were negotiating and approving the Agenda of sustainable development in the General Assembly of United Nations in September 2015, and before that in different workgroups during the past two years, would have guessed. It has become clear, that the climate is changing and temperature rising. The glaciers are melting, Polar glaciers shrinking, storms have increased and got more powerful, more and more of the people suffer from drought and, on the other hand, from rainstorms and floods. The Covid19-pandemic proved us that no matter how advanced our medical care is, it is still relatively helpless to meet world-wide pandemics and incapable to help the poorest countries and people. Thus, the extreme meteorological phenomena, the pandemic, the still increasing imbalance between developed and developing countries in social, societal and health issues as well as in economic topics, all these prove that we need a holistic approach to sustainability. Sustainable development cannot respond the future challenges only by worrying the climate.

Changing world creates new challenges

In March 2021 the National Intelligence Council of USA published their report *Global Trends 2040 – a More Contested World*, in which it was stated that a world after COVID19 – epidemic will be more contested and unforecastable than ever before after the 2nd world war. The authors of the report name several reasons for this, e.g. the distance between expectations of people and the possibilities of governments to meet these expectations, and the worsening state of environment due to climate change that may get millions of people to leave their home areas and start a massive wave of immigration. According to report, the effects of climate change and environmental degradation will probably increase food and water insecurity in developing countries, increase migration, precipitate new epidemics, and other health challenges, and contribute to biodiversity losses. New technologies will be invented and applied faster and faster, endangering, and disrupting jobs, industries, communities,

the nature of power, and the sense of being human. Global migration will continue to grow — as of 2020 more than 270 million persons were living in a country to which they have migrated, 100 million more than in 2000 — which will strain both origin and destination countries to manage the flow and effects (The Strategic Futures Group, 2021).

Societies and business need a capability to adapt

The climate change and other issues named above are in the kernel of sustainability, and one of the aims of the sustainable development goals is to affect both on the reasons of the immigration and on the effects of it. The report named above highlights the need to be able to adapt with the changing world. The adaptation is needed both in the politics, in the business life and in the life of the ordinary people. According to the report, in addition to rising temperatures and environmental degradation, there is one phenomenon that particularly challenges our capability to adapt with changing circumstances: the demographic shift. Both the governments and the companies should build adaptive strategies to be able to avoid constraints on economic growth.

On point of view of SME-companies, the adaptive strategies might contain several what-if-plans in which different scenarios and solutions to these are presented. One of the most important scenarios, due to the demographic shift, and particularly in family-owned business, is the successor and continuity plan that defines how and by whom the continuity of the enterprise is secured if contemporary entrepreneur retires, dies, or gets hurt or sick, and can't continue in his/her role.

This is a challenge also on point of view of sustainable development: How can we guarantee moderate growth, or any growth at all, if we are losing enterprises and jobs. It has been estimated that every year, only in the European union, tens of thousands of workplaces are endangered due to missing successor or failed business transfer.

The need of growth

Unlike the most fanatic climate change believers state, the moderate growth is an essential part of sustainability, particularly to be able to work for societal, social, and economic goals of sustainable development. However, the challenge in the growth is, that its benefits are contemporary distributed unevenly. To be able to support sustainability, and particularly to support quality education (SDG 4), decent work (Part of SDG8), industry, innovation, and infrastructure (SDG 9) or reduced inequalities (SDG 10), some examples too be named, it is necessary to maintain evenly distributed moderate growth which guarantees the economic activities producing jobs, enabling incomes (and taxes, of course) with which the education, health services, innovations and investments to industry and infrastructure are funded. Those, who criticise the idea of ever-lasting growth, are often arguing that laissez-faire-capitalism, which is

seen to be behind the ultimate growth, has a tendency to create economic inequality between the countries and between the citizens (Stewart, 2015). According to Stewart, to gain ideal moderate growth that would distribute the benefits evenly and just around the world, a common policy, regulations, and consensus on how to support this growth and how to control that the most powerful companies and countries are not distraining the benefits. Said in one sentence, in economic aspect the challenge is to make sure that the SME-firms and small countries have the same opportunity to benefit the sustainable economy as have the big ones. But this is not enough.

Stewart (2015) highlights also the importance to ensure, that the growth is not prioritised at the expense of environment. Joyeeta Gupta and Courtney Vegelin (2016) on their site identify the risk that SDG agenda could be hijacked by the ecological and developmental interests and focus on economic growth at the cost of the other aspects. With other aspects they mean social and societal issues like education, health care and non-discrimination. They also conclude that SDG implementation processes seems to focus more on social inclusiveness than on ecological and relational inclusiveness. Although the thoughts of both Stewart and Gupta & Vegelin concerning the growth as a part of sustainable development goals seems to be contradictory and conflicting, their works, like many other works, emerge the need for more holistic view of growth as an important facilitator of both sustainability and entrepreneurship. This point of view opens a way for new kind of entrepreneurship that is based on sustainable entrepreneurial ecosystems (Volkman, et al., 2019). In the era of social media, it has become more than obvious, that growth is not the only environmental variable that is needed for successful business. Business should also be acceptable in the eyes of people, otherwise it has no successful future (Carroll, 1998). The requirement for acceptable business policies has during the past two decades become more topical than it was in the late 1990's. A fresh research conducted by pension insurance company Varma in Finland, and published 13th April 2021 states that no matter how profitable the investment would be, the majority of people do not want to invest their money in branches that are seen to be unethical, like gambling, tobacco, cannabis, weapon or adult entertainment. More than 62 per cent of those investing their money by themselves considered that the responsibility of the company is important base for decision making, but approximately 1/3 of the respondents found that it had been easy to find information concerning the responsibility and sustainability of the companies (Varma, 2021). Investment is not the only range of decision making where the sustainability and ethic issues are impacting the choices. The same phenome is seen in daily purchasing of food, clothes, cosmetic... It was already in 2006, when Vermeir & Verbeke found in their research, that young consumers valued the sustainable production, but at that time there was still a lack of such alterna-

tives, or at least there was no information available concerning the ethicality of products (Vermeir & Verbeke, 2006). Contemporary, the situation is another. Information concerning the sustainability and ethicality of the products is widely required and openly available. The big Norwegian consumer good business Orkla tested the consumers' intentions to choose between four versions of home cleaning service with different environmental impacts. The alternative that – according to the information given – was the most secure and environmental-friendly became clearly more probably chosen than the other three alternatives (Bashir, et al., 2020).

Sustainable economy and digitalization

The Norwegian example above shows that sustainability, responsibility, and ethicality are, not only the obligatory properties of contemporary products, services, and business, but also an opportunity to maintain growth and to create new businesses via greening the old habits and ways to think and operate. The Figure 7 shows how the new jobs and sustainable growth can be considered as a top of the pyramid based to sustainability, responsibility, and ethicality. All these five stages together will create the sustainable economy.

Figure 8: Elements of sustainable economy

To be able to transit from extravagant economy to sustainable economy, new business models should be created. At the same time the digitalization causes same kind of requirements and challenges. Can we connect, should we connect and how to connect these? As a matter of fact, they are already connected together in many levels (Aksin-Sivrikaya & Bhattacharya, 2017). European Union, for

example, has nominated digitalization as a important part of its Programme 2030 (European union, 2021). The social media, that can be seen as pure part of the digitalization, has been an important primus motor that has both impacted on and collected the opinions of the people, bringing these opinions to the attention of politicians. Secondly, it is just the enhanced capability of modern supercomputers to collect and compare the weather data that enabled the findings behind the contemporary discourse concerning the greenhouse effect and changing climate. Thirdly, digitalization and networked world gives totally new opportunities to divide the business and work all around the world enabling even the smallest companies to run through the whole world, or to product their products close to their customers without having to despatch them by air freight. These three examples are only the tip of the iceberg, and it is our challenge to create the ecosystems, organizational networks and business chains required (De Felice & Petrillo, 2021) as well as to invent all the opportunities digitalization offers us on our way to the sustainable growth and sustainable economy. However, this development also challenges the societies in many ways. One of the most essential questions is: How to guarantee the equality of the people, that is one of the most important societal goals of SDG:s. At the moment, people do not have equal opportunities to benefit from digitalization. Many people cannot afford the technology due to their poverty, and a lot of people, particularly elderly ones, consider the new technology too complicated and difficult to learn.

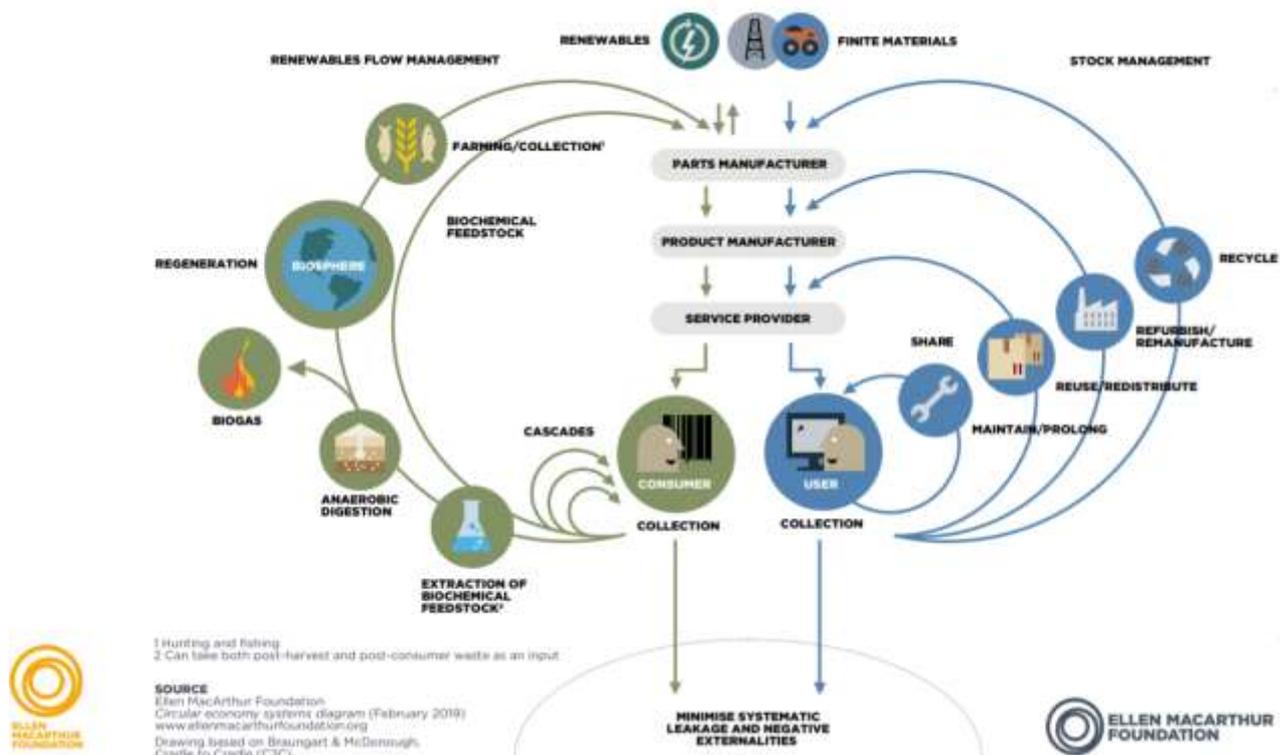
Circular economy

We are in every year using more natural resources than the nature produces. This means that we are spending unrenueable resources like oil and coal, metals, and other minerals. The reserves of unrenueable resources are limited. The Earth's Overshooting Day marks the date when humanity's demand for ecological resources and services in a given year exceeds what Earth can regenerate in that year. In recent years that date has been exceeded in eight months from the start of the year. Parallel with the consumption of natural resources we are producing enormous amounts of waste. This waste is either burned, thrown to the sea, or buried in the ground. The risk in all these methods is pollution: coal oxide, quick silver, other poisonous metals, plastic, some examples to be given. To avoid exhaustive usage of natural resources we should find new ways to reuse all kind of material from waste to old and removable buildings. Developing a working circular economy ecosystem would be both a chance and challenge for any size of companies.

The circular economy is a broad, overarching concept encompassing various materials, products, processes, and actors within different stages in product and value chains. There isthus a wide range of existing policies relevant to circular economy, starting for example from the European Union Packages and ending up in a single company policy and strategies.

Developing a new circular ecosystem requires that companies adopt a new way of thinking and create new business models and business chains. An ordinary linear chain from raw material via production and retailers to the customer and finally to waste is no longer valid. The EllenMacArthur Foundation, one of the forerunner organizations in circular economy, has defined the circular economy to a systemic approach to economic development designed to benefit businesses, society, and the environment. Circular economy is regenerative by design and aims to gradually decouple growth from the consumption of finite resources. Similarly, the aim of the Finnish Innovation Fund Sitra is to accelerate the transition to a fair and competitive circular economy, where companies create circular economy solutions, and how digitalization can promote it.

Circular economy recognises the importance of the economy needing to work effectively at all scales, for any size of companies, for organisations and individuals, globally and locally. The basic starting point towards circular economy is the designing, where waste or pollution does not exist, product and materials are retained in use, and finally natural systems are regenerated. This follows the basic diagram and option in technical and biological cycles of circular economy shown in Figure 9.

*Figure 9: Circular economy technical and biological cycles
(Ellen MacArthur Foundation available
<https://www.ellenmacarthurfoundation.org/circular-economy/concept/infographic>).*

Circular economy is linking together growth and planet's diminishing natural resources. The model is systemic and replaces the traditional take - make – waste linear business models with smarter economic models that encourage more sustainable consumption and increase profitability through effective resource management. Another concept, producer ownership, is getting more and more emphasis nowadays. Producer ownership, as the name indicates, means that products ownership stays with the producer. Customers pay for services sold linked to the product. In circular economy business models are based on the rethinking ownership, where products are shared, rented, repaired, maintained, upgraded, recycled, and reused with the help of various services. (Sitra, 2020). This means that business has not alone to look at cutting costs but also start focusing on rethinking products and services as well as customer propositions.

Sitra (2020 b) divide circular economy business models into five categories: 1) renewability; 2) sharing platforms; 3) product as a service; 4) product-life extension; and 5) resource efficiency and recycling. In the renewability model design and manufacturing of products is based on using renewable and recyclable materials as well as renewable energy in manufacturing. Sharing platform models integrate digital platform to facilitate renting, selling, sharing and reuse of products and resources. In the product as a service model services are the main selling point, i.e. service replaces the actual product. Products lifetime can be extended by maintaining, repairing, and refurbishing it. This model is called product-life extension. The fifth one includes resource efficiency, which means both energy efficiency and the traditional recycling of products.

The producer ownership models are shown in the Figure 10. The models of producer ownership are product-as-a-service, material-as-a-service, performance-as-a-service and function guarantees. The difference with these models to the circular economy is that the service provider takes responsibility for the entire life cycle of the product or materials.

Companies of all sizes can already now begin to take steps towards circular business models, gaining both an economic and competitive advantage, and environmental and social benefits. Another driver toward circular economy is the customers, who are progressively environmentally conscious and demand sustainable products. Digitalization and utilization of increased amount of data should be analysed and solutions linked to the circular economy approaches. The main question is how could these foster the circular economy business models and their implementation in companies? Digitalization will definitely change the operating models. There are several circular economy business and producer ownership models available as shown earlier, so companies should find a suitable model or a combination of models for their own operations. To succeed in this process, they have to rethink the whole business operation and

value chain, i.e. cost management, products, services and customers. Esposito et.al. (2018) stated in their research that companies face a new paradigm because shifting to circular economy force them to rethink their stakeholders who lose out in the circular economy and must create organizational designs that facilitate adoption of the circular model.

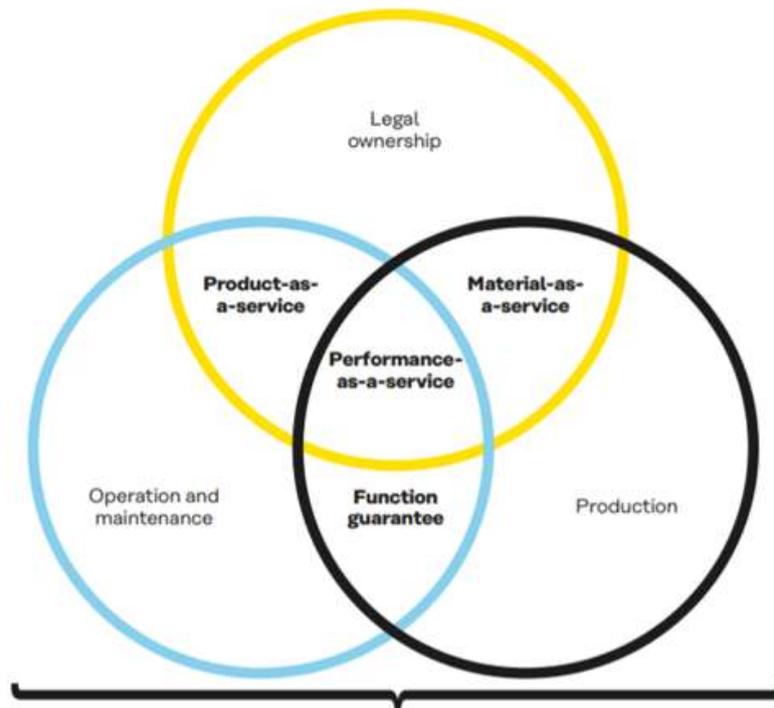

Figure 10: Producer ownership models (Orasmaa et.al. 2020, available <https://media.sitra.fi/2020/12/02164106/rethinking-ownership.pdf>)

The Finnish Government launched the circular economy strategy in the beginning of 2021. The strategy named New directions – The strategic programme to promote a circular economy emphasizes not only the economy and technological solutions, but the role of decision-making and planning in society and in the attitudes and behaviour of companies, households, and consumers in striving toward carbon-neutral circular economy (Finnish Government, 2021). Despite the challenges, linking digital and circular economy solutions together offer huge opportunities to companies. Data management, intelligent solution and digitalization make it possible to promote resource efficiency and to monitor and control the circular economy, also in the global scale. In addition, intelligence enables the creation of added value for products, and digital solutions enable product-as-a-service business models. However, shift to circular economy business models will take time and will not be easy in every respect but, in the future, companies that apply new models will take over markets from companies unable to renew themselves.

Circular Economy Centre (CEC) at Cambridge Judge Business School has estimated that in Europe 90% of raw materials used in manufacturing become waste before the product leaves the factory, while 80% of products made get thrown away in the first six months of their existence. These figures clearly show the need to develop processes and synergies between multiple companies to compliment the mutual support. Numerous industries can incorporate circular economy in their processes. One example is the construction industry, which is a raw-material intensive and produces a significant amount of CO₂ emissions. The 2020 Global Status Report for Buildings and Construction (Global Alliance for Buildings and Construction, 2020) revealed that the energy-related CO₂ emission share is 38% of total energy-related emissions in the globe. The report calls for emerging actions in materials and circular economy, nature-based solutions, reciprocal relationship between housing and health and wellbeing and sustainable cooling solutions. All these actions need collaboration between public and private actors, across the entire value chain and across mitigation, adaptation, and health agendas.

Sustainability and sustainable development are everyone's matter

Sustainability and sustainable development concern all of us. This is why the diversity of state of art and attitudes towards the sustainability and sustainable development goals in different countries is one of the biggest challenges on our march towards the more sustainable societies, communities, cities and business: In common, the developing countries are seen to be decades behind the developed countries in topics like energy efficiency, environmental issues and issues concerning economic growth, equality and health (United Nations Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division, 2021). The reasons for this are historical and cultural. How to motivate people for recycling, decreasing the CO₂-emissions and adopting the ideas of equality and women's rights to their body, if their only thought is "How to find enough food to survive", or if their priests continuously manifest "man's right to his property – including women and children..."

In developed countries the diversity of state of art and attitudes in different branches creates same kind of challenges than presented above. Although most of the enterprises and entrepreneurs are or at least they should be aware of the sustainability, there may be branch-specific cultural properties, attitudes and circumstances that in practice cause that principles of responsibility and sustainability are forgotten or ignored. Let's have an example: The construction industry is in many countries at least years behind the other industrial branches in implementing and adopting both digitalization (Oliver Wyman, 2018) and principles of sustainable and responsible business in their strategies (Xiaa, et al., 2018). The reasons are the same than in case of developing countries: Historical and cultural, but in this case the culture of branch and organizations have

the biggest impact. How to get the managers, owners, and other stakeholders of the companies to pay attention to issues approaching sustainable development and digitalization? In Finland, the biggest companies have reacted to the requirements of the people and markets by publishing for example a roadmap towards low carbon construction (<https://www.gaia.fi/news-archive/building-a-roadmap-towards-low-carbon-construction/>) but due to the culture of the branch each remotely bigger construction plant contains multiple levels of subcontractors, mostly smaller companies, many of them coming abroad, and in worst cases both unaware and ignoring the local regulation and instructions given by main contractor and developer.

Reporting company's values

It is important for the companies to report their environmental, economic, and social impacts, thus sustainability reporting has been increasingly adopted by companies worldwide. The transparent reporting shows stakeholders, investors, societies, company personnel, etc. how the set targets and strategies are reached, i.e. how committed the company is in sustainability issues. The variety of sustainability tools and indicators is huge. Some of the tools deal with single item, such as footprints or handprints, some are international standards, and some are comprehensive corporate reporting tools, such as Global Reporting Initiative (GRI).

Footprints have a variety of calculation tools, which can be utilized in multiple ways, such as calculating the footprints of an entire company, a process, or a product. In a broader scope, footprints are good tools to mitigate climate change. In the company scale, the main benefits of footprints are cost benefits, i.e. savings in energy and water. Footprint may also increase sales, help in public tenders, and particularly show corporate responsibility. Whereas carbon footprints describe the emissions and negative climate impacts of products or company, carbon handprints show the positive impact that the product or company can create. Handprints are used to demonstrate the improvements of the products, service or process result related to environmental sustainability.

The International Organization for Standardization (ISO) has identified hundreds of standards that correspond to the SDGs. Depending on the standards, they tackle to the economic, environmental, or social issues. From a business perspective, economic standards help in international trade and support sustainable business practices. Environmental related standards help business to manage environmental systems and environmental impacts, and social standards help to improve health and well-being. (ISO, 2018) The most commonly used standards in companies are ISO 9001 (Quality management), ISO 14001 (Environmental Management), ISO 45001 (Occupational Health and Safety replacing the former ISO 18001), and ISO 26001 (Social Responsibility). However, the last standard on social responsibility cannot be certified. For compa-

nies, the Eco Management and Audit Scheme (EMAS) offers a management instrument with which companies can evaluate, report, and improve their environmental performance (European Commission, 2021)

Global Reporting Initiative (GRI) offers a broad sustainability reporting tool for large and small companies. This standard set ensures that the comprehensive data produced can cover multiple reporting requirements, such as SDGs and carbon disclosure (CDP) and many more. (GRI, 2021) GRI is the most widely used sustainability reporting framework in the world. It is a reporting tool, which enable companies to report on their economic, environmental, social and governance performance. When company can transparently report their impacts, they also can develop their impacts more effectively.

How and what reporting means companies use depends on the sector and size of the company. If the company is working in a global scale, it definitely needs to show transparently it's activities. The legal framework in each country stipulates the requirements reporting. For example, in Finland only large companies have obligation to report financial statements, environmental protection, social responsibility and treatment of employees, respect for human rights, anti-corruption and bribery, and diversity on company boards. However, small and medium size companies use standards, such as ISO, to show SDGs compliance. The public tenders more often include requirements of official environmental systems in use.

Conclusion

Although the concept of sustainable development has got its contemporary form during the past 50 years, it has its roots both in thoughts of ancient philosophers, the ideas of the authors of the Age of Enlightenment, the findings of modern science and the worries of contemporary youth concerning the state of Nature, stability of societies and the future of their children. Having such a diversified background, it is no wonder, that the concept is complex, difficult to understand and continuously under construction, changing and developing parallel with the societal, environmental, and economic discourse. However, it has been accepted as a kernel of a political agendas aiming to tackle the problems caused by climate change, inequality, and overexploitation of nature reserves.

The sustainable development goals, SDGs, accepted by the General Assembly of United Nations in 2015, are the embodiment of these politic agendas. The seventeen goals are simplifying the targets we should achieve, not only in environmental protection, but also in societal, social, and economic issues. This multidimensionality challenges, not only the politicians but also the enterprises, entrepreneurs, researchers, and ordinary people all over the world. The biggest challenge is to understand that it is not only the climate change we are fighting against, but also against pollution of water and earth, against hunger, illnesses, poverty, poor education, and inequality.

Sustainable business is a collaborative part of stable, peaceful, well ordered society in which the welfare of people and nature is behind all decision making. Although it is seen challenging to reach the goals, seeking the goals also gives huge opportunities to companies and accelerates the birth of totally new green economy.

DISCLAIMER

This paper has been written within the framework of project WWW&CE. The project “WWW&CE” has been co-funded by the Erasmus+ Programme of the European Union. Responsibility for the information and views set out in this article lies entirely with the authors.

Literature

1. The Strategic Futures Group, 2021. *Global Trends 2040 - a More Contested World*, Washington DC: The US National Intelligence Council.
2. Aksin-Sivrikaya, S. & Bhattacharya, C., 2017. Where Digitalization Meets Sustainability: Opportunities and Challenges. In: T. Osburg & C. Lohrmann, eds. *Sustainability in a Digital World*. Cham: Springer, pp. 37-49.
3. Anthesis and the Water Footprint Network, 2014. *Energising the drops: Towards a holistic approach to carbon & water footprint assessment*. [Online] Available at: https://waterfootprint.org/media/downloads/holistic_approach_carbon_water-1.pdf [Accessed 3 May 2020].
4. Bashir, H., Jørgensen, S., Pedersen, L. J. T. & Skard, S., 2020. Experimenting with sustainable business models in fast moving consumer goods. *Journal of Cleaner Production*, 270(October 2020).
5. Bocken, N. M. P., Short, S. W., Rana, P. & Evans, S., 2014. A literature and practice review to develop sustainable business model archetypes. *Journal of Cleaner Production*, Volume 65, pp. 42-56.
6. Bohr, J., 2016. The ‘climatism’ cartel: why climate change deniers oppose market-based mitigation policy. *Environmental Politics*, 25(5), pp. 812-830.
7. Bond, A., Morrison-Saunders, A. & Pope, J., 2012. Sustainability assessment: the state of the art. *Impact Assessment and Project Appraisal*, 30(1), pp. 53-62.
8. Bornschier, S., 2010. The new cultural divide and the two-dimensional space in Western Europe. *West European Politics*, 33(3), pp. 419-444.
9. Brown, H. S., de Jong, M. & Lessidrenska, T., 2009. The rise of the Global Reporting Initiative: a case of institutional entrepreneurship. *Environmental Politics*, 18(2), pp. 182-200.
10. Carroll, A. B., 1998. The Four Faces of Corporate Citizenship. *Business and Society Review*, Volume 100/101, pp. 1-9.

11. Chasek, P. S. et al., 2016. Getting to 2030: Negotiating the Post-2015 Sustainable Development Agenda. *RECIEL*, Volume 25, pp. 5-14.
12. De Felice, F. & Petrillo, A., 2021. An interdisciplinary framework to define strategies for digitalization and sustainability: Proposal of a 'digicircular' model. *IET Collaborative Intelligent Manufacturing : Special Issue: Selected Papers from Collaborative and Intelligent Manufacturing in Industry 4.0* , 3(1), pp. 75-84.
13. Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 2019. *World Population Prospects 2019*. [Online] Available at: <https://population.un.org/wpp/> [Accessed 2 June 2020].
14. Du Pisani, J. A., 2006. Sustainable development – historical roots of the concept. *Environmental Sciences*, 3(2), pp. 83-96.
15. Esposito, M., Tse, T. & Soufani, K., 2018. Introducing a Circular Economy: New Thinking with New Managerial and Policy Implications. *California Management Review*, 60(3), pp. 5-19.
16. European Commission, 2021. *Eco-Management and Audit Scheme*. [Online] Available at: https://ec.europa.eu/environment/emas/index_en.htm [Accessed 2 May 2021].
17. European union, 2021. *Europe's Digital Decade: digital targets for 2030*. [Online] Available at: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en [Accessed 30 April 2021].
18. Finnish Government, 2021. *Uusi suunta - Ehdotus kiertotalouden strategiseksi ohjelmaksi (In Fnnish)*. 1 ed. Helsinki: Publications of Finnish Government.
19. Gasbarro, F., Iraldo, F. & Daddia, T., 2017. The drivers of multinational enterprises' climate change strategies: A quantitative study on climate-related risks and opportunities. *Journal of Cleaner Production*, 160(September 2017), pp. 8-26.
20. Gibson, R. B., 2006. Beyond The Pillars: Sustainability Assessment as a Framework for Effective Integration of Social, Economic and Ecological Considerations an Significant Decision-Making. *Journal of Environmental Assessment Policy and Management*, 8(3), pp. 259-280.
21. Global Alliance for Buildings and Construction , 2020. *2020 Global Status Report For Buildings and Construction*, Nairobi, Kenya: United Nations Environment Programme.
22. GRI, UN Global Compact & WBCSD, 2015. *SDG Compass - The guide for business*. [Online] Available at: https://sdgcompass.org/wp-content/uploads/2016/05/019104_SDG_Compass_Guide_2015_v29.pdf [Accessed 1 May 2020].

23. GRI, 2021. *Global Reporting Initiative*. [Online] Available at: <https://www.globalreporting.org/> [Accessed 2 May 2021].
24. GRI, 2020. *About GRI*. [Online] Available at: <https://www.global-reporting.org/information/about-gri/Pages/default.aspx> [Accessed 23 June 2020].
25. GRI, 2021. *Global Reporting Initiative*. [Online] Available at: <https://www.globalreporting.org/> [Accessed 2 May 2021].
26. Gunn, I. W., 1970. Education For Attainability Through Engineering. *WIT Transactions on Ecology and the Environment*.
27. Gupta, J. & Vegelin, C., 2016. Sustainable development goals and inclusive development. *Int Environ Agreements*, Volume 16, pp. 433-448.
28. Hall, J. D., 2005. The Long Civil Rights Movement and the Political Uses of the Past. *The Journal of American History*, 91(4), pp. 1233-1263.
29. Hall, J. D., 2005. The Long Civil Rights Movement and the Political Uses of the Past. *The Journal of American History*, 91(4), pp. 1233-1263.
30. Hall, J. D., 2005. The Long Civil Rights Movement and the Political Uses of the Past. *The Journal of American History*, 91(4), pp. 1233-1263.
31. Hand, C. M. & Van Liere, K. D., 1984. Religion, Mastery-Over-Nature, and Environmental Concern. *Social Forces*, 63(2), pp. 555-570.
32. Holden, E., Linnerud, K. & Banister, D., 2014. Sustainable development: Our Common Future revisited. *Global Environmental Change*, Volume 26, pp. 130-139.
33. ISO, 2018. *Contributing to the Sustainable Development Goals with ISO standards*. [Online] Available at: <https://www.iso.org/files/live/sites/isoorg/files/store/en/PUB100429.pdf> [Accessed 2 May 2021].
34. Jevons, W. S., 1866. *The Coal Question*. s.l.:s.n.
35. Kyte, R., 2014. *Climate Change Is a Challenge For Sustainable Development*. [Online] Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/speech/2014/01/15/climate-change-is-challenge-for-sustainable-development> [Accessed 2 June 2020].
36. Malthus, T. R., 1798. *An Essay on the Principle of Population*. Reproduction ed. London: by Project Gutenberg (2009).
37. Marsh, G. P., 1867. *Man and Nature*. Published by Project Gutenberg in 2011 ed. New York: CHARLES SCRIBNER & CO.
38. Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J. & Behrens, W. W. I., 1972. *The Limits of Growth - A Report for THE CLUB OF ROME'S Project on the Predicament of Mankind*. 5th Print 1972 ed. New York: Universe Book.
39. Merriam-Webster, Incorporated, 2020. *Merriam-Webster Dictionary*. [Online] Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/social> [Accessed 10 June 2020].
40. Mill, J. S. & Laughlin, J. L. (., 1885. *Principles Of Political Economy*. New York: Project Gutenberg (2009).

41. OliverWyman, 2018. *Digitalization of the Construction Industry: The Revolution Is Underway*, Paris: OliverWyman.com.
42. Purvis, B., Mao, Y. & Robinson, D., 2019. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins. *Sustainability Science*, Volume 14, pp. 681-695.
43. Sinakou, E., Boeve-de Pauw, J. & Van Petegem, P., 2019. Exploring the concept of sustainable development within education for sustainable development: implications for ESD research and practice. *Environment, Development and Sustainability*, Volume 21, pp. 1-10.
44. Sindico, F., 2016. Paris, Climate Change, and Sustainable Development. *Climate Law*, 6(1-2), pp. 130-141.
45. Sitra, 2020 b. *The Most Interesting Companies In Circular Economy In Finland 2.1*. [Online] Available at: <https://www.sitra.fi/en/projects/interesting-companies-circular-economy-finland> [Accessed 28 April 2020].
46. Sitra, 2020. *Rethinking Ownership: Producer Ownership Models in a Circular Economy (Orasmaa, Laurila & Liimatainen)*. [Online] Available at: <https://media.sitra.fi/2020/12/02164106/rethinking-ownership.pdf> [Accessed 28 04 2021].
47. Sohn, L. B., 1973. The Stockholm Declaration on the Human Environment. *THE HARVARD INTERNATIONAL LAW JOURNAL*, 14(3), pp. 423-515.
48. Stewart, F., 2015. The Sustainable Development Goals: a comment. *Journal of Global Ethics*, 11(3), pp. 288-293.
49. UN, 2020. *About the sustainable development goals*. [Online] Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> [Accessed 23 June 2020].
50. Unerman, J. & Bebbington, J., 2018. Achieving the United Nations Sustainable Development Goals An enabling role for accounting research. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 31(1), pp. 2-24.
51. Unerman, J. & Bebbington, J., 2018. Achieving the United Nations Sustainable Development Goals An enabling role for accounting research. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 31(1), pp. 2-24.
52. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division, 2021. *Sustainable development goal indicators - United Nations Global SDG Database*. [Online] Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database/>[Accessed 30 April 2021].
53. United Nations, 2019. *Climate Change*. [Online] Available at: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/climate-change/>[Accessed 2 June 2020].
54. Van Zon, H., 2002. Geschiedenis & duurzame ontwikkeling. Duurzame ontwikkeling in historisch perspectief: enkele verkenningen.. In: G. Nijmegen, ed. *Werkgroep Disciplinaire Verdieping Duurzame Ontwikkeling..* s.l.:s.n.

55. Varma, 2021. *Naiset suhtautuvat miehiä tiukemmin kannabikseen, aikuisviihteeseen ja aseisiin – Varma tutki, mihin suomalaiset eivät halua eläkevaroja sijoitettavan (In Finnish)*, Helsinki: Eläkevakuutusyhtiö Varma Pension Insurance Company .

56. Vermeir, I. & Verbeke, W., 2006. Sustainable Food Consumption: Exploring the Consumer “Attitude – Behavioral Intention” Gap.. *J Agric Environ Ethics*, 19(April 2006), pp. 169-194.

57. Vogel, D., 2001. How Green Is Judaism? Exploring Jewish Environmental Ethics. *Business Ethics Quarterly*, 11(2), pp. 349-363.

58. Volkmann, C., Fichter, K., Klofsten, M. & Audretsch, D. B., 2019. Sustainable entrepreneurial ecosystems: an emerging field of research. *Small Business Economies*, pp. 1-9.

59. Wallace, A. R., 1898. *The wonderful century : its successes and its failures*. Hathi Trust Digital Library version scanned by Google ed. New York: Dodd, Mead.

60. Whitehead, J., 2017. Prioritizing Sustainability Indicators: Using Materiality Analysis to Guide Sustainability Assessment and Strategy. *Business Strategy and the Environment*, Volume 26, pp. 399-412.

61. Willis, A. C. A., 2003. The Role of the Global Reporting Initiative’s Sustainability Reporting Guidelines. *Journal of Business Ethics*, Volume 43, pp. 233-237.

62. Xiaa, B. et al., 2018. Conceptualising the state of the art of corporate social responsibility (CSR) in the construction industry and its nexus to sustainable development. *Journal of Cleaner Production*, 195(September), pp. 340-353.

Кари К. Лиля, д-р техн. наук

Сирпа Санделин, д-р техн. наук

Университет прикладных наук Сатакунты

sirpa.sandelin@samk.fi

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Устойчивое развитие и ответственный бизнес стали развивающимися темами в дисциплине управления бизнесом в течение последнего десятилетия. Современные опасения по поводу изменения климата и беспокойство относительно парникового эффекта повысили инте-

рес к устойчивому развитию. Однако большинство видов предпринимательской деятельности, которые, как утверждается, следуют тезисам устойчивого развития, затрагивают отдельные темы, такие как загрязнение, климат, углеродная нейтральность, использование ископаемого топлива, микропластики океанов или равенство. С точки зрения устойчивости беспокойство по поводу одного вопроса охватывает только одну или несколько из 17 целей устойчивого развития, представленных Программой развития ООН.

Применение принципов устойчивого развития в бизнесе является сложной задачей. Концепции устойчивости и устойчивого развития-это исчерпывающие, всеобъемлющие концепции, которые нельзя разделить на части и выбрать ту часть, которая наиболее подходит или которую легче всего достичь. Но, с другой стороны, понятия настолько широки, что невозможно охватить все элементы одним видом деятельности или одной фразой в бизнес-плане. Третья точка зрения заключается в том, что в дополнение к тому, что освещаются проблемы устойчивого развития существующего бизнеса, сетей поставщиков, производителей и розничных торговцев, всей экосистемы, это также дает возможность внедрять инновации и создавать совершенно новые бизнес-идеи, которые удовлетворяют спрос на ответственные и устойчивые продукты и услуги. Это позитивная задача-выяснить эти новые возможности, имея в виду, что в то же время цифровизация вызывает те же самые требования, проблемы и возможности.

Существуют также проблемы, вызванные разнообразием современного состояния и подходов в различных отраслях. Например, строительная отрасль во многих странах отстает от других отраслей промышленности как по цифровизации, так и по устойчивости как минимум на 50 лет. Кроме того, размер предприятия влияет на ответственность и устойчивость бизнеса.

Разнообразие современного состояния и взглядов в разных странах, а также недостаток знаний у людей и политиков ставят под сомнение процесс принятия политических решений, необходимый для учета устойчивости и ответственности в законодательстве. В целом считается, что развивающиеся страны на десятилетия отстают от развитых стран в таких вопросах, как энергоэффективность, экологические проблемы и вопросы, касающиеся экономического роста, равенства и здравоохранения.

В этом докладе будет обсуждаться, как решить проблемы, представленные выше, и как обеспечить, чтобы, по крайней мере, все соответствующие цели были рассмотрены. Будет выяснено, что чем больше мы концентрируемся только на самых актуальных вопросах, тем труд-

нее может быть найдено решение, которое соответствовало бы принципам устойчивого развития. Например, с точки зрения устойчивости, не стоит бороться с изменением климата, если единственное разумное решение увеличивает неравенство. Таким образом, мы должны быть очень осторожны при разработке нашей политики и деятельности, связанных с устойчивым развитием.

Ключевые слова: устойчивое развитие, изменение климата, ответственный бизнес, концепция тройного критерия, циркулярная экономика, инициатива по глобальному предоставлению информации.

Dr. Paula Lindroos
Uppsala University
Åbo Akademi University
Paula.Lindroos@abo.fi

REFLECTIONS ON EDUCATION IN A TIME OF CHANGE

Abstract. Current educational landscapes has drastically changed and encounter local as well as global challenges.

Keywords: sustainable development, HEIs, globalisation, technology.

Current educational landscapes encounter local as well as global challenges. A relevant question is if education changes in relation to the challenges? Without exaggeration, one can say that the educational landscape has drastically changed during the last decades. One example is the implementation of distance learning. Another example is the shift from input-based to output-based education, with the new focus on competences and learning outcomes. From the huge changes also follow that it will be important to provide teachers and associated educational staff with the optimal tools to meet the challenges of their future work life.

There is often a gap found between slow-moving education systems and the rapidly changing work-life in our societies. Which sustainability-related competences do teachers and students need to master the changes? How do the changes influence learning? The creation of new knowledge has increasingly become an issue at policy level, and learning is most likely going to become a meta-skill in the future working life in our societies. The willingness and moti-

vation to learn new things are seen as essential in the development of a creative and knowledge-intensive economy and society, in which learning should be a continuous experience.

A variety of factors influences the changes. Too often focus is on digitalization and technology, while other factors tend to be ignored or underscored. However, there seems to be a growing consensus that the main drivers expected to shape future developments are globalisation, technology, demography and climate change. At the same time there are also the ongoing ambitions to integrate the UNs SDG Goals. Policy support for teachers are found in the UNESCO GAP Priority Action Areas, such as “Transforming learning and training environment”, and “Building capacities of educators and trainers”.

There are many good examples of regional and international SD-collaborations and networking in higher education, where different kinds of expertise are combined into new programmes and courses. The expertise is shared and so the opportunity to produce larger multi-disciplinary studies is enhanced. However, the paradox of the mobile researcher and the immobile teacher is still very much valid. Even if they are one and the same person, when travelling to conferences and workshops the role of teacher is usually left at home. This phenomenon may be explained by the more national nature of education systems, curricula etc, in comparison to the “borderless research” approach.

Among generic problems inhibiting sustainability approaches at universities one may name firstly, that the “silo” thinking and planning is still dominant, secondly the globally reduced education and research budgets. Courses on SD are often found in the category of voluntary activities and therefore always in the risk zone. Thirdly, the many short-living projects with limited opportunities to have an impact.

Д-р Паула Линдрос
Университет Уппсала
Университет Академия Або
Paula.Lindroos@abo.fi

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Аннотация. Современные образовательные ландшафты кардинально изменились и сталкиваются как с локальными, так и с глобальными вызовами.

Ключевые слова: устойчивое развитие, вузы, глобализация, технологии.

Peter Vangsbo
 Head of Innovation Centre Denmark
 Embassy of Denmark in South Korea
 petvan@um.dk

UNLOCKING THE POTENTIAL OF SMEs FOR THE SDGs: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Abstract. The article is devoted to the potential of SMEs in achieving SDGs. Taking into account OECD data the role of SME as in the developing and middle income countries it is hard to overestimate its influence on national economics. On other hand SME undertake leading role in creating new jobs and develop national economies, so SMEs are taking a lead in helping to meet most of the economic-related SDGs. Article also reveals the problem of SMEs access to the finance. SMEs development and SDGs achievement are deeply interrelated. At the ending there is a reasoning of integration of SDGs into national economy strategy including development of state-business relations.

Keywords: SDGs, SME, national economy, state-business relations.

Recent studies show that small and medium enterprises (SMEs) account for an overwhelming majority of private sector business and economic activity in both developed and developing countries. Given the role of micro-, small- and medium-sized enterprises (MSMEs)¹ in the global economy, it is essential to understand their importance and potential contribution to the Sustainable Development Goals (SDGs)²

According to the World Bank³ and the OECD⁴, multiple reasons explain why MSME development is critical for achieving the SDGs:

MSMEs play an important role in most national economies, particularly in developing and middle income countries. Formal MSMEs contribute up to 45% of total employment and up to 33% of Gross Domestic Product (GDP) in

¹ According to the IFC, in general, MSMEs are defined by as follows – micro enterprises: 1–9 employees; small: 10–49 employees; and medium: 50–249 employees. However, in the majority of countries, this definition differs from the local definitions not only by number of employees, but also by inclusion of other variables such as turnaround and assets.

² The 2030 Agenda for Sustainable Development adopted in 2015 has established Sustainable Development Goals (SDGs) and targets demonstrating the joint commitment of Member States to free humanity from poverty, secure a healthy and sustainable planet, and to build peace and inclusive societies that promote prosperity and dignity for all.

³ World Bank. Small and Medium Enterprise Finance www.worldbank.org/en/topic/sme-finance

⁴ OECD, 2017. Unlocking the potential of SMES for the SDGs <https://oecd-development-matters.org/2017/04/03/unlocking-the-potential-of-smes-for-the-sdgs>

emerging market economies. These numbers would be significantly higher when informal MSMEs are included.

Look at the data. In the OECD countries where SME definitions are comparable, the contribution of SMEs to national employment ranges between 53% in the United Kingdom to 86% in Greece. The contribution of SMEs to national value-added¹ is between 38% in Mexico and 75% in Estonia. The SME share of economic activity is typically larger in OECD economies than in emerging-market economies, reflecting a mix of stronger SME productivity levels in the former and higher rates of economic informality in the latter. In emerging-market economies, SMEs are responsible for up to 45% of jobs and up to 33% of national GDP. These numbers are significantly higher when informal businesses, which are often more than half of the total enterprise population, are included in the count.

It is a fact that MSMEs are major creators of jobs. In emerging markets, 4 out of 5 new positions in the formal sector were created by MSMEs, which is about 90% of total employment. The World Bank reports that 600 million jobs will be needed in the next 15 years to absorb the growing global workforce, mainly in Asia and sub-Saharan Africa.

MSMEs are particularly important for job creation and innovation, especially in rural areas and amongst women and other socially disadvantaged groups. Because of their role and place in national economies, MSMEs are taking a lead in helping to meet most of the economic-related SDGs, including promoting inclusive and sustainable economic growth, increasing employment opportunities and decent work especially for the poor, advancing sustainable industrialisation and innovation, and creating a positive push for a higher quality of life, better education and good health for all.

In short, MSMEs are crucial to the Leaving No One Behind principle that is central to the 2030 Agenda.

In Singapore², for example, more than 100 000 SMEs, which account for 70% of the country's total SMEs, use business support programmes organised by the governmental enterprise development agency and centres. It is becoming increasingly important for governments to allocate the necessary resources, services and funding to worthy MSMEs and start-ups. Equally important is providing these MSMEs and start-ups with a platform to share and transfer knowledge across the business ecosystem, not only with each other but also with the investors, research centres and other stakeholders upon which they will ultimately depend.

¹ OECD (2017), *Financing SMEs and Entrepreneurs 2016: An OECD Scoreboard*, OECD Publishing.

² 6. Y. Sato. *Development of Small and Medium Enterprises in the ASEAN Economies* www.jcie.org/japan/j/pdf/pub/publst/1451/9_sato.pdf

SMEs will have a leading role to play

Given these numbers, the Sustainable Development Goals (SDGs) launched by the United Nations in 2015 can only be achieved if countries manage to build up strong SMEs. SMEs will have a leading role to play in meeting the most “economic” of the SDGs: promoting inclusive and sustainable economic growth, employment, and decent work for all (goal 8) as well as promoting sustainable industrialisation and fostering innovation (goal 9). Indeed, SMEs are already a major source of jobs across all economic sectors and geographical areas.

They provide income and access to public services to high- and low-skilled people and those living in well-off and lagging regions. SMEs are also increasingly engaged in addressing societal needs through market mechanisms. Many social enterprises in particular contribute to delivering public goods and services such as healthcare or waste management, while often employing people at the margins of the labour market. SMEs are key drivers of innovation, a point driven home by economist William Baumol in concluding that most breakthrough innovations in recent decades have come from new and small firms because, contrary to large enterprises, they can work outside dominant paradigms and without strong ties to existing products and technologies. In addition, SMEs can reduce income inequalities (goal 10) if they are enabled to provide good-quality jobs. They can help cities become more inclusive, for instance, through urban regeneration projects that emphasise SME development. And, they can help achieve gender equality and women’s empowerment through women’s entrepreneurship.¹

Access to finance

First, access to finance is a common problem for businesses. It disproportionately affects new and small enterprises. Information asymmetries in the credit market, lack of collateral and fixed costs for banks in processing loan applications are some of the well-known problems affecting access to bank finance for SMEs. The 2008 global financial crisis compounded these problems, as banks are subject to new prudential regulations making lending conditions for SMEs more stringent than before.

It is necessary to improve access to innovative financing and support the development of the necessary infrastructure such as incubators and accelerators that can help to catalyse the development and scaling of sustainable business models. For example, funds to support social enterprises have been established in several countries. Venture capital is also playing an important role in catalyzing the green sector, with venture capital funds being used to spur green entrepreneurship.

¹This is pointed out by the OECD in its final report to the 2012 Ministerial Council Meeting.

Enterprise financing, however, continues to be the grease of the economy, implying that governments should consider alternative country-specific strategies to boost access to finance for SMEs. Many OECD countries, for example, should more forcefully support new approaches to SME and entrepreneurship financing, such as asset-based finance, alternative debt finance, hybrid debt-equity instruments and equity instruments. Alternative sources of finance can reduce debt exposure in SMEs and prove particularly useful to those new and fast-growing firms that are at the core of productivity growth and job creation. In developing economies, where access to formal banking has traditionally been limited to large businesses, banking sector reforms that increase the number of bank branches, introduce existing banks to the principles of small business lending and foster the supply of microcredit for business purposes are all reasonable approaches on the supply side. On the demand side, this should be matched by stronger formalisation and improved financial reporting in the business sector.

The second key intervention involves strengthening the participation of local SMEs in global value chains (GVCs). Tapping into GVCs as domestic suppliers of exporting firms provides SMEs with an indirect opportunity to gain access to foreign markets and foreign technology, with positive effects for SME productivity similar to those of direct exporting. Targeted measures could involve improving managerial skills, with a special emphasis on meeting international product quality certifications and environmental and social standards. They could encourage ICT adoption, as participation in GVCs often requires firms to adopt standard management software programmes such as enterprise resource planning and master ICT solutions such as cloud computing. And such targeted measures also need to focus, yet again, on easing access to finance, not only short-term trade finance such as export credits and export credit insurances, but also “patient finance” to enable longer-term productivity-enhancing investments.

The role of finance in GVCs illustrates that there is no single silver bullet to fulfil the SME potential for the SDGs. What is needed are well-designed and well-targeted programmes for SMEs addressing market and institutional failures in areas such as access to finance, internationalisation, business development services, in-house workforce training, and ICT adoption and training. In short, a whole-of-government approach that introduces regulatory reforms to level the playing field and foster growth is essential for unlocking the productivity of SMEs.

Integrate sustainable development goals into national entrepreneurship strategies

Recognizing entrepreneurs contribution to sustainable development, governments need to ensure that an enabling environment is in place for entre-

preneurs to succeed in relevant fields – such as education or health care. Relevant measures could facilitate the scaling up of their products and services through public-private partnerships or other innovative business models.

Maximising the potential of SMEs requires policy makers to address market and institutional failures, put in place a business environment and policies to make SMEs more productive, and reduce the productivity disparities between SMEs and large firms and between those firms close to the global technology frontier and the rest. These trends are partly the result of the 2008 global recession that had a disproportionate impact on SMEs. But they also result from long-term structural changes in the economy. Lagging firms will need to make more complex investments than before, including in intangible assets, if they are to catch up to leading firms. Productivity gaps by firm size also are typically wider in emerging-market economies than in OECD economies.

So, what channels are available to support SME productivity? Two critical interventions at the firm level, which the SDGs also highlight, are access to finance (SDG 8.3) and participation in global value chains (SDG 9.3).

According to the World Bank, incubators and business accelerators are emerging rapidly across Francophone Africa to support a new generation of young entrepreneurs. Initiatives like Afric'innov, Orange4Development and SPRINT hope to ignite a flourishing MSME sector that is so badly needed to create jobs and generate private sector-led, long-term economic and social development across the continent.

One of the many aspects of MSME development is the concept of social entrepreneurship. Indeed, using business to solve major social and environmental problems is gaining traction in East Africa and parts of West Africa, particularly in agriculture and telecommunications. It embodies the entrepreneurial spirit, long-established already in the West African tradition of market women and in modern examples of successful entrepreneurs as seen with M-Pesa (M for mobile, pesa for money in Swahili) and the social enterprise Esoko that offers apps to train and support farmers in monitoring production, increasing yield and expanding their marketing.

Even with a heightened global commitment to their growth, MSMEs still face multiple challenges, including limited access to finance, a lack of capacity and knowledge, particularly regarding business development, and insufficient marketing and strategic management skills. A report by Intelicap, analysing over 400 enterprises across East Africa, found that around half have not achieved break-even. The report concludes that investments of USD 100 000 to 500 000 are critical for the growth of these enterprises, but demand for such investments outstrips supply.

Unleashing the potential of MSMEs for the SDGs requires transforming policies as well as systemic changes in the way financial markets and institutions operate. This would reduce the constraints MSMEs face in accessing financial resources and catalyse the growth of informal MSMEs into formal ones. And the impact from this would be multiple and far-reaching, unlocking more sources of capital, fueling additional economic growth and generating further employment opportunities¹.

Питер Вангсбо

Руководитель Инновационного центра Дания
Посольство Дании в Южной Корее
petvan@um.dk

РАСКРЫТИЕ ПОТЕНЦИАЛА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена потенциалу малого и среднего предпринимательства в достижении ЦУР. Принимая во внимание данные ОЭСР, роль малого и среднего бизнеса, как в развивающихся странах, так и в странах со средним уровнем дохода, трудно переоценить его влияние на национальную экономику. С другой стороны, малое и среднее предпринимательство играет ведущую роль в создании новых рабочих мест и развитии национальной экономики, так малое и среднее предпринимательство берет на себя лидерство в содействии достижению большинства ЦУР, связанных с экономикой. В статье также раскрывается проблема доступа малого и среднего предпринимательства к финансированию. Развитие малого и среднего предпринимательства и достижение ЦУР глубоко взаимосвязаны. В конце приводится обоснование интеграции ЦУР в стратегию национальной экономики, включая развитие отношений государства и бизнеса.

Ключевые слова: ЦУР, малое и среднее предпринимательство,, национальная экономика, отношения государства и бизнеса

¹ Further reading: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeed2017d6_en.pdf

Краузе Ю.С., д-р полит. наук, проф.
Дрезденский университет прикладных наук
техники и экономики
Julia.krause@htw-dresden.de

МАТРЁШКА – МОДЕЛЬ ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Аннотация. В современном мире, характеризующемся разнообразными экономическими, социальными и экологическими требованиями, а также многочисленными вызовами, вызванными глобализацией, цифровизацией и глобальным изменением климата, необходимо найти пути для устойчивого ведения бизнеса и сосуществования в обществе. Высшие учебные заведения хотят утвердиться в качестве движущей силы устойчивого развития и источника новых идей и процессов для реализации необходимых преобразований и тем самым успешно реализовывать цели Устойчивого Развития (УР) в постоянно меняющейся географической, политической и культурной среде. Но чтобы двигать другими, необходимо прежде всего начать с самого себя. Устойчивое управление начинается с обучения людей, которые будут реализовывать эти идеи в будущем в соответствии с целями Парижского соглашения 2015. Исследования стратегии отдельных учебных заведений показывает, что внедрение идей УР в образовательной сфере проходит скачками и часто охватывает только отдельные аспекты. Для успеха идеи необходим целостный подход, учитывающий и разных игроков, и разные поля деятельности и все цели УР. В данной работе представлен именно такой системный подход к реализации целей устойчивого развития в ВУЗах с использованием модели «Матрёшка».

Ключевые слова: устойчивое развитие; устойчивый университет; устойчивое образование; модель «Матрёшка».

Введение

После принятия 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР) в Париже в 2015 году всё большее количество как социальных, так и экономический актёров передают тематике особое внимание. Прежде всего, высшие учебные заведения (ВУЗы) чувствуют себя ответственными и способными продвигать эту тему в обществе [1, 6, 8]. Во многих учебных заведениях формируются группы для продвижения идей УР [1] и создаются межучережденческие организации, такие как НОСН^N в Германии [2] или SDSN [9] – в интернациональном контексте, которые объединяют усилия, чтобы придать теме еще больший вес и учиться друг у друга. Во

многих университетах также появляются инициативы по публикации их деятельности в области устойчивого развития в форме отчета об устойчивом развитии. Этот отчет является и мотивацией для более конкретной работы внутри самого учреждения и примером для общественности и промышленности.

Однако анализ некоторых отчетов и деятельности локальных (саксонских) и национальных университетов показывает, что у большинства ВУЗов отсутствует системный и стандартный подход, который бы способствовал объективной оценке деятельности и помогал бы другим найти свою красную нить при внедрении идей и результатов УР. Отсутствие стандартного подхода делает сложным восприятие исчерпанности отчета. А если определенная методология устойчивых действий не ясна и не прозрачна, то трудно измерить успех всех действий.

Прежде всего, важно знать, в каких областях и какая деятельность университета может прямо или косвенно способствовать достижению или может стать барьером целей устойчивого развития. Это связано также и с междисциплинарностью всех вопросов и множественной взаимозависимостью, где ярким примером служит пандемия КОВИД-19, оказывающая влияние на наше социальное взаимодействие, наш экономический успех и глобальную экосистему и помогающая нам переосмыслить и перестроить нашу деятельность. Это требует от всех нас более интенсивного обмена знаниями и креативного подхода в решении поставленных перед обществом задач.

Кроме того, для более полного понимания и целостного внедрения идей необходимо учитывать все существующие цели, а не выбирать только те, которые являются очевидными, лёгкими и удобными для выполнения или просто неизбежными, поскольку их пренебрежение в противном случае ведёт к отрицательным явлениям со стороны политики, инвесторов или активной молодежи. Таким образом воплощение идей УР в учебных заведениях должно охватывать все ступени, области деятельности и все прямые и косвенные "заинтересованные стороны".

Анализ воплощения идей устойчивого развития в высших учебных заведениях Саксонии и Германии

Вопросами устойчивого развития занимаются Высшие учебные заведения Германии уже несколько десятков лет¹. Большим толчком в раз-

¹ С 1999 года подтвержденные системы экологического менеджмента (СЭМ) в соответствии с Постановлением ЕС об экоаудите и Схемой экоменеджмента и аудита (EMAS) стали актуальными для эффективной организации устойчивого развития в университетской деятельности и были внедрены в Университете прикладных наук Циттау/Герлица (Саксония), университетах Падерборна, Билефельда, Люнебурга, технических университетах Берлина и Дрездена и др.

витии стратегии УР в Германии послужила с 2015 года координируемая Министерством образования BMBWF программа ЮНЕСКО «Образование для устойчивого развития» (ОУР/BNE) – это образование, которое позволяет людям думать и действовать так, чтобы соответствовать будущему [11]. Причём эта программа нацелена не только на ВУЗы, но и на средние школы, гимназии и даже на образование в детских садах, что представляет собой так же своего рода целостный подход.

В настоящее время 20 немецких университетов внедряют Систему Экологического Менеджмента в соответствии с EMAS или ISO 14001. [3] В дополнение к их оперативной экологической значимости, СЭМ все больше приобретают стратегическое значение для решений и процессов в рамках устойчивого функционирования университетов. К сожалению до сих пор многие университеты подразумевают под программой УР именно экологические вопросы. Проведённый анализ внедрения аспектов Устойчивого Развития в Саксонских ВУЗах показал упор именно на такой подход.

В Саксонии существуют 3 Государственных Технических университета: в Дрездене, Кемнице и во Фрайбурге, один государственный университет в Лейпциге, и 5 Государственных Университета прикладных наук – в Дрездене, Митвайде, Циттау, Цвикау и Лейпциге, 2 частных университета в Дрездене и Лейпциге, 2 частных специализированных университета, 2 церковных и 6 Высших школ Искусств (где количество студентов не превышает одной тысячи).

Аналізу подверглись только государственные Университеты и 5 Университетов прикладных наук. Интересным является тот факт, что хотя тема УР на интернет-страницах университетов обозначается как приоритетной, ни один университет пока не выпустил свой отчёт по УР. В то время как Горная Академия Фрайберга подчёркивает, что является родной творения отца УР, главного рудокопа Фрайберга Ганса Карла фон Карловица, который в 1713 году в связи с горным делом и металлургией впервые установил принцип устойчивости лесного хозяйства и что устойчивое развитие является главной ценностью и руководящим принципом для Академии, из которого вытекает и Миссия учебного заведения обучать и проводить исследования для экологически безопасного снабжения общества ресурсами, необходимыми для глобального экономического роста, она не предоставляет иной информации по возможным проектам.

Университет Кемница информирует посетителей о том, что работа над отчётом ведётся и пока были проведены два семинара с заинтересованными сторонами на эту тему. И этим вопросом занимается в 2017 году созданная на базе экономического факультета кафедра по Экологическому Менеджменту и Устойчивому Развитию.

В ТУ Дрездена нет отчёта по УР, но существуют очень развёрнутый Экологический рапорт, который охватывает экологические показатели потребления энергии, воды, выбросов углекислого газа, утилизации отходов, занимается аспектами зеленых закупок, биоразнообразия и экологического менеджмента. То есть вопросы УР рассматриваются здесь в основном с точки зрения экологии.

В Университете Прикладных наук Дрездена создана группа по УР, которая пока что находится в поиске тем, вопросов и игроков.

В Университете Прикладных наук Цитау есть ссылка на то, что отчёт по УР разрабатывается.

Остальные Учебные заведения вопрос УР открыто не поднимают.

Если картина в Саксонии пока что говорит о том, что тема УР только развивается, то на территории всей Германии можно найти ряд очень активных игроков, как Университеты Гамбурга, Дюсбург Эссен, Грайфсвальд, Свободный Университет Берлина или Лойфана Университет, которые представляют обширные отчёты по деятельности в области УР за последний год - 2020. Так же необходимо отметить существующую инициативу НОСН^N, спонсируемая Министерством по образованию с 2016 года, которая началась как проект в Университете Гамбурга и которой присоединились 210 партнёров из 113 немецких университетов, среди которых и представители Саксонских университетов. Целью инициативы является создание общенациональной университетской сети для внедрения целей УР и для поиска ответов на вопросы управления, преподавания, исследований, операций и трансфера и общего понимания устойчивости и трансформации в университетской сети. Таким образом почти одна треть всех немецких университетов была интегрирована в сеть НОСН^N. Кроме того, сетевой информационный бюллетень охватывает около 375 подписчиков из университетов Германии.

Почему же такое большое число университетов, хоть и отмечают важную роль Устойчивого Развития, не могут внедрить программу для ориентации и проверки эффективности своих действий в направлении Устойчивого Развития?

Инициатива НОСН^N выявила несколько барьеров внедрения устойчивого развития как отсутствие поддержки со стороны правительства, а также со стороны руководства, недостаточный кадровый потенциал и недостаточная осведомленность на всех уровнях, а так же отсутствие коммуникации внутри и вне организации. Но мне кажется, что главным барьером является отсутствие методики внедрения и методики идентификации возможных тем УР в рамках деятельности учебного заведения.

Внедрение задач устойчивого развития в ВУЗы с помощью Модели «Матрёшка»

Какие области деятельности образовательного учреждения необходимо рассмотреть для обеспечения устойчивого процесса? С чего следует начать? На каких моментах следует сосредоточиться? Чтобы найти ответы на эти вопросы и выработать системный подход для внедрения идей УР в высшие учебные заведения была преемственна модель «Матрёшка» для устойчивого высшего образования.

Модель «Матрёшка» была упомянута впервые для реализации внедрения идей устойчивого развития в промышленную отрасль в 2018 году на конференции „РААТ – Process- and Plant Technology“ в Кёльне, а также опубликована в сборнике научных статей «Устойчивое развитие: вызовы и возможности» под редакцией Е.В. Викторовой в 2020 году. [5]

В чём преимущество модели "Матрёшка"? Матрёшка представляет собой совокупность нескольких фигур, которые только вместе раскрывают смысл самой идеи и которые дополняют друг друга и зависят друг от друга. Она воплощает собой необходимость учитывать разные аспекты, понимать сложность и междисциплинарность тематики, а также необходимое для внедрения нестандартное, инновационное и гибкое мышление. На рис. 1 представлен обзор состава модели матрёшки.

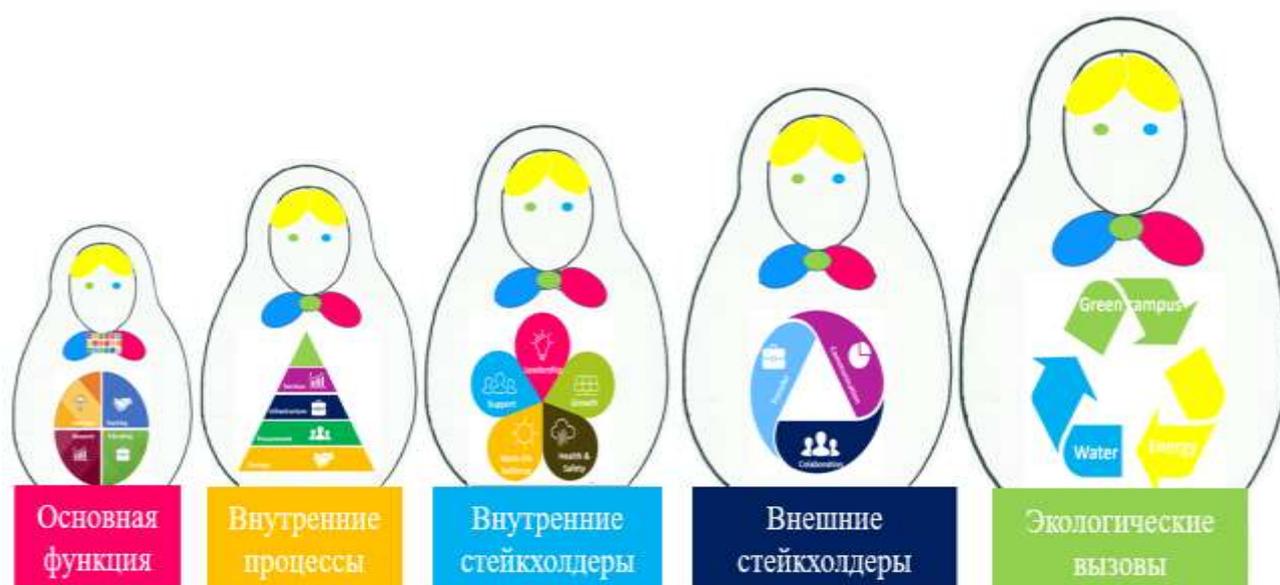

Рис. 1. Состав модели «Матрёшка»

Матрёшка 1 – Основная деятельность ВУЗов – LTER- Activities

Первая матрёшка представляет собой основную деятельность, т.е. суть учебного заведения. Здесь различаются 4 поля действия:

А) Learning/ Учёба, т.е. предметы и курсы

ВУЗы с активным направлением в сторону УР внедряют новые предметы, которые непосредственно связаны с вопросами и вызовами Устойчивого Развития, как в обществе, так и в бизнесе и промышленности. За последние 5 лет появилось большое количество таких предметов, как например Менеджмент УР или Устойчивые производственные цепочки.

Кроме того, в некоторых университетах можно получить образование с уклоном в УР. Немецкая платформа studis-online.de выдаёт по поиску 48 курсов, как для бакалавриата, например «Устойчивая экономика» (Университет искусств и социальных наук Аланус), «Устойчивый Менеджмент» (ТУ Берлин), «Устойчивое развитие и трансформация бизнеса» (ISM), «Устойчивое управление» (онлайн, Университет Штайнбайс Берлин), «Устойчивые инновации и предпринимательство» (SRH Берлин), «Международный бизнес и устойчивое развитие» (Университет Гамбурга) [10].

Кроме того, существуют ВУЗы, которые носят тему УР в своём имени, как Университет устойчивого развития Эберсвальде [10]. Люнебургский университет Leuphana предлагает MBA «Устойчивый Менеджмент», как заочное обучение [10].

Интересен в этом направлении и подход некоторых скандинавских университетов, как например 24 Финских Университета Прикладных Наук, [1] которые включили курсы по УР во все свои программы. Тем самым преследуя цель, что каждый выпускник ВУЗа, независимо какого направления: инженерного, филологического или экономического, имеет представление о темах УР.

При разработке любой новой учебной дисциплины или курса необходимо внедрять мысль об устойчивом развитии по всему «параметру». Например, когда речь идет об управлении цепями поставок (Курс «Устойчивое управление цепями поставок» в Университете Прикладных наук в Дрездене) в экономике, устойчивость должна рассматриваться в экологически чистых материалах, упаковке, логистике и во всем жизненном цикле продукта.

Б) Teaching/ Дидактика обучения/Преподавание

Помимо предметов важную роль в преследовании цель УР играет и дидактика преподавания [7].

Устойчивое Преподавание подразумевает использование современных цифровых технологий и инструментов коммуникации, а так же активное внедрение новых тем, связанных с новейшими вызовами общества и техники, как AI, Lean, Agile, в обучение.

Кроме того, под устойчивой дидактикой обучения подразумевается внедрение креативных методов обучения с использованием различных методик, которые способствуют лучшему усвоению материала и активной работе студентов.

Важным вопросом в последние пять лет встал вопрос о профессиональных навыках преподавательского состава. То есть, если раньше профессору достаточно было иметь колоссальный опыт и знания по дисциплинам преподавания, то сегодня при приёме на работу учитываются и педагогические навыки. Для преследования этой цели в Саксонии был создан на базе Университета Лейпцига центр дидактики для высшего образования. Одной из задач центра является обучение преподавательского состава по разным направлениям и подразумевает получение сертификата после окончания трёх модулей (300 часов), что можно достичь за 2-3 года в зависимости от частоты и возможности посещения необходимых курсов.

В) Educating/ Образование

Помимо самой дидактики и помимо самих знаний специфики предмета существует и понятие «целостного образования». Всемирная программа действий ЮНЕСКО "Образование для устойчивого развития" (ОУР) подчёркивает, что само Обучение должно быть целостным [11]. Что значит «целостным»? Здесь речь идёт о мышлении, о настрое, об умении размышлять, генерировать знания и учиться самим и вместе с другими, используя междисциплинарные подходы.

Сама природа УР является очень комплексной, и чтобы понять многочисленные связи и возможные влияния тех или иных действий нужно уметь видеть «всю картину» целиком. Современные преподаватели ВУЗов должны поощрять и стимулировать перспективное мышление и самостоятельные действия. Способность размышлять над своими действиями и собственной структурой ценностей, вести переговоры в возможном контексте конфликта интересов по темам, связанным с устойчивым развитием, умение дискутировать и находить консенсус в процессах принятия определённых решений, а также стремление к равенству возможностей в доступе к образованию и разнообразию среди студентов и преподавателей являются важным условием социальной устойчивости преподавания.

Еще более важной задачей, стоящей перед университетами, является внедрение новой философии преподавания и обучения. Будущее ожидает от нашего общества людей с гибким, открытым и творческим подходом. Университеты должны развивать их в молодых людях. Решающим фактором преподавания является не сам предмет, поскольку он может быть неактуальным завтра, а отношение нового поколения к новым возможным вызовам и проблемам в обществе, работа, ориентированная на достижение цели, деятельность, ориентированная на решение проблем и уже упоми-

навшееся междисциплинарное мышление. Это также требует определенного открытия существующих границ факультетов и учебных программ, а также стен самих ВУЗов. Это обогатит преподавание и даст ответы на вызовы завтрашнего дня.

Г) Research/ Наука/исследования

Долгое время научным исследованиям в ВУЗах отдавалось особое предпочтение и те ВУЗы считались успешными, которые успешно вели свои исследования. Этот факт является критическим и на сегодняшний момент. Успех профессора зависит зачастую из-за количества проведенных работ и опубликованных статей. Новшеством в этом подходе будет являться требование или необходимость проводить исследование в контексте УР. То есть учитывать аспекты и цели УР и выявлять возможности внедрения исследовательских программ в общую картину Устойчивого развития общества. Многие выдающиеся сегодня гранты и спонсорские программы имеют аспект УР в своих программах. Но даже те, в которых этот момент не прописан, должны проверять результаты своей работы с точки зрения УР. Важным моментом здесь является так же активная коммуникация результатов, так как напрасен тот труд, который не найдёт достойного применения в обществе.

Матрёшка 2 – Внутренние стратегические и оперативные процессы ВУЗа

Вторая матрёшка представляет собой все внутренние оперативные и стратегические процессы в ВУЗе. Даже если традиционно университет в первую очередь связан с преподаванием и исследованиями, аспекты устойчивости должны учитываться и во внутренних процессах института. Здесь возникают вопросы об организации самого университета. Этот процесс имеет некоторое сходство с бизнес-процессами: в дополнение к основной деятельности каждое образовательное учреждение стремится разработать некоторые долгосрочные стратегии для улучшения своей работы и эффективности, а также для развития образовательного учреждения в соответствии со всеми современными требованиями общества и экономики, чтобы быть постоянно и непрерывно успешным и приносить значительную пользу обществу. Какие стратегические соображения способствуют устойчивому развитию?

Одна из тем, которая сегодня особенно волнует мир образования в связи с пандемией короны, — это **цифровизация**. Как должен выглядеть цифровой университет будущего? Какие программы, какие процедуры позволят сделать обучение более гибким с помощью цифровых инструментов? Какое оборудование или даже навыки необходимы персоналу? Ведь не секрет: чтобы обучить студента нужно самому уметь пользоваться возможными инструментами. Это также требует открытой, инновацион-

ной и гибкой культуры образовательного учреждения, которая является необходимым условием для всех процессов управления изменениями.

Вторым моментом стратегических и долгосрочных перспективных задач являются вопросы **интернационализации** обучения, т.е. предоставления обучения студентам из различных общественных и культурных сред, тем самым способствовать диверсификации обучения и повышению образовательного уровня в странах, где образование либо было недоступно вследствие географических или финансовых трудностей, либо не приемлемо из-за религиозных или политических причин. Цифровизация даёт большой толчок в преодолении этих барьеров. Даже первоклассные частные университеты мира, открывают свои «двери» для каждого желающего, предлагая определённые курсы бесплатно.

Помимо стратегических задач, любое учебное заведение имеет различные сферы административной деятельности, например **закупки**. В университетах различные товары приобретаются на открытом рынке: для повседневной работы офиса, а также для оснащения аудиторий или исследовательских лабораторий, вплоть до строительства некоторых зданий. Вопрос устойчивости должен учитываться в каждом тендере: из каких материалов сделана продукция, откуда она поступает, какие возникают логистические проблемы, как хранится продукция, в каких количествах лучше всего закупать, каково качество и какова продолжительность жизненного цикла является оптимальной, можно ли отремонтировать и повторно использовать продукт, может ли продукт быть добавлен обратно в экологический или технологический цикл.

Важным моментом, который учитывает большинство Вузов является вопрос **экономии энергии и воды**. Меры по сокращению и повышению эффективности использования различного рода ресурсов имеют не только экологические, но и экономические преимущества.

Важной темой является эффективное обслуживание зданий и постройка экологически чистых и эффективных помещений.

Использование локальных продуктов в кафетерии и столовой или сертифицированных продуктов с минимальной упаковкой являются так же темами второй матрёшки.

Матрёшка 3 – Внутренние стейкхолдеры

Третья матрёшка посвящается внутренним игрокам. Очень важно определить все заинтересованные стороны образовательного учреждения. Здесь можно выделить три группы: студенты и докторанты, профессора и преподавательский состав, административный или организационный персонал. Особенно последние часто остаются в тени первых двух, но также вносят огромный вклад в успех и устойчивое развитие образовательного учреждения и поэтому заслуживают особого внима-

ния. Поэтому удовлетворение и учет потребностей персонала является обязательным условием.

Тем не менее, рекомендуется думать не только о желаниях сотрудников, быть более инициативными и инновационными, но всегда сохранять их благополучие и создавать шаги к лучшей рабочей атмосфере: предоставлении новых гибких условий труда и доверительной организации работы, которая не только включает в себя охрану здоровья, но и обеспечивает эмоциональное удовлетворение. Здесь также идёт речь о создании атмосферы, которая поощряет сотрудников к поиску творческих решений, оставляет свободное пространство и предлагает достаточно возможностей для личного развития.

Гендерное равенство, здоровье сотрудников, равная оплата, равные возможности и требования – темы этого блока.

Большой темой сегодня в обществе является обучение на протяжении всей жизни. Так и в учебном заведении этому вопросу необходимо уделять острое внимание. От обучения персонала зависит качество работы всего учреждения. Интересный подход в этом направлении так же у скандинавских коллег, которые обучают вопросам УР не только свой преподавательский состав, но и даже вахтёра и уборщика.

Важно не забыть и ещё одну группу внутренних игроков – студенты. Все те аспекты, которые важны для социального равновесия для работников ВУЗа применимы и к их «клиентам» – студентам. Вследствие глобализации, с одной стороны, и миграции – с другой, все высшие учебные заведения сталкиваются с увеличением числа студентов из-за пределов страны. Это обогащает преподавание и университетскую жизнь на кампусе, но ставит перед высшими учебными заведениями задачи по разработке новых программ, которые бы учитывали это разнообразие и предоставляли возможность учиться всем, независимо от страны происхождения. Также важно, чтобы не было границ между разными студентами, и чтобы все чувствовали себя вовлеченными и инклюзивными – одна из самых остро стоящих проблем предстоящей дальнейшей интернационализации высших учебных заведений.

Матрёшка 4 – внешние стейкхолдеры

Четвёртая матрёшка посвящается внешним стейкхолдерам. Кто это такие? Это общество, которое может быть и как-то связано с процессами образования, как например компании, с которыми работают университеты или в которых студенты проходят практику или в будущем работают, так и те, которые к учёбе и игрокам ВУЗа не имеют прямого отношения. Здесь подразумевается всё «соседство». Важным таким образом является понимание, что ВУЗ оказывает влияние на решения и судьбы многих сторон.

Кроме того, миссия обучения должна быть воспринята немного шире чем обычно. ВУЗы должны выполнять своё общественное назначение – обучение, не зависимо от каких-то признаков в обществе. Хорошим примером такого подхода являются «Университеты для пенсионеров» – программа, которая работает в Саксонии в Технических Университетах Дрездена и Кемница, дающая возможность людям на пенсии посещать университет и учить что-то новое или расширять свой кругозор. Эти «студенты» являются зачастую очень активными, любопытными и часто недооцениваемой силой в продвижении целей Устойчивого Развития. Особенно этот подход очень интересен в Германии, где возраст населения довольно высокий по сравнению с другими странами мира.

Но помимо пенсионеров в обществе существуют и маленькие дети, чьи права и интересы также необходимо учитывать. Великолепные примеры предоставления этой группе населения возможности обучаться и «вкусать воздух ВУЗа» дают в Саксонии также вышеупомянутые Вузы.

Интересным моментом является тот факт, что дети приходят на лекции с родителями, которые с удовольствием пользуются возможностью так же почерпнуть для себя что-то новое. Таким образом, предлагая обучение детям, можно и затронуть другие слои населения.

Помимо этих групп, можно также выделить профессионалов в компаниях. Как правило, это не традиционные клиенты университетов, что является большим упущенным потенциалом. Профессионалы, имеющие ценный практический опыт, видят образование гораздо более объективно. Они также могут внести огромный вклад в исследовательскую деятельность университетов и в распространение идей УР в бизнес и промышленность. По этой причине необходимо создавать возможности, например, для нетрадиционных докторантов из промышленности работать над научными темами и внедрять их в производственные процессы. Пример этому подходу можно найти в рамках проекта «Open Engineering» в ТУ Кемниц.

Сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами образовательного процесса не только внутри университета или между университетами, но и с промышленностью, политикой и другими общественными организациями является обязательным условием устойчивого развития в XXI веке. В будущем студентам уже не будет интересно учиться только в одном ВУЗе. Молодым людям необходимо разнообразие и опыт. Это можно обеспечить через сотрудничество, совместные учебные программы (как например программы двойных дипломов в Университете Прикладных Наук Дрездена и многих других), стажировки и исследования, и это станет критерием выбора учебного заведения. Таким образом, успех учебного заведения будет зависеть не от его собственного качественного преподавания, а от качества и эффективности работы всех участников коопе-

рации. Организация сотрудничества с наукой и производством становится центральной управленческой задачей современного образовательного учреждения. Это будет способствовать повышению эффективности и новым достижениям.

Наши локальные действия могут положительно или отрицательно повлиять и на отдалённые регионы мира, например, на бедность, образовательное неравенство или мир. Главным приоритетом образовательных учреждений должно быть обеспечение того, чтобы каждый человек в любой точке мира имел возможность получить образование вне зависимости от семейного положения, пола, национальности, языка, этнической принадлежности, инвалидности и места проживания и других возможных факторов, что является предпосылкой преодоления вышеупомянутых проблем.

Обучение в течение всей жизни – девиз XXI века. Какие изменения влечет это за собой? Огромные перемены во всей системе высшего образования? Будет ли высшее образование завтрашнего дня открывать свои двери не только для традиционных студентов, но и для всех, кто хочет учиться? Будет ли тогда необходимо предлагать не только программы бакалавриата и магистратуры, но и индивидуальные курсы? Будут ли люди в будущем стремиться получить не степень, а квалификацию? Будут ли у нас в будущем не долгосрочные программы, которые заставляют студентов «сидеть на скамейке» в течение 3 или 5 лет, а «скользящие курсы», которые желающие могут посещать каждый год или по мере надобности? Придется ли учебным заведениям также переосмыслить свои бизнес-модели? Это те вызовы, на которые высшее образование должно искать ответы сегодня, чтобы обеспечить потребности общества завтрашнего дня.

Матрёшка 5 – Окружающая среда

Пятая Матрёшка является такой сферой, в которой сосуществуют предыдущие четыре. Эта сфера представляет собой окружающую среду. Темы пятой матрёшки могут перекликаться с темами организации учебного процесса и деятельности ВУЗа, и тем самым иллюстрировать взаимосвязь и тем УР, и деятельности ВУЗа.

Этой Матрёшке традиционно уделяется большое внимание, так как вопросы экологической устойчивости появились раньше всеобъемлющих тем устойчивого развития.

Некоторые университеты Финляндии ставят себе цель до 2030 не только уменьшить выбросы парникового газа, но и стать углеродно-нейтральными, используя энергию из возобновляемых источников энергии, как солнечные батареи или ветряки. Университетам необходимо рассматривать вопрос о том, как они могут способствовать улучшению окру-

жающей среды, как они могут защищать виды животных, заботиться о разнообразии животных и растений, способствовать улучшению воздуха, чистой воды и плодородной почвы. И это вопросы не для сельскохозяйственного факультета, а фактически для каждого факультета и для администрации в целом.

Факторы успеха для воплощения целостной стратегии устойчивого развития в ВУЗах

Безусловно для внедрения УР в жизнедеятельность ВУЗов необходима активная поддержка со стороны руководства университета, чёткое формулирование миссии УР во всех стратегиях, программах, целях и мерах учебного заведения, а так же четкая ответственность, что подразумевает создание кадрового потенциала и институционализации тематики. Повышение квалификации персонала по вопросам УР и регулярная информация сотрудников университета и внешних партнеров с их вовлечением в процесс устойчивого развития, а так же отчетность по этому вопросу, то есть активная коммуникация проделанных или предполагаемых мероприятий являются важными шагами на пути ко успешному внедрению процессов УР в университетах.

Модель Матрёшка является инструментом для первого шага на пути внедрения стратегии, предлагая рамку действий и возможные направления. Она же даёт пластическое представление о взаимосвязи и взаимозависимости отдельных аспектов деятельности и представляет таким образом особый механизм учёта разных аспектов.

Для того чтобы внедрить устойчивое развитие в образовательных учреждениях, необходимо предпринять некоторые шаги.

Во-первых, важным шагом на пути к более устойчивому обществу и экономике является **открытие и готовность к изменениям**. Не защищать сложившийся уклад, а дать возможность новому видению оправдать себя. Экспериментируя, разрабатывая новые не конвенциональные решения, не боясь возможных ошибок, предлагая платформу для креативных действий, «обнимая» изменения, и тема самым создавая культуру нового созидания.

«Непрерывное обучение» – девиз XXI века. Мир быстро меняется, и мы должны уметь гибко реагировать на новые условия и требования. Быть адаптивным — значит открывать неизведанное и постоянно учиться. Очень важно, чтобы учебные заведения учились друг у друга, чтобы все сотрудники, а также администрация и ректорат были активно вовлечены в процесс обучения, чтобы они учились за пределами своих обычных дисциплин и областей знаний, потому что многие аспекты и вопросы являются междисциплинарными. Очень важно, чтобы все мы были готовы при-

обретать новые навыки и делиться своими знаниями, чтобы передача знаний между партнерами и секторами стала само собой разумеющейся.

Это включает в себя **коммуникацию** между всеми секторами, тесное и открытое сотрудничество между заинтересованными сторонами, другими образовательными учреждениями и бизнесом, а также разработку новых программ и совместную работу над исследовательскими проектами.

ВУЗам необходимо создать новую **культуру устойчивого развития**, интегрировав все аспекты во все процессы принятия решений на каждом организационном уровне, на каждой кафедре и факультете, на каждом курсе, привлекая все заинтересованные стороны и учитывая все цели.

Устойчивое развитие процессов в образовательных учреждениях является бесспорной необходимостью для нашего общества, экономики и политики. Вопрос стоит не в том, нужно ли, а в том, как эти процессы лучше всего внедрить и реализовать. Это не роскошь или дань следующему поколению или планете, а необходимость для нас самих.

Являясь источником инноваций и сотрудничества с заинтересованными сторонами вне каких-либо границ, образовательный сектор имеет великолепную возможность стать идейным лидером для всего мира в этой всеобъемлющей философии устойчивости, стать пионером, тянущим за собой других игроков общества, различные отрасли бизнеса и промышленности и многообразные слои населения. Подавая пример, реализуя требования на практике и поощряя, мотивируя и вдохновляя окружающих на следование устойчивому пути, Высшие учебные заведения получают шанс изменить мир и наш образ мышления к лучшему, а также взять на себя ответственность за наше будущее.

Пришло время двигаться вперед, мыслить по-новому, устанавливать новые стандарты и приглашать всех в это увлекательное, необходимое и познавательное путешествие!

Литература

1. Arene. The Rectors' Conference of Finnish Universities of Applied Sciences, Sustainable, Responsible and carbon-neutral Universities of Applied Sciences, 2020.
2. Basen, A. Nachhaltigkeitsgovernance an Hochschulen (Betaversion). BMBF-Projekt „Nachhaltigkeit an Hochschulen: entwickeln – vernetzen – berichten (HOCHN)“//Bassen, A.; Schmitt, C.T.; Stecker, C.; RÜth, C. –Hamburg, 2018. – 25 с.
3. Bellina, L. Bildung für Nachhaltige Entwicklung (BNE) in der Hochschullehre (Betaversion). BMBF-Projekt „Nachhaltigkeit an Hochschulen: ent-

wickeln– vernetzen – berichten (HOCHN)“ /Bellina, L.; Tegeler, M.K.; Müller-Christ, G.; Potthast, T. - Bremen und Tübingen, 2018. – 5 c.

4. HDS. Hochschuldidaktisches Zentrum Sachsen. Zertifikat. <https://www.hd-sachsen.de/web/page.php?id=465>, 2021.

5. Krause, J. Matryoshka-Model for integral sustainability in business management. /E. Viktorova, E // Sustainable Development: Challenges and opportunities. St. Petersburg, 2020. - 142-155 c.

6. Leal Filho, W. Sustainable Development Research at Universities in the United Kingdom. Approaches, Methods and Projects. Cham, s.l.: Springer International Publishing (World Sustainability Series), Wiesbaden: Springer. 2017, 264 c.

7. Lozano, R. Connecting Competences and Pedagogical Approaches for Sustainable Development/ Higher Education: A Literature Review and Framework Proposal, Sustainability. 2017. -1-15 c.

8. Omrcen, E. Universities as role models for sustainability. A case study on implementation of University of Gothenburg climate strategy, results and experiences from 2011 to 2015. / Omrcen, E, Lundgren, U., Dalbro, M. *International journal of innovation and sustainable development. IJISD* 12 (1/2), 2018. - 156–182 c.

9. SDSN (2020): Accelerating Education for the SDGs in Universities. A guide for universities, colleges, and tertiary and higher education institutions, 2020.

10. Studis Online. Die schlaun Seiten rund ums Studium. <https://www.studis-online.de/Studiengaenge/Sustainability-Management-Nachhaltigkeitsmanagement/Seite-2/>, 2021.

11. UNESCO, Bildung für nachhaltige Entwicklung, <https://www.unesco.de/bildung/bildung-fuer-nachhaltige-entwicklung/unesco-programm-bne-2030>, 2021.

Krause Ju.S. dr. rer. pol., prof.
University of Applied Sciences HTW Dresden
Julia.krause@htw-dresden.de

MATRYOSHKA MODEL FOR IMPLEMENTING SUSTAINABILITY IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Abstract. In today's world with its diverse economic, social and environmental requirements as well as the many challenges posed by globalisation, digitalisation and global climate change, ways must be found for sustainable business and coexistence in society. Higher education institutions want to establish themselves as drivers of sustainable development and sources

of new ideas and processes to implement the necessary transformations and thereby successfully realize the goals of Sustainable Development (SD) in an ever-changing geographical, political and cultural environment. But in order to move others, you must first start with yourself. Sustainable management starts with training the people who will implement these ideas in the future in line with the goals of the Paris Agreement 2015. Research on the strategies of individual educational institutions shows that the implementation of SD ideas in the education sector takes place in leaps and bounds and often covers only individual aspects. A holistic approach that takes into account the different actors, the different fields of action and all SD goals is necessary for the success of the idea. This paper presents just such a systematic approach to the implementation of sustainable development goals in HEIs using the Matryoshka model.

Keywords: sustainable development; sustainable university; sustainable education; Matryoshka model.

Андреева Д.А., канд. экон. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
a.d.andreeva@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы развития подсистемы управления человеческим капиталом на региональном и межрегиональном уровнях при обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности региональных социально-экономических систем. Предложен путь реформации подсистемы за счет расширения функционала и добавления элемента управления знаниями.

Ключевые слова: экономическая безопасность региона; человеческий капитал; устойчивое развитие; региональные рынки труда; управление знаниями.

Одним из ключевых факторов эффективной реализации процессов трансформации региональных социально-экономических систем в части

достижения целей устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности является человеческий капитал. Подтверждается это тем фактом, что любые задачи, которые ставятся для достижения устойчивого развития и обеспечения безопасности, так или иначе, опосредованно или напрямую, выполняются и решаются человеком или с его участием. Особую актуальность вопросы управления человеческим капиталом получают в контексте реализуемых процессов цифровизации – ключевым драйвером цифрового развития социально-экономических систем становится человеческий капитал. Под человеческим капиталом в данной связи будем понимать совокупность врожденных способностей и возможностей и приобретенные знания и навыки, которая может быть реализована на конкретном рабочем месте. [1] И если на элемент врожденных способностей возможно повлиять незначительно, то на приобретаемые знания, умения и навыки, и на перспективы их реализации в рамках социально-экономических систем (через механизмы рынков труда) можно оказать значительное влияние. Следовательно, вопросы достижения целей устойчивого развития на мезоуровне в условиях трансформации социально-экономического пространства неразрывно связаны с процессами формирования эффективной подсистемы управления занятостью.

Реализуемые на региональных уровнях национальные программы и федеральные проекты, сопряженные с формированием цифровой экономики, ставят перед подсистемой совершенно иные задачи, связанные с необходимостью определения новых реперных точек в оценке и управлении человеческим капиталом. Необходима постепенная реструктуризация той институциональной среды управления человеческим капиталом, которая в достаточной степени спонтанно сложилась на первых этапах трансформационных процессов и циклов, и которая становится препятствием на пути к достижению обозначенных целей развития социально-экономических систем.

На сегодняшний день новые требования выражаются в необходимости рационализации и интенсификации структуры занятости в регионах и в рамках межрегионального взаимодействия. [2; 3; 4] Условия внешней среды, в которых происходят трансформационные процессы, характеризуются высокой степенью неопределенности, переменчивости, неоднозначности, сложности, происходят значительные изменения в центре системы, распространяющиеся на периферию. Таким образом, складываются и новые требования к компетенциям (совокупности знаний, умений и навыков), которыми должен обладать человеческий капитал.

Наличие подсистемы управления занятостью как элемента модернизированного социально-экономического пространства, обладающей расширенным функционалом, является неотъемлемым условием реализации

процесса оптимизации социально-экономической системы РФ, успех которого во многом зависит от вопросов управления человеческим капиталом на уровне региональных рынков труда. Одним из компонентов реализации механизмов рынка труда является объект обмена – отношения купли-продажи между продавцом и покупателем трудового потенциала. Покупателя (работодателя) интересует компетентность потенциального работника (человеческого капитала), который обеспечивает необходимый и достаточный уровень производительности труда на рабочем месте при оптимальных затратах на его «эксплуатацию». При изменении требований к элементному составу компетентности человеческого капитала (появление новых «цифровых компетенций») возникает неудовлетворенная потребность работодателя – появляется несоответствие требований работодателя и характеристик человеческого капитала. Складывается общая ситуация занятости на рынке труда, при которой, с одной стороны, мы имеем ограниченное количество человеческого потенциала с требуемыми компетенциями (ограниченный ресурс), подавляющее большинство человеческого потенциала с еще несформированными «цифровыми компетенциями» – ограниченное предложение трудового потенциала с необходимым набором компетенций (необходимой квалификации) порождает процессы скрытого резервирования человеческого капитала. С другой стороны, территории нашей страны развиваются неодинаково, и сохраняется риск формирования рынка труда с ограниченным спросом, когда существует значительная доля резерва трудового потенциала (потенциального человеческого капитала), который не может быть реализован и трансформирован в человеческий капитал из-за отсутствия рабочих мест, тогда формируется хроническая безработица. Все эти явления могут быть неоднородно распространены по территориям, а в некоторых случаях могут быть реализованы одновременно на одной территории.

В такой ситуации именно механизмы рынка труда должны быть адаптированы к новым условиям, активированы и задействованы в разрешении данного диссонанса.

Проблема управления человеческим капиталом является комплексной и междисциплинарной – в некотором роде пограничной – она выходит за рамки подсистемы региональных рынков труда и охватывает региональную подсистему профессионального образования и подготовки кадров. Современные требования к развитию и внедрению высокотехнологичных процессов, производств приводят к трансформации структуры и качества человеческого капитала. Все больше требований формируется в части интеллектуально-креативной составляющей. Как следствие, должен формироваться человеческий капитал совершенно иного типа, обладающий такими ключевыми характеристиками как способность к созданию и

широкому применению современных цифровых технологий, высокая степень обособленности (отделенность от рутинных процессов), способность к продуцированию нового знания.

Тогда вопросы управления человеческим капиталом становятся сопряженными не только с увеличением объема производства валового национального продукта, но и с процессами интенсификации и повышения эффективности производства и увеличением социально-экономических показателей региона. И именно от необходимых и достаточных качественных и количественных характеристик человеческого капитала во многом зависят процессы модернизации региональных подсистем с ориентацией на цифровую экономику и достижения целей устойчивого развития. [2; 3; 4]

Таким образом, формируется острая и на сегодняшний день неудовлетворенная потребность в становлении и развитии нового направления внутри- и межрегионального управления человеческим капиталом с его собственными новыми механизмами и инструментами, которые бы отражали тенденции интеллектуализации деятельности (процессы цифровизации экономики акцентируют факт роста доли интеллектуального труда в производственных процессах).

Могут быть сформированы региональные и межрегиональные подсистемы (элементы социально-экономической системы страны), эффективное функционирование которых обеспечит не только экономическую безопасность региона, должный уровень социально-экономического развития, позволит оптимизировать подсистемы управления регионами и межрегиональными взаимодействиями, но и смогут катализировать процессы достижения целей устойчивого развития.

В данной связи становится очевидной необходимость расширить и дополнить функционал подсистемы управления занятостью, затронув вопросы модернизации региональных и межрегиональных систем профессионального образования, подготовки и переподготовки кадров, повышения квалификации. Институциональная среда профессионального образования и подготовки кадров, которая бессистемно сложилась в переходный период, на сегодняшний день не может обеспечить эффективного воспроизводства и реализации человеческого капитала, обладающего необходимыми и достаточными компетенциями. Одним из ключевых направлений изменений подсистемы может стать работа по формированию и внедрению элемента управления знаниями – в части процессов производства знаний, распределения знаний и использования знаний (рис. 1).

Те компетенции, которые на сегодняшний день становятся актуальными в рамках формирования цифровой экономики, должны быть отражены в образовательных и профессиональных стандартах. Формулировка

компетенций должна предшествовать возникновению реальной потребности на рынке труда – то есть необходимо предиктивная работа в рамках управления знаниями, направленная на выявление ключевых тенденций в формировании компетенций. Управление знаниями становится не просто функцией, а самостоятельным видом управленческой деятельности на всех уровнях (микро-, мезо-, макро-). В широком смысле и в контексте достижения целей устойчивого развития элемент управления знаниями в подсистеме управления занятостью должен представлять собой совокупность стратегий и механизмов по выявлению, приобретению, распространению, использованию, контролю и обмену знаниями с целью формирования необходимых компетентностных характеристик человеческого капитала и применению компетенций на рабочем месте.

Рис. 1. Элемент управления знаниями

Литература

1. Regional labour market: transformation of human potential, labour potential and human capital / Andreyeva D.A., Malinin A.M. // Components of Scientific and Technological Progress. –2017. –№ 1 (31). – pp. 30-34.

2. Особенности трансформации человеческого потенциала, трудового потенциала и человеческого капитала в контексте регионального рынка труда. / Андреева Д.А., Малинин А.М. // Евразийский межрегиональный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». – 2017. – Вып. № 3 (63). – С. 137–141.

3. Роль регионального рынка труда в обеспечении экономической безопасности региона и страны. / Андреева Д.А., Малинин А.М. // Ученые записки Международного банковского института. – СПб.: Изд-во МБИ. – 2017. – № 21. – С. 123–134.

4. О некоторых подходах к характеристике рынка труда и оценке уровня социально-экономического развития региона / Андреева Д.А., Малинин А.М. // Ученые записки Международного банковского института. – № 17. – 2016. – С. 8–16.

Andreeva D.A., PhD in Economics, associate professor
Saint-Petersburg State University of Economics
a.d.andreeva@yandex.ru

HUMAN CAPITAL MANAGEMENT IN PROVIDING SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND ECONOMIC SECURITY OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

Abstract. The article deals with the development of the human capital management subsystem at the regional and interregional levels while ensuring sustainable development and economic security of regional socio-economic systems. The way of reforming the subsystem by expanding the functionality and adding a knowledge control element is proposed.

Keywords: economic security; human capital; sustainable development; regional labour markets; knowledge management.

Бобылев Н.Г., канд. техн. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный университет
n.bobylev@spbu.ru

Дюков Н.В., магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
D.Nik1998@yandex.ru

ОБЗОР КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ ЦУР, РАССМАТРИВАЕМЫХ В ДОБРОВОЛЬНЫХ МЕСТНЫХ ОБЗОРАХ ЗА 2019–2021 ГОДЫ

Аннотация. На сегодняшний день особенно остро перед обществом стоит проблема обеспечения социально-экономического благополучия населения и экологически стабильного состояния природных экосистем. Для решения этой проблемы требуется гармонизация производственных процессов с окружающей средой, направленная на снижение энергоёмкости выпускаемой продукции, на сокращение объёмов отходов производства и потребления, на модернизацию технологических процессов на предприятиях и т.д. Кроме того, международное сотрудничество является необходимым условием для реализации Концепции устойчивого развития, поскольку решить глобальные экологические проблемы можно лишь при сотрудничестве с другими странами, совместной работе с международными природными организациями. Именно поэтому следует основательно подойти к изучению Добровольных местных обзоров (далее – ДМО), содержащих в себе полезную информацию, статистические данные, методические указания по реализации Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) на локальном и глобальном уровнях.

В данной работе проведен анализ эффективности, актуальности и востребованности ДМО в качестве инструмента для оценки локального прогресса в достижении ЦУР. Были определены наиболее сильные и слабые стороны ДМО различных городов и муниципалитетов. Также в результате выполнения исследования были выделены индикаторы устойчивого развития, которые легли в основу составления ДМО и могут послужить образцом для разработки и совершенствования отечественных обзоров.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, добровольные местные обзоры, международное сотрудничество, городские проекты.

Основная часть

В настоящее время не существует какого-либо одного термина, раскрывающего суть и принципы «устойчивого развития» со всеми теоретическими, практическими и организационно-правовыми аспектами. Кроме

того, не существует даже одной общепринятой трактовки данного явления. В переводе с английского термин «sustainable development» действительно означает «устойчивое развитие» или в то же время просто «постоянный рост». Однако в других европейских языках это словосочетание также включает другие понятия, например, в переводе с французского языка этот термин включает слова «durable» (*прим.* долговременный, надежный) и «developpement» (*прим.* разработка, предприятие), а в переводе с немецкого – «nachhaltige» (*прим.* экологически рациональный) и «entwicklung» (*прим.* модернизация, проект). В некоторых языках это словосочетание также имеет более узкую специализацию своего направления – «продолжающееся развитие», не противоречащее дальнейшему существованию и развитию человека в будущем. Также некоторых неточностей не удалось избежать и в русскоязычной трактовке данного термина, поскольку по замечанию учёных-лингвистов слово «устойчивость» означает стабильность системы, тогда как слово «развитие» предполагает её выход из устоявшихся рамок экономической модели, вследствие чего возникает некоторая алогичность русскоязычного перевода данного термина [Марфенин Н.Н., 2006].

Критика существующего термина, вызовы новых социальных, экономических и экологических проблем настоящего времени, появление новых методологических научно-исследовательских трудов заложили основу для совершенствования и конкретизации термина «устойчивого развития», например, русский академик Н.Н. Моисеев предложил более точный перевод данного процесса – «коэволюция человека и биосферы» (стоит отметить, что по содержанию этот термин очень близок к понятию «ноосфера» В.И. Вернадского), означающий совместное развитие общества и природной среды. В своё определение Н.Н. Моисеев вкладывал смысл того, что общество не должно отказываться от экономического развития вообще, а отказаться от ведения нерационального природопользования и чрезмерного роста изъятия природных компонентов из естественных условий окружающей среды [Моисеев Н.Н., 1987].

Таким образом, на сегодняшний день существует множество трактовок словосочетания «устойчивое развитие», на мой взгляд, наиболее полное определение, раскрывающее сущность данного явления звучит так: «устойчивое развитие – это такая форма развития общества, которая направлена на удовлетворение жизненных потребностей и устремлений людей и, не ставящая под угрозу права на эти общественные блага у будущих поколений». Последняя часть определения является наиболее значимым постулатом модели устойчивого развития, поскольку вся суть её существования сведена к удовлетворению потребностей человека не только для настоящего, но и для будущих поколений. Эта

объективная и наиболее значимая корректировка определения «устойчивого развития» была дана в 1983 г. на Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию председателем Гру Харлем Брутланд, и она звучала в докладе, как «удовлетворение потребностей нынешнего поколения, без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Результатом созыва данной Комиссии стало признание Генеральной Ассамблеи ООН (прим. Организация Объединённых Наций) глобальности некоторых экологических проблем, угрожающих устоявшимся природным экосистемам, жизни и здоровью всех ныне живущих людей и будущих поколений, также страны-участницы форума осознали необходимость смены приоритетов и разработки такой концепции развития общества, которая учитывала бы, как экономические, так и экологические интересы населения и природной среды [Хайдуков Д.С., Тасалов К.А., 2015].

Цели устойчивого развития были сформулированы в 2012 году на конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро, выполнение которых в условиях нашего быстро развивающегося мира отвечали бы вызовам в экономической, политической и экологической сферах [Бобылев С.Н., 2020]. При поддержке всех государств, в том числе и Российской Федерацией, в 2015 году состоялось принятие Целей устойчивого развития человечества на 2016–2020 гг. [Бобылев С.Н. и др., 2019]. При этом сегодня фактически во всем мире экологическая статистика по ЦУР имеет наибольшее число пробелов по сравнению с социальными и экономическими статистическими данными [Бобылев Н.Г., Сергунин А.А., 2019; Volchko et al, 2020]. Данная тенденция обусловлена следующими факторами: сложностью природных взаимосвязей, трудностью полной оценки последствий антропогенного воздействия на окружающую среду, слабостью современной науки в адекватном количественном отражении природных закономерностей, высокими издержками на получение подавляющей части экологических показателей [Бобылев С.Н., 2019; Бродский А.К., Бобылев Н.Г., 2017].

К принципам Концепции устойчивого развития относятся: экологическая безопасность населения, предотвращение загрязнения природной среды, разработка новых методов управления хозяйственной деятельностью человека, справедливое распределение имеющихся материальных и нематериальных благ между элементами системы «природа – экономика – человек». Переход России к «зеленой» экономической модели развития в сложившихся социально-экономических условиях возможен лишь при долгосрочном инвестировании в человеческий капитал (совершенствование системы подготовки специалистов природоохранной сферы, повышение уровня экологической грамотности населения, финансовое стимули-

рование развития науки и разработка инновационных проектов). К последним и относятся Добровольные местные обзоры.

Термин «ДМО» одновременно относится к непрерывному процессу взаимодействия и осязаемому продукту для городов, сообщающих о своем прогрессе. В зависимости от конкретных взаимоотношений между городом и ЦУР ДМО может стать важной вехой на пути к реализации и возможностью установить постоянные партнерские отношения с ключевыми заинтересованными сторонами. Нью-Йорк стал первым городом, который в 2019 представил Добровольный местный обзор о своем прогрессе непосредственно в ООН. Таким образом был подан пример для многих городов, однако оптимальную практику еще предстоит внедрить. Необходимость разработки и совершенствования ДМО обусловлена тем, что путем включения городов и внедрения ДМО можно выявить наиболее значительные недостатки и возможности, что позволит ускорить прогресс на местном уровне.

Добровольный местный обзор предпринимает необходимые шаги для мониторинга достижений определенного города, задачей которого является понимание насколько хорошо реализуются Цели устойчивого развития. Сферы интересов включают устойчивую урбанизацию, экологию, индустриализацию и развитие определенной территории. Данные по этим областям собираются и анализируются группой специалистов, которые затем обеспечивают необходимые шаги для устойчивого развития. ДМО используется в качестве инструмента для обмена опытом, проблемами и извлечения определенных уроков, более того, как средство для открытия возможностей к новым партнерским отношениям с целью устранения любых недостатков [IISD, 2020]. Добровольный местный обзор обеспечивает более локализованную и массовую инициативу по решению ключевых глобальных проблем и вносит свой вклад в Повестку Дня на период до 2030 года. Путем проведения ДМО города могут открыть для себя новые возможности, такие как: обеспечение потребностей жителей и усилий по разработке местной политики, управления данными, а также участие в глобальном диалоге по вопросам устойчивого развития [IISD, 2020].

Проведение ДМО дает городам и регионам много преимуществ, поскольку позволяет находить скрытые связи. Данный инструмент - это структура решения проблем, которая связывает приоритеты и статистические данные, формируя устойчивые сети; и «никого не оставляет позади» [Deininger et al, 2019]. Кроме того, с помощью добровольных местных обзоров создается прозрачная подотчетность перед жителями, строятся партнерские отношения и обеспечивается лидерство в международных сообществах. Если сосредоточить внимание на локальном уровне, путь к Повестке 2030 года может быть более плавным.

Участие заинтересованных сторон, установление контактов с членами сообщества и сбор данных – это актуальная задача, на выполнение которой могут уйти месяцы, поэтому важно, чтобы процесс не останавливался, а планы разрабатывались для принятия мер. Для городов, которые участвуют в процессе ДМО, это напоминание о том, что чем больше будет участия городов и отчетности, тем лучше мы сможем понять и реализовать устойчивое развитие.

Был проведен анализ уже опубликованных ключевых ДМО (табл. 1), в результате чего были выявлены сильные и слабые стороны данных документов.

Таблица 1. Анализ Добровольных местных обзоров

Город	Год	Кол-во страниц в документе	Кол-во описываемых целей	Ключевые темы
Гавайи	2020	52 стр.	17	Чистая энергия; продовольствие; управление природопользованием; сокращение отходов; образование.
Бристоль	2019	80 стр.	17	Здоровье и благополучие населения; устойчивые города и населенные пункты.
Буэнос-Айрес	2019	106 стр.	6	Качественное образование; гендерное равенство; достойная работа и экономический рост.
Китакиеши	2018	58 стр.	6	Гендерное равенство; возобновляемые источники энергии; инфраструктура; партнерство.
Лос-Анджелес	2019	140 стр.	8	Гендерное равенство; устойчивые города и населенные пункты.
Мангейм	2019	88 стр.	7	Ликвидация нищеты; качественное образование; индустриализация; инновации и инфраструктура.
Нью-Йорк	2019	118 стр.	16	Качественное образование; достойная работа и экономический

Город	Год	Кол-во страниц в документе	Кол-во описываемых целей	Ключевые темы
				рост; борьба с изменением климата.
Санта-ди-Парнайба	2019	49 стр.	7	Качественное образование; устойчивые города и населенные пункты.
Тайбэй	2020	124 стр.	11	Здоровье и благополучие населения; гендерное равенство; сокращение отходов; борьба с изменением климата.
Тойяма	2018	44 стр.	12	Сохранение экосистем суши; чистая энергия; достойная работа и экономический рост.
Турку	2020	90 стр.	17	Чистая вода и санитария; уменьшение неравенства; борьба с изменением климата; партнерство.
Хамаматсу	2019	42 стр.	17	Использование природных ресурсов; мультикультурализм; сохранение лесов.
Хельсинки	2019	84 стр.	5	Качественное образование; достойная работа и экономический рост; уменьшение неравенства.
Шимокава	2018	48 стр.	17	Инфраструктура; экономический рост; индустриализация.
Эспу	2020	238 стр.	17	Инновационные технологии; комфортная городская среда; здоровье и благополучие населения; равенство.
Юкатан	2020	274 стр.	17	Ликвидация голода; достойная работа и экономический рост; здоровье и благополучие населения.

Рассмотрим ключевые особенности нескольких типовых ДМО. *«Bristol and SDGs: a voluntary local review of progress 2019»* – описано культурно-историческое развитие города, связь существующих вызовов с комплексом мероприятий, проведенных для достижения ЦУР, однако, не хватает ссылок на национальную законодательную базу, оговорюсь, что есть пункт, уделяющий внимание научным методическим пособиям и статьям; подробно описаны цель и полученные результаты исследования, кроме того, есть специальный раздел, посвященный проблемам реализации и мониторинга ЦУР; также описана методология исследования (изучение статистических данных, собственное картирование ЦУР, консультационный опрос граждан и правозащитных организаций); ЦУР изложены в сжатой и доступной форме обычно в объеме 2 стр. с графическими материалами (в каждом пункте отдельный акцент ставится на том, чем именно занимаются на данный момент городские службы).

Касательно *«Voluntary local review: Sustainable development goals 2030 in the city Espoo»* – очень большой по объему обзор, однако огромный объем информации коррелирует с быстрым доступом, поскольку содержание содержит гиперссылки к пунктам доклада; в содержании отсутствует непосредственная привязка к ЦУР (обзор включает несколько глав, разделенных на составные части, которые в свою очередь поделены на пункты, охватывающие несколько ЦУР; очень много графических материалов – особенно картосхем и фотографий, которые не всегда нужны; каждый пункт включает в себя абзац, посвященный тому, в каком направлении необходимо действовать, чтобы решить ту или иную задачу; отсутствует глава, посвященная списку использованных источников и интернет-ресурсов.

«Hamamatsu Voluntary Local Review Report 2019» – весьма небольшой объем доклада, полная противоположность предыдущему; графические материалы имеют крайне небольшие размеры (некоторые из них смотрятся неуместно и их трудно разглядеть); отсутствует культурно-историческая справка городского округа; крайне мало статистических данных, о ссылках приходится и не упоминать (они отсутствуют); исследуемые индикаторы ЦУР датируются с 2010 года (самый давний), из-за чего нельзя в должной мере проследить наметившуюся тенденцию; не приведена методология исследования.

«Voluntary Local Review in Mannheim 2030» – опять же в докладе не идет непосредственная привязка к ЦУР (обзор содержит семь разделов, посвященных различным характеризующим город признакам), например, 7 Mannheim is a model for international cooperation between cities. Municipal development policy and responsible consumption contribute to global justice and sustainable international policy; частично описана методология исследо-

вания, указано, какие индикаторы были взяты, причем это по сути для каждой главы; описаны какие городские проекты были поддержаны, какие стратегии приняты; опять же в конце отсутствует раздел, посвященный использованному источнику.

Заключение

Добровольные местные обзоры являются частью последующей деятельности по осуществлению Повестки дня на период до 2030 в области устойчивого развития [Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года]. Как предусмотрено в пункте 84 Повестки дня на период до 2030 в области устойчивого развития: «...Эти обзоры будут добровольными, но будут поощрять представление отчетности и будут включать информацию, полученную от развитых и развивающихся стран, а также от соответствующих структур Организации Объединенных Наций и других заинтересованных сторон. Они будут проводиться под руководством самих государств, и в них будут участвовать министры и другие соответствующие высокопоставленные должностные лица. Они будут закладывать базу для партнерств, в том числе благодаря участию основных групп и других соответствующих заинтересованных сторон».

Обзоры направлены на отслеживание прогресса в осуществлении Повестки дня на период до 2030 года, в том числе ЦУР и задач, во всех странах, таким образом, который учитывает их универсальный и интегрированный характер и все направления устойчивого развития.

Анализ ДМО показал, что для достижения Целей Повестки 2030 года лучше всего ориентироваться на фиксацию всех 17 ЦУР. Однако акцентирование внимания более конкретных целях также может быть применимо.

Для разработки отечественных ДМО необходимо провести сбор данных на локальном уровне, при этом придерживаясь децентрализованного подхода. Данный подход позволяет быстро вовлечь общественность и привлечь заинтересованных лиц для решения локальных проблем. Кроме того, с решением задач локального характера местные жители и органы муниципальной власти должны справляться лучше, поскольку они заинтересованы в этом напрямую.

Литература

1. A Voluntary Local Review: The implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development in the City of Turku [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/vlr-city-of-turku-finland-2020.pdf>.
2. Aloha+ challenge 2020 benchmark report: Hawa'i's Voluntary Local Review of Progress on the Sustainable Development Goals [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/aloha2020.pdf>.

3. Bristol and the SDGs: a Voluntary Local Review of Progress 2019 [Электронный ресурс] – 2019. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/bristol-uk-vlr-2019.pdf>.
4. From Agenda to Action – The Implementation of the UN Sustainable Development Goals in Helsinki [Электронный ресурс]. – 2019. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/helsinki-city-2019.pdf>.
5. Hamamatsu Voluntary Local Review Report [Электронный ресурс] – 2019. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/hamamatsu-city.pdf>.
6. Kitakyushu City the Sustainable Development Goals Report [Электронный ресурс] – 2018. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/kitakyushu-sdg-report-en-2018.pdf>.
7. IISD. How can Voluntary Local Reviews Contribute to the SDG Decade of Action? An Assessment of VLRs to Date [Электронный ресурс] – 2020. URL: <https://sdg.iisd.org/commentary/guest-articles/how-can-voluntary-local-reviews-contribute-to-the-sdg-decade-of-action-an-assessment-of-vlrs-to-date>.
8. Los Angeles SDGs: a Voluntary Local Review of progress in 2019 [Электронный ресурс] – 2019. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/las-voluntary-local-review-of-sdgs-2019.pdf>.
9. Shimokawa Town the Sustainable Development Goals Report [Электронный ресурс] – 2018. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/shimokawa-city-hokkaido-sdgs-report-en-2018.pdf>.
10. Volchko, Y., Norrman, J., Ericsson, L.O., Nilsson, K.L., Markstedt, A., Öberg, M., Mossmark, F., Bobylev, N., Tengborg, P. (2020) Subsurface planning: Towards a common understanding of the subsurface as a multifunctional resource. *Land Use Policy*, 90, art. no. 104316 <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104316>.
11. Voluntary Local Review: building a sustainable and inclusive Buenos Aires [Электронный ресурс] – 2019. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/buenos-aires-argentina-vlr-2019.pdf>.
12. Voluntary Local Review: implementation of the United Nations – Sustainable Development Goals 2030 in the city of Espoo [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/EspooVLR2020Web.pdf>.
13. Voluntary Local Review: New York City’s Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/international-affairs-vlr-2019.pdf>.
14. Voluntary Local Review: the Sustainable Development Goals in the State of Para – Brazil [Электронный ресурс]. – 2020. URL: https://www.local2030.org/pdf/vlr/VLR_State%20of%20Par%C3%A1_Brazil_English.pdf.

15. Voluntary Subnational Report: Yucatan [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/yucatan-2020-min.pdf>.
16. Voluntary Subnational Review: Government of the State Oaxaca [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/oaxaca-vlr-2020.pdf>.
17. Taipei City: Voluntary Local Review [Электронный ресурс] – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/tapei-voluntary-local-review-2020.pdf>.
18. The Implementation of the United Nations – Sustainable Development Goals in Mannheim [Электронный ресурс] – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/mannheim-vlr-2020.pdf>.
19. Toyama City the Sustainable Development Goals Report [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://www.local2030.org/pdf/vlr/english-vlr-toyama-city-japan-2018.pdf>.
20. Бобылев Н.Г., Сергунин А.А. Принципы стратегического планирования устойчивого развития российских арктических городов // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, серия: Экономика, социология, культурология. – № 2 (14). – 2019. – С. 7–15.
21. Бобылев С.Н. Цели устойчивого развития // Бюллетень Счетной Палаты Российской Федерации. 2020. Т. 6, № 271. С. 17.
22. Бобылев С.Н. Экономика устойчивого развития. Учебное пособие. – М.: Ступени, 2004.
23. Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Палт М.В., Ховавко И.Ю. Индикаторы цифровой экономики в Целях устойчивого развития для России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2019. № 4. С. 24–41.
24. Бродский А.К., Бобылев Н.Г. (2017) Биоразнообразие в преодолении современного экологического кризиса: исследование экосистемного и антропоцентричного подходов в стратегии устойчивого развития. Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. Стр. 237-253. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.302>.
25. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/94692>.
26. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации «Цели устойчивого развития ООН и Россия» [Электронный ресурс]: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2016. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>.
27. Марфенин Н.Н. Устойчивое развитие человечества: учебник. – М.: Издательство Моск. ун-та, 2006.

28. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987.

29. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс] : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2015. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765>.

30. Хайдуков Д.С., Тасалов К.А. Реализация концепции устойчивого развития в региональном управлении. – М.: Полиграф сервис, 2015.

Bobylev N.G., PhD in Tech, associate professor
St. Petersburg State University
n.bobylev@spbu.ru

Dyukov N.V., master student
St. Petersburg State University
D.Nik1998@yandex.ru

OVERVIEW OF KEY ASPECTS OF THE SDGS PENDED IN THE VOLUNTARY LOCAL REVIEWS FOR 2019-2020 YEARS

Abstract. Today, society is especially acutely faced with the problem of ensuring the socio-economic well-being of the population and the ecologically stable state of natural ecosystems. To solve this problem, it's necessary to harmonize production processes with the environment, aimed at reducing the energy intensity of manufactured products, at reducing the volume of production and consumption waste, at modernizing technological processes at enterprises, etc. Besides, international cooperation is a prerequisite for the implementation of the Concept of Sustainable Development, since global environmental problems can be solved only through cooperation with other countries, joint work with international natural organizations. This is why one should thoroughly approach the study of Voluntary Local Reviews (hereinafter – VLR), containing useful information, statistics, methodological guidelines for the implementation of the Sustainable Development Goals (hereinafter – SDGs) at the local and global levels.

This paper analyzes the effectiveness, topicality and relevance of VLR as a tool for assessing local progress in achieving the SDGs. The strongest and weakest aspects of the VLR of various cities and municipalities were identified. Also, as a result of the study, indicators of sustainable development were identified, which formed the basis for the compilation of the VLR and can serve as a model for the development and improvement of national reviews.

Keywords: Sustainable Development Goals, Voluntary Local Reviews, international cooperation, urban projects

Букринская Э.М., канд. экон. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
bukrin@rambler.ru

Мясникова Л.А., д-р экон. наук, проф.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
mjasnikowal@mail.ru

РОЛЬ ЛОГИСТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ESG

Аннотация. В статье рассмотрено влияние логистической деятельности на достижение компаниями нефинансовых показателей из категории ESG.

Ключевые слова: логистика; цели устойчивого развития; ESG; Полиметалл; Лукойл; Сибур-Холдинг; РЖД; X5 Retail Group.

Реализация принципов устойчивого развития, которые были декларированы еще в 1992 году (Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро) обозначила мегатренд развития всей мировой экономики. Глобальные императивы нашли отражение в стратегиях развития как бизнеса, так и государств в целом.

Эволюция бизнес-приоритетов всегда следовала за потребностями, предъявляемыми рынком, влияние на который в свою очередь оказывали политические, социальные и экологические требования. Роль последних до недавнего времени оставалась незаслуженно отодвинутой на второй план.

Постепенно глобальные установки пронизывали все направления деятельности. Одновременно с этим процессом происходили коренные изменения в позиционировании бизнеса в отношении общества. Это отражается во многих бизнес-концепциях: человек как элемент стейкхолдера «общество» становится основным объектом изучения и последующего воздействия. Как следствие – преобразование чисто экономических систем в социально-экономические, так как бизнес уже не может существовать отдельно от потребностей общества.

Эволюция общественных потребностей, следуя по пирамиде Маслоу, перешла от обеспечения базовых составляющих к удовлетворению потребностей более высокого порядка. Среди них весомое место занимает устойчивая окружающая среда. Таким образом сформировалась триада интересов: бизнеса, общества и окружающей среды, которые без компромиссов со стороны всех участников соблюсти невозможно.

Устойчивое развитие – это процесс поиска равновесия между интересами социума, экономики и природы, опираясь на принципы системного подхода. Целью развития социально-экономической системы является стабильный рост экономики с учетом потребностей настоящих и будущих жителей планеты. Природная система требует применения превентивных мер по сохранению устойчивого состояния окружающей среды и недопущению нерационального использования ресурсов (возобновляемых и невозобновляемых), а также обеспечению контроля климатических изменений.

Рассматриваемые тенденции, как показывают результаты ряда исследований [1], в современной экономике влияют на рост уровня экологических затрат, что в значительной мере ставит под сомнение экономический эффект от перехода к низкоуглеродной экономике в краткосрочной перспективе. Основным смыслом подобного перехода – это повсеместное использование возобновляемых источников энергии. Однако, несмотря на очевидность выбора в пользу последних, невозобновляемые ресурсы по-прежнему составляют более 80% мирового потребления энергии.

Следует также учитывать и отсутствие комплексного подхода, что значительно сокращает количество сторонников низкоуглеродной энергетики. В 2018 году компания PwC провела масштабное исследование [2], охватившее 729 компаний из 21 страны. Согласно ему, на 10% за год выросло число компаний, которые упоминали цели устойчивого развития (ЦУР) в своей нефинансовой отчетности (в 2017 – 62%, в 2018 – 72%). Около 50% компаний, участвовавших в исследовании, определили главные для своего развития ЦУР, но лишь меньше трети исследуемых реально озвучили цели в своих бизнес-стратегиях. Даже из тех, кто документально подтвердил желание придерживаться стратегии устойчивого развития, только 30% осуществили практические действия для ее реализации. Сложившаяся ситуация объясняется в первую очередь желанием достигать реальных результатов в краткосрочной перспективе, что особенно характерно для представителей среднего и тем более малого бизнеса.

Таким образом можно утверждать, что включая в свои стратегии развития природоохранные мероприятия и мероприятия по поддержанию социального развития, компании осуществляли не столько осознанный выбор, а вынужденную меру с целью формирования благоприятного имиджа и снижения репутационных рисков. В последние годы ситуация стала меняться, благодаря крупным мировым корпорациям, столкнувшимся с растущим инвестиционным спросом на акции компаний, уделяющих повышенное внимание нематериальным активам, среди которых и стоимость бренда, и человеческий капитал, и отношение к экологическим вопросам. Для оценки именно таких характеристик была разработана система метрик ESG (environmental, social and governance).

Необходимо пояснить, что система оценок устойчивого развития по метрикам ESG, впервые опубликованная в 2009 г. международной организацией GRESB (Global Real Estate Sustainability Benchmark), позволяет проводить мониторинг инфраструктурных бизнес-проектов с учетом экостандартов в областях энергетики, передачи электроэнергии, водоканалов, транспорта, социальной инфраструктуры и телекоммуникаций. При расчете своего рейтинга GRESB опирается на такие показатели, как качество менеджмента, политика раскрытия информации, профиль рисков, взаимодействие со стейкхолдерами [3].

Крупный российский бизнеспо примеру западного всё более заинтересованно относится к принципам ответственного инвестирования. В 2020 году на российском финансовом рынке пять рейтинговых агентств предлагали услуги по оценке финансовых инструментов на предмет соответствия критериям устойчивости [4], в частности – независимое европейское рейтинговое агентство RAEX-Europe, публикующее с 2018 года ESG-рэнкинг российских компаний.

По данным агентства за последние полгода (период с ноября 2020 года по апрель 2021 года) число участников выросло с 37 до 110 компаний (рис.1).

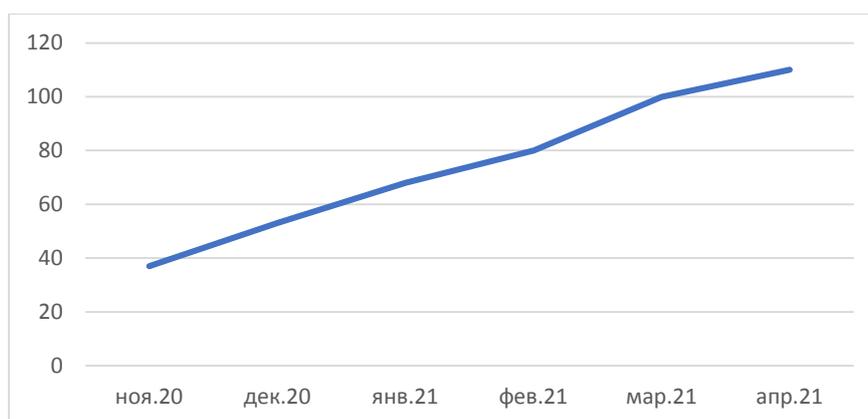

Рис. 1. Количество российских компаний, участвующих в рэнкинге ESG

При осуществлении оценки показателей сначала определяются риски. После рисков оцениваются ключевые ESG-факторы. Каждый фактор разделен на подфакторы и индикаторы. Всего 210 индикаторов, из которых общих порядка 150, использование остальных зависит от отрасли.

В рассматриваемом рейтинге у каждого фактора ESG есть три базовые составляющие:

- наличие соответствующих политик и программ у компании;
- отчетность (полнота, последовательность, сопоставимость, верифицированность отчетности);

- эффективность и результат деятельности компании, который влияет на нивелирование рисков.

В итоге составляется рейтинг по трем основным факторам и на его основе формируется сводный ESG-рейтинг.

Анализ компаний, включенных в последний рейтинг (апрель 2021) показал, что среди них присутствуют крупнейшие представители своих отраслей: «Полиметалл» (добыча природных ресурсов), «Лукойл» (нефтяная отрасль), «Сибур-Холдинг» (химия, полимеры), «Энел Россия» (энергетика), «РЖД» (транспорт). Впервые в рэнкинге появилась компания, производящая сельскохозяйственную продукцию, – Русагро.

В рейтинге представлены также лидеры деревообрабатывающей отрасли (Группа компаний «Сегежа», UPM Чудово, компания «Свеза» и др.), являющиеся полноценными участниками мировых цепей поставок, и по этой причине в значительной степени заинтересованные в положительном имидже по критериям ESG. Группа компаний «Сегежа» уже не первый год готовит отчетность об устойчивом развитии, осуществляет политику устойчивого управления лесами, взаимодействует с заинтересованными сторонами, а в апреле 2021 года группа утвердила собственную стратегию и политику в области устойчивого развития. Не менее значимые успехи и у компаний-конкурентов. UPM производит глобально примерно 125 тыс. тонн твердых отходов в год. Значительными компонентами мусора являются остатки древесины, сточные воды, пыль от коры, волокнистая гуща, натриевая жижа, чернильные стоки, известковые отходы. Несмотря на то, что UPM перерабатывает и заново использует до 90% отходов от обработки, в процессе реализации находится проект «Ноль твердых отходов», цель которого – нулевой вывоз мусора на свалки к 2030 году [6].

Если проводить отраслевой анализ представленных в исследовании компаний с точки зрения отношения к логистической деятельности, то можно разделить их на три группы:

- компании, осуществляющие основную деятельность в сфере логистики и транспорта;
- компании производственного сектора экономики;
- компании непромышленного сектора экономики.

Рассмотрим подробнее на примерах некоторых из участников рэнкинга какие действия были оценены с точки зрения достижения показателей ESG.

В компании «Полиметалл» (1-е место) выбраны основные направления:

- возобновляемые источники энергии;
- безопасность гидротехнических сооружений;
- равные возможности для профессионального роста;
- развитие инфраструктуры.

Рис. 2. Отраслевая принадлежность компаний, представленных в рейтинге

Компания прилагает значительные усилия для повышения энергоэффективности и разработки процессов применения возобновляемой энергии на своих предприятиях, осуществляет постоянный мониторинг состояния окружающей среды в регионах присутствия и разрабатывает комплексную программу по ее сохранению.

Представитель непромышленного сектора экономики – X5 Retail Group (28 место) – в декабре 2019 года утвердила стратегию устойчивого развития, которая косвенно вносит вклад в реализацию целого ряда целей, но фокусируется компания на четырех основных: 1) ликвидация голода; 2) достойные условия труда; 3) здоровый образ жизни; 4) ответственное потребление и использование ресурсов.

С 2015 года компания реализует ряд социальных программ: «Корзина доброты», программа по организации помощи общественным некоммерческим организациям в осуществлении поиска пропавших людей (за 1,5 года существования проекта он помог вернуться домой более 1 тыс. людей).

Используя свои цепи поставок, группа организует сбор и переработку пакетов после доставки продуктов из онлайн-магазина. За период с января по октябрь 2020 года собрано и передано на переработку около 1 т пластиковых пакетов или 125 тыс. штук. В первом полугодии 2020 года торговые сети X5 собрали более 750 кг использованной тары для дальнейшей переработки. Компания традиционно позиционирует себя как социально и экологически ответственную структуру, реализующую в своей деятельности готовность участвовать в системе расширенной ответственности производителей, являющуюся ядром отрасли по обращению с отходами в национальном масштабе [7].

ОАО «РЖД» (5 место) является одной из 7 компаний, представленных в секторе логистики и транспорта. Компания определяет в своей стратегии 4 основные цели: 1) переход на возобновляемые источники энергии; 2) модернизацию инфраструктуры; 3) борьбу с шумовым загрязнением; 4) утилизацию отходов. Все направления в итоге приводят к сокращению объемов выбросов в атмосферу.

Одним из наиболее перспективных направлений является переход на возобновляемые источники энергии, энерго- и ресурсосберегающие технологии. Всего компания перевела более ста объектов своей инфраструктуры на альтернативные источники энергии.

Компания озадачена снижением выбросов в атмосферу от своих стационарных инфраструктурных объектов (в частности, котельных), и, в связи с этим, занимается строительством новых, отвечающих жестким экологическим требованиям, и реконструкцией имеющихся путем перевода на более экологичные виды топлива. Подвижной состав компании тоже подвергается экологизации: ведутся работы по переводу дизельных локомотивов на сжиженный природный газ, что как известно повышает экологичность перевозок за счет значительного снижения вредных выбросов в атмосферу. Модернизация касается и железнодорожных путей, в части реализации проектов по снижению акустического воздействия на прилегающую жилую застройку: шлифование рельсов, прокладка бесстыкового пути, строительство шумозащитных экранов.

Компания является национальным лидером транспортной отрасли в вопросах привлечения «зеленых инвестиций». В марте 2020 года «РЖД» разместили «зеленые облигации», назвав бонды уникальным механизмом, а вырученные от «зеленых» вложений средства компания собирается направить на приобретение электровозов, скоростных поездов и электричек. Проект ОАО «РЖД» по закупке скоростных электропоездов «Ласточка» относится к категории экологически чистого, так как перевозка этими поездами оказывает меньше вредного воздействия на окружающую среду по сравнению с автомобильным и авиационным транспортом [8].

Вместе с тем перспективы могут оказаться не столь радужными: инвестфонд PIMCO, в управлении которого находится около 2 трлн долл., отказался участвовать в размещении облигаций «РЖД» в 2020 году, мотивируя тем, что более 50% грузооборота компании составляют «углеродные грузы». Применение «углеродного налога» может оказать существенное влияние на оценку российских компаний в международном рейтинге [4].

Таким образом, на возникшие запросы со стороны общества первым отреагировал финансовый сектор, который становится на сегодняшний день по сути стимулятором вложений в «зеленые проекты».

Однако ошибочно полагать, что только «зеленое финансирование» изменит расклад сил в вышеупомянутой триаде. Необходима кардинальная перестройка бизнес-стратегий. Логистика как весомая часть любой бизнес-стратегии должна трансформироваться и речь идет не только о применении «зеленых технологий».

Как уже было отмечено, возникновение концепции, а затем и стратегии ESG явилось эволюционным результатом поиска оптимального баланса интересов в рамках развития одной компании. С позиций логистического подхода, предшествующей ступенькой была концепция Управления цепями поставок (SCM), которая в настоящее время преобразуется в Управление устойчивыми цепями создания ценностей (SVC). Однако на сегодняшний момент мало кто вспоминает, что изначально цепи поставок базировались на политике «всеобщего выигрыша» (linked prosperity). Основой такого подхода являлась поддержка ключевым, крупным участником цепи поставок всех остальных контрагентов, особенно мелких. Исторически известен пример, когда американский производитель мороженого Ben&Jerry's выплачивал премию к рыночной цене поставщикам какао, ванили, кофе, поддерживая их деятельность. А в случае поставки некондиционного сырья выбор делался в пользу совместного разрешения проблемы (раздробленные слипшиеся вафли были использованы в новом сорте мороженого) [9]. На первый взгляд, происходящая эволюция является логичной и разумной, однако не все так просто.

Как видно из приведенного в исследовании анализа, логистические виды деятельности практически не учитываются в реализации стратегий устойчивого развития компаний, что является неоправданным риском в сложившейся ситуации.

Исключив из сравнения компании, чей основной вид деятельности относится к сфере логистики и транспорта (поскольку их доля чуть больше 6% и по определению модернизация их деятельности будет относиться к логистике), можно сделать ряд выводов.

13 из 76 участников в группе компаний производственного сектора экономики практически напрямую обеспечивают выполнение материальных логистических операций: добычу и производство материалов и/или изготовление упаковки («Сибур-холдинг», «Сегежа», «МондиСЛПП», «Тетрапак» и др.), транспортировку и ее обеспечение («Камаз» и все нефтегазовые компании), организацию хранения («Русал», «ММК»).

Рассматривая непромышленный сектор, можно выделить 3 розничные сети: уже упомянутая X5 Retail Group (28 место), «Магнит»

(56 место) и «Дикси» (93 место), в деятельности которых традиционно логистические затраты занимают существенную долю. Следовательно, изменения в логистической стратегии для этих компаний будут значительно влиять на общий показатель рейтинга.

Кроме розничных сетей в этот сектор включены банки («Московский кредитный банк», «Сбербанк», «Группа ВТБ» и др.) и компании из сферы связи и телекоммуникаций («ПАО МТС», «Ростелеком» «Mail.ru Group» и др.). На сегодняшний момент развитие этих компаний идет в экстенсивном направлении – они формируют экосистемы путем вовлечения в них все большего количества своих контрагентов и потребителей. С одной стороны, данный процесс оказывает положительное влияние на применение комплексного подхода, но с другой стороны, сложность системы всегда приводит к расхождению интересов ее участников и системы в целом. Импульсом трансформации логистической деятельности в этой группе, с точки зрения устойчивого подхода, служит растущий спрос потребителей на развитие систем доставки продукции (т.н. «последняя миля»).

Можно утверждать, что реализация современных бизнес-процессов, в том числе и логистических, перешла со стадии накопления и анализа информации к стадии реорганизации процессов на основе этих данных. Информационный поток всегда был достаточно важен для принятия логистических решений, но после кризиса, вызванного пандемией, он стал определять ключевые моменты дальнейшего развития бизнеса в целом:

1. В значительной мере повышается оперативность взаимодействия контрагентов в цепях создания стоимости (и соответственно в цепях поставок). Это позволило компаниям стать более гибкими в отличие от жестко централизованных структур, поскольку дает возможность в режиме реального времени устранять возникающие препятствия или находить альтернативные решения.

2. Бесперебойное выполнение операций реализуется за счет дистанционного управления инфраструктурой, что в свою очередь повышает эффективность ее использования. Особую важность этот аспект приобретает в условиях клиентоориентированного похода к организации бизнеса.

3. Использование электронных (онлайн) платформ по сути в качестве ядра бизнес-модели позволяет сократить временной промежуток от проектирования решения до его полноценной реализации, что дает возможность быстро удовлетворять возникающий спрос на эти решения.

Все вышеперечисленное однозначно будет влиять на стратегии развития бизнес-структур. В преддверии Давосского форума в 2020 году был опубликован манифест об «универсальной» цели бизнеса в условиях четвертой промышленной революции. Ею стала не прибыль для акционеров, а производство общественных ценностей, что еще в большей степени подняло планку оценки состоятельности российских компаний стать полноправными участниками мировых рынков.

Однозначно, что тенденции, протекающие в современной экономике, оказывают влияние на трансформации видов логистической деятельности в сторону достижения целей устойчивого развития, что не учитывать крайне недальновидно.

Литература

1. The Global Competitiveness Report 2019, WEF, pp. 9-10 [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.weforum.org (дата обращения 20.01.2021).
2. Scott L., McGill A. From Promise to Reality: Does Business Really Care about the SDG's? PwC SDG Reporting Challenge, September 4, 2018. - 39 p.
3. Шлихтер А.А. Бизнес-стратегии компаний в контексте концепции устойчивого развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 4 (том 64). – С. 37–44.
4. Трифонова П., Гайдаев В. Очень хорошие деньги // Коммерсант. – 2021. – № 38 (7000).
5. ESG-рейтинг российских компаний. Методика составления [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://raex-rr.com/methods/106> (дата обращения 30.04.2021).
6. Мясникова Л.А., Саталкина П.С. Экологические решения в управлении цепями поставок // Вестник факультета СПбГЭУ. – 2018. – №3. – С. 327–332.
7. Кто стал самой «зеленой» компанией России— апрельский рейтинг RAEX [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5fe4a0e89a79477bdd9c79c1/> (дата обращения 30.04.2021).
8. Агеева Н. Как РЖД делает железнодорожный транспорт экологичнее [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/green/cmrm/5e79d2929a79473675459dc1> (дата обращения 30.04.2021).
9. Миловидов В. Цена вопроса // Коммерсант. – 2021. – № 38 (7000).

Bukrinskaya E.M., PhD in Economics, associate professor
Saint-Petersburg State University of Economics
bukrin@rambler.ru

Myasnikova L.A., Dr. of Economics, prof.
Saint-Petersburg State University of Economics
mjasnikowal@mail.ru

THE ROLE OF LOGISTICS IN THE IMPLEMENTATION OF THE ESG CONCEPT

Annotation. The article considers the impact of logistics activities on the achievement of non-financial indicators by companies from the ESG category.

Keywords: logistics; sustainable Development Goals; ESG; Polymetal; Lukoil; Sibur-Holding; Russian Railways; X5 Retail Group.

Горин Е.А., д-р экон. наук, проф., гл. науч. сотрудник
Институт проблем региональной экономики РАН
gea@spp.spb.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОМФОРТ – ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. Рассмотрена роль промышленного предприятия как системо-образующего социально-экономического элемента, осуществляющего в производственном процессе, наряду с функциями заказчика и потребителя новаций, задачи инновационной модернизации через внутреннюю генерацию новых знаний и технологический трансфер. Выделен социальный аспект и роль производственных коллективов для повышения эффективности экономики, реализации существующих возможностей и преодоления барьеров.

Ключевые слова: промышленность, модернизация, предприятие, инновации, внутренний потенциал, трудовой коллектив.

Современное промышленное предприятие все больше проявляется в качестве системообразующего социально-экономического элемента, выполняющего, наряду с хозяйственными и общественными функциями, за-

дачу технологической модернизации и задающего технологический уровень экономики. Правильно ориентированный и стимулированный производственный коллектив становится не только заказчиком новаций, но и генератором новых знаний и потребителем инновационного продукта.

После успешной ликвидации российской отраслевой науки, это осуществляется в значительной степени собственными силами, а выделяемые на исследования и разработки ресурсы, как и численность соответствующего персонала в нашей стране пока не позволяют предприятиям заниматься исключительно производством.

Значительные упущения в развитии российской промышленности за последние три десятилетия в значительной степени были обусловлены ликвидацией сложившихся в советский период методов управления промышленностью и ее ориентацией на извлечение прибыли, зачастую в ущерб всем другим требованиям.

Реализуемая в настоящее время отечественная практика технологического трансфера пока обладает характеристиками переходного периода, когда в обмене технологиями с зарубежными партнерами в экспорте преобладает позиция «результаты научных исследований», а по всем другим технологическим позициям доля импорта существенно превышает долю экспорта [1].

Нами анализировались трудности, ограничивающие технологический трансфер для промышленных предприятий [2]. Наиболее значимые из них: сложная адаптация чужих разработок к реалиям собственного производства и внутреннее желание сотрудников проявить собственные потенции. Не удивительно, что эти факторы более выражены для малых и средних промышленных предприятий, исходно базирующихся на инновационных направлениях и выделенных продуктовых нишах. На рис.1 представлены основные трудности при использовании сторонних технологий для крупных (группа 1) и малых и средних (группа 2) петербургских промышленных предприятий [3].

С чем же связана тенденция к генерации и внедрению новаций внутри предприятия с ограниченным привлечением сторонних специалистов – исследовательских и инжиниринговых компаний, университетов. Здесь, прежде всего, необходимо отметить, что «предприятие» как коллектив индивидуумов тоже создает «знание» и определяет технологический уровень экономики, а в рамках деятельности производственного предприятия проще преодолеть барьеры, связанные с психологическими и поведенческими установками участников экономической деятельности, поскольку в данном общественном элементе, реализуется «широкая сфера нетоварного маркетинга, не имеющего коммерческого характера» [4].

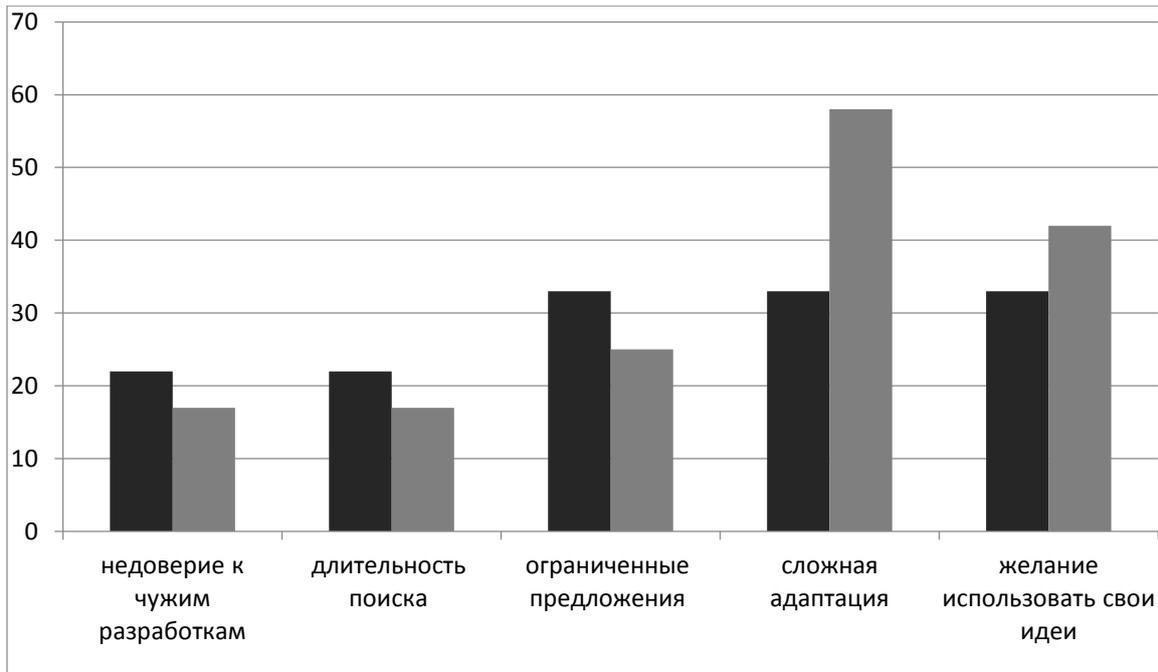

Рис. 1. Трудности при использовании сторонних технологий (группа 1 и группа 2), %

Усложнившаяся экономическая ситуация в 2020 году, наряду с мировыми кризисными явлениями дополненная пандемией коронавируса и санкционными ограничениями, не изменила указанных выше тенденций. На рис.2 приведено распределение петербургских промышленных предприятий по уровню использования собственных разработок (по результатам опроса предприятий-членов Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга). Как для крупных предприятий (численность персонала более 500 чел.), так и для малых и средних предприятий было характерно существенное увеличение доли использования собственных разработок. Причем, если отечественные научные и исследовательские организации привлекались весьма активно, университетская наука отмечена слабо.

Хотя основной смысл в факте формирования и существования предприятия, это – хозяйственная или производственная функция, но реализуются и остальные функции, трансформируясь в разных политических и экономических условиях. В том числе, технологическая модернизация с социальной адаптацией прямо или косвенно вовлеченных в процесс работников на основе достигнутого уровня научных и практических знаний, технических достижений и возможностей.

В течение многих лет во главу угла социально-экономического регулирования ставились цели повышения уровня экономического развития, эффективности использования ресурсов, увеличения темпов экономиче-

ского роста. Реформы 1990-х гг. в нашей стране сместили акценты в деятельности базовых субъектов социально-экономической системы государства – промышленных предприятий.

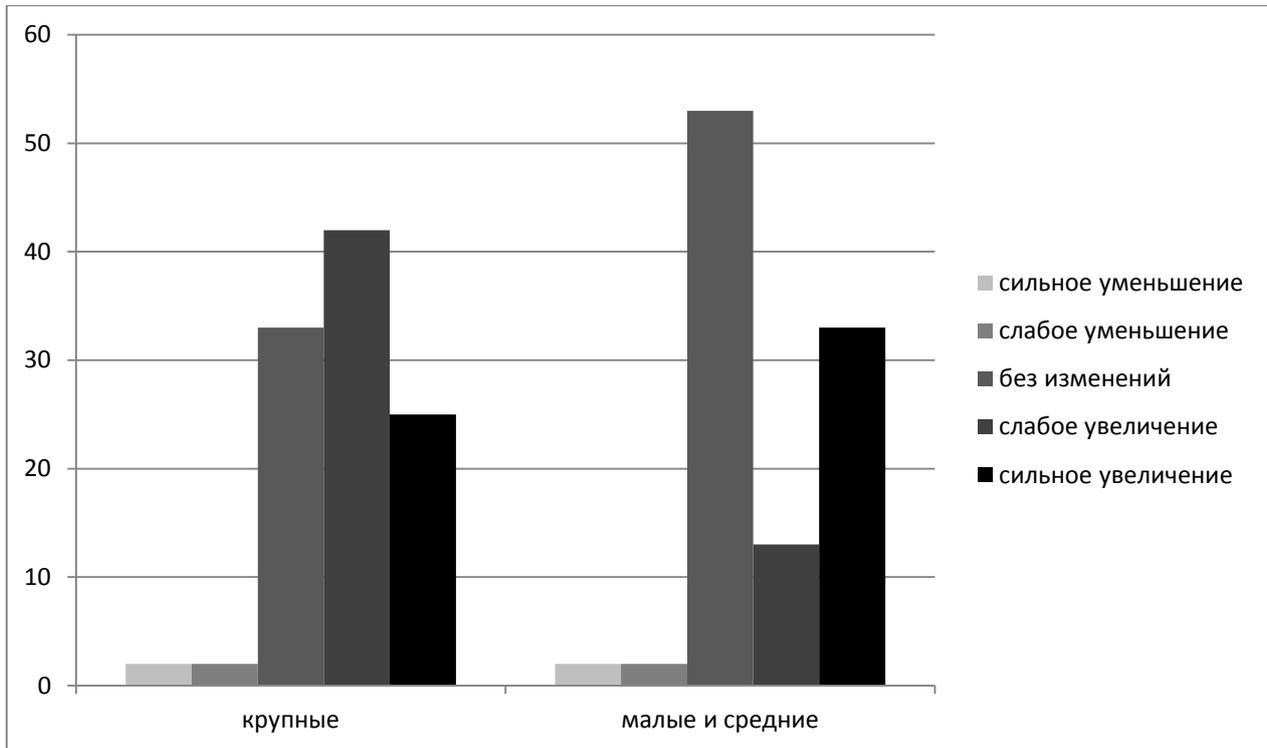

Рис. 2. Использование петербургскими промышленными предприятиями собственных разработок в 2020 году, %

Можно выделить два вида трудовых коллективов, существующих в настоящее время в России: традиционные и инновационные [5], формирование которых стало наиболее очевидным с конца 1990-х годов и связано с системными изменениями в российском обществе.

Основная задача инновационных производственных коллективов заключается в коммерциализации знаний, информации, получения материальной прибыли из идеальной субстанции. В инновационных коллективах велика роль индивидуальности, интеллекта и знаний сотрудников, человеческого таланта.

Выделяя именно систему промышленных предприятий, подчеркнем, что уровень социального самочувствия каждого жителя нашей страны в значительной степени определяется трудовыми взаимоотношениями в рабочем коллективе и его самоудовлетворении на производстве.

В силу ряда объективных факторов и субъективных обстоятельств современное промышленное предприятие и его производственный коллектив становятся не только заказчиком новаций, но и генератором новых знаний и местом внедрения новшеств.

К аналогичным выводам привело исследование Национальной Ассоциацией трансфера технологий и Ассоциацией инновационных регионов России по оценке вовлеченности российских компаний в инновационные процессы и технологическое обновление, создание новых товаров и обеспечение конкурентоспособности [6]. Разработка технологий своими силами была характерна для малых инновационных предприятий (91%), крупные компании склонны привлекать к разработке сторонние организации (71%) и покупать лицензии (31%). С целью приобретения перспективных технологий вступают в стратегическое партнерство средние промышленные предприятия (40%) и коллективы в сфере наукоемких производств (39%).

В связи с этим, увеличение инновационной активности, расширение использования новых продуктов и технологий, снижение барьеров для «входа» новаций на промышленные предприятия может успешно осуществляться механизмами, базирующимися на потенциале внутрифирменной технологической модернизации, или их сочетании.

Может быть стимулирована предпринимательская активность наиболее подготовленных работников предприятия и формирование инжиниринговых коллективов на основе научно-производственных консорциумов – предприятий реального сектора экономики, научных организаций и высших учебных заведений для выполнения совместной производственной и научно-технологической программы, направленной на реализацию приоритетных научно-технологических проектов и создание базовых платформенных технологических решений и цепочек поставок, задачи замещения высокотехнологичного импорта и определяющих глобальную конкурентоспособность российской экономики в средне- и долгосрочной перспективе. Получается гибкий и эффективный инструмент, позволяющий за счет синергии различных компетенций и инициативности работников оперативно разрабатывать и создавать конкурентоспособные образцы высокотехнологичной продукции [7].

С такой же целью, оптимизацией внутренних кадровых ресурсов, изучалась взаимосвязь, возникающая в процессе подготовки работников предприятий как специалистов высшей квалификации в вузах и научных организациях в рамках третьей ступени обучения (аспирантуры). Предложены механизмы стимулирования творческого потенциала самих работников предприятий, которые выступают как проводники в производственный сектор результатов исследовательской деятельности вузов и научных организаций, а также как формирователи запросов от реальных потребностей предприятий в новых технологиях, материалах и продуктах. При этом сохраняется замкнутость инновационного процесса в рамках промышленного предприятия [8].

Рис. 3. Трансформация социально-экономических взаимоотношений для современного промышленного предприятия

На рис. 3 приведено «окружение» современного отечественного предприятия, подверженного глобальным трансформациям, несущим как позитивное, так и негативное содержание для становления, функционирования и развития предприятия, а также вызовам и проблемам, носящим текущую политическую повестку – вовлеченность в неравноправное мировое разделение труда и санкционное давление [9].

В данном контексте речь идет о самостоятельном предприятии в рыночной среде, хотя значительная часть отечественной высокотехнологичной промышленности «встроена» в госкорпорации, где реализуются несколько другие условия, наиболее существенные среди которых – вертикальное управление, доступ к ресурсам и гарантированный сбыт.

В современных условиях промышленное предприятие и его производственный коллектив находятся под воздействием глобальных изменений и серьезных негативных тенденций. Обеспечение успешного

функционирования в таких условиях возможно через инновационную активизацию за счет дополнительных механизмов технологического трансфера и использования социальных резервов производственных коллективов – консолидацию усилий и ориентацию на результат. В результате обеспечивается модернизация промышленности и стабильное социальное развитие.

Для многих отечественных, в том числе петербургских предприятий Четвертая промышленная революция является серьезным вызовом, а устаревающие традиционные подходы к конструкторским разработкам и производственным процессам существенно снижают их конкурентные возможности на перспективных высокотехнологичных рынках [10]. Вполне естественно, что новые технологии и материалы востребованы и внедряются, в первую очередь, на массовом производстве товаров высоко конкурентных рынков, поэтому повышение общего уровня промышленного производства и всей сопутствующей инфраструктуры подразумевает активный технологический трансфер.

События 2020 года в очередной раз убедительно продемонстрировали важность для устойчивого социально-экономического положения и поступательного общественного развития любого государства сбалансированной промышленной политики. И хотя, вызванные коронавирусной пандемией трансформации мировой экономики продолжаются, но имеющиеся результаты подтверждают роль сложившихся коллективов промышленности в сохранении социального равновесия и стабильности финансово-бюджетной сферы.

Литература

1. Соловьева Ю.В. Трансфер технологий в России: современное состояние и перспективы развития // *Инновации*. – 2019. – № 5 (247). – С. 46–53.
2. Горин Е.А., Золотарев А.А. Факторный анализ инновационных изменений в экономике Санкт-Петербурга // *Экономическое возрождение России*. – 2019. – № 4 (62). – С. 67–73.
3. Кузнецов С.В., Горин Е.А. Технологический уровень промышленности Санкт-Петербурга и инновационный процесс // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. – 2019. – № 1-2 (58-59). – С. 5–13.
4. Клейнер Г.Б. Декоммерциализация общества – условие интеллектуализации экономики // *Экономическое возрождение России*. – 2021. – № 1 (67). – С. 23–30.

5. Юрасов И.А. Трудовые отношения в России на современном этапе (на примере промышленности) // Известия ПГПУ. Экономические науки. – 2008. – № 7 (11). – С. 89–94.

6. <https://rusnatt.ru/novosti-natt/opublikovan-kompleksnyu-monitoring-sistemy-otsenki-effektivnosti-innovatsii-na-predpriyatiyakh-otsen/>

7. Цыбуков С.И., Козлова С.П., Дынина А.В., Орлова Е.В., Пиликов Н.А. Реализация инжиниринговых проектов на базе научно-производственного консорциума. Пример проекта «Сани» — от идеи до изделия за четыре месяца // Инновации. – 2018. – № 11 (241). – С. 3–7.

8. Кузнецов С.В., Горин Е.А., Имзалиева М.Р. Социальный потенциал инновационной экономики: региональный аспект // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2020. – № 2-3 (61-62). – С. 24–32.

9. Клейнер Г.Б. Реформа системы социального регулирования в России и приоритеты развития трудовых коллективов предприятий // Труды Вольного экономического общества России. – 2019. Т. 217. – С. 120–136.

10. Горин Е.А., Золотарев А.А. Экспортный потенциал отечественной экономики: возможности и ограничения // Экономическая наука современной России. – 2020. – № 3 (90). – С. 103–116.

Gorin E.A., Dr. of Economics, prof., chief researcher
Institute for Regional Economic Studies
Russian Academy of Sciences
gea@spp.spb.ru

INDUSTRIAL MODERNIZATION AND SOCIAL COMFORT-THE BASIS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SOCIAL STABILITY

Abstract. The role of an industrial enterprise as a system-forming socio-economic element that performs in the production process, along with the functions of the customer and consumer of innovations, the tasks of innovative modernization through internal generation of new knowledge and technological transfer are analyzed. The social aspect and the role of production teams for improving the efficiency of the economy, realizing existing opportunities and overcoming barriers are highlighted.

Keyword: Industry, modernization, enterprise, innovation, own potential, labor collective.

Гуляева В.Б., канд. экон. наук, доц.
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена
valeria.gyliaeva@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. На примере стран Балтийского региона изучены СЭЗ как инструмент устойчивого социально-экономического развития территорий. Проанализировано влияние социально-экономических последствий пандемии COVID-19 на хозяйственную деятельность на территории СЭЗ. Сделан вывод, что резиденты СЭЗ оказались в достаточно сложном положении, но также для них открылись новые перспективы, связанные как с возможностью по-новому взглянуть на собственную деятельность, так и выстроить новую систему взаимодействия с управляющими компаниями СЭЗ и работниками.

Ключевые слова: специальные экономические зоны; инвестиции; устойчивое развитие территорий.

Конкурентная борьба за инвестиции в Балтийском регионе между территориями усиливается с каждым годом: создаются разнообразные площадки для инвесторов, предлагающие льготные условия ведения хозяйственной деятельности. В условиях санкций, негативных последствий пандемии COVID-19 и сохраняющихся тенденций к социально-экономической дифференциации территорий представляют интерес для изучения специальные экономические зоны (СЭЗ) как механизм, содействующий устойчивому развитию территорий путем привлечения прямых иностранных инвестиций, увеличения налоговых поступлений, диверсификации экономики, создания технологичных производств, сохранения рабочих мест и пр.

В этой связи целью данного исследования является изучение на примере стран Балтийского региона СЭЗ как инструмента устойчивого социально-экономического развития территорий, а также влияние социально-экономических последствий пандемии COVID-19 на хозяйственную деятельность на территории СЭЗ.

СЭЗ следует рассматривать как родовое понятие по отношению к различным видам зон с льготными режимами осуществления хозяйственной деятельности. В странах Балтийского региона на данный момент созданы СЭЗ различного вида, предлагающие разнообразные комбинации льгот для резидентов. Практика функционирования СЭЗ в ре-

гионе показывает, что, если при разработке подобных площадок были переоценены или, наоборот, недооценены факторы конкурентной среды территории или же предлагаемые условия не адекватны запросам инвесторов, то наполнение данных площадок происходит не за счёт крупных, в перспективе якорных, инвесторов, а за счёт мелких инвесторов или миграции местного бизнеса, что приводит к нерентабельности данных площадок. В связи с этим представляется, что, во-первых, необходимо создавать некоторый баланс между всей территорией и специальными площадками для инвесторов, а, во-вторых, осуществлять маркетинг данных площадок.

В условиях пандемии также возрос интерес к налоговым льготам и преференциям со стороны резидентов, стремящихся сократить издержки. В связи с этим, с одной стороны, возрастает риск того, что эти резиденты будут продолжать хозяйственную деятельность на данной территории только до момента действия в отношении них льгот. С другой стороны, необходимо предусматривать для них неналоговые льготы и преференции, которые будут содействовать закреплению резидентов на территории зон на долгосрочной основе. При этом снижение барьеров входа на данные площадки, которое происходит в настоящее время, является, по-нашему мнению, нерациональным решением и может дать обратный от ожидаемого эффект. Налоговые льготы и преференции значимый, но не единственный фактор, влияющий на решение инвестора. Качество уже реализуемых или заявленных к реализации проектов, внутренняя экосистема площадок, перспективы нахождения надежных партнеров на территории и реализации с ними совместных проектов – все это также значимо для инвесторов. Кроме того, многие СЭЗ имеют объективные преимущества, такие как близость к рынкам сбыта, выгодное географическое положение или ведущее положение всей территории в целом. Таким образом, слабо заполненные зоны, зоны с текучестью резидентов или зоны с низкокачественными проектами могут не рассматриваться крупными инвесторами как привлекательные.

Рассмотрим более подробно функционирование СЭЗ в Балтийском регионе. В России на данный момент создано большое количество СЭЗ разнообразного вида, в частности ОЭЗ преимущественно концентрируются в европейской части России в Центральном федеральном округе, а в Северо-Западном федеральном округе создано только три ОЭЗ, из которых две ОЭЗ в Санкт-Петербурге и Калининграде относятся к Балтийскому региону. Однако в пространственном распределении ОЭЗ можно ожидать изменения, так как вектор создания зон в последние годы направлен на модернизацию и обновление исторически сложившихся в советское время промышленных зон.

ОЭЗ в Санкт-Петербурге создана в 2005 году. В Национальном рейтинге инвестиционной привлекательности 2019 она отнесена к зонам с высокой инвестиционной привлекательностью. Количество резидентов в 2019 году – 55, что уступает ОЭЗ в Калининградской области, но следует отметить, что большинство резидентов реализуют крупные проекты и ориентировано на работу не только на внутреннем рынке. Так в 2017–2019 годах три резидента ОЭЗ в Санкт-Петербурге по объему экспорта оказались в лидерах: Биокад (фармацевтические материалы) 3549,5 млн руб., Ракурс (системы мониторинга и управления) 365,7 млн руб., Вертекс (фармацевтические материалы) 55 млн руб. [1] На рис. 1 представлены основные показатели эффективности функционирования ОЭЗ в Санкт-Петербурге. По состоянию на 2019 год нарастающим итогом за период с начала функционирования объем выручки резидентов ОЭЗ превысил объем осуществленных ими инвестиций, соответственно 98 777, 97 и 49 730, 35 млн руб. При этом бюджетные инвестиции осуществлены в объеме 16 551,08 млн руб., то есть соотношение бюджетных и частных инвестиций составило 1 к 3.

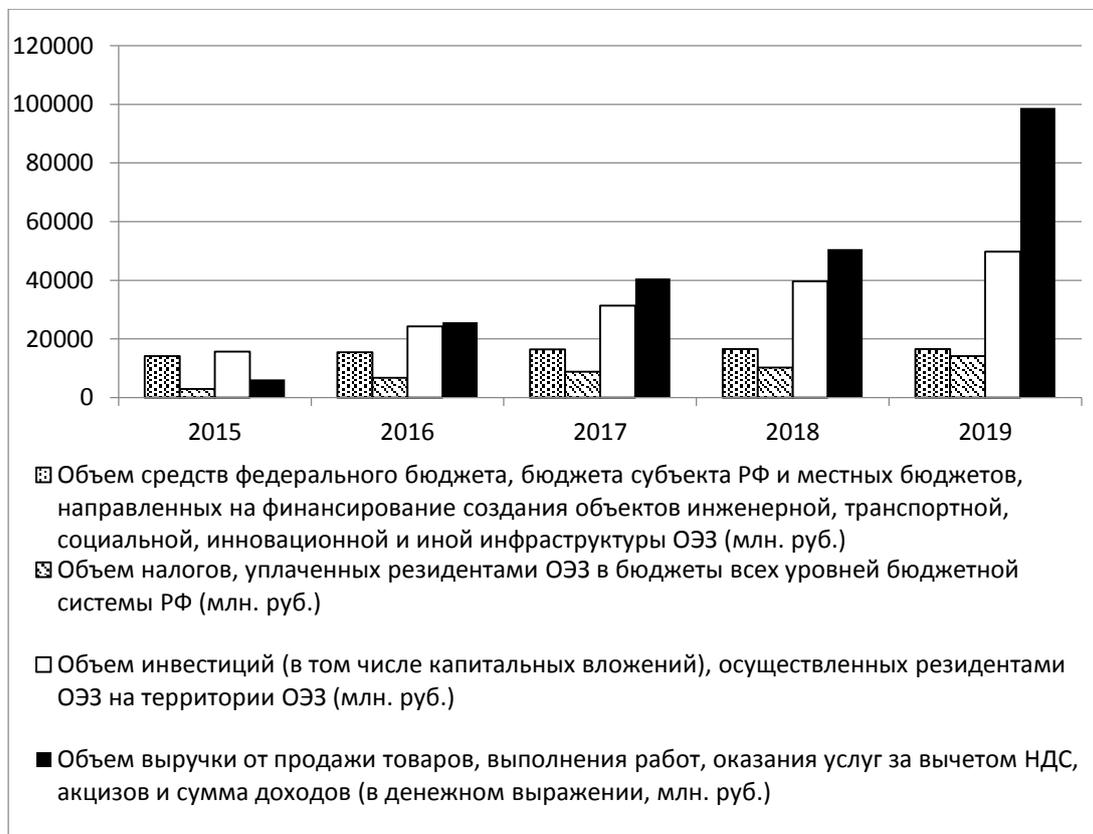

Рис. 1. Основные показатели эффективности функционирования ОЭЗ в Санкт-Петербурге [3]

Резиденты ОЭЗ в Санкт-Петербурге достаточно быстро сумели переориентировать производство на продукцию, востребованную в условиях

пандемии и диверсифицировать производство, что позволило увеличить выручку в 2020 году на 36% по сравнению с 2019 годом. Главным образом, вклад в рост этого показателя и наращивание объема частных инвестиций оказали предприятия фармацевтического кластера, которые не останавливали производство в период пандемии. В частности, наибольшие объемы выручки получили Биокад, Вертекс и Новартис Нева. Несколько резидентов скорректировало сроки реализации проектов. В целом резиденты стремятся подстроиться под текущие запросы рынка. На данный момент на территории ОЭЗ в Санкт-Петербурге запущен выпуск тест-систем, средств индивидуальной защиты, упаковки для антисептиков, аппаратов для дезинфекции общественного транспорта и помещений, также запущено производство вакцины Спутник –V и подготавливается переход к запуску производства одного из компонентов «ЭпиВакКорона» и др. Рост объемов выручки прогнозируется и в 2021 году.

ОЭЗ в Калининградской области по правовому режиму занимает промежуточное положение между ОЭЗ и территориями опережающего развития. Данная зона создана в 1994 году, в 2016 году были внесены изменения в правовой режим (продлено действие, расширены границы, изменены льготы и пр.), что способствовало притоку новых резидентов на данную площадку. Количество резидентов в 2019 году – 249. [2] Эксперты оценивают ОЭЗ в Калининградской области в сравнении с другими ОЭЗ функционирующими в европейской части России как менее инвестиционно привлекательную, хотя для резидентов, экспортирующих продукцию или завозящих сырье из-за границы, её географическое положение весьма удобно.

В настоящий момент вектор развития зоны направлен на поддержку проектов АПК, пищевой промышленности и IT-технологий. По данным направлениям ОЭЗ демонстрирует системное и поступательное развитие. Резиденты ОЭЗ в Калининграде также не приостанавливали свою работу в 2020 году, так как своевременно были приняты антикризисные меры на региональном уровне. Предприятия оценивают ситуацию как стабильную, так как регион финансово-устойчив, имеет хорошую динамику расходов, что позволило предусмотреть в бюджете региона меры поддержки для предпринимателей, в том числе в тех сферах, которые развиваются на базе ОЭЗ. В 2020 году ОЭЗ в Калининградской области была отмечена в международном рейтинге GlobalFreeZonesoftheYear в трех номинациях: логистика, новые инвестиции и программа релокации.

В целом рассмотренные ОЭЗ оказались в сравнительно более выгодном положении, чем остальные ОЭЗ на территории России. Многие резиденты ОЭЗ приостанавливали свою работу, так как перевести работников на удаленный формат в виду специфики деятельности не представлялось возможным. Соответственно это повлекло продление сроков реализации

инвестиционных проектов, перенесения строительных мероприятий и ввода в эксплуатацию объектов инфраструктуры на территории ОЭЗ. Также резиденты столкнулись с трудностями, связанными с поставками импортного оборудования и сырья, привлечения иностранных специалистов. Можно ожидать, что из-за невозможности выполнить свои инвестиционные обязательства часть резидентов покинет ОЭЗ. Специальных мер поддержки для резидентов ОЭЗ на данный момент не предусмотрено, резиденты могут воспользоваться общей господдержкой в случае, если резидент осуществляет деятельность в наиболее пострадавших отраслях. Можно только отметить, что в отношении резидентов предусмотрено смягчение требований к показателям реализуемых проектов и проведению проверок, а также в 2020 году был запущен новый механизм господдержки инфраструктурного развития ОЭЗ, предусматривающий возмещение расходов на создание инфраструктуры регионам и управляющим компаниям ОЭЗ.

Сильнее всего пандемия отразилась на резидентах СЭЗ осуществляющих туристско-рекреационную деятельность и логистическую деятельность, которые в большей мере столкнулись с перечисленными выше проблемами. Так латвийские СЭЗ, специализирующиеся, главным образом, на осуществлении разнообразных логистических услуг, из-за введения жестких ограничений относительно цепочек поставок грузов оказались в проигрышном положении. В 2020 году падение объемов грузов было достаточно значительным, ряд резидентов был вынужден полностью остановить свою деятельность или сократить штат.

В отношении свободных портов в 2021 году принято решение о преобразовании, что было встречено бизнес сообществом с критикой. Дискуссии по вопросу о продолжении существования велись и в отношении Лиепайской ОЭЗ, но в данный момент она еще функционирует. Падение грузооборота в Лиепайской СЭЗ в 2020 году по сравнению с 2019 годом составило 10%. [4] При этом данной СЭЗ было осуществлены значительные инвестиции в инфраструктуру.

Управляющие компании латвийских СЭЗ и резиденты активно в 2020 году вели работу по цифровизации производственных процессов. Кроме того, в Резекненской и Латгальской СЭЗ были предусмотрены дополнительные меры поддержки для резидентов, такие как снижение арендной платы, возмещение средств на приобретение защитных средств, переобучение работников и пр.

Рассмотренные в данном исследовании СЭЗ находятся на различных этапах жизненного цикла, имеют различную специализацию и оценки их вклада в устойчивое социально-экономическое развитие территорий весьма противоречивы. В условиях пандемии COVID-19 мно-

гие резиденты СЭЗ оказались в достаточно сложном положении, но также для них открылись новые перспективы, связанные как с возможностью по-новому взглянуть на собственную деятельность, так и выстроить новую систему взаимодействия с управляющими компаниями СЭЗ и работниками. Пандемия COVID-19 ускорила внутренние процессы цифровизации и оптимизации деятельности резидентов и управляющих компаний СЭЗ.

Резиденты, которые пришли на площадки 10–20 лет назад, сейчас являются драйверами площадок и продолжают развитие бизнеса. Необходимы адресные программы региональной антикризисной поддержки как для якорных резидентов, так и для резидентов ОЭЗ только начинающих реализацию своих проектов, в том числе льготные целевые кредиты, налоговые каникулы, продление сроков реализации инвестиционных проектов, снижение требований к реализации проектов и проведению проверок и пр. Действующие в отношении резидентов льготы должны быть сохранены на заявленном уровне, так как стабильность работы для резидентов в настоящее время крайне важна.

Кроме того, перечисленные ОЭЗ должны продолжить свое существование, так как их вклад в развитие территорий достаточно значителен. Падение показателей функционирования зон в 2020 году оправдано сложными социально-экономическими условиями, на которые резиденты и управляющие компании СЭЗ ответили по-разному: либо направили силы на диверсификацию производств, либо инвестировали в обновление инфраструктуры. В условиях общей неопределённости крайне важно создать условия для сохранения рабочих мест, обеспечения стабильной работы производств и сохранения достигнутых успехов СЭЗ в содействии устойчивому экономическому росту территорий.

Литература

1. Андреев А.Н. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России, 2020. Выпуск 4 / А.Н. Андреев, М.М. Бухарова, Л.В. Данилов и др.; Ассоциация развития кластеров и технопарков России. – М.: АКИТ РФ, 2020. 203 с.

2. Единый реестр резидентов в Калининградской области [Электронный ресурс] / Администрация особой экономической зоны в Калининградской области. - Режим доступа: <https://oez.gov39.ru/registry/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус.

3. Отчёты о результатах функционирования особых экономических зон за год и за период с начала функционирования особых экономических зон [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития РФ. -

Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/sez/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус.

4. Статистика Лиепайского порта в 2020 году / Управление Лиепайской специальной экономической зоны. - Режим доступа: <https://lierajas-sez.lv/ru/port/statistika/39-2019-gada-lierajas-ostas-statistika>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.лат, англ, рус.

Gulyaeva V.B., PhD in Economics, associate professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
valeria.gyuliaeva@yandex.ru

THE IMPACT OF SPECIAL ECONOMIC ZONES ON SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE BALTIC REGION

Abstract. On the example of the countries of the Baltic region FEZs were studied as a tool for sustainable socio-economic development of territories. The impact of the socio-economic effects of the COVID-19 pandemic on economic growth and economic activities in the territory of the FEZ was analyzed. It is concluded that the residents of the FEZ are in a difficult situation, but also new prospects have opened up for them. For example, the opportunity to take a fresh look at the activities and organize a new interaction with the managements of the FEZ and employees.

Keywords: special economic zones; investments; sustainable development of territories.

Декина М.П., канд. экон. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
dekinamp@gmail.com

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВЫПОЛНЕНИЯ ЦЕЛИ СОКРАЩЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В РФ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЦУР

Аннотация. В статье дана статистическая оценка особенностей неравенства населения в контексте реализации цели в области устойчивого развития «уменьшение неравенства». Выполнен анализ имеющихся статистических показателей, а также показателей, связанных с проблемами не-

равенства в странах мира. Особое внимание уделено неравенству доходов населения, дифференциации заработной платы.

Ключевые слова: цели в области устойчивого развития, уменьшение неравенства, статистический анализ.

Цели в области устойчивого развития ООН направлены на улучшение ситуации в самых различных сферах, от которых зависит благосостояние и жизнь общества [9]. Одной из целей выступает «уменьшение неравенства» как между странами, так и внутри страны. Изучение проблемы неравенства остается актуальным направлением исследования, в качестве факторов влияния ученые рассматривают дифференциацию по заработной плате (территориальную, по видам экономической деятельности [3], гендерную [5], по социально-профессиональным группам, по уровню образования), неравенство в контексте наличия несовершеннолетних детей и пр. Целью данной статьи является статистический обзор ситуации неравенства в Российской Федерации.

Для оценки текущего состояния данного явления, сравнения с другими странами, а также для мониторинга ситуации во времени и степени выполнения цели Федеральной службой государственной статистики (Росстат) производится расчет системы статистических показателей. В РФ ведется разработка следующих показателей: темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40 процентов населения и среди населения в целом; доля ВВП, приходящаяся на оплату труда; совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки) [8]. Кроме того, для оценки реализации цели уменьшения неравенства выделяются показатели: доля людей с доходом ниже 50% медианного дохода; показатели, связанные с миграционными процессами, занятостью, тарифами и пр. Разработка этих показателей в РФ на данный момент не производится.

Темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40% населения и среди населения в целом в 2017 г. в РФ составили для всего населения – 2,6%, а для наименее обеспеченных 40% населения – 2,2%, что свидетельствует о достаточно небольшом отставании у менее обеспеченного населения. Расчет данного показателя выполняется по формуле для среднегодовых темпов роста в течение примерно пятилетнего периода [7].

Кроме того, на уровне стран в качестве индикаторов выступает доля оплаты труда в структуре ВВП. Данные для 2011 и 2020 г. приведены на рис.1.

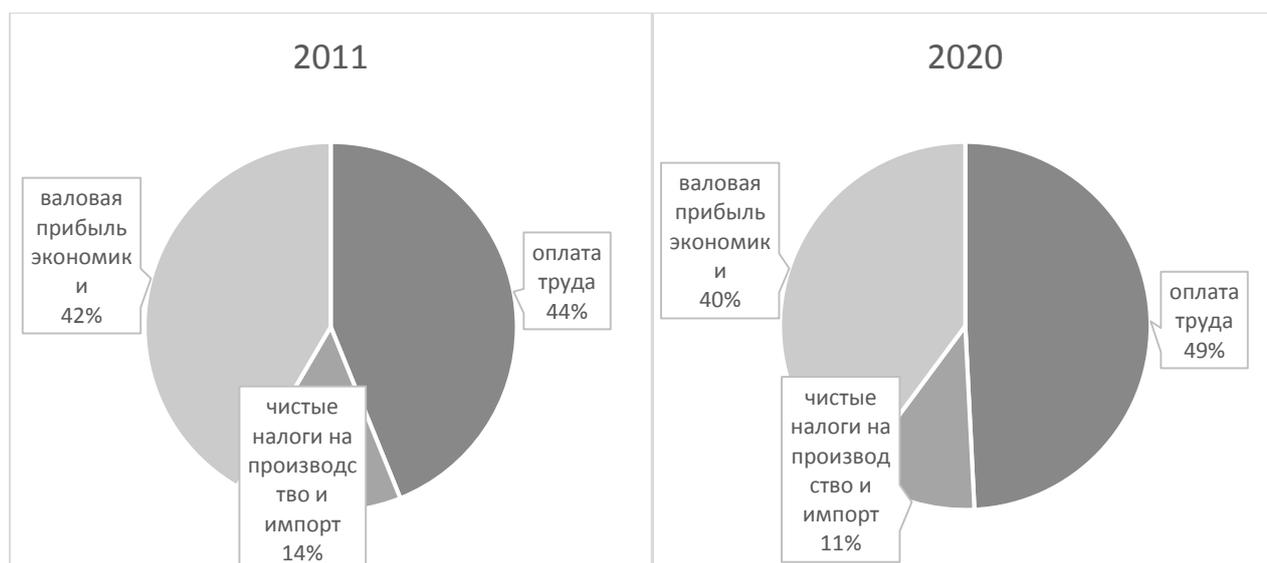

Рис. 1. Структура ВВП по источникам доходов в 2011 и 2019 г., в процентах к ВВП [4]

В структуре ВВП РФ доля оплаты труда в 2020 г. составила 49%, что на 5 п.п. больше уровня 2011 г. В целом же при рассмотрении периода 2011–2019 гг. в структуре ВВП доля оплаты труда росла до 2016 г. (48,2%), далее в 2017–2018 гг. имело место падение (минимальная доля в 2018 г. – 45,3%) , а в 2019 и 2020 г. наблюдался заметный рост. Также в структуре ВВП по источникам доходов выделяется доля чистых налогов на производство и импорт и валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы. Доля налогов за изучаемый период времени сократилась на 3,6 п.п., а доля валовой прибыли – на 1,7 п.п.

При рассмотрении неравенства важно понимать общую картину изменения доходов населения (рис. 2).

В России в 2014–2017 гг., 2020 г. имел место спад реальных денежных доходов и реальных располагаемых денежных доходов населения. Наиболее существенное падение произошло в 2016 г., когда среднедушевые реальные денежные доходы сократились на 4,5% по отношению к предыдущему году, что также оказало влияние на низкодоходные группы населения. Наиболее заметный рост реальных доходов наблюдался в 2000–2007 гг., когда значения показателя были на 10% и более выше предыдущего периода. Кризисные явления 2008 г. заметно затормозили динамику реальных доходов населения, в 2010 и 2012 гг. реальные доходы по отношению к предыдущему году были более 5%, однако в дальнейшем восстановление роста на прежнем уровне не произошло. Сокращение реальных денежных доходов населения в 2020 г. во многом связана с пандемией.

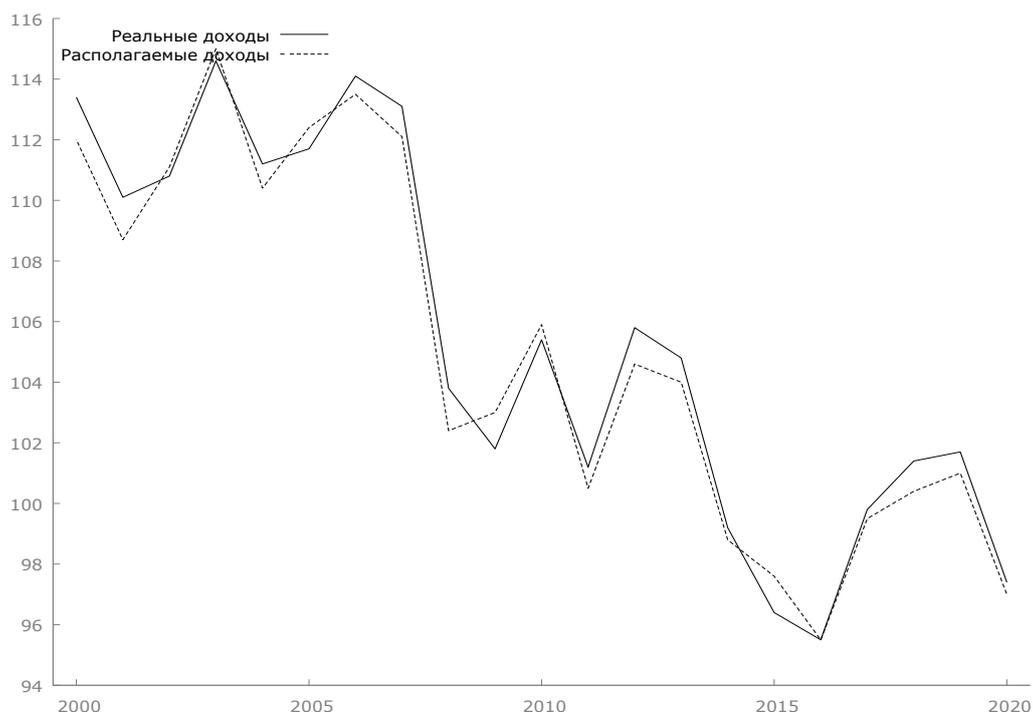

Рис. 2. Реальные денежные доходы и реальные располагаемые денежные доходы в РФ в 2000-2020 гг., процентов к предыдущему году [2]

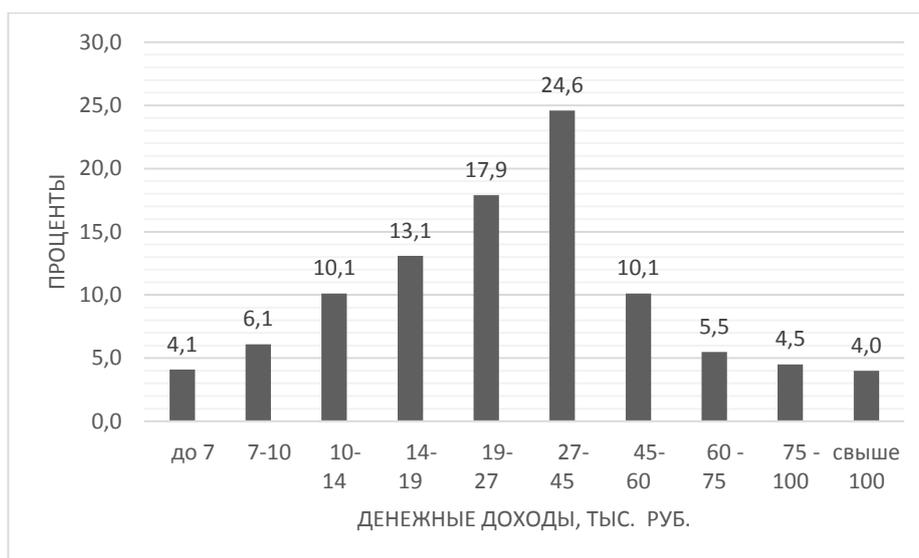

Рис. 3. Распределение населения РФ по величине среднедушевых денежных доходов в 2019 г. [2]

На рис. 3 представлено распределение населения РФ по среднедушевым денежным доходам в 2019 г. Самой многочисленной является группа со среднедушевыми доходами от 27 до 45 тыс. руб. Доля населения с доходами до 7 тыс. руб. составила 4,1%, аналогичный процент у населения в

группе с наивысшим уровнем доходов (свыше 100 тыс. руб.). В целом же доля населения в двух с наименьшими среднедушевыми доходами составила 10,2%, а в двух группах с наибольшими доходами – 8,5%.

Показателем, характеризующим уровень бедности и неравенство доходов населения выступает доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, ее значения в РФ в 2020 г. составило 17,8% (рис. 4).

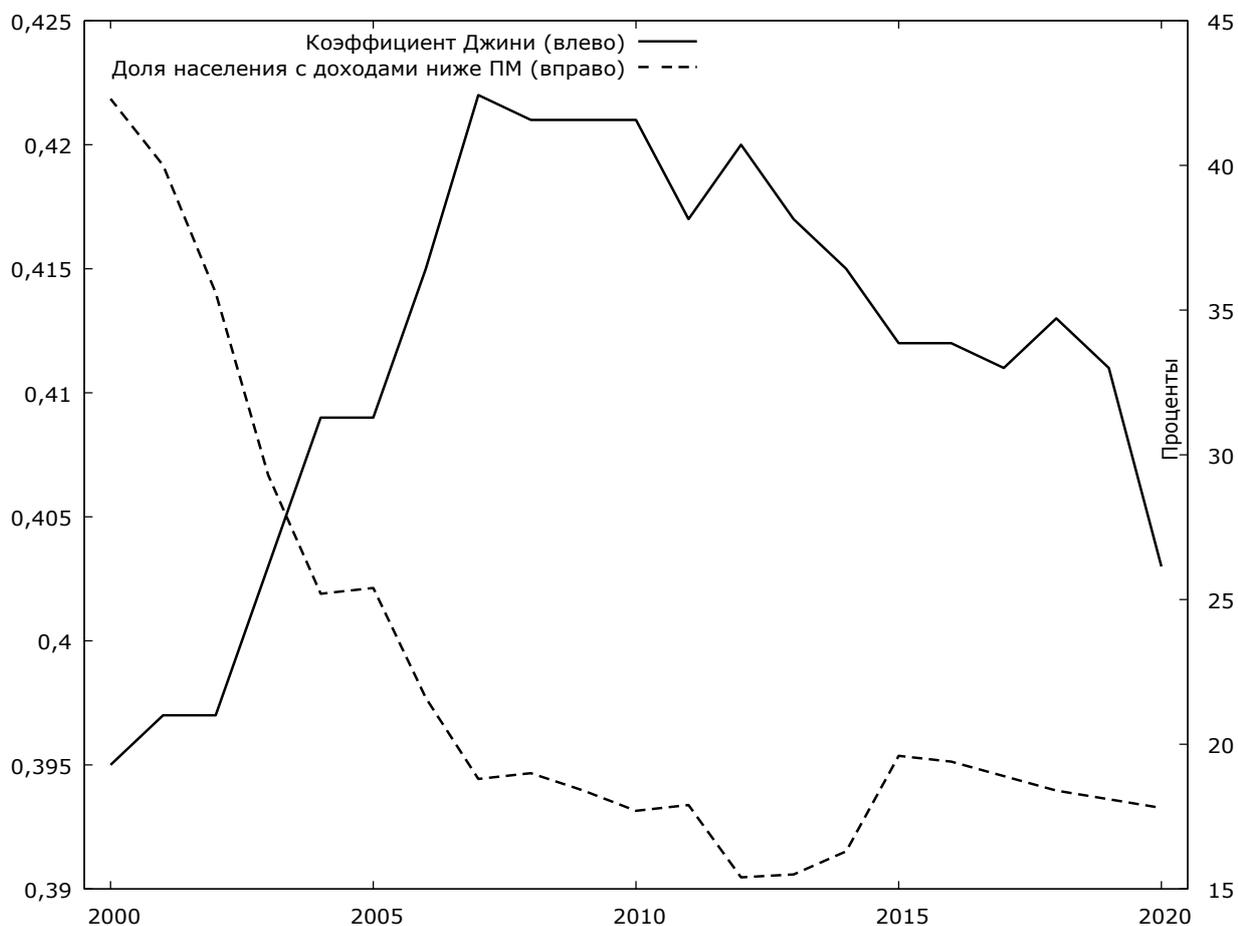

Рис. 4. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и коэффициент Джини в РФ в 2000–2020 гг. [2]

При рассмотрении доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума имеет место благоприятная динамика – в 2000 г. данный показатель составлял 42,3%, далее наблюдалось устойчивое сокращение, особенно заметное в 2002–2005 гг., в 2007 г. показатель впервые за рассматриваемый период времени стал менее 20% и составил 18,8%, что свидетельствует о сокращении неравномерности распределения доходов и увеличении доли населения с доходами выше прожиточного минимума. В дальнейшем доля населения с денежными дохо-

дами ниже прожиточного минимума находится в интервале от 15,4 до 19,6%, эти пиковые точки имели место в 2012 и 2015 гг. Спад показателя наблюдался до 2013 г., далее в связи с рецессией доля малообеспеченного населения заметно начала расти и лишь в 2017 г. наметилась тенденция на сокращение.

Для более комплексной неравномерности распределения доходов населения исследователями используется индекс концентрации доходов или коэффициент Джини. В РФ в 2000–2020 г. в динамике коэффициента Джини можно выделить два периода: 2000–2007 гг., характеризующийся устойчивым ростом дифференциации, и 2007–2020 гг., в котором значения показателя начали сокращаться с небольшой колеблемостью. Пик неравенства приходится на 2007 г., в 2020 г. коэффициент Джини составил 0,403.

В структуре доходов населения главная роль традиционно отводится заработной плате, ее доля в 2020 г. составила 58,5% [6]. Наблюдается сокращение различий в оплате труда между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми работниками. Так, в 2000 г. средняя заработная плата 10% работников с наибольшей в 34 раза превышала среднюю заработную плату у 10% с наименьшей заработной платой. С 2009 г. по настоящее время это соотношение не превышает 17 раз, а в 2019 г. достигнут наименьший уровень – 13 раз [1].

При рассмотрении распределения общей суммы начисленной заработной платы по 10%-м группам работников доля заработной платы в первой группе в 2019 г. составила 2,5%, что чуть в более два раза больше, чем в 2000 г. Доля же общей суммы заработной платы в десятой группе с наибольшей заработной платой в 2019 г. – 33,1%, что меньше уровня 2000 г. на 3,3 п.п. [1].

Показатели неравномерности распределения заработной платы в контексте анализа неравенства свидетельствуют о тенденции его сокращения.

Проблема неравенства в контексте доходов имеет важное значение для социально-экономической атмосферы в стране, а также выработки направлений политики государства. В РФ имеет место дифференциация как по доходам, так и по величине заработной платы, что говорит о необходимости постоянного мониторинга данных показателей и дальнейшей оценки факторов влияния.

Литература

1. Заработная плата / Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs

2. Краткосрочные экономические показатели – 2021 г. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_02/Main.htm
3. Мхитарян В.С., Сарычева Т.В. Прогнозирование занятости населения в Российской Федерации по видам экономической деятельности // Вопросы статистики. – 2017. – №3. – С. 18–29.
4. Национальные счета / Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>
5. Ощепков А.Ю. Гендерные различия в оплате труда в России. Препринт WP3/2006/08. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.
6. Структура денежных доходов по источникам формирования/ ЕМИСС. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31501>
7. Темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40 процентов населения и среди населения в целом за год, предшествующий предыдущему (10.1.1) / ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/59156#>
8. Уменьшение неравенства/ Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/data/goal10>
9. Цели в области устойчивого развития ООН. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

Dekina M.P., PhD in Economics, associate professor
Saint Petersburg State University of Economics
dekinamp@gmail.com

STATISTICAL OVERVIEW OF FULFILLMENT OF THE GOAL OF REDUCE INEQUALITY IN THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTING THE SDG

Abstract. The article provides a statistical assessment of the peculiarities of population inequality in the context of the implementation of the sustainable development goal “reduce inequality”. The analysis of available statistical indicators, as well as indicators related to the problems of inequality in the countries of the world. Particular attention is paid to the inequality of incomes of the population, the differentiation of wages.

Keywords: sustainable development goals, reduce inequality, statistical analysis.

Коль О.Д., канд. экон. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
o.kol@uneccon.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. Города являются центрами интеллектуальной деятельности, торговли, культуры, науки, промышленности и инноваций, социального развития и многого другого. Но при этом многие из них становятся эпицентрами кризисов. Основным источником загрязнения окружающей среды в крупных городах является транспорт. В статье приводятся современные тренды, влияющие на устойчивое развитие транспортно-логистического комплекса (ТЛК), формулируются важнейшие направления устойчивого развития ТЛК Санкт-Петербурга и выявляются механизмы, обеспечивающие этот процесс, а также основные инструменты «зелёной» логистики. Также указывается на новый тренд развития ТЛК – переход на низкоуглеродное развитие.

Ключевые слова: устойчивое развитие, транспортно-логистический комплекс, крупный город, зелёная логистика.

Программа развития городов, которая была принята в октябре 2016 года в Кито, представляет собой стратегию строительства и развития экологически устойчивых и благополучных городов. При 11 цельустойчивого развития (ЦУР) также ставит задачу развивать города в интересах всех их жителей и превратить их в центры инноваций и социальных изменений. Именно поэтому сегодня экологические проблемы для крупных городов приобретают первостепенное значение.

Как известно, основным источником загрязнения атмосферного воздуха, воды, почвы в крупных городах является транспорт (грузовой и пассажирский), причём в основном автомобильный транспорт. Несмотря на то, что другие виды транспорта – железнодорожный, воздушный, морской и речной – считаются более «чистыми», они также вносят свой «вклад» в загрязнение окружающей среды.

В настоящее время можно выявить следующие проблемы крупных городов, в том числе и Санкт-Петербурга, возникающие от влияния транспорта:

➤ превышение санитарно-гигиенических нормативов качества окружающей среды (например, средняя за год концентрация некоторых токсичных компонентов (CO, NO_x, CnHm) превышена в среднем в 2 раза);

- ухудшение здоровья жителей и гостей города;
- значительный ущерб памятникам архитектуры, скульптуры, дворцовым и парковым ансамблям, что приводит к снижению привлекательности города как крупного туристского центра;
- необходимость увеличения объёма финансирования, направляемых на решение экологических проблем из бюджета города в ущерб другим статьям бюджета;
- изъятие земель, в том числе территорий парков, скверов и т.д. для строительства для строительства транспортно-логистической инфраструктуры

В то же время следует учитывать тот факт, что грузовой транспорт выступает сегодня «связующим» звеном в цепи поставок и доведения готовой продукции от промышленных предприятий до потребителей – жителей города. Поэтому очень важно осуществлять эффективное взаимодействие всех видов транспорта на территории крупного города с целью обеспечения как качественной и своевременной доставки товара, так и его экологической устойчивости.

В новой Транспортной Стратегии России до 2030 г. впервые одной из целей выступает «снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду», а также две цели обозначены как «улучшение транспортной доступности», что соответствует принципам устойчивого развития. То есть в ней заложено, что при развитии транспортной системы страны необходимо ориентироваться на экономичное и эффективное использование всех видов ресурсов (природных, финансовых и др.), при котором будущие поколения будут жить, по крайней мере, не хуже нынешних. [2]

Сегодня на устойчивое развитие транспорта влияет множество трендов. К наиболее значимым, по нашему мнению, следует отнести следующие:

- изменения в поведении потребителей (например, появление нового потребителя – переход поколения миллениалов во «взрослую» жизнь, которые с рождения привыкли к технологиям, быстрому темпу жизни и новым впечатлениям);
- изменение географии мировой торговли (например, заключение соглашений о свободной торговле, торговые войны и барьеры, интернационализация транспортных услуг, реализация мегапроекта «Один пояс и один путь», развитие наземной транспортной инфраструктуры (железные дороги и автодороги), развитие международных транспортных коридоров и т.д.);
- пандемия COVID-19;
- изменение динамики внутренних российских рынков привело к повышению уровня зрелости электронной коммерции, росту экономики

совместного потребления, появлению новых игроков на международных рынках и постоянной необходимости повышать эффективность деятельности;

- цифровизация операционных и договорных процессов;
- изменения бизнес-процессов транспортно-логистических компаний, связанных с автоматизацией и внедрением нового программного обеспечения и оборудования.

Поколение миллениалов сегодня обращается к новому тренду – здоровому образу жизни. При этом 70% готовы переплачивать за бренды, которые поддерживают здоровый образ жизни, а 69% готовы платить за более дорогостоящие «органические» продукты.

А цифровизация усугубила такие проблемы, как нехватка квалифицированных специалистов, низкий уровень доступности новых технологий для малых и средних предприятий, необходимость осуществления изменений в законе о защите данных и трудовом законодательстве и т.д.

На начальном этапе пандемии COVID-19 весной 2020г. именно сбои в работе транспорта привели к серьёзным проблемам в различных отраслях экономики не только городов, а и отдельных регионов и стран. При этом следует отметить не только её крайне негативное влияние, а и отметить её положительную сторону - есть бизнесы, которым она принесла новые перспективы. С одной стороны, она привела к кардинальному ограничению транспортной активности. Однако общемировым трендом стала смена производителями автотранспорта и морского транспорта на железнодорожный.

Поэтому можно говорить о том, что транспортно-логистическая сфера любого территориального образования, в том числе и крупных городов, выступает сегодня «кровеносной системой», которая обеспечивает его эффективное и бесперебойное функционирование. При этом период пандемии показал, что деятельность транспортных и логистических компаний настолько тесно взаимосвязана. Что необходимо говорить о транспортно-логистическом комплексе (ТЛК) территориальных образований – различных страновых интеграционных объединений (например, ЕАЭС, ЕС и др.), отдельных страны, регионов, крупных городов и т.д.

В связи с этим уточним основные направления устойчивого развития транспортно-логистического комплекса (ТЛК) Санкт-Петербурга:

— строительство новых логистических и мультимодальных центров, позволяющих повысить эффективность логистических предприятий и грузовых перевозок;

— внедрение специализированных технологий на складе с целью рациональной организации складского помещения и, как следствие, сокращения складских территорий и энергопотребления;

- развитие транспортных развязок, строительство новых дорог;
- сокращение доли автомобильных перевозок, замещение их железнодорожными и морскими (в том числе развитие контейнерных перевозок);
- мониторинг и широкое осведомление жителей города и его гостей об экологической ситуации и мерах по её улучшению;
- обеспечение информацией потребителей об экологической направленности деятельности компаний путём маркировки упаковки специальными знаками;
- развитие и стимулирование переработки отходов, снижение тарифов на утилизацию (многие предприниматели не довозят отходы до зон переработки и оставляют их у ворот утилизационных предприятий из-за высоких расценок сдачи отходов). [1, с. 64]

Реализация вышеприведённых направлений возможна на основе взаимодействия предприятий транспортного комплекса крупного города, который включает в себя и международных гигантов (например, Maersk) и малые предприятия с численностью работающих 4-5 человек, причём не только непосредственно транспортных – автомобильных, морских и речных перевозчиков, авиационных и железнодорожных, а и экспедиторских компаний, складов, контейнерных терминалов, компаний по переработке отработанного топлива, различного вида отходов (например, автомобильных шин), производителей автомобильного и авиационного топлива и т.д.

По нашему мнению, наиболее актуальными механизмами достижения ЦУР в сфере ТЛК Санкт-Петербурга как крупного города должны стать следующие:

- дальнейшее развитие системы «Умный город»;
- совершенствование пространственного планирования и проектирования транспортно-логистических узлов;
- стимулирование процесса перехода транспортных компаний (в первую очередь, крупных) на принципы «зелёной» логистики;
- внедрение и развитие промышленного симбиоза;
- развитие процесса декарбонизации деятельности крупных транспортных компаний.

Сегодня главной проблемой является то, что очень высокие темпы роста автомобилизации и крупные грузопотоки, идущие через Санкт-Петербург транзитом, а также формирующиеся в самом городе, создают огромную нагрузку на дорожную инфраструктуру, у которой есть ряд существенных недостатков в плане структуры и управления, в то время как общественный транспорт, страдающий от заторов на дорогах, является недостаточно привлекательной альтернативой индивидуальному автотранспорту даже в самое напряжённое время и на самых перегруженных участках сети. Поэтому одним из основных направлений обеспечения устойчивого развития ТЛК Санкт-Петербурга является перевод грузо- и

пассажиропотоков с автотранспорта на железнодорожный, а также модернизация транспортного каркаса как самого города, так и Ленинградской области. Например, реализация Концепции по развитию Санкт-Петербургского железнодорожного узла и вынос транзитного грузового движения из центральной части Санкт-Петербурга в пригороды позволит значительно сократить объёмы вредных выбросов в городе, что приведёт к улучшению и повышению качества городской среды.

Особого внимания заслуживает расширение использования инструментов «зелёной логистики» в ТЛК города. К ним следует отнести следующие: оптимизация маршрутизации движения автомобилей, прогнозирование поставок продукции (товаров) как непосредственно для обеспечения самого их производства (логистика снабжения), так и готовой продукции потребителям, использование электронных документов, облака и приложений для водителя, использование электронного документооборота (ЭДО), эффективное планирование процесса погрузки на складах, организация цепей поставок на основе совместного использования тары и коллаборации при доставке грузов, развитие процесса маркировки разных групп товаров, использование центров консолидации грузов, внедрение беспилотных и электрических автомобилей, развитие ночной доставки и т.д.

Сегодня новым направлением создания устойчивого развития ТЛК крупного города выступает тренд перехода мирового сообщества на низкоуглеродное развитие. Причём оно подразумевает необходимость изменений среды ведения бизнеса, а также формирования корпоративной стратегии устойчивого развития. То есть компания в сотрудничестве с правительствами и гражданским обществом должна активно вносить вклад в создание более целостного и устойчивого мира. Следует отметить, что из множества российских транспортно-логистических компаний пока только ОАО «РЖД» участвует в этом процессе.

Однако, представляется, что развитие данного тренда в России приведёт к глобальному изменению цепей поставок, что непосредственно отразится и на ТЛК Санкт-Петербурга, как одного из значимых участников этого процесса.

Литература

1. Коль О.Д. «Зелёная» логистика как тренд развития промышленного симбиоза в транспортном комплексе крупного города (на примере Санкт-Петербурга) // Окружающая среда Санкт-Петербурга. Специализированный выпуск. Балтийский промышленный симбиоз. – СПб., 2020. – С. 61–64

2. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р. URL:<https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009>

Kol O.D., PhD in Economics, associate professor
Saint-Petersburg State University of Economics
o.kol@unecon.ru

THE MAIN DIRECTIONS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TRASPORT AND LOGISTICS COMPLEX OF SAINT PETERSBURG

Abstract. Cities are centers of intellectual activity, trade, culture, science, industry and innovation, social development, and more. But at the same time, many of them become epicenters of crises. Transport is the main source of environmental pollution in large cities. The article presents modern trends affecting the sustainable development of the transport and logistics complex (TLC), formulates the most important directions for sustainable development of the TLC of St.-Petersburg and identifies the mechanisms that ensure this process, as well as the main tools of "green" logistics. It also points to a new trend in the development of TLC - the transition to low-level development.

Keywords. Sustainable development, transport and logistics complex, large city, green logistics.

Кочетков С.В., д-р экон. наук
Общероссийская общественная организация
«Вольное экономическое общество России»
kochetkov-75@inbox.ru

Кочеткова О.В., канд. экон. наук
независимый учёный-экономист
kochetkova.olesya@bk.ru

ИННОВАЦИОННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье разработан методологический подход к формированию и регулированию инновационного состояния экономики. Для этого разработан метод экономической оценки инновационного развития. Построена экономико-математическая модель инновационного развития России. Подчёркивается, что тесситура инновационного развития является определяющим индикатором устойчивого функционирования экономики.

В заключении предложен комплекс мер по обеспечению устойчивости экономического роста.

Ключевые слова: инновационное состояние; инновационное развитие; оценка эффективности; инновационный потенциал; тесситура.

В настоящее время перед Россией стоит главная задача увеличения темпов роста экономики. Тенденция экономического роста за последние годы демонстрирует то, что используемые его источники полностью себя исчерпали, а, точнее говоря, — не дали и не дают того эффекта, которого от них ожидали. На наш взгляд, и не обеспечат рост экономики в перспективе. Только инновационное развитие является тем необходимым условием, при котором обеспечивается устойчивый рост производства [1].

Происходящие в нашей стране структурные изменения и институциональные преобразования отодвинули инновационное развитие на задний план экономического строительства. Бесконечные реформы разобрали этот главный двигатель роста производства, реального сектора экономики, и, в конечном итоге, экономического роста. Цепочка приложения усилий: научные исследования (Н) — внедрение результатов научных исследований в производство (ВП), т. е. доведение их до серийных образцов — освоение экономикой результатов научных достижений, т. е. их массовое производство и реализация инновационной продукции — разорвана, и её элементы функционируют каждый в отдельности.

В этом плане для преодоления имеющегося разрыва и устранения постоянно возникающих противоречий между Н и ВП крайне важно разработать концепцию устойчивого развития экономики.

Такой выбор цели обусловлен решением следующей системы задач. На начальном конституирующем этапе исследования нас интересует создание теоретической конструкции инновационного состояния экономики. В последние годы в нашей стране возможности роста объёма инновационных товаров, работ, услуг (ИПР), связанные с такими факторами, как Н и ВП, на основе медленно прогрессирующих технологий быстро уменьшаются, так что некоторый минимальный уровень инновационного развития становится определяющим условием поддержания экономики. И выражаться он должен в росте производства ИПР в нашей стране.

Таким образом, теоретическую конструкцию инновационного состояния экономики составляют компоненты:

- на «входе» — труд учёных, выражаемый затратами на Н, а также накопление капитала, характеризующееся затратами на ВП;
- «выход» — определяется объёмом ИПР.

В соответствии с предлагаемым подходом, который заключается в выяснении влияния затрат на Н и затрат на ВП на рост объема ИПР, представляется возможным определить меру такого воздействия, что показывает его уникальность (см. таблицу).

Инновационное состояние экономики России (руб.)

Показатель	Анализируемый период, годы					
	1991		...		2020	
	В текущих ценах	В сопоставимом виде	В текущих ценах	В сопоставимом виде	В текущих ценах	В сопоставимом виде
Затраты на научные исследования						
Затраты на внедрение результатов научных исследований в производство						
Объем инновационных товаров, работ, услуг						

Новая полоса изысканий завершится выработкой метода экономической оценки инновационного развития хозяйственной системы любого уровня сложности (предприятие; их объединения; отрасль; территория; экономический район; экономика в целом). Придерживаясь данного положения, нам следует выявить уровень влияния затрат на Н и затрат на ВП на рост объема ИПР в нашей стране, а также вклад указанных затрат в темп их прироста.

В исследуемой проблематике темп прироста ИПР выражает уровень инновационного развития, который является ничем иным, как показателем эффективности управления экономикой.

Особое научно-теоретическое значение для анализа имеет разработка *метода оценки инновационного развития экономики*. Как попытка преодолеть недостатки в существующих подходах к оценке инновационного развития, *суть предлагаемого метода заключается в определении уровня инновационного развития экономики, характеризующегося оценкой темпов прироста ИПР на основе совместного влияния Н и ВП, их обеспечивающих*.

Сущность этих требований сводится к выявлению и обоснованию закономерностей совокупного влияния факторов — затрат на Н и затрат на ВП — на воспроизводство ИПР. В общем, *инновационное развитие представляет собой совокупность основных параметров и характеристик инновационного состояния экономики в определенный момент (или интервал) времени, с помощью которых определяется его уровень*. Следовательно, развитие экономики является ничем иным, как последовательной сменой её инновационных состояний и создание соответствующего ему механизма организации и управления.

Вытекающие отсюда вопросы оценки эффективности Н и ВП и определения степени их комплексного влияния на рост ИПР привлекли наше внимание к теоретико-формальному аппарату производственной функции.

Новые задачи выдвигают и новые подходы к их решению. Выстраивая зависимость между объёмом производства ИПР (Y) и такими факторами, как Н (X_1) и ВП (X_2), прибегнем к построению мультипликативно-степенной производственной функции:

$$Y = a_0 \times X_1^{a_1} \times X_2^{a_2}, \quad (1)$$

где a_0 — инновационный резерв (общая факторная производительность);

a_1, a_2 — совокупные инновационные возможности.

Коэффициенты a_0, a_1, a_2 являются расчётными величинами при исследовании комбинаторного влияния Н и ВП на рост объёма ИПР в экономике.

Из сказанного следует, что производственная функция устанавливает закономерную, относительно устойчивую количественную связь между «входом» — затраты на Н и затраты на ВП — и «выходом», характеризующимся объёмом ИПР в нашей стране.

Информационную базу исследования составляют данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Международного валютного фонда (МВФ, IMF).

В этой связи результатом регулирования инновационного состояния экономики является эффективность научных исследований и эффективность внедрения их результатов в производство. Для расчёта этих показателей применяется анализ предложенной нами производственной функции. К определяющим показателям оценки взаимодействия Н и ВП относятся показатели их предельной эффективности. В этом случае показатель эффективности выражается количеством единиц инновационных товаров, работ, услуг, произведённых на один рубль указанных затрат. Значения этих показателей говорят нам о том, насколько увеличится объём ИПР при изменении рассматриваемых затрат на единицу.

С помощью разработанного нами варианта производственной функции реальные темпы прироста ИПР раскладываются на совокупный вклад факторов — затрат на Н и затрат на ВП, влияющих на него. Специальные расчёты (например, методом цепных подстановок) в этом плане раскроют меру такого воздействия.

Важно отметить, что размер вклада научных исследований и размер вклада внедрения их результатов в производство демонстрируют степень использования инновационного потенциала экономики, а также их воздействие на темпы прироста ИПР за анализируемый период.

В свете сказанного, регулирование инновационного состояния российской экономики с помощью таких параметров, как эффективность научных исследований и эффективность внедрения их результатов в производство, и характеристик — вклад научных исследований и вклад внедрения их результатов производство в рост объёма ИПР и особенно его размер — позволяют говорить о новой модели инновационного развития экономики. Построенная нами модель вскрывает меру воздействия указанных факторов на темп прироста ИПР в нашей стране, который, в свою очередь, показывает уровень инновационного развития российской экономики, характеризующий ничто иное, как её новое качество.

Обобщая всё вышесказанное, особо подчеркнём, что оценку эффективности инновационного развития экономики наиболее полно раскрывает показатель тесситуры. В целом, тесситура инновационного развития выражается сопоставлением инновационных возможностей и инновационного резерва с темпами прироста ИПР. При этом экономическая оценка инновационного развития заключается в том, насколько использование вновь вводимых ресурсов — затрат на Н и затрат на ВП — воздействует на темпы роста ИПР. Более наглядно это проиллюстрирует динамика указанных показателей. Определяющим здесь является показатель инновационного резерва, при расчёте которого выясняется, как имеющиеся возможности влияют на уровень инновационного развития экономики, т. е. как изменяются темпы прироста ИПР при увеличении использования имеющихся в наличии инновационных возможностей.

Подводя итог, следует отметить, что главная задача современного этапа развития российской экономики — обеспечение устойчивости производства на основе всестороннего освоения результатов научных исследований. Сейчас важно научиться ещё более целенаправленно управлять пропорциями и элементами инновационного состояния экономики, комбинировать их воздействие, обеспечивать перевод из базового состояния в планируемое, иначе нельзя перейти к интенсификации использования производственных ресурсов, и невозможно обеспечить более высокие темпы роста экономики.

Всё это убедительно доказывает, что успешное воздействие (формирование и регулирование) на инновационное состояние придаст свежий импульс и может запустить новые механизмы инновационного развития нашей экономики — созданию новой системы организации и управления научными исследованиями в нашей стране, т. е. централизованного управления, механизмом реализации которого должен стать единый план науки и производства. Именно сегодня настал момент поиска, выработки и использования новой системы организации и управления наукой и промышленностью в Российской Федерации, и особенно их взаимосвязи и взаимодействия.

Изложенные меры и инициативы следует принять государству в самое ближайшее время, что позволит обеспечить устойчивое развитие экономики в ближайшей перспективе.

Литература

1. Ломовцева, О. А. Инструментарий измерения экономической эффективности инновационного потенциала / О. А. Ломовцева, С. В. Кочетков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2010. – № 19 (90). – С. 56-64.

Kochetkov S.V., dr. of Economics
The Free Economic Society of Russia
kochetkov-75@inbox.ru

Kochetkova O.V. PhD in Economics
An Independent Scientist and Economist
kochetkova.olesya@bk.ru

INNOVATIVE STATE OF THE ECONOMY AS AN ELEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. The article developed a methodological approach to the formation and regulation of the innovative state of the economy. For this, a method of economic evaluation of innovative development has been de-

signed. An economic and mathematical model of the innovative development of Russia has been built. It is emphasized that the tessitura of innovative development is a defining indicator of the sustainable functioning of the economy. In conclusion, a set of measures is proposed to ensure the sustainability of economic growth.

Keywords: an innovative state; an innovative development; an effectiveness evaluation; an innovative capacity; a tessitura.

Лазарева Н.В., д-р экон. наук, проф.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Lazarevan69@mail.ru

ВНУТРЕННИЙ КОНТРОЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Проанализированы направления практической реализации глобальных целей устойчивого развития территорий. Исследовано экономическое содержание устойчивого развития территории, с учетом влияния рисков. Предложен расчет совокупного индикатора устойчивого развития территории по результатам внутреннего контроля УРТ.

Ключевые слова: устойчивое развитие; территории; риски; внутренний контроль.

Устойчивое развитие территорий (далее, УРТ) определяется разнообразием и самодостаточностью малого бизнеса, определяющего развитие местной экономики. С развитием территорий, реальность достижения глобальных целей¹ обеспечивается эффективным взаимодействием власти, реального сектора экономики, общества для:

- ликвидации нищеты, чему способствует регулирование оплаты труда не ниже минимального размера, при снижении доли денежных доходов ниже величины прожиточного минимума;
- содействия полной занятости для всех, посредством проведения статистической экономической переписи субъектов предпринимательства,

¹ В основе реализации принятого государствами ООН плана Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development лежат 17 целей устойчивого развития (далее, ЦУР), 3006 события, 1254 публикации, 5400 действия <https://sdgs.un.org/goals>

с предоставлением мер поддержки при развитии предпринимательской активности;

- гарантированной продовольственной безопасности, проводя мониторинг потребительского рынка, поддержку бесперебойного производства социально-значимых и первой необходимости товаров, в т.ч. в условиях 2019-пCoV;

- здорового образа жизни через утверждение территориальных программ укрепления общественного здоровья, наделение местных органов самоуправления полномочиями по организации и оказанию медицинской помощи, формирование у молодежи ответственного, разумного отношения к собственному здоровью;

- качественного справедливого образования, охватывающего всю жизнь, реализуя территориальные концепции развития, внедряя дистанционные массовые проекты, развивая семейное образование, информационно-образовательные ресурсы «бюджет для каждого»;

- рационального, эффективного использования водных ресурсов, сохраняя уникальные водные объекты, формируя экологическую культуру школьника, регулируя предоставление прав пользования водными объектами, оценивая экологическое их состояние, проводя очистку водоемов, торги водопользования;

- вседоступности недорогостоящих современных источников энергии, развивая «зеленую» энергетику, снижая выбросы, развивая возобновляемые источники энергии, запуская ветропарки через создание ветроэнергетических кластеров;

- устойчивого социально-экономического роста через реализацию механизма инновационного сценария соответствующей стратегии развития территории на длительный период;

- содействия всеохватной индустриализации, инновациям, стойкой инфраструктуре с помощью грантовых программ, территориальных центров инновационного, кластерного развития;

- понижения цифрового, социального, экономического, пространственного неравенства внутри страны;

- обеспечения устойчивости, открытости территорий функционируют интернет-приемные, онлайн-обращения, бюджетный калькулятор, портал «открытый бюджет», оценивается эффективность налоговых льгот;

- ответственного потребления и рационального производства, посредством ресурсосокращения, минимизации выбросов;

- восстановления экосистем, проводя утилизацию остаточных нефтепродуктов, контрольные мероприятия, расчет и взыскание ущерба;

- построения миролюбивого общества при сокращении насилий, победе над коррупцией, оперативном урегулировании споров;
- укрепления многосторонних партнерств, международного сотрудничества и т.п.

Территориальные разработки стратегий устойчивого развития позволяют представить их внешним инвесторам, оценить возможности и перспективы развития при выполнении глобальных целевых обязательств. Публикация Отчетов крупнейшими хозяйствующими субъектами¹ и отдельными регионами² в области устойчивого развития является примером их открытых ценностей, стандартов, ответственности перед миром.

Принятие нормативных документов, направленных на реализацию принципов устойчивого развития страны³, основано на сбалансированном решении социально-экономических проблем, сохранении природно-ресурсного потенциала, удовлетворении потребностей людей, что определяет три ключевых направления устойчивого развития: социальное, экологическое, экономическое. При этом, до сих пор не дано правовое определение устойчивому развитию территории, не утверждены унифицированные его индикаторы, позволяющие идентифицировать территории по уровню устойчивого и неустойчивого развития. Подмена понятий *sustainability*, *stability* представляется неоднозначным. *Устойчивое развитие территории*, являясь целевым ориентиром, предусматривает комплексное гармоничное развитие территорий, сбалансированное согласование социальных, экономических, экологических изменений во благо текущих и будущих человеческих потребностей, без ущерба природным ре-

¹ Отчет Группы Газпром о деятельности в области устойчивого развития за 2019 год// <https://www.gazprom.ru/nature/environmental-reports/>

² Ростовская область – движение к целям устойчивого развития. Информ.-анал.мат./ Ростовстат. – Ростов н/Д, 2019. – 202 с.// <https://education.southofrussia.ru/stamp.pdf>

³ Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утв. Указом Президента РФ № 440 от 01.04.1996г.; Федеральный закон "О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации" № 155-ФЗ от 31.07.1998 г.; Экологическая доктрина Российской Федерации, утв. Распоряжение Правительства РФ № 1225-р от 31.08.2002г.; Федеральный закон "Об охране окружающей среды" № 7-ФЗ от 10.01.2002г.; Градостроительный кодекс Российской Федерации № 190-ФЗ от 29.12.2004г.; Лесной кодекс Российской Федерации № 200-ФЗ от 04.12.2006г.; Водный кодекс Российской Федерации № 74-ФЗ от 03.06.2006г.; Распоряжение Правительства РФ № 2423-р от 18.12.2012г. «Об утверждении Плана действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

сурсам и без значимых рисков. *Устойчивое развитие выступает как объект, и как цель управления*, субъектами которой выступают территориальные органы власти и управления. Правовое обеспечение такого развития является первостепенной задачей, разъясняющей экономическое содержание с применением «системного и межотраслевого подхода» [1, с.37], актуального для составных его частей, в т.ч. финансовой устойчивости, основанной на сбалансированности бюджета территорий. Необходимо отметить, что устойчивое развитие характеризует состояние территории, с возможностью его оценки, через качественные и количественные характеристики выполнения планов и программ развития. Устойчивое развитие территории неразрывно связано с благосостоянием ее населения и процветанием бизнес-сообществ, осуществляющих деятельность в пределах ее границ. Право региональных органов власти устанавливать минимальные размеры заработной платы, отличные от федерального, вводить налоговые льготы, предоставлять меры поддержки, существенно повышает инвестиционную привлекательность территории для ведения бизнеса, оцениваемую с учетом инвестиционных потенциалов и рисков. Фрагментарный характер современного правового регулирования устойчивого развития территорий не способствует его системному обеспечению. Планы первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития разрабатываются и утверждаются территориями самостоятельно, с учетом оказывающих влияние рисков.

Риск как негативный фактор, способный нарушить баланс, позволяет судить о развитии территории, как устойчивом либо неустойчивом. Под влиянием рисков возникающая неопределенность в развитии может повлечь неустойчивость, неуправляемость. Поэтому комплексное понимание устойчивого развития возможно под влиянием рисков, существование которых провоцирует ситуации с негативным эффектом на устойчивое развитие. Многообразие рисков определяется различием направлений возникновения угроз. Характерными значимыми рисками, с высокой вероятностью и степенью влияния, для устойчивого развития территорий являются риски:

- политические, ограничивающие выезд и поставки сырья для внутреннего производства;
- правовые при нарушении правовых норм, низкой правовой культуре, конфликтах интересов,
- управленческие, влекущие по результатам принятых решений ущерб территории и ее населению;
- социальные, вызывающие безработицу с прекращением деятельности предприятий, инвалидность при необеспечении безопасности;

- информационные, оказывающие отрицательное влияние на информационную безопасность, имидж территории;
- экологические, обуславливающие осушения, уничтожения, разрушения природных ресурсов при строительстве, эксплуатации объектов;
- научно-технические, возникающие при низком научно-исследовательском уровне работ, нарушении техники безопасности;
- инвестиционные при низкой доходности вложений, неэффективном использовании активов;
- бюджетные, связанные с несбалансированностью, неравномерностью поступления доходов и нецелевым, неэффективным расходованием средств, другие.

Можно также выделить 2 группы рисков, влияющие на устойчивое развитие территории: внутренние, возникающие внутри территории и внешние, возникающие вне ее, но оказывающие прямое воздействие. Стремление к системному интегрированному управлению обозначенными рисками является неотъемлемой сущностью устойчивого развития, снижающему их реальную значимость. Низкая конкурентоспособность, миграция населения, доминирование иностранного капитала, истощение сырьевой базы, коррупционно-криминальное предпринимательство, формальный финансовый контроль, покрывающий нерациональное использование ресурсов, неправомерное отвлечение, перераспределение средств отрицательно сказываются на устойчивом развитии территории. Администрирование рисков предусматривает:

- выявление, идентификацию рисков;
- оценку его значимости;
- выбор и применением метода оперативного управления;
- анализ полученных результатов и мониторинг рисков. Длительное непроявление рисков ослабляет управленческое внимание, создает скрытые угрозы устойчивому развитию. При этом оказываемое рисками влияния на развитие создает импульс для последующего устойчивого развития, при сохранении и росте активов территории, расширении возможностей ее жителей. По данным¹ Росстата сохраняется тенденция роста реальных доходов более чем в 60 субъектах федерации, при сокращении высокой доли численности населения за национальной границей бедности, безработицы, неравенства, смертности трудоспособного населения, при одновременном росте индекса производства сельхозпродукции, возобновляемых источников энергии, рекультивизированных земель, получаемых

¹ Данные по показателям ЦУР <https://rosstat.gov.ru/sdg/data>

интернет-госуслуг [2, с. 9–70]. Международные сопоставления свидетельствуют, что доля населения, живущей в России за национальной черной бедности (12,3% в 2017 году) выше чем в Беларуси, Казахстане, Молдове, Украине, Китае. При этом, доля заработной платы и страховых отчислений в валовом продукте России составила в 2017 году 45,7%, что выше, чем в Казахстане на 4,7% и Украине на 2,9%, но существенно ниже (свыше 10%) чем в Азербайджане, Молдове, Бразилии, Китае, ЮАР, странах ОЭСР [2, с. 79].

Совокупный индикатор устойчивого развития территории есть сумма произведений оценочных значений полученных результатов по каждой из 17 ЦУР на их весовые значения, в т.ч. «бюджетного, социального, транспортного и экономического аспектов» [3, с. 615], за вычетом значимых рисков и нарушений искажения результатов, выявленных в результате проведенных мероприятий *внутреннего контроля УРТ*, включающего:

- контроль достижения запланированных целевых значений результатов устойчивого развития территории;
- проверку идентификации рисков, обоснованности значимости;
- контрольные мероприятия целевого и эффективного использования ресурсов, средств при достижении наилучшего результата;
- подтверждение величины совокупного индикатора и достоверности информации в отчете об устойчивом развитии территории;
- обоснование запланированных оценок ЦУР. Таким образом, достижение запланированного устойчивого развития, без значимых рисков, нарушений, при динамике роста совокупного индикатора и достоверности результатов, является гарантом стабильности развития.

Литература

1. Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения / под ред. Кучерова И.И. – М.: Контракт, ИЗиСП, 2016. – 344 с.
2. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат – М., 2020. – 79 с.
3. Ferova, I.S., Lobkova, E.V., Tanenkova E.N., Kozlova, S.A. (2019). Tools for assessing sustainable development of territories taking into account cluster effects. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 12(4), 600–626. DOI: 10.17516/1997–1370–0412 <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/110100/Ferova.pdf?sequence=1>

Lazareva N.V., dr. of Economics, prof.
Saint- Petersburg State University of Economics
Lazarevan69@mail.ru

INTERNAL CONTROL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Abstract. The directions of practical implementation of the global goals of sustainable development of territories are analyzed. The economic content of sustainable development of the territory has been investigated, taking into account the influence of risks. The calculation of the aggregate indicator of sustainable development of the territory based on the results of the internal control of the URT is proposed.

Keywords: sustainable development; territory; risks; internal control.

Львова Н.А., д-р экон. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный университет
n.lvova@spbu.ru

МОДЕЛЬ МОНИТОРИНГА РАЗВИТИЯ УСТОЙЧИВЫХ ФИНАНСОВ В ЕАЭС

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 19-010-00526

Аннотация. Развитие устойчивых финансов требует регулирования, эффективность которого в существенной степени зависит от информационно-аналитической поддержки. Руководствуясь этой предпосылкой и ведущими исследованиями в области повторяемых наблюдений за финансовым сектором, мы предлагаем рамочную модель мониторинга развития устойчивых финансов в ЕАЭС. Основные направления мониторинга, согласно данной модели, охватывают: устойчивые финансовые услуги (финансовое посредничество и вспомогательную финансовую деятельность); поставщиков устойчивых финансовых услуг (банковских и небанковских финансовых посредников, вспомогательные финансовые институты); устойчивые сегменты финансовых рынков (фондовые и срочные); институциональные условия развития устойчивых финансов (законодательство и правоприменение; профессиональное регулирование; методическое

обеспечение; специализированные финансовые центры). Предусмотрена двухуровневая система мониторинга с возможностью интеграции приоритетов устойчивого развития. Систематизированы релевантные методические решения. Фокус внимания в модели мониторинга направлен на рынок устойчивых финансовых услуг, что представляет прикладную значимость в отношении стратегии развития общего финансового рынка ЕАЭС.

Ключевые слова: устойчивые финансы; устойчивые финансовые услуги; рынок устойчивых финансовых услуг; устойчивое развитие; финансовый рынок ЕАЭС.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие устойчивых финансов является новым вызовом для стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), одновременно открывая и новые возможности. С одной стороны, ужесточение требований к финансируемым компаниям и проектам на международных финансовых рынках создает ограничения для внешнего финансирования. С другой стороны, становление национальных механизмов устойчивого финансирования и региональная кооперация в этом направлении расширяют спектр драйверов устойчивого развития.

Введение углеродного налога в Европейском союзе актуализировало вопрос модернизации модели финансового развития на международном уровне. Затраты, которые данный налог потенциально влечет для компаний, чья деятельность вносит негативный вклад в изменение климата, заставляют задуматься над стратегией ответных действий и, так или иначе, активизируют развитие устойчивых финансов. Это положение коррелирует с такими значимыми инициативами в странах ЕАЭС, как открытие сектора устойчивого развития Мосбиржи, центра зеленых финансов в МФЦ «Астана», принятие принципов ответственного финансирования Банка России, зеленой таксономии ВЭБ.РФ и др.

Необходимой методической поддержкой для обоснования стратегии и тактики новых шагов в этом направлении выступает мониторинг развития устойчивых финансов. В настоящее время в странах Союза реализуются комплексные модели мониторинга, ориентированные на обобщение и систематизацию сведений о законодательном и профессиональном регулировании новой отрасли финансовых услуг, новых рыночных решениях, информационной поддержке продвижения принципов ответственного инвестирования и пр.

Крупнейшей площадкой, объединяющей результаты подобного мониторинга, является платформа «INFRAGREEN», на которой, в частности, публикуются реестры устойчивых сегментов российского финансового рынка (устойчивых облигаций; инвестиционных фондов, работающих по

ESG-принципам; индивидуальных стратегий ответственного инвестирования; методологий ESG-оценки), а также сведения о важнейших событиях, документах, аналитических исследованиях в этой области во всех странах ЕАЭС.

Следует, однако, отметить, что за рамками указанных реестров, сведения о развитии устойчивых финансов в ЕАЭС четко не систематизированы, что в некоторой степени затрудняет их дальнейшее использование. Таким образом, цель данного исследования заключалась в разработке модели мониторинга развития устойчивых финансов, которую бы можно было применять в отношении финансового рынка ЕАЭС, в том числе для систематизации релевантных сведений.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Финансовое развитие экономических территорий (интеграционных образований, стран) требует государственного и профессионального регулирования [4], эффективность которого во многом зависит от качественной информационно-аналитической поддержки. Руководствуясь этой предпосылкой, мы обращаемся к проблеме разработке модели мониторинга развития устойчивых финансов в ЕАЭС. На данном этапе речь идет о модели, предназначенной для оценки развития рыночного сегмента устойчивых финансов или, другими словами, рынка устойчивых финансовых услуг, которая является продолжением наших исследований по вопросу формирования общего финансового рынка ЕАЭС [1; 2 и др.].

В основе авторской модели лежит принцип всестороннего охвата и фиксации происходящих изменений. Назовем его «принципом 360⁰». Реализация этого принципа означает, что модель мониторинга будет включать четыре основных направления оценки, корреспондируя с традиционными представлениями об институциональной структуре финансовых систем, которые справедливы и для рынка устойчивых финансовых услуг [8] (рис. 1).

Раскроем направления мониторинга более подробно:

1) *устойчивые финансовые услуги* следует рассматривать в разрезе услуг финансового посредничества (депозитного, договорного, инвестиционного) и вспомогательной финансовой деятельности (консалтинг, оценка, аналитика и пр.), в том числе по тематическим категориям (зеленые, включая климатические, социальные, со смешанным эффектом и пр.);

2) *финансовые институты, выступающие поставщиками устойчивых финансовых услуг*, необходимо подразделять на финансовых посредников (банковских и небанковских) и вспомогательные с учетом тематической направленности;

3) *устойчивые сегменты финансовых рынков* целесообразно анализировать, прежде всего, применительно к фондовым и срочным биржевым рынкам, включая тематические категории;

4) *институциональные условия развития устойчивых финансов* могут предусматривать оценку в разрезе следующих направлений: профильного законодательства и правоприменения; профессионального регулирования; методического обеспечения (модели оценки объектов инвестирования, рейтингования эмитентов, формирования биржевых индексов, таксономии допустимых видов деятельности и пр.); специализированных финансовых центров регионального и международного значения.

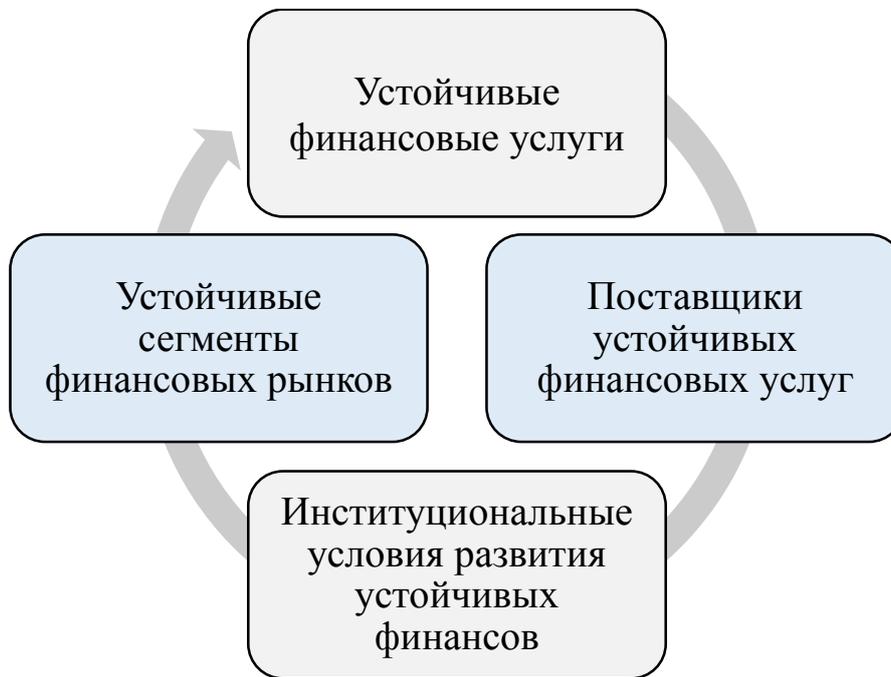

Рис. 1. Реализация принципа 360⁰ при разработке модели мониторинга развития устойчивых финансов в ЕАЭС¹

Основные и дополнительные направления мониторинга должны сопровождаться соответствующими характеристиками и методами, что позволит систематизировать инструментарий оценки темпов и уровня развития устойчивых финансов в ЕАЭС. Помимо этого, целесообразно предусмотреть методы обобщения и представления результатов. В выборе характеристик и методов мы руководствовались ведущими подходами к мониторингу финансовых систем и достижению целей в области устойчивого развития (ЦУР), включая систему показателей глобального финансового развития Всемирного банка [3], модели индексов финансового развития Всемирного экономического форума (в составе индексов национальной конкурентоспособности) [10], Международного всемирного фонда [9] и прогресса в достижении ЦУР [7].

¹ Авторская разработка.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Главным результатом исследования стала рамочная модель мониторинга развития устойчивых финансов, ключевые структурные элементы которой представлены в табл. 1.

Таблица 1. Структура модели мониторинга развития устойчивых финансов

Направления мониторинга		Оцениваемые характеристики
Основные	Вспомогательные	
1 Устойчивые финансовые услуги	1.1 Услуги финансового посредничества	<ul style="list-style-type: none"> • Видовое и тематическое разнообразие; • доступность; • качество
	1.2 Вспомогательные финансовые услуги	
2 Поставщики устойчивых финансовых услуг	2.1 Банковские финансовые посредники	<ul style="list-style-type: none"> • Институциональное и тематическое разнообразие; • глубина; • стабильность
	2.2 Небанковские финансовые посредники	
	2.3 Вспомогательные финансовые институты	
3 Устойчивые сегменты финансовых рынков	3.1 Устойчивые сегменты фондового рынка	<ul style="list-style-type: none"> • Инструментальное и тематическое разнообразие; • глубина; • эффективность; • стабильность
	3.2 Устойчивые сегменты биржевого рынка	
4 Институциональные условия развития устойчивых финансов	4.1 Законодательство и правоприменение в области устойчивых финансов	<ul style="list-style-type: none"> • Полнота; • качество; • признание
	4.2 Профессиональное регулирование рынка устойчивых финансовых услуг	
	4.3 Методическая поддержка устойчивых финансовых услуг	
	4.4 Центры устойчивых финансов	

Авторская разработка.

Мониторинг развития устойчивых финансов предполагает широкое применение экспертных оценок. Первоначально эти оценки могут применяться по всем направлениям мониторинга. По мере накопления эмпирических сведений о внедрении новых финансовых практик, методический инструментарий может быть дополнен количественными показателями,

включая коэффициенты финансовой глубины, эффективности, стабильности и пр. Спектр релевантных методов в разрезе основных направлений мониторинга приводится в табл. 2.

Таблица 2. Методы мониторинга развития устойчивых финансов

Основные направления мониторинга	Методы
1. Устойчивые финансовые услуги	<ul style="list-style-type: none"> • Качественная оценка на основе экспертных опросов
2. Поставщики устойчивых финансовых услуг	<ul style="list-style-type: none"> • Качественная оценка на основе экспертных опросов; • количественная оценка по числу и структуре институтов; показателям их глубины и доступности
3. Устойчивые сегменты финансовых рынков	<ul style="list-style-type: none"> • Качественная оценка на основе экспертных опросов; • количественная оценка по числу и структуре эмитентов и выпусков; показателям глубины, эффективности, стабильности рынков
4. Институциональные условия развития устойчивых финансов	<ul style="list-style-type: none"> • Качественная оценка на основе экспертных опросов и сравнительного анализа законодательства, профессиональных стандартов и методических документов (бечмаркинг)

Авторская разработка.

Надо отметить, что предложенная рамочная модель мониторинга развития устойчивых финансов носит универсальный характер. Адаптация модели к специфике ЕАЭС предполагает следующие методические дополнения:

- введение двухуровневой системы мониторинга, в рамках которой должны быть предусмотрены: а) сводная оценка ЕАЭС (в перспективе – оценка устойчивого сегмента общего финансового рынка); б) отдельные оценки стран Союза, которые, очевидно, различаются по уровню финансового развития [см., например, 6];

- оценки стран-участниц ЕАЭС могут быть более или менее подробными: например, содержать все этапы для формирующегося рынка Российской Федерации, исключая ряд из них для пограничного рынка Ка-

захстана и менее развитых рынков Армении, Белоруссии и Киргизии¹ (в первую очередь это может касаться устойчивых сегментов финансового рынка);

- дополнение системы показателей мониторинга индикаторами оценки эффективности развития устойчивых финансов с позиции приоритетных ЦУР [см. подробнее: ПСЭ].

Для обеспечения сопоставимости полученных результатов, по аналогии с методиками ВЭФ, следует предусмотреть балльную шкалу для качественных оценок и процедуру приведения к аналогичной шкале – для количественных. В этих целях удобно использовать шкалу от 0 до 100. Для сравнения отметим, что в методике оценки индекса финансового развития МВФ используется близкий по смыслу аналог – шкала от 0 до 1, при которой, как и в нашем случае, нормированные значения показателей удобны для восприятия, поскольку ассоциируются с процентами [9].

Нормированное значение показателя*	0-24	25-49	50-74	75-100
Оценка динамики показателя*	Ухудшение	Без изменений	Умеренное улучшение	Значимое улучшение
*Дополнительные оценки значений и динамики изменений показателя:				
В контексте приоритетов ЦУР	Негативная	Нейтральная	Умеренно позитивная	Значимо позитивная

Рис. 2. Тепловые карты для мониторинга развития устойчивых финансов в ЕАЭС²

Агрегирование результатов оценки, приведенных к сопоставимому виду, позволяет формировать индексы развития устойчивых финансов как по основным направлениям, так и в целом, что при наличии двухуровневой системы мониторинга обеспечивает объемную картину изменений

¹ Для классификации рынков см., например, методику MSCI Inc., которая применяется при формировании международных фондовых индексов [5].

² Авторская разработка.

рыночного ландшафта ЕАЭС. Кроме того, целесообразно расширить инструментарий мониторинга тепловыми картами, которые часто применяются в исследованиях устойчивого развития (рис. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В странах ЕАЭС наблюдаются становление и активное развитие устойчивых финансов. Данный процесс требует эффективного регулирования, необходимым условием которого является мониторинг. В исследовании мы предлагаем рамочную модель такого мониторинга, раскрывая ее структуру, способы адаптации к региональному и национальному уровням, релевантные методы, показатели, способы обобщения и представления результатов. Подчеркнем, что фокус внимания в модели мониторинга направлен на рынок устойчивых финансовых услуг. Таким образом, дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с нерыночными и смешанными механизмами устойчивого финансового развития. Результаты исследования имеют прикладную значимость в отношении стратегии развития общего финансового рынка ЕАЭС.

Литература

1. Львова, Н.А. Внедрение парадигмы устойчивых финансов в стратегию развития финансового рынка ЕАЭС / Н.А. Львова, О.Ю. Коршунов, З.Ю. Рахимов // Экономика и экологический менеджмент. – 2021. – №1. – С. 32-42.
2. Львова, Н.А. Ключевые направления устойчивого развития финансового рынка ЕАЭС / Н.А. Львова, Н.С. Воронова // Проблемы современной экономики. – 2020. – №4. – С. 21-24.
3. Čihák, M. Benchmarking financial systems around the world / M. Čihák, A. Demirgüç-Kunt, E. Feyen, R. Levine. – Policy Research Working Paper 6175. – Washington, DC: The World Bank Financial and Private Sector Development Vice Presidency & Development Economics Vice Presidency, 2012. – 58 p.
4. Global financial development report 2013: rethinking the role of the state in finance. – Washington, DC: The World Bank, 2013. – xx + 194 p.
5. MSCI Standard Index Series Methodology. Index Construction Objectives. Guiding Principles and Methodology for the MSCI Standard. – Equity Index Series. – 2007. – November. – 63 p.
6. Pak, O. A path to financial integration: steps for the Eurasian Economic Union / O. Pak, K. Iwata // Asia Europe Journal. 2020. Vol. 18. P. 99-115.
7. Sachs, J. The Sustainable Development Goals and COVID-19 / J. Sachs, G. Schmidt-Traub, C. Kroll, G. Lafortune, G. Fuller, F. Woelm. – Sustainable Development Report 2020. – Cambridge: Cambridge University Press.

8. Sustainable financial innovations / Ed. K. Wendt. – New-York: CRC Press, 2019. –vi + 308 p.

9. Svirydzenka, K. Introducing a new broad-based index of financial development / K. Svirydzenka. – IMF Working Paper. – 2016. – № WP/16/5. – 42 p.

10. The Global Competitiveness Index 4.0 Methodology and Technical Notes // Global Competitiveness Report 2019: How to end a lost decade of productivity growth. – The World Economic Forum, 2020. – P. 611-632.

Lvova N.A., dr.of Economics, associate professor
Saint-Petersburg State University
n.lvova@spbu.ru

A MODEL FOR MONITORING THE DEVELOPMENT OF SUSTAINABLE FINANCE IN THE EAEU

The reported study was funded by RFBR according to the research project
№ 19-010-00526

Abstract: The development of sustainable finance requires regulation, the effectiveness of which depends significantly on information and analytical support. Guided by this premise and leading research in the field of repeated observations of the financial sector, we propose a framework model for monitoring the development of sustainable finance in the EAEU. The main areas of monitoring, according to this model, cover: sustainable financial services (financial intermediation and auxiliary financial activities); suppliers of sustainable financial services (banking and non-bank financial intermediaries, auxiliary financial institutions); sustainable segments of financial markets (equity and derivate); institutional conditions for the development of sustainable finance (legislation and law enforcement; professional regulation; methodological support; specialized financial centers). There is a two-level monitoring system with the possibility of integrating the priorities of sustainable development. Relevant methodological solutions are systematized. The monitoring model focuses on the market of sustainable financial services, which is of practical importance in relation to the development strategy of the common financial market of the EAEU.

Keywords: sustainable finance; sustainable financial services; sustainable financial services market; sustainable development; EAEU financial market.

Миняева Д.Д., вед. специалист
Северо-Западный институт управления
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы
minyayeva-dd@ranepa.ru

КООПЕРАЦИЯ БИЗНЕСА И ВУЗА КАК МЕХАНИЗМ ПРОЦЕССА ЭКОЛОГИЗАЦИИ: ОПЫТ СЗИУ РАНХИГС

Аннотация. Данная статья рассматривает механизмы взаимодействия вузов и компаний в целях достижения Цели устойчивого развития и реализации процесса экологизации экономики. Автором выделяется два подхода, один из которых подразумевает совместные научные разработки и направлен на получение инновационных продуктов, а второй связан с передачей «зеленого» опыта компаний студентам и направлен на формирование экологического сознания последних. В статье рассматривается как зарубежный, так и российский опыт, и отдельно выделяется кейс проекта СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологизация, окружающая среда, бизнес, экономика, вузы, образование.

Вопросы устойчивого развития уже давно являются неотъемлемой частью стратегического развития всех организаций – как государственных, так и частных, как коммерческих, так и некоммерческих – в подавляющем большинстве развитых стран. В России процесс внедрения целей устойчивого развития (ЦУР) в стратегии развития организаций находится еще на начальном этапе. Тем не менее, постепенно все больше и больше организаций готовы принять на себя социальную и экологическую ответственность. Этому способствуют как определенные требования, предъявляемые к компаниями при выходе на IPO [1], так и растущий интерес государства к этому вопросу, выраженный, например, в публикации таких документов, как «Добровольного национального обзора достижения целей устойчивого развития (ЦУР) в России» [2] и «Гражданский обзор о реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) в России “2020-2030: Десятилетие действий ЦУР. Вызовы и решения”» [3].

Одним из важнейших направлений устойчивого развития является охрана окружающей среды (цели 6, 11-15). Последние несколько лет вопросы экологии находятся в фокусе российского правительства. Так, 2017 г. был назван Годом экологии в России, также с 2017 г. проходит Реформа отрасли обращения с твердыми коммунальными отходами (т.н.

«Мусорная реформа»), а в феврале 2021 г. президент России В.В. Путин подписал Указ «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологии и климата» [4]. Данный указ делает особый акцент на вовлечение в процесс экологизации образовательных и научных организаций.

По этой причине актуальным представляется изучение опыта кооперации коммерческих организаций и образовательных учреждений в области достижения ЦУР. Вначале будут рассмотрены концептуальные особенности данного феномена, далее будет рассмотрена текущая ситуация в развитых странах с сильной природоохранной повесткой, и в завершении будет описан российский кейс подобного взаимодействия, а именно – совместный проект Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, далее – СЗИУ РАНХиГС) и компании ИКЕА.

В Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. и ее определении ЦУР мировое сообщество выражает убежденность в том, что глобальные проблемы можно решить только совместными усилиями. Большое значение придается целевому взаимодействию субъектов политики, бизнеса, науки и гражданского общества. Само научное сообщество, в том числе университеты, все чаще выступают в качестве ключевых организационных субъектов. В контексте «Десятилетия образования в интересах устойчивого развития ЮНЕСКО», например, университеты считаются центральным элементом устойчивости. Во многих отношениях университеты действуют как мультипликаторы устойчивости; они дают важные рекомендации в отношении политических действий по устойчивому регулированию определенных промышленных секторов и разрабатывают устойчивые инновации для компаний и общества, а также вместе с ними. Соответственно, в литературе все чаще упоминается роль университетов как социальных «агентов изменений» [5]. В российских документах академическое сообщество, научно-исследовательские центры и вузы тоже все чаще упоминаются в контексте оказываемого влияния на достижение ЦУР. Отмечается, что научно-исследовательские и образовательные учреждения помогают приблизиться к достижению ЦУР как посредством собственно разработки инноваций и исследований, так и через информационные и образовательные практики [2].

Исходя из этого утверждения, можно заключить, что сотрудничество компаний и вузов происходит глобально по двум направлениям. Первое направление - это совместная работа в сфере НИОКР по созданию и развитию экологически чистых технологий, а также созданию новых подходов в управлении и внедрении новых технологий. В этом слу-

чае университеты играют важную роль в качестве исследовательских партнеров для фирм, занимающихся инновациями, ориентированными на устойчивое развитие. Часто оно проявляется в формате специализированных курсов, совместных образовательных программ или отдельных проектов. Второй способ связан с развитием экологического сознания и чаще всего подразумевает различные социальные или образовательные проекты, направленные либо непосредственно на студентов, либо на местное сообщество.

Говоря о примере кооперации первого типа, можно отметить, например, нидерландский проект *SDG-Challenge*, который объединяет 15 вузов страны и более десятка компаний – как нидерландских, как Амстердамский порт, так и глобальных, например, *Danone* и *DHL* [6]. В рамках этого проекта компании, совместно со студентами и преподавателями вузов, находят решения конкретным вызовам устойчивого развития – например, улучшают эффективность логистики доставки или ищут применение побочным продуктам производства йогуртов. Примером второго типа можно считать, например, сотрудничество Автономного университета Барселоны и водопроводной компании *AGBAR* по созданию «зеленого кампуса» вуза [7].

Вообще, во многих регионах вузы объединяются под эгидой стремления к достижению ЦУР. Так, например, можно отметить подписанное, при поддержке более 60 сетевых партнеров, поддерживающих устойчивое развитие, в 2017 г. Соглашение о достижении целей устойчивого развития Экологической ассоциацией университетов и колледжей (*The Environmental Association for Universities and Colleges*). Также можно упомянуть американскую Ассоциацию за продвижение устойчивого развития в высшем образовании (*The Association for the Advancement of Sustainability in Higher Education*).

В России взаимодействие вузов и компаний в области устойчивого развития еще недостаточно налажено. В первую очередь здесь стоит отметить, что с ростом интереса к вопросам охраны окружающей среды и в целом к устойчивому развитию первый тип кооперации стал активно развиваться – особенно в технических вузах. Так, «Газпром» и «Росатом» известны своей поддержкой НИОКР в таких вузах, как ЛЭТИ, СПбГУ, НИ ТПУ и пр. Наиболее ярким примером в этой области можно считать деятельность компании «РУСАЛ», известной своими инновационными разработками в сфере охраны окружающей среды и четко выраженным стремлением к декарбонизации [8]. Эта алюминиевая компания много лет выстраивает успешное взаимодействие с российскими вузами в различных

областях, в том числе, в области природоохранных исследований и устойчивых технологий. В пример можно привести многолетнее сотрудничество компании РУСАЛ и Иркутского НИТУ, в том числе – и в сфере разработки инновационных «зеленых» технологий. Так, в результате совместной работы инженеров из компании и ученых вуза были созданы технические решения по переработке футеровки электролизеров [9]. Также компания ведет систематическую работу со студентами. Так, в четырех вузах-партнерах (Сибирском федеральном университете, Сибирском государственном индустриальном университете, Иркутском национальном исследовательском университете и Волгоградском техническом университете) РУСАЛом открыты специализированные филиалы головного Корпоративного центра Молодежных инициатив компании – т.н. «Лаборатории РУСАЛа», где студенты могут трудиться над проектами в области материаловедения, электролиза, энергосбережения и экологии. Этот пример можно считать успешным в первую очередь потому, что такое взаимодействие приводит к реальным изменениям в индустрии, делая производство более экологичным.

Второе направление взаимодействия в целом развито чуть меньше, поскольку не несет прямых выгод для компаний. Чаще всего внедрением экологического сознания среди студентов занимаются либо структуры вуза, либо природоохранные НКО. СЗИУ РАНХиГС в рамках проекта «Эко-атмосфера» проводит различные мероприятия, направленные на формирование экологического сознания у студентов. Такие мероприятия организуются структурами вуза (Управление по корпоративному развитию) с привлечением студентов из Студактива и Студсовета, представителей некоммерческих организаций и представителей бизнеса. Вариация форматов достаточно широка, что позволяет привлечь к проблеме охраняемой окружающей среды более разнообразную аудиторию с различными интересами. Это и мероприятия на свежем воздухе (эко-забег «плоггинг», совмещающий бег трусцой и сбор мусора), и мастер-классы эко-активистов и научные дискуссии об экологической политике. Бизнес также присоединился к процессу распространения экологического знания среди студентов СЗИУ РАНХиГС – управленческого кадрового резерва России. Так, в 2 апреля 2021 г. был проведен вебинар «Стратегия устойчивого развития ИКЕА: меняя мир к лучшему» с менеджером по устойчивому развитию ИКЕА Дыбенко и CSC Денисом Агеноровым-Папуловским, в рамках которого обсуждались как общие моменты ЦУР, так и особенности ведения устойчивого бизнеса [5]. На мероприятии также затрагивался опыт компании в сфере устойчивого и экологически чистого бизнеса. Студентам были объяснены особенности и обязанности работы менеджера по устойчи-

вому развитию и важность этой должности в контексте стремления компании к достижению ЦУР. В ходе вебинара студентам было рассказано о механизмах, которые используются компанией для решения таких вопросов, как изменение климата, перепотребление и неравенство. Мероприятие нашло широкий отклик среди студентов вуза. Стоит отметить, что подобные мероприятия не только способствуют формированию экологического сознания, но появлению новых навыков у студентов. В то время как лекции, научные дискуссии или мастер-классы по отдельным видам природоохранных практик (например, по раздельному сбору мусора) формируют у студентов знания о важности охраны окружающей среды и проблемах, существующих в этой сфере, а также способствуют внедрению этих практик в повседневную жизнь студента, кооперация с потенциальными будущими работодателями позволяет шире развернуть процесс экологизации. Экологизация экономики зачастую начинается с принятием компаний на себя экологической ответственности. В данном контексте большую роль играют кадры, поскольку наличие у компании руководителей, придерживающихся «зеленых» взглядов, как правило, положительно влияет на процесс достижения ЦУР организацией. Соответственно, вузы, готовящие будущих «лиц, принимающих решения» - экономистов, менеджеров, политиков, юристов, общественных деятелей и пр. – должны обратить особенное внимание не только на внедрение вопросов ЦУР и охраны окружающей среды в учебные программы, но и в целом в картину мира и систему ценностей студентам. Для этого важны внеучебные мероприятия, практики и непосредственное взаимодействие студентов и преподавателей с «зелеными» лидерами в сфере бизнеса.

Говоря о возможных механизмах взаимодействия вузов и компаний в целях достижения ЦУР, и реализации процесса экологизации экономики, мы можем выделить два подхода. Первый подход - совместная работа в сфере НИОКР по созданию и развитию экологически чистых технологий - больше соответствует техническим и естественнонаучным вузам. Второй подход - социальные или образовательные проекты, направленные на привлечение внимания студентов к природоохранным практикам компаний и на формирование у них экологического сознания – более эффективен для вузов, готовящих специалистов в сфере общественных наук. Хотя подобное взаимодействие действительно является эффективным механизмом, сейчас оно не слишком распространено в России, в том числе и по причине низкой социальной и экологической ответственности компаний. Очевидно, что и компаниям, и вузам нужно провести последовательную работу по укреплению сотрудничества как в области охраны окружающей среды, так и в области устойчивого развития в целом.

Литература

1. Амирханова Е. Выход компаний на IPO: основные экологические и социальные вопросы // Управление экологическими рисками: Опыт российских и международных компаний. — Москва: Международный форум лидеров бизнеса (IBLF), 2010. — С. 5-9
2. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения 30.04.2021)
3. 2020–2030: Десятилетие действий для ЦУР в России. Вызовы и решения. — М.: [б.и.], 2020 — 142 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2021 № 76 "О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений" // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/64978> (дата обращения 30.04.2021)
5. Stephens J.C., Hernandez M.E., Román M., Graham A.C., Scholz R.W. Higher education as a change agent for sustainability in different cultures and contexts / J.C. Stephens, M.E. Hernandez, M. Román, A.C. Graham, R.W. Scholz // *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 2008 Vol. 9 No. 3 - pp. 317-338.
6. SDG-Challenge University // URL: <https://university.sdg-challenge.com/> (дата обращения 30.04.2021)
7. Nunes Silva C. Contemporary Trends in Local Governance Reform, Cooperation and Citizen Participation / C. Nunes Silva - Springer, 2020.
8. Ребрик И. Становление транснациональной компании и выполнение экологических обязательств за пределами России: опыт РУСАЛа / И. Ребрик // Управление экологическими рисками : Опыт российских и международных компаний. — Москва : Международный форум лидеров бизнеса (IBLF), 2010. — сс. 13-17
9. Официальный сайт компании РУСАЛ: Взаимодействие с вузами // URL: <https://rusal.ru/career/working/interaction/> (дата обращения 30.04.2021)
10. Вебинар «Стратегия устойчивого развития ИКЕА: меняя мир к лучшему» // <https://spb.ranepa.ru/anons/ikea/> (дата обращения 30.04.2021)
11. Lusiani M., Abidin Z., Fitriainingsih D., Yusnita E., Adiwinata D., Rachmaniah D et al. Effect of Servant, Digital and Green Leadership toward Business Performance: Evidence from Indonesian Manufacturing / M. Lusiani, Z. Abidin, D. Fitriainingsih, E. Yusnita, D. Adiwinata, D. Rachmaniah et al. // *Systematic Reviews in Pharmacy*, Vol 11. - 1351-1361 pp.

Minyaeva D.D., leading specialist
North-Western Institute of Management
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
minyaeva-dd@ranepa.ru

COOPERATION BETWEEN BUSINESS AND UNIVERSITY AS A MECHANISM OF THE GREENING PROCESS: THE EXPERIENCE OF RANEPА

Abstract. This article examines the mechanisms university-business cooperation aimed to achieve the Sustainable development goals and to spur the process the economy ecologization. The author distinguishes two approaches to the cooperation. The first one involves joint research and development projects and is aimed at obtaining innovative products. The second one is associated with the transfer of companies ecologization experience to students and is aimed at shaping the environmental consciousness of the latter. The article examines both foreign and Russian experience, and highlights the case of the project held by NWIM RANEPА (Saint-Petersburg).

Keywords: sustainable development, greening, environmentalism, economy, universities, education, business

Недосека Е.В., канд. социол. наук, ст. науч. сотр.
Социологический институт РАН
nedelena@socinst.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТКО В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Аннотация: В статье рассматривается проблема обращения с твердыми коммунальными отходами в условиях Арктической зоны Российской Федерации. Приведены статистические показатели образования, обработ-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 20-010-00245 «Современное состояние и прогнозирование эколого-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». Исполнители: Институт экономики Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН» (Петрозаводск) и Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН (СПб).

ки и утилизации ТКО, санкционированных и несанкционированных свалок по субъектам АЗРФ, а также представлен рейтинг крупных городов АЗРФ по возможностям осуществления отдельного сбора отходов. Рассмотрены проблемы в реализации территориальных схем обращения с отходами и деятельности региональных операторов субъектов АЗРФ. Сделан вывод о необходимости учета специфики удаленных территорий, расположенных в условиях Крайнего Севера в процессе принятия управленческих решений в отношении обращения с ТКО.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития; АЗРФ; твердые коммунальные отходы; обращение с твердыми коммунальными отходами.

Арктическая зона Российской Федерации представляет собой один из крупнейших мегапроектов федерального значения. Данный регион является объектом целого ряда государственных программ, ведомств различного управленческого уровня, а также отличается высокой стоимостью, трудоемкостью и продолжительностью реализации. Экономическое значение и потенциал АЗРФ (прежде всего, в добывающих, перерабатывающих и транспортных отраслях, ориентированных на углеводы) признаются приоритетными задачами внутренней политики¹, что, в свою очередь, повышает экологические риски.

Согласно Государственным докладам «О состоянии и об охране окружающей среды РФ», представляемыми Министерством природных ресурсов и экологии РФ, Арктическая зона РФ признается наиболее чувствительным к загрязнению окружающей среды регионом России. «Вопрос антропогенного воздействия на природную среду в Арктической зоне Российской Федерации стоит очень остро из-за высокой уязвимости геосистем и низкой способности к восстановлению характерных для региона ландшафтов». Так, в ходе многолетней производственной эксплуатации, интенсивность воздействия привела к серьёзному экологическому ущербу [Лукин Ю.Ф., Евсеев А.В., Красовская Т.М.²].

Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности нашли свое отражение в новых версиях ключевых нормативно-

¹ Данное положение имеет отражение в нормативно-правовых документах, таких как: «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ 20.02.2013)» и Постановление Правительства РФ № 366 от 21 апреля 2014 «О Государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года».

² см. Лукин Ю.Ф. Горячие точки российской Арктики // Арктика и Север. 2013. №11. С. 3-38; Евсеев А.В., Красовская Т.М. Экологические проблемы российской Арктики. Горячие точки. URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/conf/lom/evseev.php>

правовых документах, регулирующих особый статус Арктики как зоны РФ уже с учетом целей устойчивого развития. Речь идет об «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», утвержденная Указом Президента от 5 марта 2020 года №164; «Стратегии развития АЗРФ и национальной безопасности до 2035 года», утвержденная Указом Президентом РФ от 26 октября 2020 года № 645; Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2035 года», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.03.2021 № 484; «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 года N 132-р.

Концепция устойчивого развития применительно к Российской Арктике означает минимизацию ущерба природной среде при промышленном освоении ресурсов арктической зоны, снижении риска для жизнедеятельности от последствий изменения климата и природно-климатических явлений. Это процесс изменений социально-экономического характера, при котором, эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений [Бедрицкий А.И.¹]. Концепция, прежде всего, направлена на такое решение сегодняшних проблем, в результате которого можно избежать новых осложнений в будущем. Одной из таких серьезных проблем, имеющих глобальный характер, стала проблема обращения с твердыми коммунальными отходами. Данная проблема в условиях Арктики имеет специфику, так, низкая среднегодовая температура, присутствие в большинстве районов многолетних мерзлых грунтов, отсутствие на данных территориях в необходимых объемах плодородных грунтов, которые рекомендуется применять для послойной изоляции отходов [Уланова З.А.²] требуют особенного учета в подходах в обращении с ТКО условиях Крайнего Севера.

Статистические показатели образования, обработки и утилизации ТКО в структуре по регионам АЗРФ.

¹Бедрицкий А.И. Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации и климатические аспекты экологической и гидрометеорологической безопасности // Энергетическая политика. – 2018. – № 4. – С. 3–10.

²Уланова З.А. Система обращения с твердыми бытовыми отходами на Российском севере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 47 (88). – С. 62–65.

Согласно Федеральному закону 89-ФЗ¹ под твердыми коммунальными отходами понимаются отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд. К твердым коммунальным отходам также относятся отходы, образующиеся в процессе деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и подобные по составу отходам, образующимся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами.

Для понимания масштабов проблемы обращения с ТКО необходимо обратиться к статистическим показателям, данные представлены в табл. 1.

Таблица 1. Показатели образования ТКО в структуре по регионам АЗРФ²

Субъекты Российской Федерации	Образование ТКО 2019, тыс. т.	Численность постоянного населения территорий АЗРФ, тыс. чел.	ТКО в кг на 1 жителя
Мурманская область	277,4	741,4	374,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	241,3	541,4	445,7
Архангельская область	102,8	605,6	169,8
Республика Карелия	45,5	113,7	399,8
Республика Коми	27,7	74,7	371,4

¹Федеральный закон "Об отходах производства и потребления" от 24.06.1998 N 89-ФЗ. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/

² Источник данных по регионам АЗРФ - Источник: Ежегодный доклад об охране и состоянии окружающей среды в 2019 году в Мурманской, Архангельской областях, Ненецкого автономного округа, Республики Карелия, Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Коми, Красноярского края и Республики Якутия (Саха), Чукотского автономного округа. По ряду регионов, в которых доклады отсутствуют в открытом доступе или регионы, в составе которых есть арктические территории, данные собирались на основе официальных запросов в Балтийско-Арктическое межрегиональное управление Росприроднадзора. Численность постоянного населения – данные ЕМИСС. Объем образования кг ТКО на 1 жителя рассчитан авторами исходя из объема образования ТКО в год (тыс. тонн) конкретно в арктическом субъекте или арктической территории на общее количество жителей.

Субъекты Российской Федерации	Образование ТКО 2019, тыс. т.	Численность постоянного населения территорий АЗРФ, тыс. чел.	ТКО в кг на 1 жителя
Чукотский автономный округ	19,2	19,2	387,1
Республика Саха (Якутия)	17,2	59,4	289,2
Красноярский край	15,7	216,9	463,4
Ненецкий автономный округ	15,6	43,8	356,2

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что наибольший объем образования ТКО приходится на Мурманскую область (32,7%) и Ямало-Ненецкий автономный округ (28,5%). Наименьший объем образования ТКО (до 5%) в Ненецком автономном округе (1,8%), в арктических территориях Красноярского края (1,9%), Республике Саха (Якутия) (2,0%), Чукотском автономном округе (2,3%) и Республике Коми (3,3%). В отношении усредненного показателя количества кг ТКО на 1 жителя Арктических регионов, можно констатировать, что данные не превышают средние значения по России в целом – 400–500 кг на человека в год. Пожалуй, стоит отметить самое низкое значение образования отходов ТКО в арктических регионах Архангельской области, где на одного жителя приходится порядка 170 кг в год.

Диаграмма на рис. 1 демонстрирует данные об обработке и утилизации ТКО в структуре по Арктическим регионам. Говоря об обработке отходов ТКО, необходимо отметить, что данный показатель в АЗРФ фактически не превышает 10,0%. В отношении утилизации отходов ТКО возможно констатировать, что она не производится в большей части северных территорий. По данному направлению работы с отходами ТКО ведутся в незначительных количествах в Мурманской области, где из всего объема образовавшихся отходов на утилизацию отправляется 9,0%; Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, на которые приходится по 4,0%.

Серьезной проблемой и одной из управленческих задач в области обращения с ТКО является сокращение количества объектов их размещения, прежде всего образовавшихся несанкционированно или тех, которые

потеряли соответствие нормам СанПиН. В таблице 2 представлена актуальная статистическая информация по объектам размещения ТКО в регионах АЗРФ.

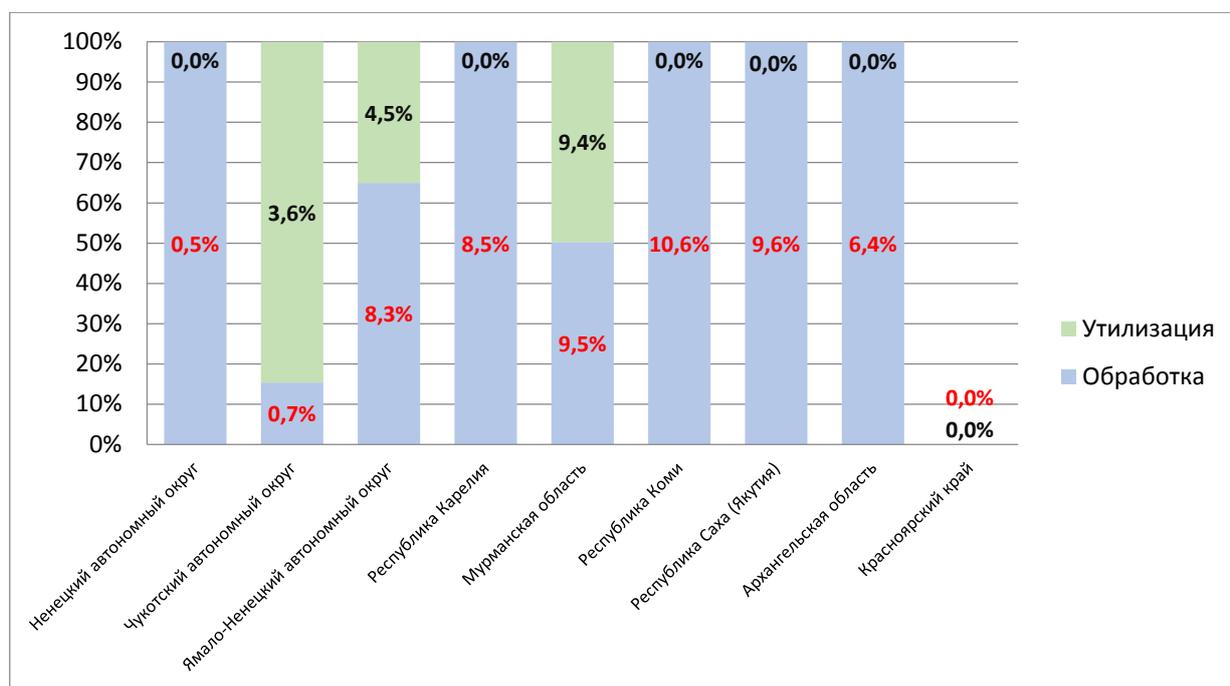

Рис. 1. Показатели обработки и утилизации ТКО в структуре по регионам АЗРФ, 2019 г.

Источник: Ежегодные доклады об охране и состоянии окружающей среды по субъектам АЗРФ, 2019 г.

Таблица 2. Количество санкционированных и несанкционированных объектов размещения ТКО в структуре по регионам, 2020 г.

Регион АЗРФ	Количество объектов размещения ТКО, включенных в ГРОРО ¹	Количество несанкционированных свалок
Республика Якутия (Саха)	260	329
Ямало-Ненецкий автономный округ	145	350
Мурманская область	78	147
Архангельская область	46	51

¹Государственный реестр объектов размещения отходов. Режим доступа URL: https://clevereco.ru/groro/respublika-karelija?sort=order_date&page=5

Регион АЗРФ	Количество объектов размещения ТКО, включенных в ГРОРО ¹	Количество несанкционированных свалок
Ненецкий автономный округ	36	244
республика Карелия (арктические территории)	30	10
Красноярский край (арктические территории)	18	43
Чукотский автономный округ	12	44
Республика Коми	11	335

Источник: Ежегодные доклады об охране и состоянии окружающей среды по субъектам АЗРФ, 2019г. Официальные ответы на запросы от Балтийско-Арктического межрегионального управления Росприроднадзора.

Проблема свалок для населения северных регионов является злободневной по причине того, что большинство несанкционированных свалок образуется в пределах городов и сельских поселений. Возрастание объемов отходов все чаще становится предметом активного обсуждения в региональных СМИ и на страницах социальных сетей, в том числе и экологических движений.

Основная ставка в практике обращения с ТКО во всех регионах АЗРФ сделана на мусоросортировочные комплексы и дальнейшее захоронение отходов, что вызывает недопонимание у экологической общественности, поскольку при всей актуальности и управленческого внимания к теме, реализация реформы не способствует эффективному сбору и сортировке отходов.

Так, согласно докладу «Гринпис», где представлялись данные по городам России с населением от 160 тыс. человек, доступ к стационарным контейнерам для раздельного мусора по городам АЗРФ (представленными в докладе) выглядит следующим образом (табл. 3).

Как следует из таблицы, ситуация в региональных центрах с точки зрения доступности жителей к придомовому раздельному сбору отходов сложная и неоднозначная. Положительная динамика в рейтинге и самая верхняя строчка у г. Ноябрьск Ямало-Ненецкого автономного округа. Города Северодвинск, Архангельск и Мурманск за год опустились в рейтинге сразу на несколько позиций. В таких городах, как Норильск и Якутск, доступа к раздельному сбору отходов, согласно докладу «Гринпис», нет. Но, стоит обратить внимание, что падение в рейтинге и нулевое значение не означает отсутствия сортировки в регионах вообще.

Таблица 3. Рейтинг городов по доступности жителей к придомовому раздельному сбору отходов, 2018-2019 гг.

Место в рейтинге Greenpeace, 2019 г.	Город АЗРФ	Доступ жителей к придомовому раздельному сбору отходов в 2019 году	Доступ жителей к придомовому раздельному сбору отходов в 2018 году
52	Ноябрьск	41%	37%
69	Сыктывкар	21%	16%
78	Северодвинск	14%	34%
95	Архангельск	8%	34%
148	Мурманск	0%	30%
152	Норильск	0%	0%
163	Якутск	0%	0%

Рейтинг «Гринпис» доступности раздельного сбора в крупных городах¹

Примечательным в данной ситуации является то, что территориальные схемы всех регионов АЗРФ предполагают раздельный сбор отходов (РСО) в перспективе, но, на сегодняшний день, эта задача плохо реализуема. Стоит упомянуть, что опыт РСО для крупных городов регионов реализовывался и продолжает реализовываться во всех регионах АЗРФ.

В соответствии с Федеральным законом от 24.06.1998 №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» в редакции 2014 года все регионы Арктической зоны РФ разработали территориальные схемы обращения с отходами (ТСОО). Исследователи Агаханянц П.Ф., Ломтева А.Ю., Примак Е.А., Выучейская Д.С. [Агаханянц П.Ф. и др.²] анализируя территориальные схемы обращения с отходами в Арктических субъектах акцентируют внимание на проблемах обращения с ТКО в удаленных участках. Так, в Ненецком, Чукотском автономных округах, в арктических территориях Красноярского края, Республике Саха и Республике Коми транспортирования и утилизации ТКО представляют собой самые сложные кейсы. Для данных регионов значительно затруднен внутрорегиональный транзит ТКО, здесь создаются отдельные децентрализованные зоны действия

¹ Рейтинг доступности раздельного сбора в крупных городах РФ. Режим доступа: URL: greenpeace.ru/blogs/2020/03/12/rejting-greenpeace-kazhdyj-tretij-zhitel-krupnogo-goroda-rossii-imeet-dostup-k-razdelnomu-sboru/

² Агаханянц П.Ф., Ломтева А.Ю., Примак Е.А., Выучейская Д.С. Территориальные схемы обращения с отходами в Российской Арктике: повод для дискуссии // Российская Арктика. 2019. №6. С. 48-55. DOI: 10.24411/2658-4255-2019-10067

региональных операторов по всей территории. В этой связи, вопросы рентабельности и инвестиционной привлекательности таких технологических зон остаются открытыми. Примечательным является опыт Чукотского автономного округа, территория которого поделена на технологические зоны, где свою деятельность осуществляют 24 региональных операторов. В ТСОО Мурманской, Архангельской областей и арктических территорий Республики Карелия обращение с ТКО в труднодоступных населенных пунктах также являются уязвимыми местами. Фактически ответственность за обращение с ТКО в названных регионах перекладывается с регионального оператора на население, которому предлагается самостоятельно разделять отходы, сжигать и компостировать. При этом, в схемах отсутствуют конкретное описание системы раздельного сбора отходов, что безусловно создает предпосылки к появлению несанкционированных свалок.

Региональные операторы представляют собой организации, которые несут ответственность за весь цикл жизни ТКО, включая организацию их сбора, транспортирования, обработки, утилизации, обезвреживания и захоронения в специально отведенных для этого местах. Услугу Регионального оператора по обращению с ТКО оплачивает собственник твердых коммунальных отходов: население – собственники помещений в МКД и хозяева частных домовладений, юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Деятельность региональных операторов в регионах АЗРФ складывается не просто. Особенно это характерно для удаленных регионов АЗРФ. Как уже упоминалось выше, в Чукотском автономном округе действует 24 региональных оператора (10 организаций, из них 5 – предприятия жилищно-коммунального комплекса округа с организационно-правовой формой муниципальное предприятие и муниципальное унитарное предприятие и 5 – общества с ограниченной ответственностью), в республике Якутия (Саха) – 4 (3 – общества с ограниченной ответственностью, 1 – государственное унитарное предприятие), в Ненецком автономном округе – 2 (муниципальное предприятие и муниципальное унитарное предприятие), арктические территории Красноярского края – 2). Работа региональных операторов в выше обозначенных территориях осложняется отсутствием необходимой инфраструктуры, что вносит определенные издержки в экономическое обоснование тарифов. И если посмотреть на формы собственности региональных операторов, не вызывает вопросов, что, преимущественно, это государственно-унитарные предприятия. Данные регионы малопривлекательны для инвесторов и выбор региональных операторов остается серьезной проблемой. Например, для северной зоны Красноярского края (Туруханского района) региональный оператор до настоящего времени так и не выбран.

Согласно реформе, для получения статуса регионального оператора, компаниям необходимо пройти процедуру торгов, главная идея документа

заклучалась в конкурентном характере аукциона, где снижение цены на услуги, снижает величину тарифа для граждан. Управленческий замысел не учел экономически малопривлекательную для регионального оператора специфику работы в условиях Крайнего Севера. Последствия сложившейся ситуации привели к обратному эффекту: на рынок вышли компании без опыта работы и сомнительными репутациями. Информанты отмечали, что, например, в Архангельской области, в результате бесконкурентных торгов 10-летний контракт получила компания ООО «ЭкоИнтегратор», заключившая концессионное соглашение с администрацией области на вывоз и утилизацию мусора на общую сумму 28,3 миллиарда рублей. Данная компания была создана за год до торгов с одним сотрудником в штате и уставным капиталом 10 тыс. рублей. Похожая ситуация с компанией ООО «РТК» в Чукотском автономном округе: отсутствие опыта и конкуренции, позволили организации заключить контракт на сумму почти 137 миллионов рублей. В республике Карелия и Якутия (Саха) также имеют проблемы с выборами и работой региональных операторов.

Экономическое обоснование тарифов региональными операторами также является сложным вопросом для осуществления их деятельности. Самые высокие тарифы в Чукотском автономном округе, транспортировка мусора обходится здесь дороже всего. Необходимо добавить, что платежная дисциплина в большинстве регионов АЗРФ очень высокая, лидерами являются Мурманская область, Чукотский автономный округ, республика Карелия и Якутия (Саха). Средний показатель по РФ составляет 50%, в выше обозначенных регионах (кроме республики Якутии (Саха)), он превышает 80%.

Таким образом, заложенные в Российском законодательстве требования в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в субъектах АЗРФ не в полной мере учитывают климатическую и территориальную специфику регионов АЗРФ. Серьезным препятствием к реализации управления отходами и достижения целей устойчивого развития становится расстояние удаленных населенных пунктов и удаленность самих регионов, что в значительной степени уменьшает инвестиционную привлекательность проектов по обработке и утилизации ТКО. Необходима четкая координация регионов между собой в вопросах обоснования лучших технологий в сфере обращения с отходами, а также серьезного управленческого внимания требует отсутствие системы, на основании которой возможно построить четкую схему обращения с ТКО, с максимальным соблюдением интересов агентов влияния на проблему ТКО в АЗРФ.

Литература

1. Агаханянц П.Ф., Ломтев А.Ю., Примак Е.А., Выучейская Д.С. Территориальные схемы обращения с отходами в Российской Арктике: повод

для дискуссии // Российская Арктика. 2019. №6. С. 48-55. DOI: 10.24411/2658-4255-2019-10067

2. Астафьев С.А., Торгашина И.Г., Батукаев С.С. Реформа обращения с жилищно-коммунальными отходами в российской федерации и ее реализация в Иркутской области / в сб. Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития. Материалы 4-й международной научно-практической онлайн-конференции (включая конкурсные работы студентов). 2017. С. 58-63.

3. Боголюбов С.А., Краснова И.О. Право и спасение природы Российской Арктики // Актуальные проблемы российского права. 2018. №6 (91). С. 178-189. DOI: 001: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.178-190

4. Бедрицкий А.И. Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации и климатические аспекты экологической и гидрометеорологической безопасности // Энергетическая политика. 2018. №4. С.3-10.

5. Ермолаева Ю.В. Управление отходами в условиях критической ситуации распространения covid-19 // PrimoAspectu. 2020. № 2(42). С. 27-39. DOI 10.35211/2500-2635-2020-2-42-27-39

6. Игнатъева И.А. Особенности правового регулирования в области обращения с отходами производства и потребления в арктической зоне Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2018. №2 (119). С.159-172. DOI: 10.31857/S013207690005881-1.

7. Маков В.А. Меры законодательного регулирования в области обращения твердых коммунальных отходов в Арктической зоне Российской Федерации // Российская Арктика. 2019. №4. С.72-79.

8. Мизин И.А. Современные проблемы удаления ТБО из труднодоступных районов российской Арктики // Справочник эколога. 2014. №8 (20). С 85-96.

9. Уланова З.А. Система обращения с твердыми бытовыми отходами на Российском севере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. №47 (88). С. 62-65.

Nedoseka E.V., PhD in Sociology, senior researcher
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences
nedelena@socinst.ru

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF MSW MANAGEMENT IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with the problem of solid waste management in the Arctic zone of the Russian Federation. Statistical indicators of the generation, processing and disposal of MSW, authorized and unauthorized dumpsites in the subject of the Russian Arctic are given, and a rating of large

cities of the Russian Arctic is presented in terms of the possibilities of performing separate waste collection. The problems of the implementation of territorial waste management schemes and the activities of regional operators of the subjects of the Russian Arctic are considered. The conclusion is made about the need to take into account the specifics of remote areas, use in the conditions of the Far North in the process of making managerial decisions in relation to MSW management.

Keywords: concept of sustainable development; AZRF; solid municipal waste; solid municipal waste management.

Никитина Т.В., д-р экон. наук, проф.
Директор Международного центра
исследований финансовых рынков
руководитель Российско-Немецкого центра
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
t_nikitina2004@mail.ru

Дембинская В.С., аспирант
научный сотрудник Международного центра
исследований финансовых рынков
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
v.dembinskayte1986@gmail.com

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕНСИВ ПО РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ ПРОЕКТА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается опыт реализации онлайн-ового 6-недельного электронного курса, который исследует устойчивые инновации в рамках социального предпринимательства и творческого решения проблем при работе в междисциплинарных, мультикультурных, международных группах. У участников будет уникальная возможность изучить глобальные призывы к действиям по решению некоторых мировых проблем и достижению целей устойчивого развития, применить дизайн-мышление в творческом решении проблем с помощью проектных решений "методом проб и ошибок", чтобы сосредоточиться на том, что действительно важно для оказания положительного влияния в мире.

Ключевые слова: цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ЦУР), разработка устойчивых инноваций, профилирование целевых клиентов и разработка ценностных предложений, прототипирование, питчинг.

Международный центр исследований актуальных проблем финансовых рынков (МЦИФР) СПбГЭУ, поддерживая концепцию непрерывного образования Lifelong Learning впервые в 2021 году принял участие в проекте «Sustainable Innovation Boot Camp» в период с 15 марта по 29 апреля 2021 года в рамках сотрудничества с Университетом Прикладных наук г. Амстердам (Hogeschool van Amsterdam, Нидерланды) и Университетом Прикладных наук г. Кемптен (Hochschule Kempten, Германия).

В течение 6-недельного он-лайн образовательного курса студенты СПбГЭУ имели уникальную возможность познакомиться с теоретическими основами и актуальными тенденциями устойчивого развития, представленными ведущими международными экспертами, а также смогли продемонстрировать предпринимательские навыки в процессе решения кейсов совместно со студентами из России, Германии, Франции, Испании и Нидерландов.

Цель дистанционного цифрового формата обучающего интенсива «Sustainable Innovation Boot Camp» – предоставить возможность международного, творческого сотрудничества для студентов (бакалавров, магистрантов) над собственной стратегией инновационного проекта в контексте целей устойчивого развития ООН.

Для достижения данной цели перед 6 преподавателями из Германии, Бельгии и Нидерландов были поставлены следующие задачи студентам к освоению содержания курса:

- 1) Определить основные мировые тенденции перехода от линейной экономики к циркулярной экономике (экономике замкнутого цикла);
- 2) Описать цели устойчивого развития ООН;
- 3) Связать выбранные цели ЦУР с контекстом местной проблемы и переосмыслить проблему с точки зрения возможностей для конкретных действий;
- 4) Обозначить командные принципы создания собственного инновационного проекта в связи с приоритетной целью устойчивого развития;
- 5) Изучить ключевые примеры и передовой зарубежный опыт для последующей разработки собственного дизайна проекта в рамках ЦУР;
- 6) Исследовать и предложить профили целевой аудитории (persona) и проработать ценность идеи для конечного потребителя продукта или услуги (value proposition making);

7) Разработать модель продукта/услуги с помощью методов прототипирования¹(prototyping) и тестирования идеи при взаимодействии с конечным пользователем;

8) Создать эффективный питч² (pitching) и презентацию для защиты командного инновационного проекта в рамках устойчивого развития перед потенциальными инвесторами.

Каждая неделя (табл. 1) включала в себя два занятия по 1,5 часа формального образования– одно из занятий было лекционным и второе носило больше неформальный, практико-ориентированный характер обучения. Такая комбинация моделей формального и неформального образования отвечает современным потребностям нынешнего поколения обучающихся.

Таблица 1. Структура научно-образовательного онлайн интенсива

№ недели	1	2	3	4	5	6
Даты/ Дни недели	Пн. 15.03.2021 Чт. 18.03.2021	Пн. 22.03.2021 Чт. 25.03.2021	Пн.29.03.2021 Чт. 8.04.2021	Пн.12.04.2021 Чт. 15.04.2021	Пн.19.04.2021 Чт.22.04.2021	Пн. 26.04.2021 Чт. 29.04.2021
Лекции Пн. 18:00 - 19:30 (СЕТ)	Структура он-лайн курса: цели и задачи обучения (Bootcamp Vision & Learning Goals) Устойчивое развитие: от линейной к циркулярной	Разработка стратегии и дизайна для создания ценности идеи (Value Proposition Canvas) Портрет целевой аудитории (Target Customer Profiling)	Исследование проблемы, тестирование гипотезы (Problem Solution Fit)	Моделирование с помощью метода прототипирования (Develop and test prototypes)	Тестирование идеи проекта в контексте устойчивого развития (Sustainable Business Validating Assumptions Circular business canvas)	Эффективная техника презентации, питчинг (Impactful Pitching & Presenting techniques)

¹Метод прототипирования (от англ. prototyping) – реализация базовой функциональности будущего продукта/услуги для предварительного анализа устройства работы бизнес-идеи. Важный этап разработки, выступает в качестве технического задания. После этапа прототипирования обязательно следуют этапы пересмотра архитектуры системы, разработки, реализации и тестирования конечного продукта.

²Питчинг (от англ. Pitching) – устная или визуальная (слайд-шоу, видеоролик, анимация) презентация проекта с целью привлечения потенциальных инвесторов, готовых финансировать представленный проект.

№ недели	1	2	3	4	5	6
	экономики (Sustainable Development SDG's & Shift to a Circular Economy) Формирование команд (Team Formation)					

Важно отметить, что основной тенденцией в образовательной индустрии EdTech (Educational Technologies), получившей широкое развитие в кризисные явления 2020 г., является «не только содержательное наполнение курсов качественным контентом, но и повышение «развлекательности» обучающего контента».¹ Распространение данного тренда поддерживается образовательным он-лайн интенсивом BootCamp, который преследует цели microlearning - обучение небольшому объему информации в ограниченный промежуток времени с помощью таких визуальных программ и приложений, как Zoom, Jamboard, Slack, Figma, Canva, Powtoon.

Студенты интенсива должны были выбрать одну или несколько из 17 целей (рис. 1) устойчивого развития ООН и подключить к ней свою инновационную идею, которая бы предлагала актуальную стратегию решения проблемы, стоящей во главе выбранной ЦУР. Помимо этого, на практических занятиях им было необходимо решить следующие задачи: 1) сформировать гипотезу относительно выбранной задачи ЦУР и сфокусироваться на тестировании своей идеи посредством коллективного исследования потенциальной аудитории (опрос через google-формы, фокус-группа, интервью экспертов и т.п.), 2) проанализировать существующие научные работы по заданной проблематике, 3) найти успешные примеры в бизнес-сообществе, 4) создать прототип своей концепции или продукта, 5) протестировать прототип бизнес-идеи в контексте целей устойчивого развития, 5) подготовить эффектную презентацию в технике питчинга для

¹Хорева Л.В., Шокола Я.В., Каныгин Г.В. Инновационный потенциал «Образовательных индустрий» в контексте устойчивого развития общества / Устойчивое развитие: вызовы и возможности / под ред. Е.В. Востриковой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 284–296.

финального семинара “SharkTank”¹ с международными экспертами и таинственным приглашенным инвестором.

Рис. 1. Цели устойчивого развития ООН (ЦУР)

Поставленные перед участниками задачи требуют равноценного, доверительного и эффективного взаимодействия, поскольку итоговая оценка суммируется по баллам, выставленными преподавателями курса и самими участниками проекта: каждый студент оценивает индивидуальную работу в команде. Работая над инновационной идеей, отвечающей глобальным вызовам мирового общества в междисциплинарных, мультикультурных, международных группах, развиваются не только коммуникативные навыки, самопрезентации, убеждения, лидерские качества, но и утверждаются общечеловеческие вечные ценности, как эмпатия, сострадание, милосердие и принятие разных точек зрения.

Образовательный курс Innovation Boot Camp объединяет методологию дизайнерского мышления (DesignThinking) и инновационные идеисовременного предпринимательства в рамках стратегии устойчивого развития ООН. Участники краткосрочной программы получают уникальную

¹Shark Tank – это популярная телепередача в США, основанная на настоящих событиях, в которой участвуют реальные бизнесмены из жизни (начинающие предприниматели) которым нужны инвестиции в свой бизнес. Чтобы получить деньги им нужно представить свой стартап в лучшем виде перед «акулами» (shark - акула). Акулы - это реальные б инвесторы, которые ищут потенциально прибыльные бизнес-проекты для вложения средств.

возможность тестировать свои бизнес-модели и находить творческие решения, движимые новыми технологиями в индустрии образования (EdTech), которые должны обеспечивать сбалансированное экологическое, экономическое и социальное развитие мира в будущем, согласно конвенции ООН.

Благодаря научно-образовательному интенсиву и международному диалогу с научными экспертами, студентам удалось приобрести новые знания в области проектного менеджмента и практические навыки дизайнерского мышления в постановке задач; раскрыть свой творческий потенциал, используя коллективный разум; развить собственное критическое мышление и системный подход к принятию решения; применить новые образовательные технологии для совместного создания стратегии проекта, нацеленной на создание ценности продукта или услуги для потенциальной аудитории; обменяться многосторонним опытом сотрудничества в контексте устойчивого развития в мире.

С более подробной информацией о научно-образовательном он-лайн интенсиве BootCamp для участия и предложений о сотрудничестве можно ознакомиться в разделе Международного Центра Исследований Финансовых Рынков (МЦИФР) <https://unecon.ru/mcifr/sustainable-boot-camp>.

Литература

1. Уланова З.А. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 29.04.2021).
2. Хорева Л.В., Шokolова Я.В., Каныгин Г.В. Инновационный потенциал «Образовательных индустрий» в контексте устойчивого развития общества./Устойчивое развитие: вызовы и возможности / под ред. Е.В.Востриковой. – СПб, Изд-во СПбГЭУ, 2020 г. – С. 284-296.
3. Steven Gary Blank, Bob Dorf (2012): The Startup Owner's Manual: The Step-by-Step Guide for Building a Great Company.
4. Eric Ries (2017): The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses.
5. Seth Godin: The Bootstrapper's Bible: How to Start and Build a Business With a Great Idea and (Almost) No Money.
6. Alexander Osterwalder, Yves Pigneur, Gregory Bernarda, Alan Smith, Trish Papadacos (2014) Value Proposition Design: How to Create Products and Services Customers Want.
7. Oliver Gassmann, Karolin Frankenberger, Michaela Csik (2014): The Business Model Navigator: 55 Models That Will Revolutionise Your Business.

Nikitina T.V., Dr. of Economics, prof.
 Director of the International Center
 of Financial Market Research,
 head of the Russian-German Center
 Saint- Petersburg State University of Economics
 t_nikitina2004@mail.ru
Dembinskayte V.S., PhD student
 researcher of the International Center
 of Financial Market Research
 Saint- Petersburg State University of Economics
 v.dembinskayte1986@gmail.com

EDUACTIONAL ON-LINE COURSE “SUSTAINABLE INNOVATION BOOT CAMP”

Abstract. The on-line 6 week e-course explores Sustainable Innovation in the framework of Social Entrepreneurship and creative problem solving, working in multi-disciplinary, multicultural international groups. Participants will have a unique opportunity to explore global calls for action in tackling some of the world’s big challenges and sustainable development goals. To apply design thinking in creative problem solving through tangible ‘trial and error’ design solutions. To create a focus on what really matters in contributing to a positive impact in the world.

Keywords: United Nation’s Sustainable Development Goals (SDG’s), sustainable innovation design, target customer profiling and value proposition design, prototyping, pitching.

Никифорова О.А., канд. социол. наук, доц.
 Санкт-Петербургский
 государственный университет
Дерюгина А.Д., студент
 Санкт-Петербургский
 государственный университет
 deryuginarina@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ СФЕРУ В СВЯЗИ С ПАНДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. Данное исследование представляет собой анализ теоретической базы материалов на тему диджитализации образования в связке с

целями устойчивого развития ООН к 2030 году о качестве образования. Целью исследования было проанализировать уже существующую литературу по теме влияния изменения образовательного сектора в связи с пандемией. На данный момент, по данным ООН, показателем качества системы образования является комбинация высокого качества образовательных результатов и образовательного равенства. На основе данных по 114 странам за период с 1985 по 2005 год было обнаружено, что один дополнительный год обучения соответствует сокращению коэффициента Джини на 1,4 процентных пункта [10]. Проведенное мной исследование опиралось на современную теоретическую базу, а также затрагивало аспект ускоренного процесса диджитализаций, который внес существенные коррективы в сфере оказания образовательных услуг. Так как пандемия коронавируса принесла за собой существенные изменения почти во всех сферах жизни человека, академическая сфера была также вынуждена в быстром темпе переходить на онлайн-формат. Не секретом является и то, что многие образовательные учреждения были совершенно не готовы. Как с точки зрения технического обслуживания для преподавательского состава, так и для студентов. Это относится к наличию необходимой техники для качественного получения образовательных услуг, а также и к навыкам использования образовательных онлайн-платформ. Кроме того, у людей не было достаточно времени позаботиться о достойном пространстве для работы и учебы, так как срочный переход на онлайн формат не оставил людям шанса подготовиться и обустроить пространство. Более того, стоит вопрос об эффективности онлайн обучения в сравнении с офлайн, так как в обществе все еще присутствует скептицизм о качестве данных онлайн услуг.

Ключевые слова: пандемия, онлайн-образование, диджитализация, Цели устойчивого развития, качественное образование.

По данным исследования ООН [10], в период 2000–2015 гг. “численность обучающихся в вузах упала в 1,3 раза (в государственных (муниципальных) вузах снижение в 1,3 раза, в негосударственных — в 1,5 раза)”. Данная ситуация также находит свое отражение в нынешней кризисной ситуации для образования – высшие учебные заведения по всему миру вынуждены были экстренно уходить на дистанционный формат оказания образовательных услуг. Несмотря на то, что в 2015 году, когда были обозначены цели устойчивого развития по обеспечению качественного образования, во внимание не мог браться такой фактор, как шоковое ускорение процесса диджитализации в связи с пандемией, данный аспект определенно может изменить вектор направления. Важным становится выяснить как приобретенный опыт может быть интегрирован в новые реальности си-

стемы образования, как ее можно улучшить. Пандемия COVID-19 меняет мир и жизнь всех людей без исключения. Несмотря на то, что долгосрочные последствия вспышки вируса для человека, экономики и бизнеса пока предсказать довольно проблематично, сложившаяся ситуация позволяет предположить, как изменится сейчас подход к организации рабочего пространства, балансу жизни и работы, качеству предоставления услуг, а также в целом - готовности людей адаптировать полученный опыт к новым реальностям. Ситуация с вирусом постоянно развивается, но текущий путь уже указывает на необходимость изменения стратегии организации рабочего пространства для большинства сфер: создание более эффективной системы технологического оснащения, налаживание процессов удаленной работы, внедрение диджитал-этикета, а также разграничения пространства. Вполне вероятно, что скоро многие сферы столкнутся с необходимостью пересмотра стратегий развития и оптимизации процессов с целью создания нового, адаптированного и эффективного рабочего подхода. Это может заключаться и как в отказе от арендуемых ранее помещений под офлайн пространства из-за перенесения части активностей в онлайн формат или, наоборот, переезд в более подходящее помещение, которое бы смогло обеспечить необходимую дистанцию для организации работы, но для всех будет актуальна задача обеспечения безопасности и непрерывности жизненных сфер.

Очевидно, что в долгосрочной перспективе COVID-19 послужит катализатором более широкой тенденции: формат и функции новых онлайн-практик будут меняться по мере изменения характера работы и способа совместной работы внутри организаций. Уроки, которые участники постковидной адаптации извлекут из COVID-19, повлияют на формирование будущего рабочего места и могут оказать влияние на пересмотр необходимости фактических оффлайн пространств. К примеру, для университетов, так как опыт пандемии показал, что онлайн-обучение может быть вполне эффективным и удобным форматом, если уделить этому достаточно исследования.

Технологическая революция последних лет помогла обществу труда сохранить основные процессы, когда сотрудники работают удаленно. Десять лет назад эта концепция была отвергнута некоторыми предприятиями, но теперь она стала частью современной эпохи и важным инструментом, помогающим нам не только предотвращать распространение вируса, но и отдать больше внимания поддержанию здорового баланса между работой и личной жизнью.

Согласно исследованию IMG, 70% профессионалов во всем мире работают удаленно не реже одного раза в неделю. Согласно исследованию Global Workplace Analytics, State of remote work 2019 [1], в США 62% со-

трудников работают удаленно не реже одного раза в месяц, а 30% из них полностью удалены. В России доля таких работников не меньше – по данным hh.ru исследование показало, что 31% соискателей в России находятся на удаленной работе, более половины из которых – штатные сотрудники. Лидерами по дистанционности стали компании в сфере рекламы и маркетинга, развлечений, искусства и СМИ, юристы, а также представители IT-сферы.

Однако далеко не все компании готовы эффективно управлять беспрецедентной массой сотрудников, работающих на дому. Согласно отчету Huffington Post за 2019 год [2], только 3% работников в Японии пытались работать удаленно, потому что проблемы возникают из-за культурных или технологических барьеров: для этого также требуется IT-инфраструктура и кибербезопасность. Конечно, самый болезненный вопрос для работодателей – это эффективность удаленной работы.

В своем исследовании я хотела бы обратить особое внимание на изменения повседневных практик в образовательном пространстве, в связи с ускорением процесса диджитализации всемирной пандемией.

Исследовательская гипотеза состоит в том, что распространение дистанционной работы в долгосрочной перспективе не будет означать смерти физического офисного пространства. Скорее всего, он будет играть важную роль в тимбилдинге и создании корпоративной культуры, что довольно сложно сделать виртуально. Тем не менее, спрос на “гибкое пространство” уже растет, но вспышка вируса может побудить еще больше компаний рассмотреть возможность создания резервных офисов для отдельных команд, чтобы обеспечить непрерывность рабочих процессов.

Однако не стоит забывать и о теории баланса труда и жизни – термине, впервые использованном в Великобритании и США в конце 1970-х и 1980-х годов соответственно. Важно понимать, как может измениться рабочее пространство, так как этот фактор оказывает сильное влияние на концепцию дома и работы как пространства.

Диджитал и пост-диджитал

Для начала, важно определить то, как в целом развивается диджитализация, как происходит взаимодействие цифрового общества с пост-диджиталом и наступило ли оно.

Диджитализация – это процесс интеграции технологий в повседневную жизнь путем так называемого оцифровывания всего, что может быть. Данный термин до сих пор не получил достойного перевода на русский язык, тем не менее, привлекает все больше и больше внимания.

Понятие “Post-digital” или “постцифрового” термина можно рассматривать как описание отношений между обществом и компьютерной эпохой как доминирующей парадигмой в эпоху глобального смешения,

переплетения экономик. Человеческий опыт плавно перетекает из физического пространства в цифровое. Общество потратило около трех десятилетий на то, чтобы стать цифровым, поэтому вопрос заключается в том, каково наше будущее и как постцифровое общество может работать и справляться с “ошибками” цифрового. В эпоху цифровых технологий общество привыкло к технологиям, и пришло время, когда некоторые ожидания о том, как технологии невероятно изменят мир, не оправдались. Сейчас, на мой взгляд, люди выражают свои высокие ожидания от постцифрового мира. Однако важно понимать, какие проблемы сегодня есть у общества в связи с цифровым веком и что можно сделать для нашего общего постцифрового будущего.

Важно отметить, что нет ни одного определения, которое могло бы полностью описать идею постцифрового, поскольку этот термин относится и связывается с большим количеством различных сфер. Каждая сфера на данный момент имеет по крайней мере несколько интерпретаций и взглядов и, более того, ожидания того, как постцифровой мир можно увидеть их глазами. В данный момент я бы хотела больше сфокусироваться на взаимосвязи со сферой образования.

Образование в post-digital пространстве

В эпоху цифровых технологий очевидно, что данные стали ценным ресурсом, а само образование стало площадкой для связанного с ним предпринимательства. Исследование растущего использования цифровых технологий в управлении образованием, в котором проблемы “цифрового образования” быстро становятся проблемами образования в целом. Студенты не хотят иметь только онлайн-курсы в университетах, skype-репетиторство, которое, как считалось, не заменяет очный процесс обучения. Происходит исследование материальных измерений цифрового, с акцентом на трудовые практики и природные ресурсы.

Показательно, что цифровизация в учебном процессе-это не только наличие электронной книги в классе вместо бумажной, но и гораздо больше аспектом стоит за этим понятием. Разработка персонализированных обучающих систем индивидуализации образовательного процесса с использованием данных.

В статье Джереми Кнокса [3] “Что постдиджитал означает для образования” говорится о том, как постдиджитал может быть понят, как своего рода учет многих предположений, связанных с цифровыми технологиями в образовании. Таким образом, общество получает много ожиданий, полагаясь на пост цифровое образовательное будущее, которое мне кажется совершенно бесполезным. Я утверждаю, что речь идет не только о том, чтобы иметь новый гаджет, который быстро изменит модель социального мира во что-то новое.

Однако, это не означает, что критические взгляды на цифровые технологии являются чем-то новым, а скорее, наоборот, что в современный момент интенсивной обработки данных нам, возможно, придется переосмыслить и перенаправить эту критику в центр образования. Это также не означает, что пост диджитал служит зонтичным термином для всей исследовательской работы. Только то, что исследователи образования могут рассматривать пост диджитал как особый поворот к признанию политической экономии цифрового [3].

Система движется к точке перехода от открытой сети к более закрытой, чтобы частные компании могли лучше собирать информацию. Например, при использовании приложения для изучения иностранного языка человек не только использует смартфон в образовательных целях, но и, по договоренности, предоставляет персональные данные для анализа и использования.

Диджитализация в пандемию

В связи с всемирным наступлением пандемии COVID-19, процессы диджитализации стали приоритетными для спасения экономики. В мире, где цифровизация входила в повседневную жизнь постепенно, появился фактор риска, при котором либо нужно немедленно оптимизировать все процессы настолько быстро и эффективно, насколько это возможно, либо на экономика стран будет подвержена последствиям стагнации. Таким образом, пандемия привела к довольно резкой и шоковой интеграции цифровых технологий в повседневную реальность как для личной жизни, так и для рабочих и учебных процессов. Несмотря на то, что возможные пути внедрения диджитализации были уже в разработке, общество оказалось не готово к такому неожиданному внедрению, а также последствиям в социальной и экономической сферах.

Следует также уделить внимание академической сфере, так как образовательный сектор имеют свою специфику в данном вопросе. Пандемия COVID-19 бесспорно навсегда изменила процесс обучения. Конечно, можно рассуждать о том, что онлайн обучение, как феномен, несет с собой много плюсов. Например, возможность подключения из удобного места, отсутствие временных, а также денежных затрат на дорогу. Тем не менее, стоит все же проводить грань между хорошо спланированным онлайн-курсом и внезапных мер, которые больше являют собой ответ на кризисное состояние, а не тщательно спланированным процессом.

В связи с развитием эпидемиологической ситуации в мире, образовательные учреждения сначала Китая, а постепенно и других стран вынужденно приходят к тому, что формат учебы должен переходить в безопасный для здоровья формат – дистанционный. Кроме того, следует различать понятия дистанционного и электронного формата обучения. Так

как дистанционная учеба, это формат обучения, происходящий на расстоянии, но не обязательно являющийся собой использование технологий как средств связи. Данная форма относится и, к примеру, к изучению литературы, с последующими встречами с преподавателем или использование почтовых сервисов. В соответствии с п. 1 ст. 16 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников». Таким образом, сегодня “дистанционное обучение представляет собой комплекс образовательных услуг, предоставляемых на расстоянии с помощью информационно-образовательной среды, базирующейся на интернет технологиях” [4]. В то время как электронное обучение подразумевает под собой именно средства, которые могут быть использованы для получения знаний при помощи виртуальных сред.

Согласно статистическим данным Юнеско [5], на момент 2.04.2021 всего: 48,395,976 пострадавших учащихся, 8,5% от общего числа обучающихся, 31 страна закрыт по всему миру. Данные о закрытии школ в масштабах всей страны соответствуют числу учащихся, обучающихся на уровне дошкольного, начального, неполного среднего и высшего среднего образования, а также на уровне высшего образования [уровни МСКО от 5 до 8]. Данные о зачислении основаны на последних статистических данных Института ЮНЕСКО. Эти данные позволяют понять, что, даже спустя больше года после вспышки эпидемии, образовательная среда все еще находится под эффектом от последствий.

Согласно паспорту национального проекта “Образование” [6], к 31 декабря 2024 года Правительство Российской Федерации планирует реализовать план по развитию онлайн обучения в повседневных практиках. К примеру, к концу 2024 году планируется, что 12 миллионов детей примут участие в открытых онлайн-уроках, реализуемых с учетом опыта цикла открытых уроков «Проектория», направленных на раннюю профориентацию. Более того, 20% студентов будут осваивать отдельные курсы, дисциплины, модули, в том числе в формате онлайн-курсов, с использованием ресурсов иных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе университетов, обеспечивающих соответствие качества подготовки обучающихся мировому уровню, к концу 2024 г. Также, в планах сделать доступным образовательное пространство для детей с ограниченными возможностями здоровья, что означает, что 70% таких детей будут обучаться по дополнительным общеобразовательным программам, в том числе с использованием дистанционных технологий. Учитывая то, что данный план утвержден в начале 2019 года, разумно предпо-

лагать, что эпидемия коронавируса внесла существенные изменения в сроки реализации данных идей. Конечно, можно говорить об ускоренных сроках, но важно также упомянуть и качество реализуемых услуг.

В целом, в образовательных учреждениях возникла проблема организации летней сессии, сдачи экзаменов, зачетов, а также проведения защиты выпускных квалификационных работ, так как данный формат аттестации подразумевает под собой внушительные финансовые затраты на обеспечение защиты данных на специализированных платформах при выгрузке документов, а также во время презентации работ.

Тем не менее, ВУЗы оказались в немного более выигрышном положении при переходе на дистанционный формат, так как многие платформы электронных информационно-образовательных сред (ЭИОС) ранее уже использовались на постоянной основе. Такие, как электронное расписание, использование электронных библиотек, просмотр и выполнение практических и теоретических заданий в процессе освоения образовательного курса, контроль успеваемости, электронные зачетные книжки и другое. Однако, даже такая, казалось бы, подготовленность и частичная оснащенность Высших образовательных учреждений не сильно смягчила довольно болезненный процесс перехода на полностью удаленный формат учебы. Такой внезапный переход вскрыл ряд проблем в педагогической подготовке к онлайн преподаванию. Опрос, проведенный Волгоградским техническим университетом в онлайн формате среди 476 преподавателей. Большинству опрошенных преподавателей у студентов бакалавриата и магистратуры (65,3%) не нравится работать в онлайн формате, 85,5% процентов считает, что трудозатраты преподавателей существенно возросли. 24% процента опрошенных заявили о проблемах с доступу к устойчивому интернет соединению, а треть не имеет собственное техническое оборудование и вынуждена делить его с другими членами семьи. Стоит отметить и существенное влияние дистанционного обучения и на студентов, так как 29,4% и 44,1% преподавателей считают, что нагрузка на студентов “увеличилась” и “скорее увеличилась” соответственно [7].

Однако, онлайн обучение заключается не только в государственных образовательных учреждениях, в которых прежде преобладал оффлайн формат. Влияние пандемии коронавируса также оставило свой отпечаток и на образовательные ресурсы, которые изначально были в онлайн формате. Стоит отметить, что пандемия неизбежно повысила спрос на онлайн-курсы. По данным “Ведомости”, из 15 опрошенных онлайн платформ, 12 из них утверждают наличие повышения спроса на онлайн курсы [8]. Образовательное пространство Coursera на своем официальном портале заявляет о 10 000 программ для университетов и колледжей, что также повысило численность пользователей, обучаю-

щихся на данной платформе – более 1,4 миллиона студентов. Можно предположить, что резкий переход с офлайн обучения повлек за собой смену парадигмы о том, что основным и приоритетным источником высшего образования до сих пор являлось обучение в государственных учреждениях. К примеру, согласно ВВС[9], один из профессоров Оксфордского университета, пожелавший остаться анонимным, высказался на это счёт: "Если вы хотите будущее, в котором студентам просто выдают факты, информацию, а они ее зазубривают, тогда обучение онлайн вполне подходит. Но это не настоящее образование".

Выводы и рекомендации

На данном этапе теоретического исследования недостает большего количества доказательной базы, подкрепленной статистическими данными. Основания полагать, что сфера академического образования подверглась шоковой терапии, несомненно, есть, однако вопрос требует более тщательного исследования со стороны факторов влияния на разграничение пространства, оснащение всеми необходимыми ресурсами, как технической составляющей, так и информационными (переподготовка преподавательского состава для онлайн преподавания). Уделить внимание личным аспектам внедрения дистанционного формата, которые бы затрагивали атмосферу в жилищном пространстве, влияние на ментальное здоровье и персональную предрасположенность к восприятию информации онлайн. Пандемия коронавируса ускорил процесс диджитализации для всего мира, однако теперь важным является выяснить, какие практики общество готово взять с собой в будущее и как можно создать идеальный формат работы для образовательного сектора, не скатываясь в период до пандемии, но при этом и не теряя в качестве образовательных услуг.

Литература

1. Global Workplace Analytics, State of remote work, 2019 <https://resources.owllabs.com/state-of-remote-work/2019>
2. Отчет Huffington Post за 2019 год <https://www.huffpost.com>
3. Knox J., What Does the ‘Postdigital’ Mean for Education?” С. 367, 2019
4. Сергеева Н.А., Сергеев А.В. Технологии электронного обучения и дистанционного образования в профессиональном обучении, С. 179
5. Статистика Юнеско за 2.04.2021 <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>
6. Паспорт национального проекта «Образование», 2019 год <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf>

7. Петрунева Р.М. Авдеюк О.А. Петрунева Ю. В. Проблемы дистанционного образования глазами преподавателей: Уроки коронавируса, Волгоградский государственный технический университет, 2020 [http://www.vstu.ru/uploadiblok/files/primo-aspectu/2\(42\)-2020.pdf#page=67](http://www.vstu.ru/uploadiblok/files/primo-aspectu/2(42)-2020.pdf#page=67)

8. Ведомости, “Какие онлайн-учебные курсы стали популярны во время пандемии, 9.04.2020 <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/04/08/827543-online-kursi>

9. <https://www.bbc.com/russian/vert-cap-54027632>

10. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации Цели устойчивого развития ООН и Россия, 2016 год <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>

Nikiforova O.A., PhD in Sociology, associate professor
Saint-Petersburg State University
Deryugina A.D., PhD student
Saint-Petersburg State University
deryuginarina@gmail.com

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE ACADEMIC SPHERE IN CONNECTION WITH THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Abstract. This study is an analysis of the theoretical base of materials on the topic of digitalization of education in conjunction with the UN Sustainable Development Goals by 2030 on the quality of education. The aim of the study was to analyze the existing literature on the impact of changes in the educational sector in connection with the pandemic. At the moment, according to the UN, the indicator of the quality of the education system is a combination of high-quality educational results and educational equality. Based on data from 114 countries for the period from 1985 to 2005, it was found that one additional year of study corresponds to a reduction in the Gini coefficient by 1.4 percentage points [10]. My research was based on a modern theoretical framework, and also touched on the aspect of the accelerated process of digitalization, which made significant adjustments in the provision of educational services. Since the coronavirus pandemic has brought about significant changes in almost all spheres of human life, the academic sphere has also been forced to rapidly switch to an online format. It is no secret that many educational institutions were completely unprepared. Both in terms of maintenance for the teaching staff and for the students. This applies to the availability of the necessary equipment for high-quality educational services, as well as to the skills of using online educational platforms. In addition, people did not have enough time to

take care of a decent space for work and study, as the urgent transition to the online format did not leave people a chance to prepare and equip the space. Moreover, there is a question about the effectiveness of online training in comparison with offline, since there is still skepticism in society about the quality of these online services.

Keywords: pandemic, online education, digitalization, Sustainable Development Goals, quality education.

Окрепилов В.В., д-р экон. наук, проф., науч. руководитель
Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук
okrepilov@test-spb.ru

Гагулина Н.Л., канд. физ.-мат. наук, доц., вед. науч. сотрудник
Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук
Nata_C@bk.ru

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Аннотация. Глобальные трансформации по большей части являются результатом распространения действующей парадигмы современного развития со всеми ее преимуществами и недостатками. В статье акцентировано внимание на проблемах трансформации культурного и экономического пространства региона в условиях глобализации, которые ставят под угрозу конкурентоспособность региона: разрыв между богатством и бедностью, либеральными общественными практиками и государственными гарантиями, экономическим ростом и ресурсными возможностями природы. Подчеркнуто влияние финансового капитала на характер и направленность трансформаций. Показаны возможные направления решения обозначенных проблем в контексте региональной политики. На примере экономики Санкт-Петербурга проведен анализ управления социально-экономическим развитием региона с применением научной методологии экономики качества.

¹ Статья подготовлена по результатам ФНИ по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Ключевые слова: развитие; трансформация; региональная экономика; качество жизни; экономика качества.

Введение

Основные закономерности, законы возникновения и развития общественных взаимоотношений всех уровней сформированы современной парадигмой экономического развития на многие годы вперед. В связи с всеобъемлющим значением глобализации, либерализации и информатизации, важнейшим фактором кросскультурного взаимодействия Востока и Запада в современной парадигме экономического развития становится проявление принципов глобального эволюционизма¹. Явным проявлением этих принципов является возрастающее влияние глобализации на характер и темпы развития мировой экономики: глобализация стала инструментом формирования мировых рынков благ, труда и капиталов, расширила информационное пространство взаимодействия до планетарного масштаба.

Глобальные трансформации и проблемы развития

Значимым моментом влияния глобализации, либерализации и информатизации стала трансформация культурного и экономического пространства на рубеже XX-XXI вв. в результате укоренения и распространения в глобальном масштабе модели общества потребления, замкнутой на потреблении как на образе жизни². В первую очередь, этому способствовали новые возможности для стандартизации образа жизни, сознания и поведения людей, образования, открытые в связи с появлением, быстрым распространением и внедрением информационных и телекоммуникационных технологий, масс-медиа, в повседневную жизнь людей.

Постоянная необходимость удовлетворения потребностей, составляющих центральную идею модели общества потребления, требует непрерывного воспроизводства капитала. Идеология экономического роста, поддерживаемая мотивацией возрастающего потребления, позволила создать условия для постоянного увеличения темпов прироста добавленной стоимости на капитал за счет использования новейших технологий производства и удовлетворения возрастающих потребностей общества потребления³.

1 Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994.–336с.
2 Gagulina Natalya, Budagov Artur, Yanova Elena Global Challenges of the Modern Paradigm of Economic Development. 20-th International Scientific Conference Globalization and its Socio-Economic Consequences 2020. Zilina, Slovak Republic, October 21-22, 2020. - SHS Web Conf. - Volume 92, 2021. Published online: 13 January 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219207020>

³ Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Институт экономики КарНЦ РАН, Под общей ред. Ю.В. Савельева. - Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008.-136 с.

Глобализация и жесткая конкуренция, ускорение информационного обмена и нарастание инвестиционных рисков ведут к утрате ранее сформированных региональных конкурентных преимуществ. В связи с перетокom финансов в высокорентабельные передовые отрасли и в центры инновационного развития регионов, происходит территориальное и структурное перераспределение ресурсов. В ситуации расхождения ожиданий и реальных результатов портфельных инвесторов быстро растут инвестиционные риски, а инвестиционная привлекательность регионов снижается.

Преобразование традиционных и понятных организационных рыночных структур в сетевые структуры и компании, отличающиеся высокой адаптивностью, изменчивостью, прозрачностью, динамичностью масштабов и границ деятельности, – это не только еще одна особенность трансформации, но и источник множества проблем. Среди них: растущий разрыв между богатством и бедностью, либеральными общественными практиками и государственными гарантиями, экономическим ростом и ресурсными возможностями природы. Значительную сложность в идентификации каждой отдельно взятой проблемы создает виртуальный характер таких структур.

Перечисленные проблемы, несмотря на свой классический характер и ярко выраженную масштабность, составляют далеко не полный перечень препятствий для реализации государственной политики в регионах, так как способствуют «размыванию» и ускользанию конкретности объекта управления, его идентичности. В таких условиях особенно важной линией региональной экономической политики становится решение задачи увеличения стоимости активов территории, что положительно повлияет на конкурентоспособность региона. Скоординированные действия на всех уровнях власти по формированию стратегии и тактики управления социально-экономическим развитием создают все условия для экономического роста, повышения конкурентоспособности региона и качества жизни населения.

Развитие экономики Санкт-Петербурга в период трансформации

Хорошим примером повышения конкурентоспособности региона посредством грамотного проведения региональной политики является экономика Санкт-Петербурга. Северная столица России традиционно занимает высшие позиции рейтинга среди городов страны в силу своего уникального культурно-исторического прошлого, особенного физико-географического положения, накопленного богатейшего образовательного, научного и промышленного потенциала. Все перечисленное составляет надежную основу социально-экономического развития региона: расширенного производства и постепенного структурного качественного и

структурно позитивного изменения экономики, производительных сил, факторов роста и развития, образования, науки, культуры, уровня и качества жизни населения.

Согласно данным Петростата¹, экономика Санкт-Петербурга динамично росла в 2015–2019 гг. (табл. 1).

Таблица 1. Динамика ВРП Санкт-Петербурга

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
ВРП в расчете на душу населения, рублей	650 340	780 401	805 573	891 449	950 587
Индекс физического объема ВРП (в постоянных ценах, в процентах к предыдущему году)	101,4	102,3	101,1	103,4	101,8

ВРП в расчете на душу населения за 5 лет вырос на 300–247 руб. Индекс физического объема ВРП, выраженный в постоянных ценах, в % к предыдущему году, в 2015–2019 гг. в среднем составил 102%. Анализ изменения ВРП на одного занятого примерно соответствует темпу прироста ВРП на душу населения в целом, что также характеризует ситуацию в положительном ракурсе. Этот вывод подтверждает и динамика доходов-расходов населения, построенная авторами на основе данных Петростата² (рисунок 1).

Превышение доходов над расходами свидетельствует о возможности сбережения для населения, что в перспективе создает предпосылки для инвестирования. Отметим, что на фоне непрерывного роста абсолютной величины, структура доходов и расходов практически не изменяется (рисунки 2, 3). В составе доходов преобладает оплата труда наемных работников (в среднем за 6 лет она составила 65,8%), на втором месте - социальные выплаты: 16,8%, соответственно. Доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности, к сожалению, находятся лишь на 4-м месте в структуре денежных поступлений населения Санкт-Петербурга и в среднем их удельный вес равен 6,28%).

¹Петростат. Управление Федеральной службы государственной статистики по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://petrostat.gks.ru/folder/27363>

² Санкт-Петербург' 2020. Краткий статистический сборник/Петростат. – СПб., 2021. – 92 с.

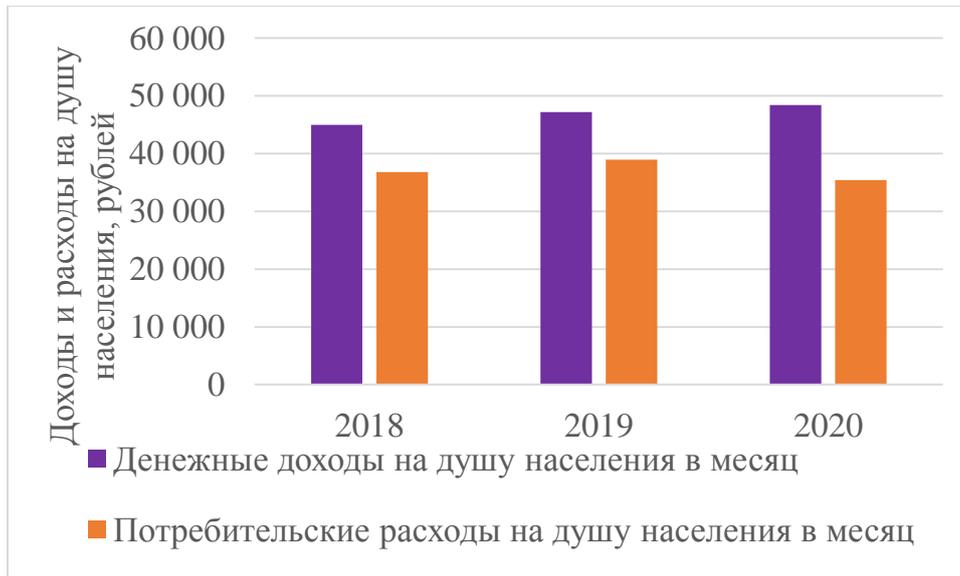

Рис. 1. Динамика денежных доходов и потребительских расходов на душу населения Санкт-Петербурга в месяц, руб.

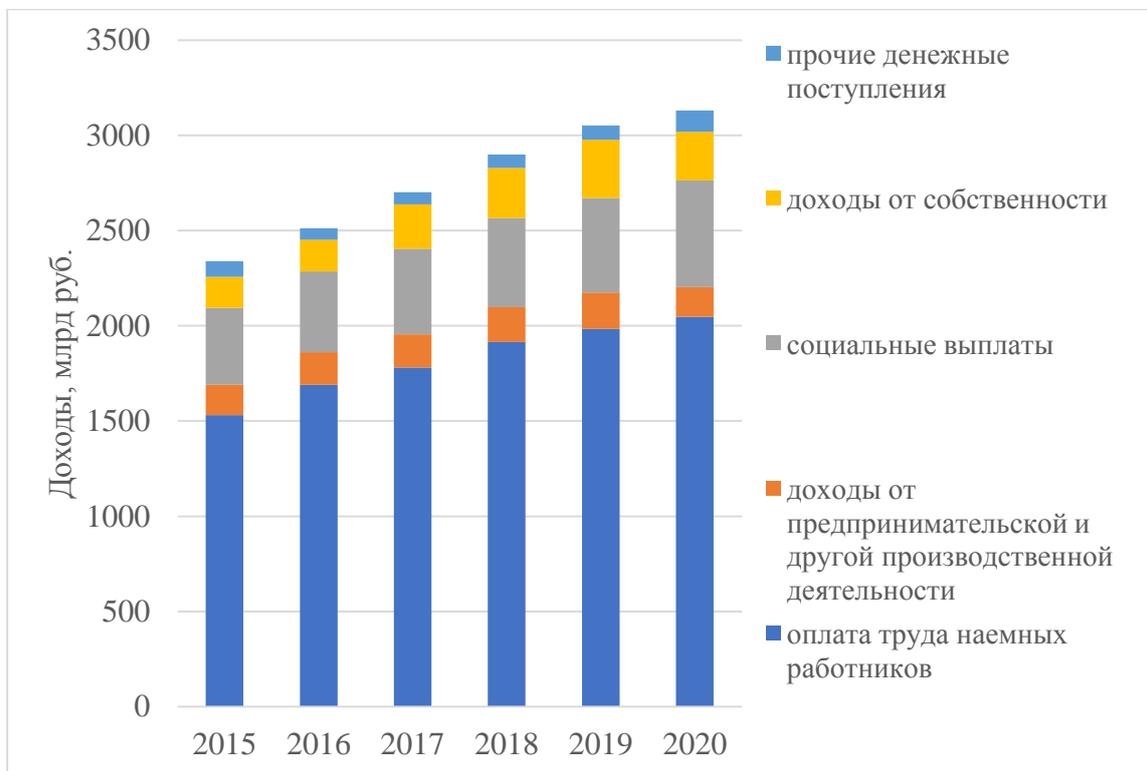

Рис. 2. Структура денежных доходов населения Санкт-Петербурга, млрд руб.

В структуре расходов населения Санкт-Петербурга преобладают потребительские расходы. Их доля в общем составе расходов равна в среднем 81,03% за 2015–2020 гг. Велики обязательные платежи и разнообразные взносы: 15,63% в общей массе расходов.

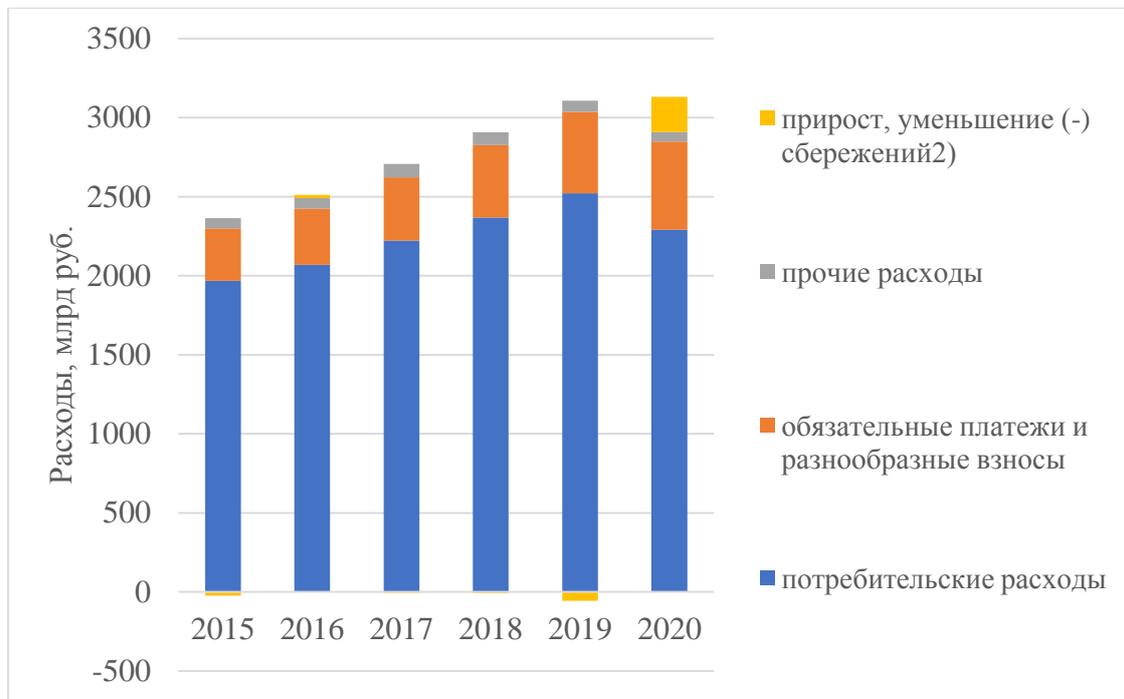

Рис. 3. Структура денежных расходов населения Санкт-Петербурга, млрд руб.

Очень нестабильно выглядят сбережения, которые в рассматриваемом периоде принимали положительное значение лишь в 2016 г. и в 2020 г. Отметим, что несмотря на очень трудный для экономики 2020 год, величина сбережений в этом году составила 7,1% в общей структуре расходов. Во многом это связано с целенаправленной инвестиционной поддержкой со стороны государства в кризисный период, направленной на ослабление негативных последствий ограничительных мер, введенных в 2020 году. В целом, экономика Санкт-Петербурга смогла сохранить свои сильные позиции (рис. 4).

В январе-декабре 2020 года ИПП составил 98,2% к январю-декабрю 2019 года, в том числе в обрабатывающих производствах – 99,2%. Инвестиции в основной капитал в 2020 году стали существенно выше, чем в 2019 г.: 447,1 млрд руб. против 397,6 млрд руб., т.е. больше на 112,4%.

Такой подход заложил основу преодоления экономического спада. В первом квартале 2021 года ИПП в Петербурге составил 104,6%, увеличился оборот оптовой и розничной торговли, вырос объем перевалки грузов. Объем услуг по транспортировке и хранению продукции составил 118% от уровня первого квартала 2020 г.

Достигнутое положение дел имеет под собой прочную институциональную основу. Важнейшие документы развития Санкт-Петербурга разрабатываются в полном соответствии с национальными целями России и стратегическими приоритетами развития города на длительную

перспективу¹. Все они входят в комплекс документов, дополняющих и конкретизирующих на основных направлениях деятельности Стратегию социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года (далее – Стратегия 2035).

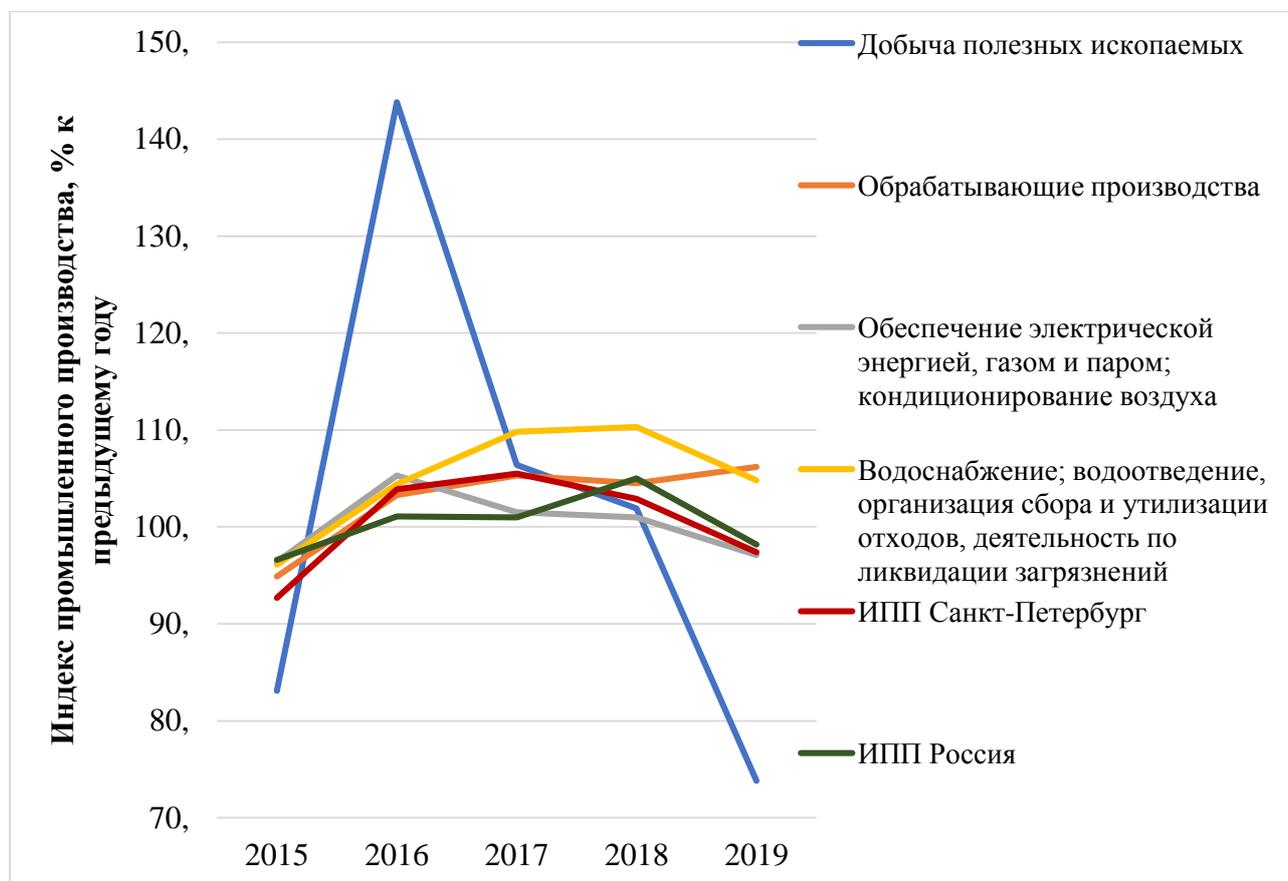

Рис. 4. Индекс промышленного производства в % к предыдущему году

В Стратегии 2035 чётко обозначены перспективы и направления развития Санкт Петербурга, видение его будущего как глобального центра мировой культуры, межрегионального и международного сотрудничества, создания и внедрения инноваций. Ключевым элементом системы целей социально-экономической политики Санкт-Петербурга является обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан и повышение глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга на основе реализации национальных приоритетов развития, обеспечения устойчи-

¹Окрепилов В.В. Петербург как социально-экономическая система в период цифровизации экономики. Вестник Санкт Петербургского государственного университета технологии и дизайна №4. 2020. Серия 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. С. 9-13.

вого экономического роста и использования результатов инновационно-технологической деятельности¹.

Качество жизни – это наиболее емкий, интегральный показатель, характеризующий множество важных аспектов жизни горожан. Уровень развития экономики, эффективность управления городом, состояние городской среды, включая экологию, качество и доступность услуг организаций здравоохранения, образования, культуры и социального обслуживания населения, жилищные условия и места приложения труда населения города, обеспеченность социальными объектами, транспортное обслуживание, коммуникационные связи – вот далеко не полный перечень характеристик качества жизни людей.

Механизм реализации политики социально-экономического развития Санкт-Петербурга, кроме планирования, прогнозирования и программирования, предусматривает также мониторинг реализации стратегических документов и возможности их актуализации с учетом происходящих изменений. Для Стратегии 2035 подготовлены предложения по мониторингу реализации на основе методов экономики качества.

Разработка Стратегии 2035, как и других важнейших документов развития города, – результат скоординированной совместной работы профильных комитетов исполнительной власти, представителей профессиональных союзов и общественных организаций, а также научных учреждений, имеющих опыт прогнозирования и планирования регионального развития.

С научных позиций экономики качества принципиально важно отметить, что Стратегия 2035 наряду с определением цели, основных задач, принципов, приоритетов, направлений и мер государственной политики Санкт-Петербурга, фиксирует ожидаемые результаты реализации в виде Показателей достижения целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга и индикаторов устойчивого развития Санкт-Петербурга. Применение основных инструментов из фундаментальных направлений экономики качества: метрологии, стандартизации, управления качеством, дает возможность измерить фактическое положение дел в разрезе показателей и индикаторов, установить ожидаемые результаты на уровне стандартов, провести сравнительный анализ и по его результатам наметить пути улучшения полученных результатов.

Выводы

Неизменные спутники глобальных трансформаций современного развития: глобализация, либерализация и информатизация прочно вошли в

¹Закон Санкт-Петербурга «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» от 19.12.2018 № 771-164. Официальный портал «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/551979680?section=text>

современную экономическую действительность. Наряду с преимуществами роста производительности, получения колоссальных сверхприбылей, растущей мобильности, экономика столкнулась с рядом проблем. Как свидетельствует опыт, полученный во время кризисного 2020 года, одна из проблем, требующих безотлагательного решения, – проблема управления социально-экономическим развитием в условиях нестабильности.

Анализ показателей экономики Санкт-Петербурга позволяет утверждать, что значительный вклад в повышение стабильности развития города способна внести хорошо отлаженная система управления, подкрепленная прочной институциональной основой. Механизм реализации политики социально-экономического развития Санкт-Петербурга даже в период пандемии сохраняет для населения города надежду на поддержание высокого качества жизни.

Литература

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Gagulina Natalya, Budagov Artur, Yanova Elena Global Challenges of the Modern Paradigm of Economic Development. 20-th International Scientific Conference Globalization and its Socio-Economic Consequences 2020. Zilina, Slovak Republic, October 21-22, 2020. - SHS Web Conf. - Volume 92, 2021. Published online: 13 January 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219207020>
3. Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Институт экономики КарНЦ РАН, Под общей ред. Ю.В. Савельева. – Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. –136 с.
4. Петростат. Управление Федеральной службы государственной статистики по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://petrostat.gks.ru/folder/27363>
5. Санкт-Петербург' 2020. Краткий статистический сборник / Петростат. – СПб., 2021. – 92 с.
6. Окрепилов В.В. Петербург как социально-экономическая система в период цифровизации экономики. Вестник Санкт Петербургского государственного университета технологии и дизайна №4. 2020. Серия 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. С. 9-13.
7. Закон Санкт-Петербурга «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» от 19.12.2018 № 771-164. Официальный портал «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/551979680?section=text>

Okrepilov V.V., Dr. of Economics, prof., scientific supervisor
 Institute for Regional Economic Studies
 Russian Academy of Sciences
 okrepilov@test-spb.ru

Gagulina N.L., PhD in Physics and Mathematics, doc.,
 leading researcher
 Institute for Regional Economic Studies
 Russian Academy of Sciences
 Nata_C@bk.ru

MANAGING OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SAINT PETERSBURG IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL TRANSFORMATIONS

Abstract. Global transformations are mostly the result of the spreading of current paradigm of the modern development with all its advantages and disadvantages. The article highlights the problems of cultural and economic region's area transformation in the context of globalization. The problems put at risk region competitiveness: the gap between rich and poor, liberal public practices and State guarantees, economic growth and resource potential of nature. The article shows an influence of financial capital on the nature and direction of transformations and possible directions of solving the identified problems in the context of regional policy. On the example of the economy of Saint Petersburg, the analysis of the managing of socio-economic development of the region using the scientific methodology of quality economics is carried out.

Keywords: development; transformation; regional economy; quality of life; Quality Economics.

Преснякова Е.В., канд. экон. наук, доц.
 Институт экономики НАН Беларуси
 prasniakova@tut.by

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье показана значимость развития электротранспорта для достижения целей устойчивого развития. В этом контексте рас-

крыты основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. Отражены меры, предпринимаемые в стране, в целях стимулирования его использования покупателями и расширения зарядной инфраструктуры. Сформирована комплексная система мер экономического стимулирования развития электротранспорта по направлениям: «НИОКР — Производство — Приобретение — Использование — Инфраструктура — Утилизация», применение которых будет способствовать созданию благоприятных условий как для его разработчиков и производителей, так и потребителей.

Ключевые слова: устойчивое развитие; электротранспорт; электроиндустрия; электромобиль; стимулирование развития электротранспорта; высокотехнологичный товар; зарядная инфраструктура; литий-ионные аккумуляторные батареи.

Развитие электротранспорта соответствует Цели 9 устойчивого развития, направленной на экологизацию производства, активизацию научных исследований и наращивание технологического потенциала промышленных секторов экономики. Задача 9.4 – к 2030 году модернизировать инфраструктуру и модернизировать отрасли промышленности, чтобы сделать их устойчивыми, с повышением эффективности использования ресурсов и более широким внедрением чистых и экологически безопасных технологий и промышленных процессов, при этом все страны будут принимать меры в соответствии со своими соответствующими возможностями.

В соответствии с Основными положениями проекта Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы стратегия развития промышленного производства предусматривает его трансформацию в конкурентоспособный комплекс, оперативно реагирующий на мировую конъюнктуру и потребности внутреннего рынка. Целевым ориентиром выступает увеличение производительности труда в промышленности в 1,3 раза. В числе прочих прорывными точками роста промышленности станут электроиндустрия и электротранспорт. Будут созданы новые производства грузового и пассажирского электротранспорта и его компонентов, коммунальных машин с электроприводом, расширен выпуск зарядной инфраструктуры.

Политика стимулирования производства и использования электротранспорта играет важнейшую роль в его развитии. Меры, инструменты и механизмы государственной политики по стимулированию производства и потребления электротранспорта рассматривали в своих работах такие зарубежные ученые, как Т. Алтенбург, Э. Шамп и А. Чадхари (The

emergence of electromobility: Comparing technological pathways in France, Germany, China and India, 2015); С. Ваппелхорст, П. Мок (Using vehicle taxation policy to lower transport emissions: An overview for passenger cars in Europe, 2017); П. Слоуик, Т. Даллманн, К. Факано (International Evaluation of Public Policies for Electromobility in Urban Fleets, 2018); З. Янг, П. Лутси, С. Сирл (Principles for effective electric vehicle incentive design, 2019) и др. [1].

В России изучением препятствий, способов и перспектив продвижения электротранспорта занимались В.В. Иосифов, Э.Э. Бобылев, Л.Д. Гительман, М.В. Кожевников, С.В. Ратнер, С.С. Маслова, В.А. Подхалюзина А.В. Милешкина и др. Вопросы обеспечения электротранспорта зарядной инфраструктурой раскрывались в работах А.В. Кочеткова, В.В. Талалая, Ю.Э. Васильева, Н.О. Студенкова, С.П. Шкарупо, Д.Ю. Камбулатова и др. В Республике Беларусь имеются отдельные работы в области развития электротранспорта и электрической мобильности, в частности В.Л. Гурский, Д.В. Муха, Е.О. Павлович, Г.Г. Филиповец [2].

Отличительной чертой производства электротранспорта является наличие тесных научно-технологических связей между различными видами экономической деятельности (в числе которых производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры, производство транспортных средств и оборудования, профессиональная, научная и техническая деятельность и др.). Исходя из этого характерного признака целесообразно рассмотреть данного вида деятельности его включение в состав передовых производств (Advanced manufacturing).

Термин «Передовое производство» охватывает многие разработки в области производства в конце XX и начала XXI веков, включая высокотехнологичные продукты и процессы, а также чистое, экологичное и гибкое производство. Согласно позиции Advanced Manufacturing National Program Office (США) в рамках передового производства осуществляется использование инновационных технологий для создания существующих продуктов и создания новых продуктов [3]. Наиболее всеобъемлющим определением является определение, данное Полом Фаулером из Национального совета по передовому производству (Paul Fowler, NACFAM): «Передовое производственное предприятие широко использует компьютерные, высокоточные и информационные технологии, интегрированные с высокопроизводительной рабочей силой в производственную систему, способную поставлять гетерогенную смесь продуктов в малых или больших объемах как с эффективностью массового производства, так и с гибкостью индивидуального производства, чтобы быстро реагировать на запросы клиентов» [4].

Передовые производственные центры сосредоточены на повышении производительности промышленности за счет инновационного применения технологий, процессов и методов проектирования и производства продукции. Это направление широко использует компьютерные, высокоточные и информационные технологии, интегрированные с высокопроизводительной рабочей силой в производственную систему, способную обеспечить гетерогенную смесь продуктов в малых или больших объемах как с эффективностью массового производства, так и с гибкостью индивидуального производства, чтобы быстро реагировать на запросы клиентов. Сюда входят передовые машины, интеллектуальная робототехника, датчики, системы управления и процессы.

Согласно нашей позиции, производство электротранспорта обладает такими признаками передового производства, как высокий уровень наукоемкости и коммерциализации научных исследований, масштабное использование компьютерных и информационных технологий, систем автоматизированного проектирования и автоматизации производства, тесная кооперация между производителями транспортных средств, аккумуляторных батарей и обслуживающей зарядной инфраструктуры на основе унификации стандартов производства, высокая производительность труда и нацеленность на обеспечение снижения выбросов парниковых газов при использовании транспортных средств.

Республика Беларусь имеет значительный научно-технический и промышленный потенциал в сфере разработок и производства электротранспорта. В организациях НАН Беларуси выполнен широкий спектр исследовательских работ, в результате которых созданы экспериментальные и опытные образцы электротранспорта и его компонентов. Ведущая научная организация в данной сфере – Объединенный институт машиностроения НАН Беларуси. Осуществляется тесное научно-техническое взаимодействие в сфере разработок и производства электротранспорта между академическими и промышленными организациями. Развитие электротранспорта представляется особенно перспективным в связи с запуском Белорусской АЭС, что позволит обеспечить положительную динамику в электропотреблении на цели зарядки электротранспорта и создаст условия для его использования в различных сферах жизнедеятельности общества.

Формированию условий для развития электротранспорта в нашей стране уделяется большое внимание. Приняты Указы Президента Республики Беларусь от 10 июля 2018 г. № 273 и от 12 марта 2020 г. № 92 «О стимулировании использования электромобилей». Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 октября 2018 г. № 731

утверждена Программа создания государственной зарядной сети для зарядки электромобилей, от 9 апреля 2021 г. — Комплексная программа развития электротранспорта на 2021–2025 гг.

В перспективе создание благоприятных условий для комплексного развития электрического транспорта, включая осуществление научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, организацию новых производств, обустройство необходимой зарядной и сервисной инфраструктуры, повышение спроса на электромобили и рост энергопотребления на этой основе, будут обеспечены путем применения экономических и организационных мер стимулирующего характера по следующим направлениям (рисунок 1).

Рис. 1. Направления стимулирования развития электротранспорта при применении финансовых и нефинансовых мер

1. Стимулирование научных исследований и опытно-конструкторских работ в области производства электрического транспорта, его компонентов, объектов зарядной и сервисной инфраструктуры

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы» в состав таких направлений включены:

по разделу 3 «Энергетика, строительство, экология и рациональное природопользование»: высокоемкие электронакопители, топливные ячейки;

по разделу 4 «Машиностроение, машиностроительные технологии, приборостроение и инновационные материалы»: электрические и беспилотные транспортные средства.

Научными и промышленными организациями будет обеспечено выполнение НИОКР, направленных на создание новых технологий и опытных образцов электрических транспортных средств и их компонентов, объектов зарядной и сервисной инфраструктуры, в том числе в рамках государственных научно-технических программ. Проекты, предусматривающие коммерциализацию результатов научной и научно-технической деятельности и направленные на освоение в производстве электрических транспортных средств и их компонентов, объектов зарядной и сервисной инфраструктуры, в первоочередном порядке будут включены в Государственную программу инновационного развития на 2021–2025 годы.

Проведению научных исследований в области развития электрического транспорта и его компонентов, объектов зарядной и сервисной инфраструктуры будет способствовать регулярная организация республиканских и международных конкурсов Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований.

2. Стимулирование производства электрического транспорта, его компонентов, объектов зарядной и сервисной инфраструктуры

Стимулирующее влияние на производство электрического транспорта, его компонентов, объектов зарядной и сервисной инфраструктуры будут оказывать:

а) предоставление льгот и преференций организациям, производящим электрические транспортные средства и компоненты для них, объекты зарядной инфраструктуры:

внесение изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 12 марта 2020 г. № 92 «О стимулировании использования электромобилей»;

установление сниженных ставок налога на прибыль (освобождение от налога на прибыль в установленных случаях) в отношении прибыли организаций, полученной от реализации электрических транспортных средств, их компонентов. Предлагается рассмотреть включение в Перечень высокотехнологичных товаров Республики Беларусь, утвержденный Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 23.06.2012 N 574, позиций: транспортные средства электрические прочие, промышленного назначения, самоходные, не оборудованные подъемными или погрузочными устройствами, используемые на заводах, складах, в портах или аэропортах для перевозки грузов на короткие расстояния; тракторы, используемые на платформах железнодорожных станций (8709 11 900 0); велосипеды с установленным вспомогательным двигателем, с колясками или без них; коляски, приводимые в движение электрическим двигателем с номинальной мощностью не более 250 Вт (8711 60 100 0); мотоциклы

(включая мопеды) и велосипеды с установленным вспомогательным двигателем, с колясками или без них; коляски, приводимые в движение электрическим двигателем, прочие (8711 60 900 0);

подготовка и представление для рассмотрения Евразийской экономической комиссией предложений о внесении изменений в Единую товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении колесных транспортных средств с электрическими двигателями и их комплектующих, объектов зарядной инфраструктуры. Предлагается осуществить освобождение от налога на добавленную стоимость и таможенных пошлин компонентов колесных транспортных средств с электрическими двигателями при ввозе на территорию Республики Беларусь, согласно перечню, утверждаемому Советом Министров Республики Беларусь;

б) меры, направленные на гарантированное обеспечение реализации продукции (работ, услуг):

осуществление государственных закупок электрических транспортных средств, объектов зарядной инфраструктуры с применением процедуры закупки из одного источника. Целесообразно внести государственные закупки колесных транспортных средств с электрическими двигателями, объектов зарядной и сервисной инфраструктуры в «Перечень случаев осуществления государственных закупок с применением процедуры закупки из одного источника», предусмотренный Приложением к Закону Республики Беларусь Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 N 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»;

формирование механизма государственного заказа в рамках государственных программ колесных транспортных средств с электрическими двигателями в целях обновления автобусного и троллейбусного парков общественного транспорта, электрификации парка коммунального и служебного транспорта;

в) меры по улучшению кооперационного взаимодействия между промышленными организациями:

привлечение организаций малого и среднего предпринимательства для производства и сервисного обслуживания компонентов транспортных средств с электрическими двигателями и объектов зарядной и сервисной инфраструктуры, в том числе на основе размещения заказов в Евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации;

оказание консультационной и информационной поддержки при организации и вводе в эксплуатацию производств аккумуляторных батарей

при условии соблюдения всех требований природоохранного законодательства.

3. Стимулирование приобретения и использования электротранспорта

Указом Президента Республики Беларусь от 12.03.2020 № 92 «О стимулировании использования электромобилей» предусмотрено:

освобождение от уплаты государственной пошлины за выдачу разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении в отношении легковых автомобилей категории M1 или M1G, приводимых в движение исключительно электрическим двигателем;

предоставление права на применение инвестиционного вычета юридическим лицам, осуществляющим приобретение (в том числе путем создания) и эксплуатацию электромобилей;

применение в размере ноль (0) процентов ставки налога на добавленную стоимость при ввозе на территорию Республики Беларусь гражданами Республики Беларусь, а также иностранными гражданами и лицами без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь, электромобилей для личного пользования;

предоставление физическим лицам, приобретшим электромобили на территории Республики Беларусь, права на возврат уплаченной при приобретении электромобиля суммы налога на добавленную стоимость.

Областным и Минскому городскому исполкомам, городским (городам областного, районного подчинения), районным исполнительным комитетам рекомендуется осуществлять освобождение участников дорожного движения на электромобилях от взимания платы за пользование автомобильными парковками, находящимися в коммунальной собственности

Будут прорабатываться вопросы необходимости предоставления дополнительных льгот и иных преференций потребителям электротранспорта.

Повышению финансовой привлекательности приобретения и использования электрических транспортных средств будут способствовать:

улучшение условий кредитования приобретения электромобилей, реализуемых официальными дилерами, физическим лицам на территории Республики Беларусь. ОАО «Банк развития Республики Беларусь предлагает разработать программу кредитования «СМАРТ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТ»;

предоставление в лизинг транспортных средств с электрическими двигателями, производимых на предприятиях Республики Беларусь.

На создание особых условий движения по дорогам электромобилей будут направлены организационные меры: освобождение участников дорожного движения на электромобилях от взимания платы за пользование автомобильными парковками, находящимися в коммунальной собственности; предоставление льготных условий при исчислении и взимании платы за проезд транспортных средств по платным дорогам; предоставление пользователям электромобилей права на движение по полосе, выделенной для движения маршрутных транспортных средств; запрещение парковки автомобилей с двигателем внутреннего сгорания в местах, предназначенных для зарядки электромобилей.

4. Создание условий для утилизации электротранспорта и его компонентов

В качестве основных мер по созданию условий для утилизации электрического транспорта и его компонентов выступают следующие:

установление сниженных ставок утилизационного сбора в отношении транспортных средств: категории M1, в том числе повышенной проходимости категории M1G, а также специальных и специализированных транспортных средств указанных категорий с электродвигателями; категорий M2, M3, в том числе повышенной проходимости категорий M2G, M3G, а также специальных и специализированных транспортных средств указанных категорий с электродвигателями;

выполнение мероприятий по обновлению транспортных средств, произведенных на территории Республики Беларусь, предусматривающих замену производителями транспортных средств с двигателями внутреннего сгорания, на транспортные средства с электрическими двигателями; внедрение в производство экологически безопасных технологий утилизации отработанных литий-ионных аккумуляторных батарей электромобилей; расширение сети специализированных организаций в сфере сбора, переработки, утилизации электронного и электрического оборудования.

Целесообразно осуществлять мероприятия, направленные на стимулирование производства и потребления электротранспорта в республике, рекомендованные Планом мероприятий по обеспечению стимулирования производства и использования колесных транспортных средств с электрическими, гибридными двигателями и двигателями на газомоторном топливе в государствах — членах Евразийского экономического союза на 2021–2025 годы.

Литература

1. Electric vehicles. Technology brief [Electronic resource] // The International Renewable Energy Agency (IRENA). – Mode of access:

https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2017/IRENA_Electric_Vehicles_2017.pdf. – Date of access: 10.04.2020.

2. Мировой рынок электротранспорта и перспективы его развития / Е.В. Преснякова, В.Л. Гурский, Д.В. Муха. – Минск : Право и экономика, 2020. – 104 с.

3. The Advanced Manufacturing National Program Office [Electronic resource] // Manufacturing.gov. – Mode of access: <https://www.manufacturing.gov/partners/advanced-manufacturing-national-program-office>. – Date of access: 14.05.2021.

4. Thareja, Priyavrat. Manufacturing Paradigms In 2010. – Proceedings of National Conference on Emerging trends in Manufacturing Systems, JMIT, Radaur. – March 15–16, 2005.

Prasniakova E.V., PhD in Economics, associate professor
Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus
prasniakova@tut.by

FORMATION OF THE INCENTIVE SYSTEM DEVELOPMENT OF ELECTRIC TRANSPORT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article shows the importance of the development of electric transport for achieving the Sustainable Development Goals. In this context, the main provisions of the program of social and economic development of the Republic of Belarus for 2021-2025 are disclosed. It reflects the measures taken in the country to encourage its use by customers and expand the charging infrastructure. A comprehensive system of economic incentives for the development of electric transport has been formed in the following areas: "R & D – Production – Acquisition – Use – Infrastructure", the use of which will contribute to the creation of favorable conditions for both its developers and manufacturers, as well as consumers.

Keywords: sustainable development; electric transport; electric industry; electric vehicle; promotion of the development of electric transport; high-tech goods; charging infrastructure; lithium-ion batteries.

Сергунин А.А., д-р полит. наук, проф.
Санкт-Петербургский государственный университет
sergunin60@mail.ru

Акулов Д.А.
Санкт-Петербургский государственный университет
st085293@student.spbu.ru

Бобылев Н.Г., канд. техн. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный университет
n.bobylev@spbu.ru

Гададь С., д-р геогр. наук, проф.
Университет О-Марселя
sebastien.gadal@univ-amu.fr

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИКАТОРАХ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН АРКТИЧЕСКИМИ ГОРОДАМИ РОССИИ⁴¹

Аннотация. В статье предлагается система индикаторов оценки выполнения требований 11-й цели устойчивого развития ООН в случае с обеспечением комфортной городской среды в Арктической зоне Российской Федерации.

Ключевые слова: 11-я цель устойчивого развития ООН; устойчивое развитие городов; Арктическая зона Российской Федерации.

Введение

Устойчивое развитие городов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) – важнейший приоритет государственной политики в этом макрорегионе [1; 2]. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, большая часть населения АЗРФ проживает именно в городах, и, соответственно, именно горожане являются основным объектом стратегии устойчивого развития. Население городов и посёлков городского типа АЗРФ насчитывает около 2 млн чел. (89,3%), сельской местности – почти 250 тыс. чел. (10,7%) [3].

Во-вторых, города, где находится промышленность, производящая большую часть регионального валового продукта, являются главным источником загрязнения окружающей среды. Учёные насчитывают 27 так называемых импактных зон (то есть наиболее загрязнённых районов) в АЗРФ. Эти зоны расположены неравномерно на территории АЗРФ.

⁴¹ Работа выполнена в рамках совместного проекта Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда «Дом наук о человеке» (Франция) № 20-514-22001.

Наиболее загрязнёнными являются 4 района: Норильск и его окружение (более 30% вредных эмиссий), Западная Сибирь с регионами нефтегазовой добычи (более 30%) Мурманская область (10%) и Архангельская область, в которой также отмечается высокая степень промышленного загрязнения. В городах АЗРФ всегда фиксируется значительный уровень загрязнения атмосферного воздуха. Среди отраслей индустрии, представленных в АЗРФ, первое место по вредным выбросам занимает горно-металлургическая с расположением в Норильске, Никеле, Мончегорске, Заполярном, Ковдоре, Оленегорске, Печенге, Кандалакше, Депутатском, Талнахе, Билибино и пр. [4].

След от промышленных выбросов в атмосферу заметен в АЗРФ на огромной территории. Вредные вещества, попадающие в атмосферу, не только негативно сказываются на качестве воздуха и, соответственно, на здоровье местного населения, но и разрушают ландшафтный покров АЗРФ. Эти процессы весьма негативно сказываются на других видах хозяйственной деятельности, например, на оленеводстве [5].

В-третьих, именно арктические города в полном объёме испытывают на себе негативные последствия глобального изменения климата. Из-за таяния вечной мерзлоты разрушаются жилые и промышленные здания, коммуникации, дороги и пр. Городам приходится перестраивать свои энергетические и отопительные системы. Участились наводнения, лесные пожары, выбросы метана из почвы и другие природные катаклизмы.

В этом контексте возникает вопрос, насколько города АЗРФ соответствуют 11-й цели устойчивого развития (ЦУР) ООН «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов»? В рамках этой ЦУР, рассчитанной до 2030 г., ставятся следующие задачи:

11.1 Обеспечить максимальный доступ к комфортному, безопасному и дешёвому жилью при одновременной ликвидации трущоб.

11.2 Обеспечить доступ к безопасным, недорогим, и экологичным транспортным системам при условии повышения безопасности дорожного движения и особом внимании к уязвимым категориям населения (инвалиды, женщины, дети и пожилые лица).

11.3 Добиться экологически устойчивого городского развития, планирования и управления при активном участии населения.

11.4 Принять меры по охране мирового культурного и природного наследия.

11.5 Значительно сократить количество погибших и пострадавших от природных и техногенных катастроф (особенно от наводнений), а также снизить экономический ущерб от этих бедствий и защитить уязвимые категории городских жителей.

11.6 Снизить экологический ущерб от городской жизнедеятельности в пересчете на душу населения, в том числе путём снижения эмиссии в атмосферу и переработки промышленных и бытовых отходов.

11.7 Добиться беспрепятственного и всеобщего доступа к зонам озеленения и общественным местам, включая такие особенно для таких уязвимых категорий городских жителей, как инвалиды, пожилые люди, женщины и дети.

11.a Развивать устойчивые связи между городами, пригородами и сельскими поселениями в области экономики, социальных отношений и экологии, основанные на качественном планировании национального и территориального развития.

11.b К 2020 г. существенно расширить перечень городов, одобряющих и реализующих стратегии устойчивого развития, нацеленные на ликвидацию социального неравенства, эффективную эксплуатацию природных и человеческих ресурсов, нейтрализацию негативных последствий климатических изменений, адаптацию к этим изменениям и противостояние стихийным бедствиям, а также комплексный менеджмент рисками, связанными с бедствиями, в соответствии с Сендайской рамочной программой на 2015–2030 гг.

11.c Оказывать финансово-техническую помощь наименее развитым странам мира для постройки экологичных и безопасных зданий из местных строительных материалов [6].

Очевидно, что часть этих задач направлена на решение проблем городского развития в развивающихся странах (частично задача 11.1 или задача 11.c). Некоторые из них рассчитаны на другие климатические зоны (задача 11.7). Некоторые задачи имеют слишком общий характер и трудно применимы ко всем типам городов (11.3, 11.4 и 11b). Тем не менее, после определённой корректировки, ключевые задачи по обеспечению устойчивого развития городов вполне применимы к АЗРФ.

Как известно, одним из способов повышения эффективности управленческой политики в сфере устойчивого развития городов (включая АЗРФ) является адекватная оценка ситуации в данной области, что можно сделать на основе системы индикаторов, сведённой в интегрированный индекс.

Целью данного исследования является разработка системы индикаторов для оценки выполнения требований 11-й ЦУР ООН по обеспечению устойчивого развития городов АЗРФ и созданию в них условий для обеспечения комфортной городской среды.

Обзор существующих индексов устойчивого городского развития

Составление различных индексов и рейтингов — весьма развитое направление научных исследований в настоящее время. В этой области

накоплено достаточное количество методик международного и российского уровней [7; 8; 9]. Существуют многочисленные индексы, отражающие устойчивое развитие городов.

Так, в рамках различных подразделений ООН довольно давно ведётся работа по созданию подобных индексов. Например, в рамках Программы ООН по населённым пунктам (UN-Habitat) ещё в 1996 г. был создан Индекс городского развития [10]. Комиссия ООН по устойчивому развитию вела работу по определению индикаторов такого развития, включая регионы и города [11].

На основе принятых в 2015 г. ООН Целей устойчивого развития (ЦУР) в ряде стран были разработаны различные индексы. Например, группа консультантов из Сети ООН по поиску решений проблем устойчивого развития подготовила в 2017 г. Индекс ЦУР городов США, в котором производилось ранжирование 124 городов [12]. Аналогичная попытка (но в отношении АЗРФ) была предпринята группой российских и финских учёных в 2018 г. [13].

В 2014 г. под эгидой Совета министров стран Северной Европы был опубликован Доклад по человеческому развитию в Арктике, в котором была предпринята попытка отразить через систему индикаторов назревшие социально-экономические и экологические проблемы на Крайнем Севере [14]. Этот доклад завершил исследование международной команды экспертов, начатое по инициативе рабочей группы по устойчивому развитию Арктического совета в 2006 г. Несмотря на то что предложенные в докладе семь индикаторов (уровень детской смертности, миграционный баланс, уровень потребления пищи местного производства, доход домохозяйства на душу населения, доля студентов, успешно завершивших обучение на вузовском уровне, степень владения родным языком, способность планировать будущее) были подвергнуты критике со стороны научной общественности как недостаточно репрезентативные (они были в основном направлены на мониторинг ситуации с коренными народами Севера) и не полностью отражающие специфику Арктики, они дали несомненный толчок дальнейшим исследованиям в данной сфере.

В 2020-2021 гг. коллектив учёных из различных арктических стран под руководством Университета Дж. Вашингтона вёл работу над созданием *комплексного индекса устойчивого развития арктических городов*. В публикациях участников данного проекта предприняты попытки создать как индексы отдельных аспектов устойчивого городского развития на Крайнем Севере [15], так и рейтинги интегрального характера [16], в том числе основанные на индексе устойчивого городского развития, предложенном Международной организацией по стандартизации [17].

Рейтинг экологического развития городов России [18] составляется Росприроднадзором вместе с агентством «Эрнст энд Янг» и Общероссийским народным фронтом. В нём оценивается экологическая эффективность развития городов России. В методике, на которой основан рейтинг, применяются только экологические показатели. Также учитываются экспертное и общественное мнения. Статистическая информация для расчёта индекса предоставляется органами власти городских центров с численностью населения более ста тысяч человек. Его существенным минусом и особенностью является использование данных, не представленных в открытом доступе. Кроме того, в рейтинг не попадают многие города и посёлки городского типа АЗРФ, поскольку численность их населения меньше ста тысяч человек. Наконец, рейтинг составляется с целью отразить только один из аспектов устойчивого развития – экологический, а экономический и социальный компоненты устойчивости за пределами внимания его составителей.

Полярный индекс [19], разрабатывается экспертным центром «ПОРА» совместно с экономической факультетом Московского государственного университета (МГУ). В его основе лежит концептуальное понятие устойчивого развития, основанного на трех компонентах: устойчивое развитие понимается как баланс между экономической, экологической и социальной составляющими. Его недостатком является то, что при составлении рейтинга используются экспертные мнения, верификация которых не всегда возможна другими исследователями. К тому же, фокус этого рейтинга – на регионах, а не городах АЗРФ, что не совсем укладывается в тематические рамки данного исследования.

Агентством SGM с 2012 г. составляется *Рейтинг устойчивого развития городов* [20]. Выявляются лидеры и аутсайдеры в области устойчивого развития российских городов. В рейтинг входят города с населением более ста тысяч человек. Его недостаток в том, что в нём основное внимание уделяется экономической проблематике, социальный и экологический аспекты устойчивости затронуты лишь вскользь. Как и в случае с рейтингом Росприроднадзора, в него не попадает большинство городов АЗРФ численностью меньше ста тысяч человек.

В основу *эколого-экономического индекса регионов РФ*, составляемого WWF (Всемирным фондом дикой природы) и РИА «Новости» с 2015 г., положен индекс скорректированных чистых накоплений (adjusted net savings, СЧН), разработанный Всемирным банком. Индекс предложен как альтернатива показателю объёма ВВП или регионального валового продукта (ВРП) на душу населения — количественному критерию благосостояния, который не берет во внимание социальные аспекты и негативные изменения окружающей среды, являющиеся неотъемлемыми компо-

нентами устойчивого развития. В методике учитывается, насколько воздействие на природу во имя подъема экономики, при этом влекущее за собой истощение природного капитала, компенсируется инвестициями в человеческий и физический капитал. Страна с низким индексом СЧН безвозвратно расходует свои природные богатства. В стране с высоким индексом СЧН инвестирование в физический и природный капитал превышает текущее потребление ресурсов. Минусом индекса является то, что не берется во внимание социальный аспект. К тому же в результате интерпретации экологических показателей через денежный эквивалент лидерами рейтинга, как правило, становятся регионы с низким уровнем развития промышленного производства и экономики [21].

Всемирный фонд дикой природы (ВФДП) также регулярно публикует для России индекс под названием «*Экологический след*», нацеленный на отражение характера эксплуатации земельных ресурсов с помощью экономических индикаторов. Индекс основан на определении площади биологически продуктивной территории или акватории, которая эффективно используется для производства необходимых населению ресурсов и утилизации отходов. То, что он рассчитывается на душу населения, по мнению некоторых экспертов, затрудняет проведение сравнения, ибо при его расчёте нужно осуществлять нормировку на единицу площади [22].

Экологический рейтинг регионов и городов России ведется географическим факультетом МГУ с 1990 г. При его составлении учитывается тридцать показателей воздействия на атмосферный воздух, водные, лесные и земельные ресурсы. Но при этом не берутся во внимание экономический и социальный аспекты [23].

Экологический рейтинг субъектов РФ ведётся общественной организацией «Зелёный патруль» с 2008 г. В основе методики создания рейтинга лежит сравнительная оценка российских регионов в сфере экологической безопасности и охраны окружающей среды. Генерируется три индекса, из которых потом складывается сводный индекс: промышленно-экологический, природоохранный и социально-экологический. Особенность рейтинга — использование качественных, а не количественных критериев. Индекс составляется исходя из различных источников информации, включая средства массовой информации, различные общественные организации, инициативные группы граждан [24]. Достоверность таких источников информации может быть оспорена.

Ряд научных работ посвящён сравнительному анализу различных систем индикаторов устойчивого развития и методик его оценки с использованием интегральных индексов, разработанных зарубежными и российскими экспертами [8; 25; 26; 27]. К сожалению, и они не предлагают ин-

дикаторы, позволяющие объективно оценить устойчивое развитие городов АЗРФ, ибо делают акцент лишь на одном из трёх компонентов концепции устойчивого развития, посвящены анализу регионального, а не городского развития, или не всегда учитывают арктическую специфику.

Итак, в ходе обзора существующих методик построения рейтингов были выявлены некоторые их минусы: одни рейтинги оценивают лишь экологические или экономические параметры; другие основаны на измерении социально-экономических или экологических показателей развития регионов, а не городов; третьи используют закрытые и труднодоступные статистические данные; четвёртые не учитывают специфику и размер городов АЗРФ.

В связи с этим очевидна потребность в разработке такой системы индикаторов, которая позволила бы репрезентативно оценить развитие городов АЗРФ в плане их соответствия 11-й ЦУР ООН, оперативно реагировать на выявленные проблемы и корректировать управленческую политику в целях обеспечения устойчивого развития данного макрорегиона.

Система индикаторов для оценки устойчивого развития городов АЗРФ

Основываясь на опыте предшествующих исследований и ориентируясь на реалии российской Арктики, предлагается разбить индикаторы устойчивого развития городов АЗРФ на четыре основные группы:

1. Индикаторы *эффективности стратегического планирования* в области устойчивого городского развития:

- наличие у городских органов власти понимания важности и необходимости осуществления стратегического планирования в сфере устойчивого развития;
- комплексный характер планирования;
- наличие или отсутствие подразделения по стратегическому планированию в составе городской администрации;
- наличие в планах чётко определенных целей, ожидаемых результатов, способов имплементации стратегии, целевых индикаторов, критериев эффективности/неэффективности принятой стратегии и рабочего плана;
- качество и точность оценочных механизмов, степень их научной обоснованности;
- степень скоординированности муниципальной стратегии устойчивого развития с соответствующими стратегиями регионального и федерального уровня;
- степень «прозрачности»/открытости процесса стратегического планирования;

- степень вовлеченности институтов гражданского общества в процесс планирования (опросы общественного мнения, обсуждение в местных СМИ, слушания в общественных палатах, роль неправительственных/некоммерческих организаций в разработке стратегии и рабочих планов и пр.);

- способность разработчиков муниципальных стратегий принимать во внимание и гармонизировать частные и государственные интересы;

- централизованно-«командный» или индикативный характер планирования.

2. Экономические индикаторы:

- валовой городской продукт (ВГП) на душу населения;
- инвестиции в основной капитал;
- иностранные инвестиции;
- индекс промышленного производства;
- строительство жилого фонда;
- оборот розничной торговли;
- объём платных услуг населению;
- индекс потребительских цен на товары и услуги;
- стоимость минимального набора продуктов питания;
- индекс цен производителей промышленной продукции.

3. Социальные индикаторы:

- среднемесячная начисленная заработная плата;
- просроченная задолженность по заработной плате;
- реальные денежные доходы населения;
- структура занятости населения;
- общий коэффициент естественного прироста, убыли населения;
- уровень онкологических, сердечно-сосудистых и лёгочных заболеваний;

- количество больничных коек на 1000 чел.;

- бюджет муниципального образования;

- индекс человеческого развития;

- количество пользователей Интернет на 1000 чел.;

- количество пользователей мобильной связью на 1000 чел.;

- социальная справедливость (различия в уровне доходов и социальном статусе между разными социальными и этно-религиозными группами; различия в уровне развития городов АЗРФ);

- этно-религиозные факторы (доля различных этнических и религиозных групп в населении города; характер межэтнических и межконфессиональных отношений в муниципальном образовании; наличие исто-

рических споров между этносами и конфессиями, разделенных и репрессированных народов; политика местных властей в отношении национальных и религиозных меньшинств).

4. *Экологические индикаторы.* Эта группа разделяется на три подгруппы.

В первую подгруппу входят традиционные экологические индикаторы. В неё, в свою очередь, входят три блока индикаторов по основным направлениям негативного воздействия антропогенной деятельности на окружающую среду – атмосферный воздух, водную среду и утилизацию производственных и бытовых отходов.

Как известно, от состояния атмосферного воздуха зависит здоровье населения и санитарно-эпидемиологическая обстановка на определённой территории [28]. Для характеристики состояния атмосферы выделены следующие индикаторы:

- Доля уловленных и обезвреженных веществ, загрязняющих атмосферу, в общем количестве загрязняющих веществ, выделяемых стационарными источниками (в %). Этот показатель отражает состояние атмосферного воздуха, а также степень внедрения в городской промышленности очистных сооружений и технологий.

- Доля проб воздуха, превышающих предельно допустимые концентрации (в %), и качество атмосферного воздуха (в баллах). Этот индикатор отвечает за характеристику состояния атмосферного воздуха в АЗРФ, индекс загрязнения атмосферы и негативного влияния эмиссий на качество воздуха.

- Загрязнение атмосферного воздуха из стационарных источников, в расчете на ВГП (т/млн руб.). Этот показатель отражает состояние атмосферного воздуха и степень воздействия промышленных предприятий АЗРФ на состояние атмосферы.

В области охраны водной среды и предотвращения загрязнения водных объектов выделены пять индикаторов:

- Доля загрязнённых сточных вод в общем объеме сбросов (в %). Этот показатель даёт представление о состоянии водных объектов в АЗРФ и степени внедрения в городской промышленности очистных технологий. Одним из главных факторов, отвечающих за величину негативного человеческого воздействия на гидросферу, является низкий уровень очистки сточных вод. Неочищенные или недостаточно очищенные сточные воды, которые загрязнены органическими или биогенными соединениями, а также опасными веществами, наносят огромный ущерб водным ресурсам АЗРФ.

- Сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты в расчете на ВГП (м³/млн руб.). Этот индикатор показывает состояние

водных ресурсов АЗРФ и степень экологичности промышленных предприятий региона в плане их влияния на водные объекты.

- Объем оборотной и последовательно используемой воды в расчете на ВГП ($\text{м}^3/\text{млн руб.}$), описывающий экологичность городских предприятий АЗРФ и состояние водных объектов в плане их влияния на гидросферу данной территории. Индикатор показывает экономию водного забора в ходе производства свежей воды путём использования технологий оборотного и повторного водоснабжения. Он важен для оценки экологичности производств, использующих большое количество водных ресурсов.

- Доля потерь воды при транспортировке (%). Этот показатель описывает степень экономии водных ресурсов при транспортировке к предприятиям-потребителям АЗРФ.

- Количество случаев высокого уровня загрязнения и экстремально высокого уровня загрязнения поверхностных городских водных объектов в АЗРФ (шт.). Индикатор характеризует степень очистки загрязненных промышленных вод предприятиями и состояние загрязненности городских поверхностных вод.

Необходимость организации упорядоченного обращения и правильной утилизации отходов производства и потребления - одна из самых острых проблем АЗРФ. В этой области выделены два индикатора:

- Производственные и бытовые отходы в расчете на ВГП ($\text{т}/\text{млн руб.}$). Показатель описывает ситуацию с утилизацией промышленных и потребительских отходов и экологичность производственного комплекса арктических городов с точки зрения процедуры образования и обращения с отходами.

- Доля использованных и обезвреженных отходов 1–4-го классов опасности (%). Индикатор показывает степень использования отходов в целях производства товаров, энергии и оказания услуг населению, а также их утилизации для недопущения их вредного влияния на здоровье городского населения и экологию АЗРФ [29].

Во второй подгруппе экологических индикаторов выделены два показателя эколого-экономического характера:

- Затраты на охрану окружающей среды в расчете на одного городского жителя (тыс. руб./чел.). Показатель демонстрирует объём вложенных средств в программы недопущения загрязнения атмосферного воздуха, изменения климата, поверхностных и подземных вод, сбора и очистки сточных вод, утилизации промышленных и бытовых отходов, защиты и реабилитации земель, сохранения биоразнообразия и природных территорий, соотнесенные с численностью городского населения АЗРФ.

- Инвестиции в основной капитал, направленные на защиту городской экологии, в расчете на одного жителя (тыс. руб./чел.). Индикатор отражает вклад городов в сохранение окружающей природной среды АЗРФ через денежный эквивалент, соотнесенный с численностью населения того или иного города АЗРФ.

В третьей подгруппе экологических индикаторов выделены два блока показателей социально-экологического характера. Первый отвечает за комфортность проживания людей в арктических городах:

- Индекс качества городской среды (балл), рассчитанный Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Он отвечает за оценку качества городской среды и условий ее создания. При построении индекса учитываются критерии оценки по основным городским пространствам. Индекс создаётся на основе оценки 6 типов городских пространств в соответствии также с 6 критериями оценки качества городской среды. Данная оценка выделяет один ключевой индикатор для каждого типа городского пространства по каждому из критериев. В результате складывается таблица оценки, состоящая из 36 индикаторов. Так как городская среда – это не просто совокупность инфраструктуры, улиц, жилья, зелёных зон и т.д., её необходимо оценивать по показателям, которые формируются в расчёте на весь город. Поэтому в общей таблице оценки отдельные типы пространств дополняются общегородским пространством, в реальности объединяющее все остальные [30].

- Доля населения, проживающего в городах АЗРФ, характеризующихся высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха (%). Данный индикатор характеризует воздействие загрязнения атмосферного воздуха на жизнь и здоровье городского населения АЗРФ.

- Обеспеченность городского населения чистой питьевой водой (%). Этот показатель характеризует качество питьевой воды в городах АЗРФ и её воздействие на здоровье человека. Главные параметры качества питьевой воды - степень бактериологического и токсического загрязнения, а также её органолептическое состояние - регламентируются на государственном уровне. Они отражены в индикаторе «Обеспеченность населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности». Следует отметить, что обеспеченность населения чистой питьевой водой в городах АЗРФ почти на 3 % ниже, чем в среднем в России. Сброс неочищенных сточных вод, отсутствие у источников водоснабжения зон санитарной охраны, недостаточный контроль за режимом хозяйствования водопользователей, недостаточная эффективность технологий очистки воды, высокий износ сооружений водоочистительных объектов, станций и водопроводных сетей – вот основные причины низкого качества питьевой воды в АЗРФ [31].

Второй блок индикаторов отвечает за состояние городской инфраструктуры, влияющей на комфортность проживания людей в АЗРФ. В свою очередь, он состоит из двух показателей:

- степень износа основных фондов (%) в таких областях, как водоснабжение, водоотведение, сбор и обращение с промышленными и бытовыми отходами, ликвидации загрязненных зон;
- степень благоустройства жилищного фонда.

Итак, нами предложена система индикаторов, позволяющая оценить степень устойчивости городского развития в АЗРФ и соответствие ситуации в каждом конкретном городе 11-й ЦУР ООН. Она также даёт возможность составить индекс устойчивого развития городов АЗРФ.

На первом этапе для построения индекса устойчивого развития городов АЗРФ показатели внутри групп индикаторов (ИГ) подвергаются операции нормирования, т. е. преобразованию удельных величин в нормированные в диапазоне от 0 до 1. То есть речь идёт об определении места того или иного города среди «себе подобных» с присвоением ему балла от 0 до 1. При этом 1 балл характеризует город как явного лидера, а 0 баллов — как абсолютного аутсайдера [22, с. 7, 23].

На втором этапе ИГ получается путем нахождения суммы всех баллов и деления этого показателя на максимальное число баллов, которое определенный город может набрать при операции нормирования. В результате расчета каждому городу присваивается индекс от 0 до 1 до тысячного знака после запятой.

Далее, на третьем этапе вычисляется итоговый индекс (ИИ) путем вычисления средней величины от индексов всех групп с поправочными коэффициентами — весами, определяемыми путём экспертного опроса, проводимого по наиболее распространенным методикам. Оценка «веса» группы показателей в итоговом индексе может проводиться на основе принципа значимости четырёх важнейших составляющих индекса: стратегическое планирование; экономика; социальная среда и экология в городах АЗРФ. Вес равен 1 баллу по каждому индикатору. Итоговый индекс устойчивого развития городов теоретически изменяется от 0 до 1 балла.

На четвертом этапе может производиться ранжирование городов, т.е. определение порядка или ранга элементов по их значению. В частности, на основе определенной величины индекса может быть составлен ранжированный список городов АЗРФ. Следует отметить, что для составления индекса устойчивого городского развития АЗРФ и их рейтинга необходим сбор большого массива эмпирической информации и её обработки в соответствии с выделенными индикаторами.

Литература

1. Путин В. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPRQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQu.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).
2. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Государственный приоритет — устойчивое развитие Российской Арктики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 3 (348). С. 416–430.
3. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Расселение населения в российской Арктике: теория и практика // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 126-132.
4. Соколов Ю.И. Арктика: к проблеме накопленного экологического ущерба // *Арктика: экология и экономика*, 2013, № 2 (10), с. 20.
5. Кочемасов Ю.В., Моргунов Б.А., Соломатин В.И. Эколого-экономическая оценка перспективы развития Арктики. 2009. <https://ecoteco.ru/id398>
6. Цель 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/>
7. Арустамов Э. А. Рейтинги и критерии оценки экологического состояния городов и регионов России // *Наукоедение*. 2017. Т. 9, № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/41EVN417.pdf>
8. Бобылёв Н.Г., Гададь С., Коновалова М.О., Сергунин А.А., Тронин А.А., Тюнкюнен В.-П. Ранжирование регионов Арктической зоны Российской Федерации по индексу экологической безопасности // Север и рынок: формирование экономического порядка, 2020, № 3 (69), с. 17-40.
9. Governance by Indicators: Global Power through Quantification and Rankings / ed. by K. E. Davis, A. Fisher, B. Kingsbury and S. E. Merry. Oxford: Oxford University Press, 2012.
10. *City Development Index*. UN-Habitat. URL: <http://unhabitat.org/>.
11. United Nations Commission on Sustainable Development. *Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies*, Third Edition. N. Y.: United Nations, 2007.
12. *Achieving a Sustainable Urban America. The U.S. Cities Sustainable Development Goals Index* / M. Prakash et al. N. Y.: UN Sustainable Development Solutions Network, 2017. URL: <http://unsdsn.org/wpcontent/uploads/2017/08/US-Cities-SDG-Index-2017.pdf>.

13. Bobylev S.N. et al. Indicators for digitalization of sustainable development goals in PEEEX Program // *Geography, Environment, Sustainability*. 2018. Vol. 11, No. 1. P. 145–156. DOI-10.24057/2071-9388-2018-11-1-145-156.

14. *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages* / ed. by J. N. Larsen and G. Fondahl. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014.

15. *Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities* / ed. by R. W. Orttung. N.Y.; Oxford: Berghahn, 2020.

16. Berman M., Orttung R. Measuring Progress toward Urban Sustainability: Do Global Measures Work for Arctic Cities? // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, No. 3708. DOI: 10.3390/su12093708

17. ISO 37120: Sustainable Cities and Communities — Indicators for City Services and Quality of Life. Geneva: International Organization for Standardization, 2018.

18. Рейтинг экологического развития городов России, 2017 г. URL: https://onf.ru/sites/default/files/projects_docs/21112017.pdf

19. *Полярный индекс. Регионы. Рейтинг устойчивого развития регионов Арктики* / С. Н. Бобылев и др. М.: Проектный офис развития Арктики «ПОРА», 2018. URL: <https://porarctic.ru/wpcontent/uploads/2018/11/Polyarnyi-indeks.-Regiony.pdf>

20. *Составление рейтинга городов России в области устойчивого развития* / Официальный сайт SGM — рейтингового агентства. URL: <http://www.agencysgm.com/projects/sostavlenie-reytinga-gorodov-rossii-voblasti-ustoychivogo-razvitiya/>

21. Бобылев С.Н. и др. *Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета* / под ред. А. Я. Резниченко, Е. А. Шварц, А. И. Постнова. М.: WWF России/РИА Новости, 2012.

22. Тронин А.А. Ранжирование регионов России по уровню экологической безопасности // *Региональная экология*. 2019. № 1 (55). С. 7. DOI:10.30694/1026-5600-2019-1-5-12

23. Конкуренты Полярного индекса, 2018 г. // Официальный сайт Проектного офиса развития Арктики. URL: <https://goarctic.ru/news/konkurenty-polyarnogo-indeksa-est-li-v-rossii-drugie-reytingi-ustoychivogorazvitiya/>.

24. *Экологический рейтинг субъектов РФ, 2019 г.* // Официальный сайт Зелёного патруля. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskii-reyting-subektov-rf?tid=388>

25. Гутман С.С., Басова А.А. *Индикаторы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации: проблемы выбора и измерения* // Арктика: экология и экономика, 2017, № 4 (28), с. 32-48.

26. Sergunin A. Indexing Arctic Urban Sustainable Development Planning Strategies: the Case of Russia // *The Arctic Yearbook 2018*. Ed. by Lassi Heininen, Heather Exner-Pirot. Akureyri: The Northern Forum, 2018, pp. 75-85.

27. Tianming G., Bobylev N., Gadal S., Lagutina M., Sergunin A., Erokhin V. Planning for Sustainability: An Emerging Blue Economy in Russia's Coastal Arctic? *Sustainability*, 2021, 13, 4957. <https://doi.org/10.3390/su13094957>.

28. Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье населения (обзор литературы) / Р.А. Голиков и др. // *Медицинские науки*. 2017. № 5. С. 20–31.

29. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. От 31 декабря 2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2018 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 26. Ст. 3009.

30. Индекс качества городской среды. М.: Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, 2019. URL: <https://индекс-городов.рф/#/>

31. Смиреникова Е.В., Уханова А.В., Воронина Л.В. Оценка состояния окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в Российской Арктике // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 9. – С. 59–78. DOI 10.22394/1726-1139-2018-9-59-78.

Sergunin A.A., dr. of Political Sciences, associate professor
St. Petersburg State University
sergunin60@mail.ru

Akulov D.A.

St. Petersburg State University
Bobylev N.G. PhD in Tech, doc.
St. Petersburg State University
n.bobylev@spbu.ru

Gadal Sebastien

Aix Marseille University

ON THE ISSUE OF INDICATORS FOR ACHIEVING THE UN SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS BY RUSSIAN ARCTIC CITIES

Abstract. The article proposes a system of indicators for assessing the fulfillment of the requirements of the 11th UN Sustainable Development Goal in the case of ensuring a comfortable urban environment in the Arctic Zone of the Russian Federation.

Keywords: 11th UN Sustainable Development Goal; urban sustainable development; Arctic Zone of the Russian Federation.

Соловьева Ю.Н., д-р экон. наук, проф.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
solovjova@unecou.ru

Некрылова И.О., магистрант
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
irisha.nekrylova@gmail.com

МОТИВЫ И БАРЬЕРЫ ДЛЯ ПЕРЕХОДА НА УСТОЙЧИВЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ

Аннотация. В данной статье рассмотрена актуальная проблема формирования потребительского опыта на рынке городской мобильности в российских мегаполисах. Приведены результаты маркетингового исследования потребительского опыта, выявлены факторы, являющиеся мотивами и барьерами для использования общественного транспорта как более устойчивого выбора по сравнению с личным автотранспортом.

Ключевые слова: городская мобильность; потребительский опыт; устойчивое потребление.

Введение

Городская мобильность имеет огромное значение в жизни крупного населенного пункта [1]. Она подобно «кровеносной системе» соединяет все точки города воедино. С каждым годом напряженность городского трафика возрастает в связи с тем, что население городов систематически увеличивается. Увеличивается и количество транспорта, передвигающегося по дорогам, что приводит к чрезмерной нагрузке на транспортную сеть [2]. К 2019 году, по данным Росстата, на 100 российских домохозяйств в среднем приходилось 60 легковых автомобилей. Согласно данным Euromonitor, в России в 2005 году данный показатель составлял всего лишь 33%. За последние 15 лет, с 2005 по 2020 год, произошел резкий рост количества личных автомобилей в Китае (с 3,5% домохозяйств, имеющих автомобиль, до 34,5%), Турции (с 27 до 48,3%), Таиланде (с 12 до 50,3%) и других странах. В США, Австралии, Новой Зеландии, многих европейских странах и странах Персидского залива автомобилями обладают более 80% домохозяйств.

По оценке «Автостат», на начало 2021 года 3,6 миллиона легковых автомобилей зарегистрировано в Москве и 1,7 миллиона – в Санкт-Петербурге.

Людам приходится огромную часть своего времени тратить на то, чтобы добраться из точки А в точку Б. Эта проблема присуща городам развивающихся стран, как показывает рейтинг загруженности дорог TomTomTrafficIndex (табл. 1). В рейтинге уровень заторов оценивается как дополнительное время, которое автомобилисты вынуждены тратить на поездку, по сравнению с беспробоочным движением.

Таблица 1. Города мира с наиболее высокой загруженностью дорог

№ п/п	Город, страна	Уровень дорожных заторов, %
1	Москва, Россия	54
2	Мумбаи, Индия	53
3	Богота, Колумбия	53
4	Манила, Филиппины	53
5	Стамбул, Турция	51

Источник: TrafficIndex 2020. https://www.tomtom.com/en_gb/traffic-index/ranking/

В этом антирейтинге можно найти еще несколько российских городов: Новосибирск на 9-м месте, Санкт-Петербург на 12-м, Самару на 20-м.

В 2011 году межрегиональный общественный центр «За безопасность российских дорог» оценил убытки от простоя автомобилей в ежедневных пробках в Москве и Санкт-Петербурге в 1 триллион рублей. В эту сумму входят как бюджетные потери (изнашиваемость дорожного полотна, расходы на организацию дорожного движения, ущерб экологии), так и убытки, которые несут автомобилисты (перерасход топлива и личного времени, амортизация автомобиля) [3].

Инвестиции, которые необходимо вложить для своевременного развития транспортных систем, очень велики, и не каждому городу под силу осуществить их вложение.

Многие футурологи придерживаются мнения, что к 2030 году транспортная система существенно изменится, станет полностью автоматизированной, транспортом будут управлять роботы, и смысл машины, как частной собственности, исчезнет. Наступает новая эра полностью автономных автомобилей, которые потребители будут использовать по мере необходимости. В этом будущем дорожно-транспортных происшествий почти не бывает, пробки на дорогах становятся редким явлением, парковки больше не нужны, расходы населения на транспорт сокращаются [4].

Действительно, уже сейчас мы можем наблюдать, что молодые горожане в своем выборе транспорта для передвижения отдают предпочтение потребительской модели, основанной на оплате временного использования автомобиля, а не единоразовому капитальному вложению для покупки собственного. Это в корне меняет модель потребительского поведения с традиционной, которая основывалась на покупке автомобиля для личного использования, на принципиально новую.

Исходя из этого можно сделать вывод, что система, работавшая на протяжении целого века, находится на пороге важных структурных изменений, что может привести к созданию новой экосистемы компонентов городской мобильности. Однако для того, чтобы эта бизнес-экосистема сложилась, необходимы коренные сдвиги в поведении потребителей услуг городского и личного транспорта, их переход на устойчивые практики городской мобильности, смена приоритетов в их системе ценностей с предпочтения обладания частным автомобилем на предпочтение устойчивой городской среды. Проблемы потерь времени, загрязнения окружающей среды и низкого качества городской среды, заполненной автомобилями, необходимо решать уже сейчас.

Цель данного исследования заключается в изучении покупательского опыта на рынке городской мобильности, определении мотивации потребителей при выборе транспортного средства для передвижения по городу и прогнозировании их готовности переключиться на устойчивые практики городской мобильности.

Теоретический обзор

Транспорт – не только средство передвижения; он помогает расти уровню экономики и качеству жизни. При этом общественный транспорт – зачастую самый эффективный способ перевозки. Именно общественный транспорт почти на треть определяет экономическое развитие городов и регионов благодаря тому, что в процессе мобильности населения потребляются многие материальные и нематериальные блага [5].

Чтобы люди согласились отказаться от личного транспорта, у них должны быть привлекательные альтернативы. Для улучшения состояния сферы городской мобильности в таких плотно населенных городах, как Москва и Санкт-Петербург, необходимо, в первую очередь, улучшить систему общественного транспорта. Иными словами, должны быть разработаны ценностные предложения общественного транспорта, значимые и привлекательные для существующих и потенциальных владельцев автотранспорта [6].

Для того чтобы увеличить востребованность общественного транспорта среди потребителей, необходимо узнать, чем они руководствуются

при выборе транспортного средства. Следовательно, возникает необходимо провести исследование покупательского опыта, которое позволит выявить, какие факторы и мотивы влияют на выбор, а также подскажет, какие точки соприкосновения с потребителем стоит улучшить [7]. Положительные изменения в покупательском опыте повлекут за собой смещение выбора в сторону общественного транспорта.

В исследовании используется трактовка покупательского опыта (customer experience, CX) как совокупности воспринимаемых покупателем наличествующих или отсутствующих компонентов товара / услуги, включая атрибуты самой услуги, материального окружения, в котором она оказывается, характеристики сотрудников и т.д. [8]. Это впечатление, которое было сформировано потребителем в процессе столкновения с продуктом, сервисом или с самой компанией как таковой, это так называемое впечатление «на вынос», которое клиент заберет с собой. Покупательский опыт – всеобъемлющий результат (когнитивный и чувственно-эмоциональный) соприкосновения потребителя с продуктом, компанией, брендом до, во время и после покупки [9].

Таким образом, концепция покупательского опыта нацеливает организацию на управление совокупностью впечатлений и эмоций, полученных потребителем в процессе прямого или косвенного взаимодействия с ней.

Компоненты систем городской мобильности Москвы и Санкт-Петербурга

В таких городах федерального значения, как Москва и Санкт-Петербург, каждый день передвигаются миллионы человек. Москва является самым крупным мегаполисом в России, и её система городской мобильности испытывает особенные проблемы. Высокая плотность населения влечет за собой постоянную недостаточность развитости дорожно-транспортной сети, вслед за этим снижается воспринимаемое качество предоставляемых транспортных услуг [10].

Среди всех компонентов городской мобильности самым популярным является Московский метрополитен, он ежедневно перевозит более 9 миллионов человек. В состав московского метро также входит Московский монорельс и МЦК – Московское центральное кольцо. Сейчас в Москве активно идет работа над проектами второго кольца МЦК и МЦД (московские центральные диаметры), которые помогут горожанам добираться из области в центр города, а также из области в область посредством прямых маршрутов без пересадок, что значительно сократит время поездки. Данный проект власти Москвы реализуют совместно с ОАО «РЖД», он представляет собой реконструкцию наземных железнодорожных путей, которые будут соединять районы ближайшего Подмосковья.

Что касается наземного транспорта, в Москве компонентами этого рынка являются такси, маршрутные такси автобусы, троллейбусы, трамваи и электробусы, также в последние годы в состав наземного транспорта вошел каршеринг и велшеринг.

В сфере городской мобильности Москвы происходит большое количество положительных изменений, в частности, увлечение доступности транспортных сетей, обновление транспортного состава, ужесточение правил в парковочных зонах, реконструкция улиц и расширение пешеходных зон, увеличение числа велосипедных дорожек и внедрение новых компонентов системы городской мобильности.

В Санкт-Петербурге состав наземного транспорта схож с Москвой, но метрополитен значительно уступает по удобству московскому. Количество станций метро небольшое, всего 72 по сравнению с 241 в Москве. Не все линии имеют переходы между собой. Станции метро находятся друг от друга на значительном расстоянии. Все это увеличивает загруженность станций и снижает эффективность их работы.

Особенностями петербургской городской мобильности является наличие ЗСД, значительного сократившего время на передвижение между разными частями города и повысившего привлекательность личного автотранспорта, а также наличие большого количества водных объектов в городе, позволяющих развивать водный транспорт.

Важной тенденцией развития городской мобильности в России является ее всесторонняя цифровизация. Внедрение интеллектуальных транспортных систем (ИТС), доступ к бесконтактному способу оплаты, появление сети WI-FI в общественном транспорте, а также улучшение телематики уже начали изменять сферу транспортных услуг в России [11].

Дизайн маркетингового исследования

Поставленный исследовательский вопрос – «Как повысить покупательский опыт за счёт целесообразного сочетания компонентов системы городской мобильности?» Он распадается на ряд подвопросов: Выбор между какими транспортными средствами рассматривает потребитель? Какие факторы оказывают влияние на его выбор? Как именно потребитель взаимодействует с выбранным сервисом? Какие потребности потребитель удовлетворяет? Важно определить мотивацию потребителя при выборе средства передвижения и определить точки соприкосновения с клиентом с целью их последующего улучшения.

Проводилось качественное исследование в формате глубинного интервью по заранее подготовленному гайду и количественное исследование в формате интернет-опроса.

Объем выборки для глубинного интервью – 12 человек, проживающих в Санкт-Петербурге или в Москве. Количество женщин и мужчин, участвующих в интервью, одинаковое. Опрашивались три группы респондентов:

- имеющие собственное транспортное средство;
- в основном использующие частный общественный транспорт;
- в основном использующие обычный общественный транспорт

Возраст отобранных респондентов – от 20 до 39 лет. Это представители поколения Y, или миллениалы. Это первое поколение, глубоко вовлеченное в цифровые технологии, но также они застали эпоху до интернета, таким образом сохранив отчасти взгляды прошлого поколения. Данное поколение осознает свою ответственность за окружающую среду и желает вырастить детей в здоровой атмосфере.

Результаты глубинных интервью обрабатывались методом уплотнения смыслов.

В рамках количественного исследования в интернет-опросе в приложении Google Формы приняли участие 106 человек, 59 женщин и 47 мужчин, пополам из Санкт-Петербурга и Москвы. Обработка результатов проводилась с SPSS Statistics.

Результаты исследования

Качественное исследование показало, что велошеринг и самокаты респонденты пока не относят к системе городской мобильности. Имеющие личный автомобиль по необходимости комбинируют свое транспортное средство с общественным транспортом. Из общественного транспорта лидирующие позиции занимает метро благодаря отсутствию пробок.

Все респонденты пользуются транспортными приложениями, чаще всего навигаторами и агрегаторами такси.

Использование общественного транспорта обычно не вызывает у опрошенных ярких негативных эмоций. Однако почти все из них имеют опыт заграничного пользования транспортными средствами, и этот опыт более позитивный, чем пользование теми же транспортными средствами в российских мегаполисах. Наиболее часто упоминались такие причины, как новизна транспорта, пунктуальность, хорошая организация трафика, более комфортные условия проезда.

Качественное исследование позволило составить перечень факторов, оказывающих влияние на выбор транспортного средства. Среди них были упомянуты скорость; время в пути; цена; надежность; комфорт; безопасность; внешний вид (чистота, новизна, дизайн); график движения; время ожидания; экологичность.

При проведении количественного исследования ставилась цель определить значимость воздействия каждого из перечисленных факторов на выбор транспортного средства.

Корреляционно-регрессионный анализ показал, что наибольшее влияние на формирование оценки удовлетворенности от последнего опыта использования общественным транспортом формируют время в пути и комфорт. При этом скорость и цена не оказывают большое влияние на оценку потребительского опыта.

В ходе интернет-опроса респондентам также был задан вопрос о том, стали ли они чаще в последнее время использовать общественный транспорт, на что 73,6% ответили «нет» и всего 26,4 «да». Были изучены барьеры, которые, по мнению респондентов, мешают им пользоваться общественным транспортом чаще (рис. 1). Большинство респондентов отметили такие барьеры, как «Большое количество людей, недостаток личного пространства» и «Недостаток подходящих маршрутов», что можно решить только развитием маршрутной сети и увеличением количества транспортных средств, обслуживающих маршрут.

Источник: составлено авторами

Рис. 1. Барьеры использования общественного транспорта

Заключение

Качество услуг городских перевозок требует постоянного контроля и совершенствования, поскольку от него зависит привлекательность системы городской мобильности. Модель потребительского поведения находится в стадии изменения с традиционного на более осознанное. Об этом можно судить по растущей степени освоения потребителями шеринговых продуктов.

Уровень автомобилизации в мегаполисах практически достиг своих пределов роста и начинает отрицательно влиять на качество городской среды: на экологическую обстановку, среднюю скорость передвижения по городу, эстетику городских улиц и безопасность. Выход может быть найден в распространении шеринговых услуг и улучшении покупательского опыта при использовании традиционного общественного транспорта. Если время в пути при использовании общественного транспорта будет меньше, чем на личном автомобиле, а комфорт сопоставим, это может побудить автомобилистов все чаще отказываться от поездок на своей машине.

Литература

1. Тлегенов Б.Н. Анализ методов оценки и показателей качества системы городского пассажирского транспорта // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3.
2. Хауельская Л.А., Мелей Е.Б. Концепция устойчивой городской мобильности как новое направление развития города // Логистика – евразийский мост: материалы 10-й Междунар. научн.-практ. конф. – Красноярск: Краснояр. гос. аграрн. ун-т, 2015. – С. 408–413.
3. Белоглазова, Г. Дорожная карта бита / Г. Белоглазова, У. Вылегжанина, А. Стригин // Российская газета – Экономика Северо-Запада. – 2011. - № 257.
4. Скотт, К. Будущее мобильности. Как транспортные и социальные тенденции влияют на развитие новой бизнес-экосистемы / К. Скотт, Д. Витали, К. Эйман, Э. Калтс. – Deloitte, 2015. - Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/future-of-mobility-rus.pdf>
5. Цой, М.Е. Исследование факторов, влияющих на удовлетворенность потребителей качеством услуг городского общественного транспорта / М.Е. Цой, В.Ю. Щеколдин, И.В. Долгих // Российское предпринимательство. – 2017. – Том 18. – № 21. – С. 3237-3260.

6. Сидорчук, Р.Р. Исследование удовлетворенности услугами транспортного обслуживания московским городским пассажирским транспортом / Р.Р. Сидорчук, Д.М. Ефимова // Маркетинг в России и за рубежом. – 2015. - № 6.

7. Асалиев, А.М., Маркетинговый подход к управлению качеством транспортного обслуживания: монография / А.М. Асалиев, Н.Б. Завьялова, О.В. Сагинова и др. – Новосибирск: ЦРНС, 2016.

8. Berry, L. L. Managing the Total Customer Experience / L. L. Berry, L.P. Carbone, S.H. Naeckel // MIT Sloan Management Review. – 2002. - Volume 43, Number 3.

9. Фокина, О.В. Элементы теоретико-концептуальной основы маркетинга покупательского опыта / О.В. Фокина // Europeansocialsciencejournal. – 2017. - № 10. – С. 142-144.

10. Мулеев Е.Ю. Краткий обзор методик по оценке качества перевозок пассажирским транспортом // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2016. – № 8. – С. 35–40.

11. Как меняется общественный транспорт под влиянием IT? [Электронный ресурс] // Портал по вопросам связи, информационных технологий и массовых коммуникаций RSPECTR.COM. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rspectr.com/articles/494/kak-menyaetsya-obshestvennyj-transport-pod-vliyaniem-it>.

Solovyova Yu.N., Dr. of Economics, prof.
Saint-Petersburg State University of Economics
solovjova@unecon.ru

Nekrylova I. O., master student
Saint-Petersburg State University of Economics
irisha.nekrylova@gmail.com

MOTIVATIONS AND BARRIERS FOR THE TRANSITION TO SUSTAINABLE URBAN PRACTICES MOBILITY IN THE RUSSIAN METROPOLIS

Abstract. An actual problem of consumer experience on the market of city mobility in Russian metropolitan areas is studied in this article. The results of marketing research of city mobility consumer experience are described. The research revealed motives and barriers for using public transport as a sustainable choice compared with private vehicles.

Keywords: city mobility; consumer experience; sustainable consumption.

Степченкова О.С., ассистент
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
oolitmash@yandex.ru

УСТОЙЧИВОСТЬ СЕКТОРА ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. Одной из целей глобального устойчивого развития является создание стойкой промышленной инфраструктуры на основе эффективного использования ресурсов с целью динамизации и повышения конкурентоспособных сил экономики государства. Умение сохранить способность к выживанию, к поддержанию равновесия в постоянно меняющихся условиях внешней среды является важнейшим качеством предприятий в современных условиях. Этим подчеркивается актуальность развития инструментария анализа устойчивости, резервов роста и потенциала живучести. С этой целью проведен анализ устойчивости сектора легкой промышленности Санкт-Петербурга и предложены направления повышения его устойчивости.

Ключевые слова: устойчивость, устойчивое развитие, легкая промышленность, промышленный кластер, малый и средний бизнес, конкурентоспособность.

Социально-экономическое состояние региона и его устойчивость составляют основу конкурентоспособности как внутри страны, так и на международном рынке. Без сомнения, усилия предпринимательского сообщества и государственных органов власти должны быть направлены на укрепление устойчивости экономики России на всех её уровнях. В Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года особое место уделено перерабатывающему сектору промышленности города и, в частности, отрасли легкой промышленности как части креативной индустрии города – основы для расширения предложения рабочих мест и развития сопутствующих отраслей [4]. Креативную индустрию можно назвать в том случае, если в её основе лежит экономика знаний, существенна роль инновационных технологий, а её продукция нацелена преимущественно на международный рынок [5]. Согласно Плану, мероприятий планируется увеличить долю занятых в секторе креативных индустрий почти в три раза, а также значительно увеличить долю участия данного сектора в формировании ВРП [4]. Необходимо отметить, что данные индекса промышленного производства, объема и количества товаров собственного производства не показывают устойчивого роста от года к году [3].

По мнению Кузьминой С.Н., понятия «устойчивость» и «конкурентоспособность» взаимосвязаны через «способность сохранять текущее состояние, находиться в равновесии», что по мнению данного автора, которое мы разделяем, обеспечит возможность «выдерживать конкуренцию» [6]. Таким образом, конкурентоспособность является «усиленным» вариантом, продолжением развития устойчивости. Оценка устойчивости любого экономического объекта - нетривиальная задача. Публикаций по данной тематике по-прежнему недостаточно, и актуальность и востребованность подобных исследований не снижается. Продолжая рассуждение об устойчивости, глядя на неё сквозь призму конкурентоспособности, обратимся к методическому инструментарию менеджмента, в котором, особое место занимает теория ромба М. Портера. И в эпоху цифровых преобразований теория подтверждает свою актуальность и активно используется в современных исследованиях [7]. Преимуществом данной модели является акцентирование внимания на горизонтальных и вертикальных связях в отрасли, которые как известно способствуют проявлению её устойчивости и гибкости в рыночных условиях. Универсальность применения теории ромба М. Портера создала предпосылки возникновению множества ее модификаций. Так, Барабанов А.С. предлагает адаптацию модели ромба М. Портера для оценки конкурентоспособности региона [2]. Проведем оценку устойчивости сектора легкой промышленности Санкт-Петербурга (СЛП СПб) по данной модели.

1. Условия для факторов производства. Состав персонала предприятий СЛП СПб характеризуется высокой квалификацией и значительным опытом работы. При этом нехватка квалифицированных кадров, названа 34% опрошенных предпринимателей одной из основных проблем. Более 40% сотрудников имеют высшее образование и более 30% среднее специальное. Тревогу вызывают показатели износа оборудования – более 18%. Более 34% требует инвестиций в связи с необходимостью замены в течение ближайших пяти лет. Происхождение оборудования – на 71% импортное. 23% предпринимателей характеризуют свое оборудование как изношенное и морально устаревшее. Предприниматели СЛП СПб в основном используют арендованные производственные площади, что существенно повышает нагрузку на бизнес. 10% опрошенных отмечают ограничения в доступности производственных ресурсов (коммуникаций и пр.). 5% считают, что торговой инфраструктуры в Санкт-Петербурге недостаточно [1].

2. Состояние спроса. Ситуация на внутреннем рынке вызывает тревогу в предпринимательских кругах. С октября 2015 розничные продажи продолжают сокращаться, что способствует росту цен. При этом индексы цен производителей существенно не изменились. На розничную торговлю

предметами легкой промышленности продолжает давить падение доходов населения. Сжатие потребительского спроса и всё более активный переход населения на сберегательную модель поведения привели к резкому падению оборота розничной торговли. 34% респондентов МИ отметили отрицательное влияние на их бизнес падения уровня жизни населения. Так, например, производство пальто в России сократилось на 18%, трикотажа – на 19,3%, костюмов – на 19,8%. Основными зарубежными регионами сбыта продукции являются страны – участники СНГ. Необходимо отметить, снижение объемом поставок с 2016 года как в данном направлении, так и в другие страны. Основными регионами сбыта продукции на международном уровне являются Беларусь, Казахстан и Китай [1, 3].

3. Родственные и поддерживающие отрасли. По данным МИ, существует множество проблем, которые не представляется решить в краткосрочной перспективе. К таким проблемам относится зависимость сырьевой базы от импорта. Отсутствие внутренней сырьевой базы подчеркивают 21% опрошенных, нехватку российских поставщиков выделяют среди проблем 19%. Лидером мировой текстильной промышленности является Китай, где этот сектор является одной из основ национальной экономики. По некоторым экспертным оценкам, КНР занимает примерно 35% мирового рынка текстиля. значительное место эта индустрия занимает на рынках европейских стран, например, в Германии, Италии, Португалии, а также в Турции. Среди стран Азии лидеры в текстильной промышленности кроме КНР еще и Индия, Корея, страны Центральной Азии, которые являются на сегодняшний день достаточно крупными поставщиками текстильного сырья на мировой рынок, как, например, Узбекистан, где текстильная отрасль является, по сути, стратегической [1].

4. Устойчивая стратегия фирм, их структура и соперничество (внутриотраслевая конкуренция). Контроль качества входит в конкурентную стратегию не всех предприятий. Низкое качество отечественной продукции отмечают 2% опрошенных. Контроль качества продукции осуществляет 95% предприятий, из них почти 40% осуществляют сертификацию своей продукции, около 20% оформляют декларации качества. Однако соблюдение технических условий и технического регламента, а также контроль в лаборатории осуществляют около 10% предприятий. Согласно данным опроса 5% предприниматели СЛП СПб испытывают проблемы из-за монополизации рынка крупными розничными сетями, имеющими свои производственные мощности и осуществляющими импорт товаров легкой промышленности. Проблемы с «входом» в сетевую розницу испытывают 10% предприятий. Стратегию действий предприятий СЛП СПб наглядно раскрывают способы сбыта продукции; предприятия неактивно используют возможности, предоставляемые Интерне-

том. Ввиду того, что в импорт существенно превышает экспорт, 24% предприятий ощущают непреодолимую конкуренцию с продукцией, импортируемой из других стран. Значительная часть импорта поступает из стран СНГ. Кроме того, существенную конкуренцию российским производителям создают производители из теневого сектора экономики. 18% опрошенных подтвердили считают незаконный оборот продукции на внутрисоветском рынке причиной многих своего предприятия. Инвестиционная стратегия СЛП СПб характеризуется небольшими объемами инвестиций: 47% предприятий планируют инвестиции в объеме до 5 млн рублей. 32 % респондентов МИ назвали недостаток финансовых средств существенным препятствием развитию бизнеса. В ближайшие 5 лет инвестирование планируют 54,39%. В качестве источников инвестиций предприятия планируют привлекать собственные средства – 45% опрошенных, 26% предприятий планируют взять кредит. 8% предприятий имеют трудности в привлечении инвестиций. Среди существенных препятствий поддержанию устойчивой конкурентной стратегии предприниматели называют высокую налоговую нагрузку (21%) и административные барьеры, отсутствие государственной поддержки и нормативно-правовой базы (2%) [1].

5. Правительство (роль правительства субъекта РФ). По данным опроса предпринимателей, правительство могло бы существенно облегчить работу отрасли. Помощь региональных органов власти по всем направлениям (детерминантам) ромба М. Портера (табл. 1). Прежде всего усилия государства должны быть направлены на повышение уровня жизни населения и снижение налоговой нагрузки [1].

Таблица 1. Потенциал государственных органов власти в решении проблем отрасли (по мнению бизнеса)

№ п/п	Детерминанты модели ромба М. Портера	Количество ответов респондентов
1	Условия для факторов производства	
1.1	Повышение квалификации кадрового состава отрасли	39%
1.2	Предоставление доступных источников финансирования	31%
1.3	Помощь в привлечении инвестиций (гос.гарантия, поручительство)	23%
1.3	Субсидии на приобретение нового оборудования взамен морально устаревшего	26%

№ п/п	Детерминанты модели ромба М. Портера	Количество ответов респондентов
1.4	Повышение доступности и качества производственных ресурсов (коммуникаций и пр.)	8%
1.5	Увеличение площадей торговой и складской инфраструктуры и её транспортной доступности	5%
2	Состояние спроса	
2.1	Повышение уровня жизни населения	44%
3	Родственные и поддерживающие отрасли	
3.1	Поддержка местных производителей сырья	31%
4	Устойчивая стратегия фирм, их структура и соперничество (внутриотраслевая конкуренция)	
4.1	Снижение налоговой нагрузки на местных производителей	42%
4.2	Предотвращение незаконного оборота продукции	34%
4.3	Введение протекционистских мер для снижения конкуренции с продукцией, импортируемой из других стран	31%
4.4	Снижение монополизации рынка	2%

Источник: составлено автором по данным МИ.

6. Случай. Случай выступает как выгодный момент (благоприятная рыночная конъюнктура) для принятия стратегически правильного решения всеми участниками рыночных отношений. Как отмечает МВФ, 2020 год, вероятно, окажется самым трудным годом для мировой экономики со времен Великой депрессии. Менеджеры индустрии моды сосредоточены сейчас не только на антикризисном менеджменте, планировании действий на случай непредвиденных обстоятельств, но и на переосмыслении модели управления предприятием. Изменение потребительского поведения в постковидном мире уже произошло. Неизбежно его влияние и на индустрию моды и легкую промышленность. Продолжительность пандемии по-прежнему остается неясной. Пандемия представляет возможность для бизнеса пересмотреть и полностью «перекроить» цепочки добавленной стоимости, и шанс переоценить (переосмыслить) качественные показатели, которыми мы оцениваем бизнес. В сложившейся ситуации, в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, мировое сообщество по-новому взглянуло на многие, давно привычные, вещи. Всё больше пользователей будут покупать через интернет, а предпринимателей - обращаться к маркетплейсам и торговым

площадкам, благодаря преимуществам, которые они предоставляют. Закрытие границ, хоть и временное, предоставило возможность обратиться к внутренним ресурсам страны и потенциалу ее отраслей. В эпоху цифровизации поставщик и покупатель находятся на расстоянии вытянутой руки. Новым источником идей для бизнеса сегодня является сам человек.

Выводы и предложения.

Проведенное исследование показывает, что ромб М. Портера для отрасли легкой промышленности Санкт-Петербурга нельзя назвать благоприятным. Повышение ее возможностей в конкурентоспособности и устойчивости во многом зависит от способности государства создать благоприятные социально-экономические условия в регионе и поддержать сопутствующие отрасли (например, текстильную отрасль). Развитие кластера будет способствовать наращиванию горизонтальных связей в отрасли и ее усилению, но это – в будущем. Сегодня сами предприятия должны обратиться к возможностям, предоставляемым цифровизацией, и пересмотреть свои взгляды на способы ведения бизнеса. Автором предложены направления повышения устойчивости хозяйственной деятельности СЛП СПб (табл. 2).

Таблица 2. Направления повышения устойчивости предприятий легкой промышленности Санкт-Петербурга

	Функция, процесс, фактор	Цели, планы	Процессы (практические мероприятия, проекты)
1	Организация и управление	Участие в саморегулировании и экспертном диалоге, снижение затрат на оборудование и персонал за счет использования мощностей кластера	Вхождение в инновационный кластер индустрии моды Санкт-Петербурга
2	Товар (ассортимент)	Открытие новой ниши, расширение ассортимента	Кастомизация вещей под конкретного человека
3	Маркетинг и продажи	Увеличение объемов продаж, снижение зависимости от оптовиков, экономия на арендной плате за торговые площади	Использование маркет-плейсов, торговых площадок, социальных сетей

	Функция, процесс, фактор	Цели, планы	Процессы (практические мероприятия, проекты)
4	Система снабжения	Диверсификация состава поставщиков, снижение зависимости от импорта	Заключение договоров с местными производителями, в том числе самозанятыми
5	Персонал	Снижение затрат на аренду помещений	Перевод ИТР на удаленную работу
6	Инновации	Цифровая трансформация бизнеса, открытие новой ниши	Развитие линии дизайнера цифровой одежды, разработка приложений
7	Экология	Диверсификация источников сырья, улучшение имиджа	Вторая жизнь одежды (утилизация и переработка, вещевой трейдинг)

Источник: составлено автором.

Литература

1. Маркетинговые исследования рынка текстильных и швейных изделий, фурнитуры, обуви и кожгалантерейных изделий <https://rcsme.ru/gu/library/show/8778/Маркетинговые-исследования-рынка-текстильных-и-швейных-изделий-фурнитуры-обуви-и-кожгалантерейных-изделий>
2. Барабанов А.С. Управление региональной конкурентоспособностью: монография. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2014. — 160 с.
3. Статистический сборник «Санкт-Петербург в 2019 году» / Петро-стат. — СПб., 2020. — 202 с.
4. Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164 «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» <https://nra.gov.spb.ru/SpbGovSearch/Document/26397.html>
5. Как появился термин «креативные индустрии»? <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7>
6. Кузьмина С.Н. Конкурентоспособность как фактор обеспечения устойчивого развития экономических агентов национальной экономики // Петербургский экономический журнал. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-kak-faktor-obespecheniya-ustoychivogo-razvitiya-ekonomicheskikh-agentov-natsionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 05.04.2021).
7. Ключко О.А. Электронная торговля и ромб Портера: работает ли теория в отраслях, возникших после ее создания? // Вестник ГУУ. 2013.

№21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-torgovlya-i-romb-portera-rabotaet-li-teoriya-v-otraslyah-voznikshih-posle-ee-sozdaniya> (дата обращения: 05.04.2021).

Stepchenkova O.S., assistant
Saint-Petersburg State
University of Economics
oolitmash@yandex.ru

SUSTAINABILITY OF THE LIGHT INDUSTRY SECTOR IN ST. PETERSBURG

Abstract. One of the goals of global sustainable development is to create a sustainable industrial infrastructure based on the efficient use of resources in order to dynamize and increase the competitive forces of the state economy. The most important quality of enterprises in modern conditions is the ability to survive and to maintain balance in the constantly changing conditions of the external environment. This highlights the relevance of developing tools for analyzing sustainability, growth reserves, and survivability potential. To this end, the analysis of the sustainability of the light industry sector in St. Petersburg is carried out and the directions for improving its sustainability are proposed.

Keywords: sustainability, sustainable development, light industry, industrial cluster, small and medium-sized businesses, competitiveness.

Флуд Н.А., канд. экон. наук, доц.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
fna1963@rambler.ru
Дашкевич П.М., магистрант
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
pmd2015@ya.ru

ВКЛАД ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Волонтерское движение рассматривается как важнейший ресурс общественного развития. Потенциал волонтерства может и

должен быть использован для реализации 17 целей устойчивого развития. В добровольных национальных обзорах осуществления Повестки дня в области устойчивого развития многие страны признают существенный вклад волонтеров в достижение ЦУР и приводят многочисленные примеры успешных волонтерских практик. В России волонтерское движение развито в меньшей степени, чем в большинстве стран мира. Для мобилизации волонтерского потенциала необходимо решить ряд вопросов, связанных с усилением ответственности за осуществление Повестки дня, интеграции добровольчества в национальные и глобальные стратегии, выработать инструменты количественной оценки данного ресурса.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, цели устойчивого развития, добровольный национальный обзор, количественная оценка волонтерства, стоимость волонтерского труда.

Траекторию развития человечества с 2015 г. определяет Резолюция ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка дня). Правительства, бизнес, гражданское общество прилагают усилия по мобилизации ресурсов для реализации 17 целей устойчивого развития (ЦУР), от которых зависит будущее планеты. Генеральный секретарь ООН в докладе, предваряющем принятие Повестки дня, подчеркнул, что одним из «мощных и универсальных средств», которое «может помочь расширению и мобилизации заинтересованных групп, а также вовлечению людей в процесс национального планирования и реализации целей в области устойчивого развития, ... способствовать адаптации новой повестки дня с учетом местных условий благодаря возникновению новых областей взаимодействия между правительствами и людьми в целях принятия конкретных мер различного масштаба», является волонтерство [9].

Добровольчество (волонтерство) является общепризнанным ресурсом развития, поскольку объединяет тех, кто ориентирован на участие в изменениях, а не на пассивное наблюдение. Особенно роль добровольцев и их способность к самоорганизации заметны в условиях нестабильности, потрясений, конфликтов. До сих пор у исследователей добровольчества нет единого понимания границ и содержания этой категории, что связано с большим числом субъектов и форм волонтерской активности. По определению ООН под добровольчеством понимается «широкий спектр видов деятельности, осуществляемых по собственной воле и на благо всего общества, для которых денежное вознаграждение не является главным мотивирующим фактором» (ГА ООН 2002). В 2013 г. на 19-й Международной конференции статистиков труда под эгидой МОТ волонтерство было признано одним из видов трудовой деятельности ио-

пределено как «любая неоплачиваемая, необязательная деятельность, связанная с производством товаров или оказанием услуг в интересах других лиц, кроме лиц, являющихся членами домашнего хозяйства работника-волонтера или связанных с ним членов семьи». Задачи, которые решают волонтеры (экологические проекты, помощь незащищенным слоям населения, благотворительная деятельность, ликвидация последствий природных и техногенных катастроф), напрямую связаны с достижением ЦУР. Важно переосмыслить роль и место добровольчества: оно не должно рассматриваться как бесплатная рабочая сила, необходимы условия для его развития в качестве одного из атрибутов устойчивого общества.

Принимая Повестку дня, мировое сообщество договорилось о систематическом обзоре ее осуществления в форме, так называемых, добровольных национальных обзоров (ДНО). Обзоры являются своеобразной отчетностью стран, содействуют обмену лучшими практиками, освещению передового опыта, достижений и недостатков, тем самым обеспечивая мобилизацию усилий для решения глобальных проблем. На сегодняшний день 153 страны предоставили ДНО. В 73 обзорах отмечается вклад добровольцев в решении задач устойчивого развития (УР), причем перечень ЦУР, в реализации которых участвуют волонтеры, с каждым годом расширяется (рис. 1).

Рис. 1. Вклад добровольцев в реализацию ЦУР по данным ДНО, предоставленным в 2016–2019 гг.

Источник: Глобальный обобщающий доклад. План действий по интеграции добровольчества в Повестку дня на период до 2030 года [2].

Если говорить о мировых тенденциях, то выделяют ряд приоритетных областей, в которых волонтеры реализуют себя чаще всего: – неравенство, демографические изменения, миграция, безработица среди молодежи, изменение климата. Обзор волонтерских практик в странах мира де-

монстрирует огромный диапазон сфер приложения волонтерского труда, начиная от традиционных, характерных для большинства стран мира (поддержка стариков и инвалидов, просветительские и экологические акции), заканчивая уникальными практиками, актуальными для отдельных стран или регионов. Например, в Бурундии добровольцы участвуют в организации систем раннего предупреждения и контроля за нарушениями прав человека и поставками оружия в районе Великих Африканских озер; в Мьянме занимаются просветительской деятельностью против гендерного насилия; сирийцы, живущие в Турции, безвозмездно обеспечивают профессионально-техническую и языковую соотечественников, оказавшихся беженцами в результате военного конфликта в Сирии; в Европе добровольцы успешно трудятся в продовольственных банках, чтобы сократить недостаток продовольствия и передать списанные в супермаркетах продукты питания бедным людям.

В июле 2020 г. ООН провела Глобальное техническое совещание по вопросам волонтерской деятельности. Делегаты приняли «План действий по интеграции добровольчества в Повестку дня на период до 2030 года» (План действий). В этом документе установлено три цели, которые будут способствовать увеличению вклада волонтерства в достижение ЦУР:

- 1) усиление ответственности за осуществление Повестки дня;
- 2) интеграция добровольчества в национальные и глобальные стратегии развития;
- 3) количественная оценка добровольчества в целях содействия целостному пониманию вовлеченности людей в достижение ЦУР [2].

Для достижения первой цели необходимо наращивать масштабы и потенциал волонтерской деятельности, вовлекая в него все слои населения, не зависимо от пола, возраста, национальности и социального происхождения, места жительства, образования и т.п. В России волонтерское движение сегодня развито в меньшей степени, чем в большинстве стран мира. В соответствии с Мировым индексом благотворительности – WorldGivingIndex (WGI), в России в волонтерство вовлечено 16% населения старше 15 лет (74 место из 126 стран, участвующих в рейтинге благотворительности), в то время как в странах, которые занимают лидирующие позиции по данному показателю (Шри-Ланка, Новая Зеландия, США, Индонезия и др.), в волонтерство вовлечено 40 и более процентов населения [6].

Информация о масштабах, структуре, тенденциях развития волонтерства в России формируется из различных источников: опросы общественного мнения, отчеты волонтерских центров и ассоциаций и др. Наиболее достоверной и методологически обоснованной считается статистика волонтерства, собираемая Росстатом в ходе выборочных обследова-

ний рабочей силы⁴². По данным Росстата, вовлеченность в волонтерство еще ниже, чем по международным оценкам: в 2020 г. количество человек, которые выполняли какую-либо неоплачиваемую работу в интересах других лиц в течение месяца, предшествующего наблюдению, составило в России 1,87 млн человек (1,6% населения старше 15 лет); в течение последнего года занимались волонтерством 2,76 млн человек (1,9% населения старше 15 лет). При этом масштабы добровольчества в РФ растут высокими темпами: за последние пять лет численность волонтеров в стране увеличилась на 30,3%. В волонтерство вовлечены самые разные слои населения. Для социально-демографического портрета волонтера характерно⁴³:

- среди волонтеров преобладают женщины: в 2020 г. на 100 мужчин-волонтеров приходится 177 женщин-волонтеров. Женщины несколько активнее мужчин включаются в волонтерскую деятельность (прирост численности среди тех и других за период 2016–2020 гг. составил, соответственно, 31,2 и 28,8%%).

- в городах добровольцев в два раза больше, чем в сельской местности (66,5 и 33,5%%, соответственно). При этом сельское волонтерство демонстрирует очень высокие темпы прироста – 75,8% в 2020 г. по сравнению с 2016 г. Уровень участия в трудовой деятельности волонтеров (отношение численности населения определенной группы, занятого волонтерской деятельностью, к общей численности населения соответствующей группы, рассчитанное в процентах или на 10 тыс. чел.) для городского населения в 2020 г. составил 146 волонтеров, для сельского населения – 204 волонтера на 10 тыс. чел. старше 15 лет.

- по статусу участия в рабочей силе среди волонтеров преобладают занятые – 61,6 %; лица, не входящие в состав рабочей силы (домохозяйки, студенты, не работающие пенсионеры и проч.) составляют 33,4%; безработные – 5% от общей численности волонтеров.

- средний возраст российского волонтера в 2020 г. 44 года; доля волонтеров до 30 лет – 22,9%, волонтеров старше 60 лет – 20,6%.

- в среднем российский волонтер в 2020 г. работал 8,0 часов в месяц, большинство волонтеров занимаются добровольчеством несколько раз в год (время от времени), 12,1% – ежемесячно, 19,2% – еженедельно.

- большинство волонтеров (83,3%) занимаются волонтерством самостоятельно, без посредства или помощи какой-либо организации (неформальное волонтерство).

⁴² Вопросы по волонтерству включены в программу обследований рабочей силы с 2016 г.

⁴³ Составлено авторами по данным бюллетеней «Итоги выборочных обследований рабочей силы»

Диапазон волонтерской деятельности достаточно широк (табл. 1).

Таблица 1. Распределение населения РФ в возрасте 15 лет и старше, работающего в качестве волонтеров, по видам выполняемых работ, тыс. чел.

Виды работ	2016	2017	2018	2019	2020
Социальные работы	561	507	487	530	792
Благоустройство территории	235	331	350	448	291
Экологические проекты	13	16	16	27	20
Строительные и реставрационные работы	51	39	41	61	75
Сельскохозяйственные работы	12	13	10	19	29
Сбор средств на благотворительность	103	133	96	75	45
Организация спортивных, культурных и других мероприятий	80	82	82	107	51
Оказание помощи животным	106	93	103	147	181
Помощь местной школе	53	49	72	58	35
Поиск пропавших людей	11	12	12	16	12
Участие в работе общественных организаций, клубов, союзов	77	69	97	103	76
Медицинская помощь, юридические и др. профессиональные консультации	75	89	97	115	130
Другое	58	38	64	93	135
Всего	1435	507	487	1797	1870

Источник: составлено авторами по данным бюллетеней «Итоги выборочных обследований рабочей силы» URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

Чаще всего волонтеры участвуют в социальных работах (предоставление неоплачиваемой помощи пожилым людям, детям, инвалидам или жертвам катастроф, приготовление и подача пищи, перевозка людей и др.) и в работах по благоустройству, очистке территорий; на третьем месте – помощь животным. На долю этих трех видов работ приходится более 60% от общей численности волонтеров.

Отметим, что пандемия COVID-19 существенно изменила структуру распределения волонтеров по видам деятельности. Режим ограничений и локдаунов резко сократил количество общественных мероприятий и ограничил возможности для реализации волонтерского потенциала в определенных сферах деятельности (массовые спортивные и культурные мероприятия, экологические акции и др.). Вместе с тем, решение многих вопросов (массовая адресная доставка продуктов питания и лекарств, решение бытовых проблем в условиях самоизоляции, помощь врачам) было бы

невозможно без участия волонтеров. Добровольцы помогали медикам, пожилым людям, лицам с ограниченными возможностями и всем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Активизация волонтерства в период COVID-19 показала огромный потенциал добровольческого ресурса в самых разных сферах жизни.

В качестве второй цели, которая должна способствовать росту вклада волонтеров в достижение ЦУР, в Плане действий отмечена интеграция добровольчества в национальные и глобальные стратегии развития. Опыт отдельных стран показывает, что повышение эффективности добровольческой деятельности невозможно без поддержки государственных структур разных уровней.

В последние годы в России развитию волонтерства уделяется большое внимание. Внесены поправки в ФЗ №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»⁴⁴, которые закрепили понятие волонтерства и определили границы волонтерской деятельности в законодательном пространстве. В 2017 г. Ф утверждён План мероприятий по развитию волонтерского движения в Российской Федерации. В 2018 г. принят закон № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества», который уравнивал понятия «волонтерство» и «добровольчество», определил полномочия органов государственной власти в сфере добровольчества, предусмотрел внесение поправок в налоговое законодательство относительно налогообложения доходов добровольцев. Агентство стратегических инициатив при Правительстве РФ (АСИ) в 2017 г. разработало Стандарт поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах РФ. В Стандарте описываются девять шагов, способствующих взаимодействию между государственными органами власти и добровольцами на региональном уровне: принятие регламентов взаимодействия, создание советов по вопросам добровольчества, открытие ресурсных добровольческих центров, предоставление субсидий и грантов, информационная поддержка и популяризация добровольчества, подготовка добровольцев и должностных лиц, внедрение нефинансового поощрения и др. Стандарт отмечен в отчете ООН о состоянии добровольчества в мире за 2018 г. в качестве примера лучшей практики взаимодействия государственных органов с добровольческими организациями [9].

В 2020 г. Россия подготовила первый ДНО хода осуществления Повестки дня в области УР на период до 2030 года, где определены успехи и неудачи на пути к достижению ЦУР. Разработчики ДНО отмечают, что

⁴⁴ В первой редакции 1995 г. закон назывался «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».

реализуемые в настоящее время Национальные проекты и «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» для достижения национальных целей и стратегических задач развития РФ, связаны с ЦУР, прямо или косвенно охватывая 107 из 169 задач ЦУР. Так же отмечается, что в программных и стратегических документах РФ, включая доктрины, концепции, национальные программы, развитие волонтерства рассматривается как одна из мер, ведущая к достижению ЦУР[3]. С целью формирования системного подхода к развитию волонтерского движения принята «Концепция развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года». К 2024 г. предполагается вовлечь в эту деятельность 20% граждан.

В ДНО РФ подчёркивается, что гражданскому обществу, некоммерческим организациям, волонтерам при реализации мер, способствующих достижению ЦУР, отводится отдельная роль. Вклад волонтеров в реализацию ЦУР оценивается через примеры волонтерских проектов, акций, инициатив, некоторые из которых приведены в табл. 2.

*Таблица 2. Вклад волонтеров в достижение ЦУР
(по данным ДНО РФ за 2020 г.)*

ЦУР	Вклад волонтеров в достижение ЦУР
ЦУР 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте	Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики» – одна из крупнейших добровольческих организаций в сфере здравоохранения в Европе. Около 4 млн россиян ежегодно получают помощь и поддержку волонтеров-медиков по таким направлениям, как медицинское просвещение, повышение престижа медицинских профессий, формирование кадрового потенциала для здравоохранения.
ЦУР 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек	Одной из форм реализации женской социальной активности являются женские общественные организации. В РФ осуществляют свою деятельность Союз женщин России, Евразийский женский форум, Проект АТЭС BEST, которые способствуют повышению правовой компетентности и роли женщин в обществе, отбирают лучшие практики женского предпринимательства, реализуют программы развития наставничества, социокультурного партнерства женсоветов.
ЦУР 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними	В каждом регионе РФ есть проекты, направленные на сокращение неравенств. Например: проект «Театр как средство социальной адаптации и реабилитации» (г. Комсомольск-на-Амуре) способствует социальной

ЦУР	Вклад волонтеров в достижение ЦУР
	адаптации и реабилитация людей с ограниченными возможностями и лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Проект «Московское долголетие» помогает старшему поколению вести активный образ жизни и бесплатно использовать возможности города для самореализации: занятия в спортивных секциях и творческих студиях, на образовательных курсах.
ЦУР 11. Устойчивые города и населенные пункты	В рамках национального проекта «Жилье и городская среда» происходит вовлечение добровольцев в формировании и развитии комфортной городской среды.
ЦУР 12. Ответственное потребление и производство	Неправительственный экологический фонд имени В. И. Вернадского более 20 лет активно продвигает концепцию развития экологической культуры через экологическое просвещение и волонтерство.
ЦУР 15. Сохранение экосистем суши	Федеральное агентство лесного хозяйства организует волонтерские акции по восстановлению леса: «Всероссийский день посадки леса» и «Живи, лес!».

Источник: составлено авторами по данным из Добровольного национального обзора хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / Аналитический центр при Правительстве РФ, 2020.

Безусловно, представленные в таблице примеры из ДНО, охватывают далеко не все мероприятия с участием российских волонтеров. По данным единой информационной системы (ЕИС) в сфере развития добровольчества (волонтерства) DOBRO.ru.⁴⁵ только в 2020 г. в РФ было реализовано более 42,4 тыс. волонтерских акций, проектов и инициатив. Многие из них способствуют достижению одновременно нескольких ЦУР. Например, в рамках проекта «Большая Байкальская Тропа» производится строительство, облагораживание и поддержание популярных туристических маршрутов с целью снижения антропогенного влияния туристического потока (ЦУР 6, 12, 14, 15). С участием добровольцев во многих городах проходят мероприятия по сбору мусора: «Мусора.Больше.Нет», «Доброкрышечки», «Экопатруль», «Сортируем мусор!» и др. (ЦУР 11, 12, 15). Участники всероссийского добровольческого движения «Волонтеры Победы» заботятся о ветеранах, благоустраивают воинские захоронения, помогают сохранить историческую память и поддерживают движение за мир (ЦУР 4, 10, 16).

⁴⁵ ЕИС «Добровольцы России». – Режим доступа: <https://dobro.ru/>

В качестве третьей цели Плана действий по интеграции добровольчества в Повестку дня на период до 2030 года обозначена количественная оценка волонтерской деятельности, включающая разработку, апробирование и использование новых инструментов для измерения масштабов, сферы охвата, экономического и социального вклада добровольчества. Существует много нерешенных вопросов в данной сфере. Статистика волонтерства, получаемая из разных источников, несопоставима; оценки волонтерского движения отличаются в несколько раз. Это вызвано отсутствием унифицированных подходов к сбору информации, различным пониманием волонтерства, методологическими особенностями проведения исследований (разные объемы выборки, методы сбора данных и др.) [5].

Актуальные проблемы количественной оценки волонтерства – его стоимостная оценка и включение результатов волонтерского труда в макроэкономические расчеты. Сегодня не существует общепризнанной методик таких вычислений, однако в некоторых странах ведутся экспериментальные расчеты. Например, Норвегия регулярно публикует статистику, отражающую вклад добровольцев в ВВП. Совокупный вклад добровольцев в экономику Польши оценивается в размере 2,8% ВВП, что соответствует вкладу 9,6% занятых в национальной экономике, а в Чешской Республике объем услуг, оказанных добровольцами, в 2015 г. превысил 45 млн часов, что эквивалентно экономической стоимости в размере 5,9 млрд чешских крон (260 млн долларов США) [8].

Таблица 3. Количественная оценка волонтерского труда в РФ

Год	Затраты волонтерского труда, млн человеко-часов	Стоимость труда волонтеров, млн руб.	Вклад волонтеров в ВВП, %
2016	162,4	10739	0,0125
2017	156,8	12748	0,0139
2018	142,2	14219	0,0137
2019	167,8	17959	0,0164
2020	184,7	19436	0,0182

Источник: составлено по расчетам авторов

МОТ предлагает оценивать труд волонтеров по методу замещающих затрат, исходя из показателей затрат труда волонтеров и стоимости единицы этого труда. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ адаптировал этот подход для российских усло-

вий [7]. Используя данный подходнами произведен расчет стоимости волонтерского труда в России за период 2016–2020 гг. (табл. 3). По нашим оценкам деятельность волонтеров обеспечила экономике России в 2020 г. дополнительные 19,4 млрд руб., что составляет 0,018% от ВВП.

Данные таблицы свидетельствуют об увеличении затрат и результатов труда волонтеров в РФ. Однако, по сравнению с аналогичными показателями в других странах, потенциал волонтерства в нашей стране используется существенно меньше.

Подводя итог отметим, что цели, поставленные в Плане действий, в России реализованы лишь частично. Государство уделяет существенное внимание и оказывает поддержку волонтерам, что ведет к увеличению масштабов этого общественного ресурса. Деятельность волонтеров в России успешно способствует реализации целей и задач УР, о чем свидетельствуют многочисленные практики. Интеграция волонтерства в государственные программы и проекты, направленные на достижение УР, сделала бы этот процесс более эффективным. Требуют дальнейшего развития вопросы количественной оценки волонтерского движения как индикатора вовлеченности гражданского общества в достижение ЦУР.

Литература

1. Аналитика волонтерства России // DOBRO.RU. – Режим доступа: <https://dobro.ru/analytics>.
2. Глобальный обобщающий доклад. План действий по интеграции добровольчества в Повестку дня на период до 2030 года / ООН, 2020. – Режим доступа: www.unv.org/planofaction.
3. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / Аналитический центр при Правительстве РФ, 2020.
4. Итоги выборочных обследований рабочей силы 2016, 2017, 2018, 2019, 2020: Стат. бюлл. / Росстат. – М. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>.
5. Корнеева И., Краснопольская И., Скокова Ю. Работа с цифрами: почему данные о масштабах волонтерской деятельности отличаются между собой? // Электронный журнал «Филантроп», 25.10.2019. – Режим доступа: <https://philanthropy.ru/analysis/2019/10/25/81813/>.
6. Мировой рейтинг благотворительности // Благотворительный фонд развития филантропии «КАФ». – Режим доступа: <http://cafrussia.ru/mirovoy-reyting-blagotvoritelnosti.html>.

7. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации: учеб. пособие / под ред. И. В. Мерсияновой. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. – 198 с.

8. Сводный доклад о работе по плану «Интеграция добровольчества в повестку для на период до 2030 года» в регионе Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций / ООН, 2020.

9. Связующая нить: Добровольчество и устойчивость сообществ Отчет о состоянии добровольчества в мире за 2018 год.– Режим доступа: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf.

Flud N.A., PhD in Economics, associate professor
Saint Petersburg State University of Economics
fna1963@rambler.ru

Dashkevich P.M., master student
Saint-Petersburg State University of Economics
pmd2015@ya.ru

CONTRIBUTION OF THE VOLUNTEERING TO THE ACHIEVEMENT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Abstract. the volunteering is considered as the most important resource for social development. The potential force of volunteering could and should be used for the 17 Sustainable Development Goals implementation. In voluntary national reviews of the implementation of the Sustainable Development Agenda, many countries recognize the significant contribution of volunteers to the achievement of the SDGs and provide numerous examples of successful volunteering practices. The volunteering is less developed in Russia than in most countries of the world. It is necessary for the volunteer potential mobilization to resolve a number of issues related to strengthening responsibility for the implementation of the Agenda, integrating volunteering into national and global strategies, and developing tools for quantifying this resource.

Keywords: volunteering, sustainable development goals, voluntary national review, quantification of volunteering, volunteer work cost.

Харламов А.В., д-р экон. наук, проф.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Kharlamov_2000@list.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК УСЛОВИЕ ЕЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Аннотация. В статье с теоретических и практических позиций проанализированы тенденции устойчивого развития национальной экономики. Приведена аргументация необходимости использования конкурентоспособности в качестве интегрального индикатора, отражающего успешность хозяйствующих субъектов в обеспечении их устойчивого развития. В этой связи доказана необходимость трансформации макроэкономической политики, формирующей соответствующие институциональные условия для максимального содействия такому развитию всех хозяйствующих субъектов – от домашних хозяйств до государства. При этом в качестве определенного ориентира предлагается использовать контрольные показатели, применяемые для оценки глобальной конкурентоспособности стран, отражающие, помимо прочего, и характеристики инвестиционного процесса. В целом авторские предложения, направленные на принятие концептуальных решений в области устойчивого развития, демонстрируют его тесную связь с конкурентоспособностью национальной экономики.

Ключевые слова: национальная экономика; устойчивое развитие; конкурентоспособность; глобализация; инновации; инвестиции; макроэкономическая политика.

Для экономических исследований сегодняшнего дня характерно возрастание теоретического и практического интереса к проблеме обеспечения устойчивого развития национальной экономики. Такие исследования направлены на выявление и анализ противоречия между достижением макроэкономического равновесия и цикличностью социально-экономического развития, направленного на обеспечение экономического роста. Содержание указанного противоречия заключается в том, что реализация в течение длительного времени политики, направленной на достижение макроэкономического равновесия, не позволяет экономике динамично развиваться, в то время как обеспечение развития и экономического роста является важнейшей задачей правительств всех стран. В данном контексте рост становится основой нарушения макроэкономического равновесия; кроме того, национальная экономика не может бесконечно находиться в состоянии роста в силу объективного процесса

циклических колебаний, который также нарушает равновесие, но уже – в сторону кризиса [1, с. 82].

В качестве методологической основы для разрешения/ослабления такого противоречия при формировании современной макроэкономической политики может использоваться концепция устойчивого развития. В качестве аргументации здесь следует исходить из того, что в период глобализации усиливается требование к обеспечению высокого уровня конкурентоспособности, как национальной экономики, так и каждого первичного хозяйствующего субъекта [2, с. 26].

Достижение высокого уровня конкурентоспособности позволяет хозяйствующим субъектам не только более эффективно реализовывать имеющиеся сравнительные преимущества в рамках их экономических интересов, но и, благодаря этому, обеспечивать желаемый уровень и направленность экономического развития. При этом развитие также может рассматриваться как важнейший, фундаментальный экономический интерес. Это позволяет говорить о том, что достижение устойчивого развития – важнейшая на сегодня макроэкономическая задача, сложность и значимость которой постоянно возрастает [4, с. 429]. На наш взгляд, это обусловлено следующими факторами:

- усложнение процесса глобализации, выражающееся в усилении регионализации и формировании новых «центров глобальной силы»;
- обострение проблем, связанных с обеспечением экономической безопасности, как национальных хозяйственных систем, так и отдельных хозяйствующих субъектов;
- возрастание значимости социальной составляющей в процессе функционирования национальных экономик, требующее модернизации всей системы государственного управления;
- изменения в соотношении административных и рыночных регуляторов;
- увеличение количества и повышение сложности задач, которые ставятся перед институтами развития;
- трансформация развития научной и образовательной сферы на фоне стремительного распространения информационных технологий и широкого внедрения инноваций;
- возрастание экологических рисков, ухудшение качества жизни населения и рост заболеваемости (особенно – в период пандемии коронавируса COVID-19), что усложняет решение широкого круга социально-экономических задач;
- ускорение процессов развития личности и совершенствование человеческого капитала на всех уровнях национальной хозяйственной системы.

Изменения, происходящие под воздействием вышеперечисленных факторов, формируют новые требования к применяемым инструментам, обеспечивающим экономическое развитие и оценку его результатов. Исходя из этого, возникает необходимость в использовании определенного интегрального индикатора для оценки эффективности устойчивого развития. Считаем возможным предположить, что таким интегральным индикатором сегодня может служить конкурентоспособность. Обосновывая это предположение, укажем на ряд обстоятельств.

Первое. Конкурентоспособность сегодня отражает широкий спектр преимуществ, которыми обладает оцениваемый субъект в экономической, социальной, инновационной (включая инновационный потенциал и уровень технологического развития), инвестиционной, инфраструктурной, институциональной и прочих видов деятельности. Следует заметить, что в последнее десятилетие все большее внимание привлекают именно инновационный и институциональный аспекты деятельности хозяйствующих субъектов. В их рамках проводится сравнительный анализ национальных экономик с позиции развития институтов, обеспечивающих конкурентные преимущества, особенно – в области инвестиционной привлекательности, комфортности ведения бизнеса, отсутствия коррупционных рисков, государственной поддержки продвижения национальных фирм на глобальном рынке и др.

Второе. Оценивать конкурентоспособность можно по отношению к различным хозяйствующим субъектам, включая государство, фирмы, домашние хозяйства. При этом на конкурентоспособность государства воздействует конкурентоспособность национальных фирм и домашних хозяйств, а иногда – и отдельных индивидуумов, особенно – если работодателем для них выступает государство. На конкурентоспособность фирмы воздействует конкурентоспособность домашних хозяйств и каждого отдельного индивидуума. Очевидно, что чем выше уровень конкурентоспособности работника и чем больше таких работников заняты в деятельности анализируемого хозяйствующего субъекта (фирмы или государства), тем большее положительное воздействие они оказывают на его конкурентоспособность. Оказываемое при этом влияние может быть как прямым, так и косвенным, а также – носить характер обратного воздействия, что очень важно для понимания эффективности устойчивого развития.

Третье. Не следует пренебрегать позитивным воздействием высококонкурентных нерезидентов на работу отечественных фирм, которое, в силу имеющихся деловых контактов и накопленного опыта, стимулирует развитие бизнеса и способствует повышению уровня конкурентоспособности, как компаний-лидеров, так и аутсайдеров. Подобный стимулирующий эффект усиливается на фоне процесса глобализации, благодаря укреплению

нию связей между различными хозяйствующими субъектами, как внутри страны, так и за рубежом.

Четвертое. Конкурентоспособность продукции представляет собой показатель, наиболее востребованный при проведении анализа устойчивого развития. Если еще совсем недавно анализ, преимущественно, основывался на соотношении цены и качества, то сегодня на первый план выходят потребительские свойства продукции, поддерживаемые современными инструментами персонализации и кастомизации товаров и услуг. Современная наука, как и хозяйственная практика, демонстрирует связь между степенью инновационности товара (услуги) и уровнем его конкурентоспособности, особенно – при отсутствии у него аналогов или заменителей. Это дополняется также корреляцией между долей домашних хозяйств, обладающих высоким уровнем человеческого капитала, как важнейшим показателем устойчивого развития, и востребованностью инновационных товаров и услуг [6]. Следовательно, стабильное увеличение спроса на них также свидетельствует о положительной динамике устойчивого развития.

Это подтверждает выводы, сделанные по итогам настоящего исследования, согласно которым конкурентоспособность действительно может рассматриваться как интегральный индикатор оценки устойчивого развития различных хозяйствующих субъектов, прежде всего – государства. В этой связи реализуемая сегодня макроэкономическая политика должна быть скорректирована так, чтобы обеспечивалось формирование новых институциональных возможностей и модернизация действующих институтов, оказывающих влияние на конкурентоспособность [5, с. 281]. В качестве исходного положения здесь может быть предложено использование индекса глобальной конкурентоспособности стран, ежегодную оценку которого, начиная с 2004 г., проводит Всемирный экономический форум. Как известно, сегодня проводится оценка 113 переменных, которые сведены в 12 контрольных показателей:

- 1) качество институтов;
- 2) инфраструктура;
- 3) макроэкономическая стабильность;
- 4) здоровье и начальное образование;
- 5) высшее образование и профессиональная подготовка;
- 6) эффективность рынка товаров и услуг;
- 7) эффективность рынка труда;
- 8) развитость финансового рынка.
- 9) уровень технологического развития;
- 10) размер внутреннего рынка;
- 11) конкурентоспособность компаний;
- 12) инновационный потенциал [3].

Активизация макроэкономической политики, направленная на повышение этих контрольных показателей, а также всех 113 формирующих их переменных, является при этом не самоцелью, а инструментом, обеспечивающим благоприятные условия для социально-экономического развития всех хозяйствующих субъектов.

Реализация этого предложения должна привести к изменению позиций нашей страны в рейтинге глобальной конкурентоспособности, что позволит повысить ее инвестиционную привлекательность для зарубежных компаний и частных инвесторов. В настоящее время никто не подвергает сомнению важность постоянного притока в страну иностранных инвестиций, особенно – если речь идет о реальном секторе экономики. Это – совместная системная работа, не только российских компаний, ставящих перед собой задачу привлечения отечественных и иностранных инвестиций для собственного развития, но и государства. Таким образом, устойчивое развитие представляет собой фундаментальную задачу, требующую реализации соответствующей макроэкономической политики, эффективность которой будет отражаться на показателях конкурентоспособности и их динамике, как на национальном, так и на глобальном уровне.

Литература

1. Концептуальные аспекты развития экономики России: вызовы и приоритеты / Ответственный редактор Устюжанина Е.В., Дубовик М.В. – М.: "Издательство "КноРус", 2020. – 234 с.

2. Набатова, Н.Ю., Плотников, В.А., Шиндикова, И.Г. Анализ структурных изменений макроэкономических показателей российской федерации в контексте обеспечения национальной экономической безопасности / Н.Ю. Набатова, В.А. Плотников, И.Г. Шиндикова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2021. – Т. 11. №1. – С. 20-37.

3. Рейтинг стран мира по индексу глобальной конкурентоспособности [Электронный ресурс] // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index> (дата обращения: 24.03.2021).

4. Харламов А.В. Государственная политика повышения конкурентоспособности национальной экономики и развитие хозяйственной системы // Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Том 2 / Сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК–2019) / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР, 2019. – С. 427-437.

5. Харламов А.В. Экономическое развитие и эффективность государственного регулирования в контексте общественного договора // Проблемы жизнеспособности хозяйственных систем: к 75-летию победы в Великой Отечественной войне: сборник научных статей профессорско-преподавательского состава факультета экономики и финансов СПбГЭУ. 2 июня 2020 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 277-283.

6. Morkovkin, D.E., Lopatkin, D.S., Shushunova, T.N., Sharipov, B.K., Gibadullin, A.A. Formation of the conditions for the development of innovation/ D.E. Morkovkin, D.S. Lopatkin, T.N. Shushunova, B.K. Sharipov, A.A. Gibadullin, // JOP Conference Series: Metrological Support of Innovative Technologies. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. Krasnoyarsk, Russia, 2020. P. 32002 DOI:10.1088/1742-6596/1515/3/032002.

Kharlamov A.V., Dr. of Economics, prof.
St. Petersburg State University of Economics
Kharlamov_2000@list.ru

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY AS A CONDITION FOR ITS COMPETITIVENESS

Abstract. The article analyzes the tendencies of sustainable development of the national economy from the theoretical and practical positions. The argumentation of the need to use competitiveness as an integral indicator reflecting the success of economic entities in ensuring their sustainable development is presented. In this regard, the necessity of transforming macroeconomic policy, forming the appropriate institutional conditions for maximum assistance to such development of all economic entities - from households to the state, has been proved. At the same time, it is proposed to use some control indicators to assess the global competitiveness of countries, reflecting, among other things, the characteristics of the investment process. In general, the author's proposals aimed at making the conceptual decisions in the field of sustainable development demonstrate the close relationship between its level and the competitiveness of the national economy.

Keywords: national economy; sustainable development; competitiveness, globalization; innovations; investments; macroeconomic policy.

Хорева Л.В., д.э.н., проф.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
luhor@inbox.ru

Шокола Я.В., к.э.н., доц.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
shokola_yana@mail.ru

Николаева Д.С., магистрант
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
ms.dnik25@gmail.com

ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРАКТИКИ КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования концепции циркулярной экономики, показана связь циркулярной экономики с целями устойчивого развития, корпоративной социальной ответственностью и новыми моделями хозяйственной деятельности крупных бизнес-структур; приводятся программы ряда государств по расширению практики циркулярной экономики в странах Европейского Союза, Японии, России. Особый акцент в статье сделан на описании результатов проведённого авторами исследования включенности российских крупных компаний в понимание задач циркулярной экономики и практики использования элементов циркулярной экономики в их производственном процессе. Делается вывод об отсутствии в современной практике устойчивого внимания к комплексному осмыслению проблем циркулярной экономики на уровне крупных российских компаний и системному использованию моделей циркулярной экономики в деятельности даже социально ответственного бизнеса.

Ключевые слова: циркулярная экономика; корпоративная социальная ответственность; устойчивое развитие; крупные компании; нефинансовая отчётность.

Введение

Обсуждение проблем циркулярной экономики последние годы в теоретических работах стало особенно заметным, что связано с активным внедрением этой концепции в практику крупных компаний как промышленного сектора, так и сектора услуг. Концепция циркулярной экономики напрямую связана с Целями устойчивого развития, зафиксированными

ООН. Цель № 12 «Ответственное потребление и производство» определяет ключевые задачи не только по сохранению окружающей среды, но и по созданию такого цикла производства и потребления, который обеспечивал бы минимизацию отходов и гармонизацию взаимодействия участников на всех этапах цепочки создания ценности. В самом общем смысле под циркулярной экономикой понимается направление в экономической науке, в рамках которого экономика считается зависимой от природной среды; деятельность в рамках данного направления нацелена на сохранение общественного благополучия за счёт эффективного использования ресурсов и возвращения продуктов конечного пользования в производственный цикл. Это главный инструмент на пути к удовлетворению человеческих потребностей через ответственную эксплуатацию природных богатств [5]. Фундаментом для появления нового взгляда на экономическую жизнь стал постулат о несовершенствах традиционной линейной экономики, где большой акцент делается на социальном обеспечении и повышении уровня благосостояния, но не акцентируется внимание на вопросах эффективного использования отходов производства и потребления. Циркулярная экономика представляет массу альтернативных моделей поведения для улучшения ситуации и снижения нагрузки на окружающую среду за счет повторного включения в производственные оборот части отходов как ресурса для создания нового продукта.

Циркулярная экономика, корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие: связь концепций

Современная концепция циркулярной экономики формировалась как синтез целого ряда научных подходов и дискуссионных направлений, которые в большинстве своём отталкиваются от задач по сохранению окружающей среды. Глобальная дискуссия на тему сохранения окружающей среды ведётся как на уровне отдельных экспертов, так и на уровне национальных и международных институтов [12; 11; 12]. В целом в дискуссионном поле можно встретить большое разнообразие подходов к решению проблем окружающей среды. Среди них могут быть отмечены: функциональная экономика [20], промышленная экология [14], концепция промышленного симбиоза, когда отходы одного предприятия являются ресурсами для другого [11]. Одним из серьёзных результатов дискуссий стало создание концепция устойчивого развития, которая разрабатывалась в течение нескольких десятилетий [13], данная концепция сегодня находит активное применение. Концептуальные подходы, которые нашли свое выражение во взглядах приверженцев «зелёной экономики», также базируются на заботе об окружающей среде и связаны с целями устойчивого развития, поиском путей ухода от моделей сырьевой экономики. Ряд авторов рассматривает зелёную экономику как основу устойчивого развития обще-

ства [4]. С такой позицией можно согласиться, если подходить к зелёной экономике как экосистемному взгляду на развитие современного общества и рассматривать как концепции, которая объединяет различные модели более эффективного использования ресурсов при производстве и потреблении. В этом смысле циркулярная экономика может быть частью подобного экосистемного подхода, как акцентирующая внимание на «превращении отходов в ресурсы».

Подчеркнём, что нацеленность на устойчивое развитие сегодня присущая реализуется на практическом уровне многими компаниями в рамках программ корпоративной социальной ответственности [19]. Концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) уже стала обязательным элементом и в практике крупных российских компаний [1; 17], акцентами в КСО крупных компаний являются социальные вопросы и культура, развитие человеческого капитала в самом широком смысле, поддержка местных сообществ в регионах присутствия, этическое ведение бизнеса, охрана окружающей среды, «зелёной экономики» и др. [2].

Поиск новых моделей хозяйственной деятельности получил отражение в приоритетах практической деятельности государств и крупных бизнес-структур. Так, Европейское сообщество приняло программы развития зелёной экономики, циркулярной экономики, биоэкономики на 2030–2050 гг. Биоэкономика связана с бурным развитием в мире нового технологического уклада, в котором важное место занимают биотехнологии [3]; зелёная экономика «повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее деградации» [7] и, по прогнозам, рынок зеленых технологий будет расти на 6–8% ежегодно (табл. 1).

Акценты на повышение экологичности производственных процессов и потребительских практик⁴⁶ отчётливо сделаны в концепции циркулярной экономики. Главный лозунг циркулярной экономики: «нет отходов, а есть ресурсы» [4, с. 15]. В основе концепции циркулярной экономики лежит идея максимально эффективного использования имеющихся у общества ресурсов и минимального (на уровне необходимого) изъятия их из природной среды [10].

Сегодня уже очевидно, что повторное использование, переработка и восстановление вторичных ресурсов могут значительно снизить нагрузку на окружающую среду [18]. В частности, в контексте развития концепции Устойчивого развития в ООН разработаны и приняты документы, которые непосредственным образом связаны с развитием механизмов «замкнуто-

⁴⁶Цель № 12 Целей устойчивого развития ООН.

го цикла» в производстве и потреблении. Особо отметим, документ ООН декларирующий переход к формированию циркулярной экономики. Данный документ нацелен на формирование механизмов по обеспечению сбалансированности экологических, социальных и экономических аспектов устойчивого развития мирового сообщества [6; 8].

Таблица 1. Перспективы развития рынка «зеленых» технологий в экономически развитых странах в 2019–2025 гг. [21]

Сегменты рынка «зеленых» технологий	2019	2025	2025 г./ 2019 г., раз	Средне- годовой темпы роста в 2019- 2025 гг.
	Млрд евро	Млрд евро		
Экологически чистое производство, накопление и распределение энергии (ВИЭ, накопители, Smart grid и пр.)	667	1164	1,75	6,4
Субрынок энергоэффективности	837	1491	1,8	6,6
Эффективное использование сырья и материалов (в т.ч. производство биологических заменителей ископаемого сырья)	521	1048	2,0	8,1
Экологически устойчивая мобильность (развитие новых транспортных технологий и производство биотоплива)	412	988	2,4	10,2
«Циркулярная» экономика	110	210	1,9	7,4
Экологически устойчивое водное хозяйство (в т.ч. разные аспекты управления стоками)	667	1001	1,5	4,6
Итого	3214	5902	1,8	6,9

Уровень включенности крупных российских компаний в циркулярную экономику

Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что если в зарубежной традиции концептуальные подходы к циркулярной экономике не

остаются только в теории, но и внедряются в практику деятельности компаний, и стимулируются государством, то в российской практике пока мы сталкиваемся с тем, что далеко не все бизнес-структуры, которые уже включены в реализацию концепции КСО [9], отдают себе отчет в необходимости более активного вхождения в экономику замкнутого цикла. Анализ и систематизации использования концепции циркулярной экономики в бизнес-практике современных компаний, оценке уровня осознания как топ-менеджерами, так и рядовыми сотрудниками важности нового подхода к организации технологических процессов производства и последующего потребления продукции практически не уделяется внимания.

Нами было сделано предположение, что есть все же сегодня ряд крупных российских компаний используют данную концепцию в своей бизнес-практике, но с различным уровнем осознанности. В данном исследовании мы попытались оценить уровень осведомленности и включенности крупных российских компаний в использование данной концепции в практике производственной деятельности. Нами была сформулирована цель – оценить уровень широты и глубины проникновения идей циркулярной экономики в российскую предпринимательскую среду. Информационной базой для анализа послужила открытая информация, представляемая компаниями в рамках нефинансовой отчетности в соответствии с Глобальной инициативой по отчетности (GRI), к которой присоединились российские компании, регулярно размещающие свои нефинансовые отчеты на сайте Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) в реестре и библиотеке нефинансовой отчетности. Авторами был проведен контент-анализ социальных и экологических отчетов, отчетов об устойчивом развитии, интегрированных отчетов за 2018-2019 гг. Это позволило сформировать выборку компаний, в отчетах которых встречаются различные термины, связанные с концепцией циркулярной экономики в контексте ответственных практик производства и потребления.

Первый этап нашего исследования показал, что 87 % российских компаний не упоминают термина «циркулярная экономика» (ЦЭ) в своих отчетах (было проанализировано 94 отчета, размещенные на сайте РСПП 85 компаниями). Наиболее активно термин ЦЭ упоминается в отчетах производителей продуктов питания и других потребительских товаров (75% отчетов содержат упоминание ЦЭ), розничной торговлей (40%), энергетике (18%), химической, нефтехимической, парфюмерной промышленности (14%) и в меньшей степени в ряде других. Результаты первого этапа исследования были нами представлены в апреле 2021 г. на конференции «International Days of Science-2021» в Чехии в Моравском бизнес-колледже (г. Оломоуц).

Для более детального рассмотрения вопросов использования различных элементов циркулярной экономики в практике деятельности российских компаний был расширен терминологический ряд контент-анализа, в который на втором этапе нами были включены термины: циркулярная экономика, циклическая экономика, круговая экономика; замкнутый цикл, утилизация отходов, очистка (воды, воздуха), экономия ресурсов, энергосбережение, воспроизводство ресурсов, устойчивое развитие в разных сочетаниях. В выборку попали 15 компаний, в отчётах которых первичный экспресс-анализ показал наиболее частую «встречаемость» заданных терминов. Далее была сделана количественная оценка частоты упоминания отдельных терминов в отчётах. Наиболее часто упоминается термин «устойчивое развитие» (40% от общего числа упоминаний); «утилизация и очистка» – 33%; энергосбережение – 12% упоминаний (табл. 2).

Таблица 2. Частота упоминания терминов, связанных с циркулярной экономикой в отчётах российских компаний за 2018-2019 гг.⁴⁷

Компания	Термины, число упоминаний						Общее число терминов «ЦЭ» в отчете
	Циклическая* циркуляр* кругов* замкнут*	Утилизация* Очистка*	Эконом* ресурсов	Энергосбереж*	Воспроизводств* *	Устойчив* развит*	
«ГНЦ НИИАР»	0	4	0	1	0	4	9
ПАО «ЛУКОЙЛ»	0	9	0	14	0	6	29
«Филип Моррис» в России	0	7	0	1	0	122	130
Леруа Мерлен Восток	3	22	0	1	1	1	28
Нестле Россия	2	3	0	0	0	0	5
ПАО «Газпром»	2	28	21	23	2	3	79
ПАО «М.Видео»	3	15	0	0	0	24	42
ПАО «НЛМК»	1	26	0	2	0	5	34

⁴⁷ В таблице представлен результат общего контент-анализа отчётов 15 российских компаний, приведено количество упоминаний терминов, связанных с ЦЭ в отчетах компаний.

Компания	Термины, число упоминаний						Общее число терминов «ЦЭ» в отчете	
	Циклич* циркуляр* кругов* замкнут*	Утилизац* Очистк*	Эконом* ресур-сов	Энерго-сбереж*	Вос-произ-водств*	Устойчив* раз-вит*		
ПАО «Уралкалий»	0	8	0	4	0	8	20	
ПАО «Полиметалл»	4	6	6	2	1	1	20	
«СИБУР-Холдинг»	12	48	28	17	1	9	115	
ОАО «Сетевая компания»	2	23	13	32	0	5	75	
ПАО «Энел Россия»	10	34	0	1	0	155	200	
АК «АЛРОСА»	0	25	2	2	1	4	34	
ГМК «Норильский никель»	1	29	2	6	4	2	44	
Итого упоминаний	абс.	40	287	72	106	10	349	864
	%	4,6	33,4	8,3	12,2	1,2	40,3	100,0

Собственно термины, которые непосредственно могут говорить об использовании в практике компаний циркулярной экономики (циклическая, циркулярная, круговая, замкнутая) представлены очень слабо – они упоминаются только 40 раз, это 4,6 % от общего числа зафиксированных нами в отчётах упоминаний всех связанных с циркулярной экономикой терминов – 864 упоминания.

Тем самым, проведённое нами исследование подтвердило вывод об отсутствии в современной практике должного внимания к комплексному осмыслению проблем циркулярной экономики на уровне крупных российских компаний.

Далее нами были проанализированы отчёты компаний, которые хотя и не упоминают активно непосредственно такие термины как циклическая, циркулярная, круговая, замкнутая экономика, однако в своей деятельности реализуют отдельные практики циркулярной экономики через программы работы с отходами. Изучение этих практик дало возможность систематизировать наиболее распространённые виды деятельности в рамках утилизации отходов (может рассматриваться как этап перехода к цир-

кулярной экономике), характерные для российских компаний в настоящее время. Ниже приведены виды практик четырёх «эко-активных» компаний, которые используются наиболее часто в их деятельности (табл. 3).

Таблица 3. Конкретные практики реализации задач циркулярной экономики российскими компаниями, которые чаще всего встречаются в отчетах за 2018-2019 гг.

Название компании	Утилизация отходов	Устойчивое развитие
ПАО «Газпром»	Накопление отходов, их вывоз и утилизация, учет отходов, контроль за их вывозом и обращением	Надежное энергоснабжение и безопасность потребителей; готовность к чрезвычайным ситуациям и мероприятия по их профилактике и др.
ПАО «ЛУКОЙл»	Количество производственных отходов с 2017 по 2019 г. сократилось на 38 тыс. т	Сотрудничает с ООН, Европейским парламентом и Европейской комиссией, участвует в отраслевых и экологических ассоциациях
«Филип Моррис» в России	В 2019 г. Утилизация производственных отходов на фабриках достигла 97,5% благодаря эффективной организации системы управления отходами	Внедряют инициативы по энергосбережению и повышению энергоэффективности в офисах
Нестле Россия	Начиная с февраля 2019 года «Нестле» исключает из своей продукции все пластиковые соломинки. В компании установлены контейнеры для сбора отходов от производства.	Стремление к устранению использования одноразовой пластиковой продукции; сокращение отходов, отправляемых на захоронение; сокращение веса упаковки; инициатива по переработки алюминиевых кофе-капсул

Заканчивая краткое изложение результатов изучения практики российских компаний в контексте концепции циркулярной экономики укажем, что каждая 10-я российская компания, размещающая нефинансовые отчёты в открытом информационном пространстве, так или иначе

связывает свою деятельность с экономикой «замкнутого цикла». Однако реальная деятельность таких компаний показывают, что в большинстве своем – это программы по экологичной утилизации отходов, вопросы же дальнейшей переработки отходов остаются пока за рамками интересов даже социально ответственных компаний. Требуется более глубокое исследование причин, мешающих современному российскому бизнесу формировать реальные замкнутые цепочки создания ценности и превращать отходы производства и потребления в дополнительные экономические ресурсы.

Литература

1. Благов Ю.Е. Создание ценности для бизнеса и общества: анализ корпоративной социальной деятельности российских компаний / Ю.Е. Благов, В.И. Кабалина, А.А. Петрова-Савченко, И.С. Соболев // Российский журнал менеджмента. - 2015. - Т. 13. - № 2. - С. 67-98.

2. Благов Ю.Е. Корпоративная благотворительность в России: стратегии лидеров / Ю.Е. Благов, А.А. Петрова-Савченко // Экономическая наука современной России. - 2016. - № 3 (74). - С. 84-97.

3. Бобылёв С.Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития / С.Н. Бобылёв // Экономическое возрождение России. - 2019. - № 3 (61). - С. 23-29.

4. Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / Под науч. ред. С.Н. Бобылёва, П.А. Кирюшина, О.В. Кудрявцевой. - М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019.

5. Крючкова О.М. «Зеленая экономика» как элемент устойчивого развития: современное состояние и перспективы / О.М. Крючкова, А.Д. Гузенко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2016. - Т. 35. - С. 44–48.

6. Мурзак Н.А. Проблемы развития циркулярной экономики как фактора устойчивого развития России / Н.А. Мурзак, А.Е. Митенкова, О.В. Скрипкина, С.А. Коноваленко // Юг России: экология, развитие. - 2020. - Т. 15. - № 3 (56). - С. 155-164.

7. Навстречу «зелёной экономике»: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. ЮНЕП, 2011.

8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. A/70/L.1. Преобразование нашего мира: Повестка для в области устойчивого развития до 2030 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>

9. Хорева Л.В. Новая концепция корпоративной социальной ответственности - КСО 2.0 /Л.В. Хорева, Я.В. Шокола // Теория и практика

сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. - 2015. - № 4 (26). - С. 25-30.

10. Calisto Friant M. Analysing European Union circular economy policies: words versus actions /M. Calisto Friant, W.J.V. Vermeulen, R. Salomone // Sustainable Production and Consumption.- 2021. - № 27.- PP. 337-353. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2020.11.001>.

11. Chertow M. Organizing Self-Organizing Systems /M. Chertow, J. Ehrenfeld // Journal of Industrial Ecology. -2012. - № 16(1).- PP. 13-27. DOI: 10.1111/j.1530-9290.2011.00450.x

12. COM 2019/190. Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the implementation of the Circular Economy Action Plan. European Commission. Brussels, 4.3.2019. URL: <https://clck.ru/UdkWD>.

13. De Jong E. From Millennium to Sustainable Development Goals: Evolving discourses and their reflection in policy coherence for development / E. De Jong, M.J. Vijge // Earth System Governance. –2020. -№7. - P. 100087. <https://doi.org/10.1016/j.esg.2020.100087>

14. Lifset R. The Indirect Effects of Industrial Ecology /R. Lifset, R. Anex // Journal of Industrial Ecology.– 2009. - № 13.- PP. 347–349. DOI: 10.1111/j.1530-9290.2009.00135.x

15. Martínez-Alier J. Handbook of Ecological Economics /J. Martínez-Alier, R. Muradian. Edward Elgar Pub publisher. Cheltenham. UK. 2015, 512 p.

16. Pirgmaier E. The value of value theory for ecological economics / E. Pirgmaier // Ecological Economics. – 2020. - № 179. - PP. 106790. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2020.106790>

17. Pletnev D. Business Success of Small and Medium Sized Enterprises in Russia and Social Responsibility of Managers /D. Pletnev, V. Barkhatov // Procedia - Social and Behavioral Sciences. –2016. -№7. - PP. 185-193. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.105>

18. Sandin G. Environmental impact of textile reuse and recycling – A review /G. Sandin, G.M. Peters // Journal of Cleaner Production.– 2018. - № 184. - PP. 353-365. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.02.266>

19. Singh K. Linking Corporate Social Responsibility (CSR) and Organizational Performance: the moderating effect of corporate reputation / K. Singh, M. Misra // European Research on Management and Business Economics.– 2021. - № 27(1). - P. 100139. <https://doi.org/10.1016/j.iemeen.2020.100139>

20. Stahel W.R. The Product-Life Factor / In Orr S. G. An Inquiry into the Nature of Sustainable Societies, the Role of the Private Sector. The Mitchell Prizes, 1984.

21. Statistics The World Federation of Exchanges [Electronic resource]. URL: <https://www.worldexchanges.org/our-work/statistics16>.

Khoreva L.V., dr.of Economics, prof.
Saint Petersburg State
University of Economics
luhor@inbox.ru

Shokola Ya.V., PhD in Economics, associate professor
Saint Petersburg State
University of Economics
shokola_yana@mail.ru

Nikolaeva D.S., master student
Saint Petersburg State
University of Economics,
ms.dnik25@gmail.com

CIRCULAR ECONOMY: PRACTICES OF LARGE RUSSIAN COMPANIES

Annotation. The article deals with the formation of the concept of a circular economy, shows the relationship of the circular economy with the goals of sustainable development, corporate social responsibility and new models of economic activity of large business structures; the programs of a number of states to expand the practice of circular economy in the countries of the European Union, Japan, and Russia are given. Special emphasis in the article is made on the description of the results of the study conducted by the authors of the involvement of Russian purchased companies in the understanding of the tasks of the circular economy and the practice of using elements of the circular economy in their production process. It is concluded that there is no sustained attention in modern practice to a comprehensive understanding of the problems of the circular economy at the level of large Russian companies and the systematic use of circular economy models in the activities of even socially responsible business.

Keywords: circular economy; corporate social responsibility; sustainable development; large companies; non-financial reporting.

Шматко А.Д., д-р экон. наук, проф.

Мирославская М.В., канд. экон. наук, доц.

Шевченко Е., магистрант

Балтийский государственный технический
университет Военмех имени Д. Ф. Устинова

shevchenko4elen@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ КАК СПОСОБ ПРОДВИЖЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации все чаще наблюдается отсутствие взаимодействия между университетами и рынком труда, а также отсутствие механизмов регулирования трудоустройства выпускников и гибкого реагирования инновационных образовательных программ на потребности рынка труда страны.

Опыт стран с самым высоким уровнем национальной конкурентоспособности доказывает, что определяющим фактором экономического развития, залогом прогресса современного цивилизованного общества и гарантией успешности трансформационных процессов в стране является активное участие в них молодого поколения. На пути вступления России в глобализирующееся экономическое пространство все более важным становится процесс подготовки высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: конкурентоспособность, рынок труда, выпускники вузов, уровень конкурентоспособности, ООН.

В настоящее время в Российской Федерации все чаще имеет недоступность нетворкинга среди институтов и рынком труда, а еще недоступность структуры регулировки трудоустройства выпускников и гибкого информирования инновационных образовательных программ на нужды рынка труда государства.

Навык государств с наиболее высочайшим уровнем государственной конкурентоспособности обосновывает, собственно, что определяющим моментом финансового становления, гарантией прогресса передового цивилизованного общества и залогом удачливости трансформационных процессов в стране считается интенсивное роль в их юные поколения. На пути вступления России в глобализирующееся экономическое пространство все более необходимым делается процесс подготовки высококвалифицированных знатоков.

Приоритетный смысл для РФ покупать научные знания, приуроченные к вопросу формирования действующих устройств увеличения конку-

рентоспособности молодежи на рынке труда, естественным методом совершенствования свойства подготовки специалистов с недостаточным опытом работы, обеспечения сбалансированности становления рынка образовательных предложений и рынка труда, улучшение критерий найма и труда молодых людей, увеличение мотивации труда молодежи.

Международная практика повышения конкурентоспособности молодежи на рынке труда имеет в своем арсенале большое количество методов, эффективность которых в значительной степени зависит от уровня социально-экономического развития страны. Изучение зарубежного опыта приобретает актуальное значение для России, особенно на данном этапе реформирования экономики.

Процесс заимствования, использования и адаптации международного опыта на российском поприще должен быть выборочным подражанием наиболее успешных результатов и примеров, а не слепым копированием международного опыта. Согласно критериям ООН, качество образования является одним из основных составляющих качества жизни. Качество образования в данном контексте – это степень соответствия уровня приобретенных знаний выпускников учебных заведений требованиям и потребностям личности, работодателей, общества, государства, международного сообщества [1].

У большинства учащихся, возмевших воспитание, появилась действительная неувязка с трудоустройством. И доля трудности наступает в период их изучения, чтобы приобрести качественное также практически практическое развитие. Зачастую выпускникам никак недостаточно фактических возможности также знаний нынешней события во исследуемой сфере, какие усложняют устройство на работу молодых специалистов.

Зачастую, работодатели не намерены иметь специалиста без определенного опыта работы, а также не собираются тратить свое время и способности на изучение новоиспеченных специалистов. Им важны специалисты, знающие свое дело, владеющие возможностью использовать абстрактные познания на практике, а еще возможностью брать на себя заключения и ориентироваться на последний итог. Таким образом, присутствие неплохого высочайшего образования в нашей стране не ручается удачного трудоустройства.

В управление образованием должны быть внесены некоторые новшества, которые точно определяют перспективу дисбаланса между реальными потребностями рынка труда и существующей системой образования, например, увеличить количество профессиональных инженеров в стране и уменьшить количество юристов и экономистов.

Следует отметить, что лишь очень небольшая часть работодателей в России готова принимать кандидатов без какого-либо опыта и одной из наиболее эффективных мер в решении вопроса трудоустройства выпускников является инновационная практика налоговых льгот или финансовая помощь работодателям, а также развитие просветительных проектов, увеличивающих фактическую важность полученных познаний также способностей со заинтересованностью нанимателей также приспособленных ко настоящим нуждам торга работы [2].

Формирование обеспечения и повышения конкурентоспособности молодежи на рынке труда и построение эффективных социально-трудовых отношений в современных условиях глобализации экономики, становления «экономики знаний», развитие новейших информационных технологий и технологических изменений, требует смещения ориентиров в образовательной системе страны. Потребностью сегодняшнего дня является эффективный переход от образовательной модели, присущей индустриальном и постиндустриальном обществу к инновационной, который отмечается возможностью и способностью быстро и точно реагировать и адаптироваться к изменяющимся современным изменениям.

Вопреки потребностям современного рынка труда в России продолжается так называемый «бум получения высшего образования». Массовое получение высшего образования, с одной стороны, свидетельствует о высоком уровне образовательно-профессиональной активности молодежи, но, с другой, количество не всегда означает качество. Ориентация вузов не на реальные потребности экономики, а на ажиотажный спрос молодежи на популярные и престижные специальности, создает проблемы молодежи с трудоустройством и угрозы остаться вне рынка труда [3].

В 2012 г. в условиях обострения экономической конкуренции, потребности рынка труда в высококвалифицированных работниках ООН модернизировал стратегические ориентиры развития образования и профессиональной подготовки в государствах-членах. Открытая рабочая группа представила рекомендации относительно целей в области устойчивого развития. 193 государства – члены ООН (куда относится и Россия) достигли консенсуса по итоговому документу новой программы «Трансформация нашего мира: Повестка дня устойчивого развития 2030» [4].

Целевые показатели устойчивого развития в сфере образования до 2030 года представлено на рис. 1.

В данных условиях безоговорочной необходимостью является разработка и внедрение новой концепции содержания системы образования и профессионального обучения молодежи. Совершенствование системы об-

разования должно быть реализовано таким образом, чтобы выпускники вузов, впервые выходя на рынок труда были уверены в востребованности полученных знаний и умений, а также собственной конкурентоспособности на рынке труда [5].

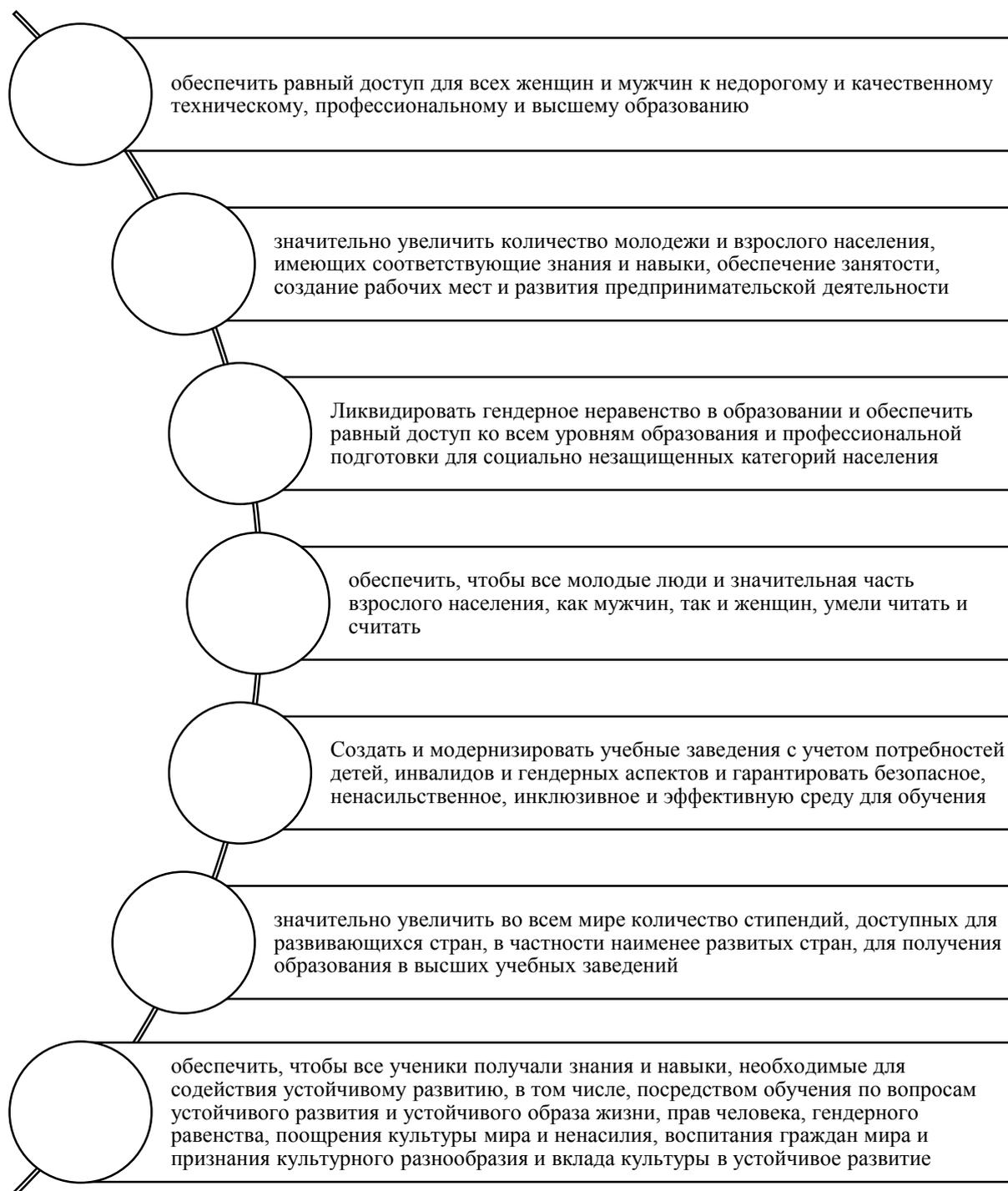

Рис. 1. Целевые показатели устойчивого развития в сфере образования до 2030 года ООН

Подытоживая вышеупомянутое, увеличение конкурентоспособности молодежи с особенными необходимостями на рынке труда считается трудным ходом, субъекты которого в лице страны, нанимателей и самой молодежи с особенными необходимостями нуждаются тесноватого взаимодействия меж собой и верного выбора форм, способов и инструментов, способных это гарантировать. Наконец, фактическое применение общественно-финансовой модификации предоставления конкурентоспособности молодого поколения в торге работы методами нормативно-правового, административно-координационного, финансово-экономических, а также мотивационного обеспечивая дозволит заключения трудности увеличения занятости молодежи, мотивации ее к труду и предпринимательства, что будет способствовать не только социально-экономическом развития отдельных предприятий и регионов, но и государства в целом.

Литература

1. Борисова А.А. Конкурентоспособность выпускников вузов: факторы-детерминанты и методика диагностики // Университетское управление: практика и анализ. 2014. №6 (94). — С. 204-205.
2. Якобюк Л.И., Лылов А.С. Проектирование технологии обучения как педагогическое условие формирования профессиональной компетентности специалистов // Агропродовольственная политика России. 2015. №3 (39). С. 76–78.
3. Виноградова М.В., Мальчукова Н.Н. Способность к критическому мышлению как критерий качественной подготовки будущих бакалавров // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 5 (72). — С. 209–211.
4. Куликова С.В. Профессиональное самоопределение как фактор, влияющий на формирование профессиональных компетенций выпускника вуза // Агропродовольственная политика России. — 2014. — №5 (29). — С. 60–64.
5. Куликова С.В. Роль студенческих отрядов в получении профессионального опыта студентов // Интеграция науки и практики для развития Агропромышленного комплекса: Сборник статей всероссийской научной конференции. 2017. С. 477 – 481.
6. Соловьев В.И. Особенности организации практического обучения выпускников технических специальностей колледжей на основе компетентностного подхода // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского. 2015. Т. 2 (68). №3. С. 46 – 53.

Shmatko A.D., dr. of Economics, prof.
Miroslavskaya M.V., PhD in Economics, associate professor
Shevchenko E., master student
 Baltic State Technical
 University Voenmeh named after D. F. Ustinov
 shevchenko4elen@yandex.ru

INCREASING THE LEVEL OF COMPETITIVENESS OF UNIVERSITY GRADUATES AS A WAY OF PROMOTION IN THE LABOR MARKET

Abstract. Currently, in the Russian Federation, the lack of interaction between universities and the labor market is increasingly observed, as well as the lack of mechanisms for regulating the employment of graduates and the flexible response of innovative educational programs to the needs of the country's labor market.

The experience of countries with the highest level of national competitiveness proves that the determining factor of economic development, the key to the progress of a modern civilized society and the guarantee of the success of transformational processes in the country is the active participation of the younger generation in them. On the way of Russia's entry into the globalizing economic space, the process of training highly qualified specialists is becoming increasingly important.

Keywords: competitiveness, labor market, university graduates, level of competitiveness, United Nations.

Веракса С.А., аспирант
 Белорусский государственный
 экономический университет,
 зам. нач. отд.
 Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей
 Ser.ver1991@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ДРАЙВЕР РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: В статье представлены основные точки развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь в контексте до-

стижения целей устойчивого развития. Проанализирована ситуация с финансовой поддержкой малого и среднего предпринимательства. Предложен механизм контргарантирования, направленный на снижение рисков и повышение доступности финансовых ресурсов при кредитовании инвестиционных проектов. Разработана авторская концепция развития системы финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь, обеспечивающая достижение целей устойчивого развития.

Ключевые слова: Малое и среднее предпринимательство; цели устойчивого развития; финансовая поддержка; поддержка малого и среднего предпринимательства; гарантийный фонд; Банк развития; финансовый институт; инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства;

В современных реалиях развития национальной и мировой экономики потенциальный экономический подъем для любой из стран, в том числе и Республики Беларусь практически невозможен без сильного сектора малого и среднего предпринимательства, который в свою очередь не может развиваться в достаточной мере без наличия эффективного набора механизмов по финансовой поддержке.

Декларацией ООН от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [3] предложено расширить доступ субъектов малого бизнеса, особенно в развивающихся странах, к финансовым ресурсам, в том числе к недорогим кредитам, и ускорить их интеграцию в производственно-сбытовые цепочки и рынки (пункт 9.3). Данная цель полностью отражается в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (далее – Стратегия УР).

Для реализации задач, предусмотренных Стратегией УР, Правительство Республики Беларусь приняло Постановление № 743 «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 года» (далее – Стратегия). Основопологающей задачей, предложенной Стратегией, является формирование динамично развивающегося сектора малого и среднего предпринимательства (далее – СМП), способного существенно улучшить структуру белорусской экономики, обеспечить эффективную занятость и рост доходов населения и др.

Данные документы безусловно лягут в основу построения устойчивых экономических цепочек как внутри страны, так и за ее пределами, в том числе и на рынке ЕАЭС. В связи с принятием такого значимого документа для Республики Беларусь правительство Республики Беларусь

каждые пять лет утверждает программы поддержки малого и среднего предпринимательства. В начале 2021 года была утверждена очередная государственная программа развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь на 2021-2025 годы (далее – Программа). Реализация Программы будет способствовать достижению Целей устойчивого развития, объявленных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, в том числе Цели 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации инновациям», а также выполнению основного этапа Стратегии. Данным этапом предусматривается:

создание конкурентоспособного и адаптивного предпринимательского сектора национальной экономики, обеспечивающего быстрое технологическое обновление производства, стабильную занятость и рост качества жизни населения;

устойчивая динамика качественного развития малого и среднего предпринимательства, совершенствование его отраслевой и территориальной структуры, усиление технического, технологического и кадрового потенциала его субъектов;

выход белорусских субъектов малого и среднего предпринимательства на зарубежные рынки.

2020 год для Республики Беларусь, как и для большинства стран мировой экономической системы, стал кризисным в вопросах развития экономического потенциала. Сектор малого и среднего предпринимательства всегда ощущает на себе последствия кризиса более резко, чем остальная экономика. Государство должно реагировать на изменения в рыночных отношениях, если оно действительно ставит целью устойчивое развитие одного из самых важных экономических секторов. Для создания устойчивой инфраструктуры, комфортной и конкурентоспособной бизнес-среды в Республике Беларусь необходимо пересмотреть подход государства к формированию инфраструктуры поддержки малого предпринимательства и механизмы такой поддержки. Не для кого не секрет, что кризисные периоды существования экономики резко ограничивают возможности республиканского и местных бюджетов, что может послужить причиной отсутствия ресурсов для оказания прямой государственной финансовой поддержки СМП, которая распространена в некоторых регионах, например, ЕС. В Республике Беларусь к таким формам поддержки можно отнести предоставление льготных кредитов облисполкомами и минским городским исполкомом (поддержка на местном уровне), субсидирование процентной ставки по кредитным договорам и договорам финансовой аренды (лизинга). Как показывают практика, институты прямой финансовой поддержки не всегда являются

эффективными инструментами финансовой поддержки, особенно если их сравнивать с непрямой финансовой поддержкой [8].

Представляется критически важным развитие в Республике Беларусь форм непрямого государственного финансирования. Одним из таких инструментов может послужить гарантийный механизм. Кроме этого для эффективной работы гарантийного фонда необходимо предусмотреть возможность создания на базе местных органов управления системы взаимного гарантирования (контргарантирования). Совокупность данных механизмов финансовой поддержки будет способствовать увеличению эффекта рычага выделяемого государством объема бюджетного финансирования.

Крайне неэффективно наличие институтов финансовой поддержки СМП дублирующих функции друг друга. Так, в соответствии с пунктом 35 Положения об оказании государственной финансовой поддержки субъектам малого предпринимательства и субъектам инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства за счет средств, предусмотренных в программах государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2009 г. № 255 (далее – Положение), облисполкомами и Минским горисполкомом (далее – Местные власти) предоставлена возможность хранить свои денежные средства (средства местных бюджетов) во вкладах депозитах коммерческих банков для последующего предоставления коммерческими банками льготных кредитов для СМП. Подразумевается, что СМП может претендовать на получение льготного кредита при наличии у него бизнес-плана или инвестиционного плана. Отбор заявок проводит банк с участием представителей местных властей. Однако вызывает скепсис данное утверждение. Могут ли проводить анализ предоставленной заявки, в том числе финансового состояния СМП и инвестиционного проекта на предмет его обоснованности и жизнеспособности, так же компетентно представители местных властей, как это делают опытные сотрудники банка. В данном случае может получиться так, что мнение более компетентного в вопросах кредитования СМП банковского работника будет серьезным аргументом для представителя местных властей. Следовательно, при допущении ошибки в анализе заявки СМП или в целях умышленного введения в заблуждения сотрудника местных властей может сложиться ситуация, при которой СМП, который не должен претендовать на государственную финансовую поддержку, будет профинансирован, что может повлечь за собой определенные проблемы в будущем как и у банка, так и СМП.

Банком развития Республики Беларусь на протяжении последних лет реализуется ряд программ поддержки СМП в регионах. Проанализировав деятельность Банка развития (программ финансовой поддержки

СМП) и местных органов власти (предоставление льготных кредитов) в вопросах предоставления финансовой поддержки СМП, можно констатировать, что данные институты дублируют деятельность друг друга (табл.1). Кроме того, принимая во внимание, что деятельность Банка развития в вопросах финансовой поддержки СМП является более эффективной, следует пересмотреть подходы к оказанию финансовой поддержки СМП местными органами власти таким образом, чтобы они не дублировали друг друга, что однозначно ведет к снижению эффективности. Каждый вид финансовой поддержки должен решать проблему СМП в вопросах нехватки финансирования, способствовать входу на рынок финансовых средств для СМП. Только такая, четко выстроенная, дополняющая друг друга система поддержки будет служить выполнению целей, поставленных государством перед институтами финансовой поддержки СМП.

Таблица 1. Институты и виды финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь

Критерий поддержки	Институт/вид поддержки	
		Банк развития Республики Беларусь
	Программы поддержки малого и среднего предпринимательства: кредитные продукты в банках партнерах, финансовая аренда (лизинг) в лизинговых компаниях	Льготное кредитование, в том числе микрокредитование
Организация, через которую оказывается поддержка	Банки-партнеры (11 банков) и лизинговые организации (5 лизинговых организаций)	Банки-партнеры, с которыми заключены договора (соглашения)
Субъекты, имеющие права претендовать на поддержку СМП	Все СМП	Все СМП
Цели финансирования	С полным списком целей можно ознакомиться на сайте Банка развития Республики Беларусь (https://brrb.by/activity/support-to-smes/catalog-of-	Создание, развитие и расширение производства товаров (работ, услуг); организация, развитие производства, реализация экспортоориентирован-

	products-within-the-program/)	ной, импортозамещающей продукции; производство продукции, направленной на энерго- и ресурсосбережение; внедрение новых технологий
Процентная ставка	От 6,88% до 11,25% в национальной валюте в зависимости от специальной программы проекта. 5,5% в долларах США	Ставка рефинансирования Национального банка. 7,75%
Срок финансирования	По программам финансовой поддержки в национальной валюте срок кредитования не ограничен, срок предоставления имущества в лизинг не может превышать 5 лет. По программе финансовой поддержки в валюте до 11 лет	До 7 лет
Максимальная сумма финансирования	В национальной валюте: при финансировании через банки-партнеры – 5,0 млн бел. руб., при финансировании через лизинговые организации – 1,5 млн бел. руб. В иностранной валюте: - не более 100 тыс. долларов США на одного субъекта СМП; - не более 2,5 млн евро	Сумма кредита ограничивается суммой выделенных средств. Так, в 2020 году в Минской области за счет средств областного бюджета в виде льготного кредитования предусмотрено предоставление финансовой поддержки в сумме 1,1 млн руб. (https://www.uzda.minsk-region.by/ru/finpodderzhka/)
Общий объем финансирования, предусмотренный государственной программой «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 годы, млн руб.	500 000 000 бел. руб.	52 824 102,9 бел. руб.

В Республике Беларусь существует переко́с видов финансовой поддержки в СМП в сторону прямой финансовой поддержки. В частности, выделим такие финансовые институты, как Банк развития Республики Беларусь (программа поддержки СМП через банки партнеры и лизинговые компании), Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей (займы, финансовая аренда (лизинг)), облисполкомы и Минский горисполком (субсидирование процентных ставок по кредитам банков, льготное кредитование через банки-партнеры). При этом абсолютно не развита инфраструктура косвенной поддержки СМП, например, через создание гарантийного фонда и системы предоставления взаимной (контргарантии).

Многие государства пользуются данными инструментами для поддержки СМП в кризисные и посткризисные периоды функционирования экономики. В большинстве стран, в которых функционируют системы предоставления гарантий за СМП по кредитам банков оценили не только значимый экономический эффект от наличия такого инструмента поддержки, но также посчитали ту пользу, которую приносит наличие института гарантирования для самих СМП, кроме доступа к финансовым ресурсам. Так, если подходить с точки зрения общих экономических показателей СМП в странах ЕС (совокупных активов, продаж, занятости, инновационной деятельности (аппроксимируемой через нематериальный капитал), прибыли, производительности и выживания фирм), то можно сделать определенные выводы о том, как развивались те СМП, которые получили финансовую поддержку в виде гарантии и те, которые такой поддержки не получили [1]. Для сравнения брались схожие по экономическим показателям фирмы до получения гарантий. Основные итоги после проведения анализа:

- с точки зрения совокупных активов, продаж и занятости после получения кредита под гарантию СМП росли быстрее, чем те СМП, которые не получали такого кредита;

- экономический эффект колеблется от 7% до более чем 35% для общих активов, от 6 до 35% для продаж (или оборота) и от 8 до 30% найма работников;

- наблюдалось увеличение на один процентный пункт нематериальных активов через пять лет после предоставления гарантии. Данный положительный эффект можно признать является значительным, так как является одной трети средней доли нематериальных активов в общей сумме активов в секторе СМП (Италия и скандинавский страны).

СМП, получившие поддержку, имели больше шансов не обанкротиться после получения поддержки в виде гарантии: к пятому году после по-

лучения кредита вероятность дефолта для СМП, получивших поддержку, оказалась ниже на 4% (Италия, Бенилюкс, страны Северной Европы) и 5% (Франция).

Исследование показало, что финансовая поддержка оказывает больше положительного влияния именно на СМП и молодые компании. Это подтверждает принцип, согласно которому СМП в наибольшей степени подвержены ограничениям в вопросах финансирования. Во Франции, Италии, странах Бенилюкса и Северной Европы эффект был несколько выше для СМП в сфере услуг, чем в обрабатывающей промышленности. Как и предполагалось, чем крупнее кредит и гарантия, тем эффект ярче проявляется, вызывая более значительные положительные эффекты на экономический рост СМП.

Исследователи пришли к заключению, что финансовая поддержка оказывает влияние в среднесрочной (происходит период восстановления) и долгосрочной (общий рост производительности) перспективе. Было выявлено, что финансовая поддержка не оказывает существенного влияния на доходы СМП в течение первых пяти лет после получения поддержки.

При всех своих положительных и отрицательных сторонах система кредитных гарантий, при правильном подходе, может существенно повлиять на развитие сектора СМП в регионе. Однако гарантийный фонд, являясь в первую очередь институтом финансовой поддержки, вынужден постоянно привлекать финансовые ресурсы для эффективного функционирования. В случае создания гарантийного фонда в Республике Беларусь, чтобы избежать тех проблем, с которыми сталкивались некоторые страны, приведшие к краху системы гарантирования, необходимо предусмотреть создание механизма, который будет способствовать развитию и эффективному функционированию гарантийного фонда, при этом не будет являться обременительным для государства и бюджета.

Одним из таких механизмов является система встречных гарантий или контргарантирование. Суть встречной гарантии (контргарантии) заключается в том, что при наступлении гарантийного случая и выплаты гарантийным фондом в пользу Банка денежных средств за СМП, издержки гарантийного фонда, после определенных процедур, частично или полностью покрываются институтом встречной гарантии (контргарантирования) (рис. 1).

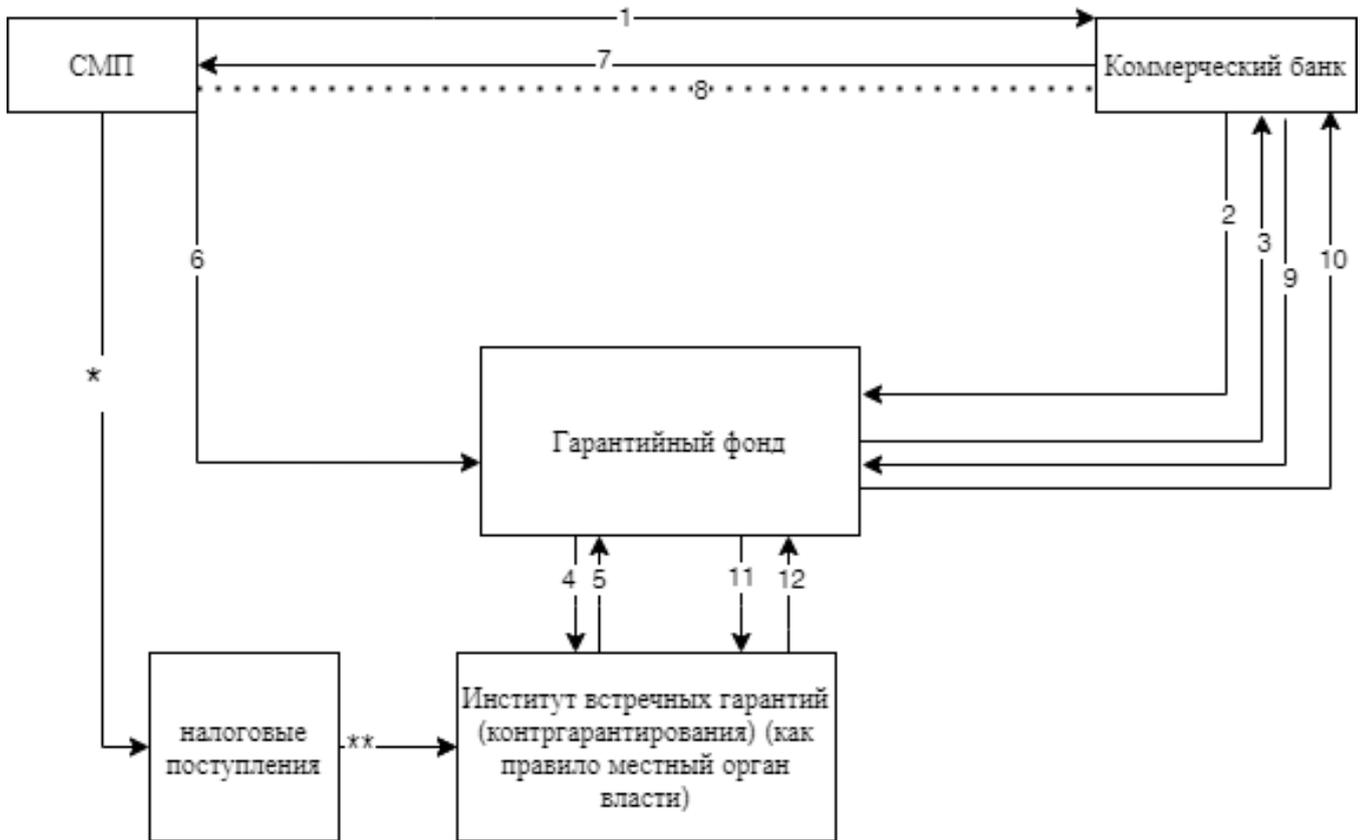

Рис. 1. Схема работы гарантийного фонда, банка, СМП и института встречных гарантий (контргарантирования)

Примечания:

- 1 – Обращение СМП за кредитом в Банк;
- 2 – Обращение коммерческого банка в гарантийный фонд за выдачей гарантии;
- 3 – Ответ гарантийного фонда о выдаче гарантии (в случае отрицательного ответа банк сам решает кредитовать или не кредитовать СМП);
- 4 – Обращение гарантийного фонда в институт взаимной гарантии (контргарантирования) за предоставлением встречной гарантии;
- 5 – Ответ института контргарантирования (в случае отрицательного ответа гарантийный фонд сам принимает решение о выдаче гарантии без встречной гарантии);
- 6 – Уплата комиссии гарантийному фонду за предоставление гарантии СМП;
- 7 – Предоставление кредита банком СМП;
- 8 – СМП не выполняет обязательства перед банком по выплате основного долга;
- 9 – Обращение банка в гарантийный фонд с требованием возместить потери банка за СМП (частичное погашение в соответствии с договором);
- 10 – Возмещение потерь банка за СМП;

- 11 – Обращение в институт взаимной гарантии (контргарантирования) за возмещением потерь гарантийного фонда (частичное погашение);
- 12 – Частичное погашение потерь гарантийного фонда;
- * – Уплата СМП налогов в бюджет;
- ** – Предоставление из бюджета денежных средств институту взаимных гарантий (контргарантирования).

Данный механизм фактически является способом государственной поддержки гарантийного фонда, направленный на снижение рисков, связанных с формированием гарантийного капитала. Создание института встречных гарантий (контргарантирования) позволит небольшими финансовыми ресурсами с помощью «эффекта рычага» нарастить гарантийный портфель и способствовать развитию всего сектора СМП. Явным преимуществом данной схемы работы является то, что государству не нужно физически отдавать напрямую денежные средства ни СМП, ни коммерческим банкам. Оплата происходит только в случае дефолта, а это значит, что при выстроенной системе риск-менеджмента и правильной организации работы отбора и анализа заявок СМП можно сократить до минимума реальные государственные расходы на поддержку СМП при значительном увеличении объемов реального финансирования СМП со стороны банков. Кроме того, система встречной гарантии позволяет минимизировать риски дефолта, т.к. анализ заявки СМП, кроме коммерческого банка будут проводить и гарантийный фонд, и институт контргарантирования. Механизм встречных гарантий может быть выстроен как на национальном уровне (республиканском и местном), так и наднациональном уровне. Существуют системы контргарантирования, созданные ассоциациями гарантийных фондом (FOGAPE в Чили, FEI в Европейском союзе, гарантийный фонд MERCOSUR в Латинской Америке, гарантийный фонд FLAG на африканском континенте). Кроме того, существуют и важные институты встречных гарантий в национальных системах (CERSA в Испании и SPGM в Португалии (Guarantee-Systems. Keysfortheirimplementation)). Опыт данных учреждений показывает, что успешные национальные системы контргарантирования, как правило, сосредоточены на местном уровне. Это объясняется тем, что местные власти лучше других понимают потребности СМП и способны оценить реальный вклад каждого отдельного СМП в развитие своего региона. Так же данное условие является немаловажным с точки зрения оценки рисков. Как правило, местные органы власти лучше осведомлены о деятельности СМП в своем регионе, чем государственные органы республиканского значения.

Экономический эффект от создания и функционирования институтов контргарантирования можно оценить, изучив практику работы схожих институтов за рубежом.

В Европейском союзе ключевым механизмом встречных гарантий является система EIF. Данный институт предоставляет контргарантии национальным гарантийным фондам, которые в последствии предоставляют гарантии в пользу банков за СМП [2].

Таблица 2. Работа институтов гарантирования и контргарантирования в Европейском союзе на конец 2016 г., млрд евро

Страна (регион)	Сумма гарантий (контргарантий)	Фактическая сумма выданная банками на поддержку СМП
Австрия	239	1568
Бельгия	150	1075
Кипр	77	159
Дания	191	802
Финляндия	10	595
Франция	1069	11 101
Германия	887	6918
Греция	173	579
Ирландия	63	230
Италия	1476	15 030
Люксембург	60	124
Мальта	68	149
Нидерланды	60	1514
Португалия	445	1193
Словения	17	359
Испания	3093	13 380
Швеция	204	1021
Великобритания	101	510
Международные институты поддержки	144	291
Общая сумма для стран Западной Европы	8527	56 600
Общая сумма по всем странам ЕС	9949	63 869

Принимая во внимание существующий опыт работы систем встречных гарантий (контргарантирования) в ЕС, можно с уверенностью сказать, что данный механизм позволяет относительно небольшими финансовыми ресурсами обеспечить доступ СМП к банковскому кредитованию (таблица 2), что в свою очередь будет способствовать развитию всего сектора СМП, которые смогут оказывать еще больший положительный эффект на экономику Республики Беларусь, и позволит скорейшими темпами достичь поставленных целей устойчивого развития, а именно направлению «Создание устойчивой инфраструктуры, комфортной и конкурентоспособной бизнес-среды».

Одной из главных причин осторожного подхода государства к вопросам финансовой поддержки СМП является постоянный дефицит бюджетных средств. Понимая, что в сегодняшних реалиях будет невозможно изыскать из государственного бюджета средства для формирования гарантийного и контргарантийного капитала, нами предлагается перенаправить уже выделенные средства государственной финансовой поддержки местных органов власти (облсполкомов и минского городского исполкома), выделяемые на выполнение государственных программ «Малое и среднее предпринимательство» 2013–2015 и 2016–2020 годы, которые не были освоены и на половину, а следовательно могут быть признаны неэффективными, на развитие потенциально эффективных мер и видов государственной финансовой поддержки СМП. Так, предлагается наделить облисполкомы и Минский городской исполком полномочиями выступать контргарантами по выданным Белорусским фондом финансовой поддержки гарантиям, а в последующем выступать контргарантом в пользу гарантийного фонда. При этом нам видится установление ряда важных условий, при которых местные органы власти могут предоставлять контргарантии. Например, особо важно предусмотреть объем контргарантии к гарантии. На наш взгляд, необходимо установить следующее правило: объем контргарантии (в процентном отношении) не может превышать объема гарантии. Это означает, что если гарантия покрывает 60% кредита, то контргарантия покрывает 60% гарантии. Данное правило необходимо по той же причине, что и правило, по которой гарантийный фонд не должен покрывать 100% обязательств СМП. Оно вытекает из того, что, выступая гарантом только частично, институт предоставления гарантии или контргарантии стимулирует своего контрагента более профессионально подходить к анализу заявки, так как контрагент в случае дефолта СМП будет нести реальные убытки.

Следующим важным моментом является обязательное условие нахождения СМП физически (его торговых точек, производства и пр.) на территории конкретной административно-территориальной единицы (да-

лее – АТЕ), которая выступает контргарантом. Именно в этой АТЕ СМП должен заниматься предпринимательской деятельностью, уплачивать налоги, создавать рабочие места, улучшать благосостояние региона.

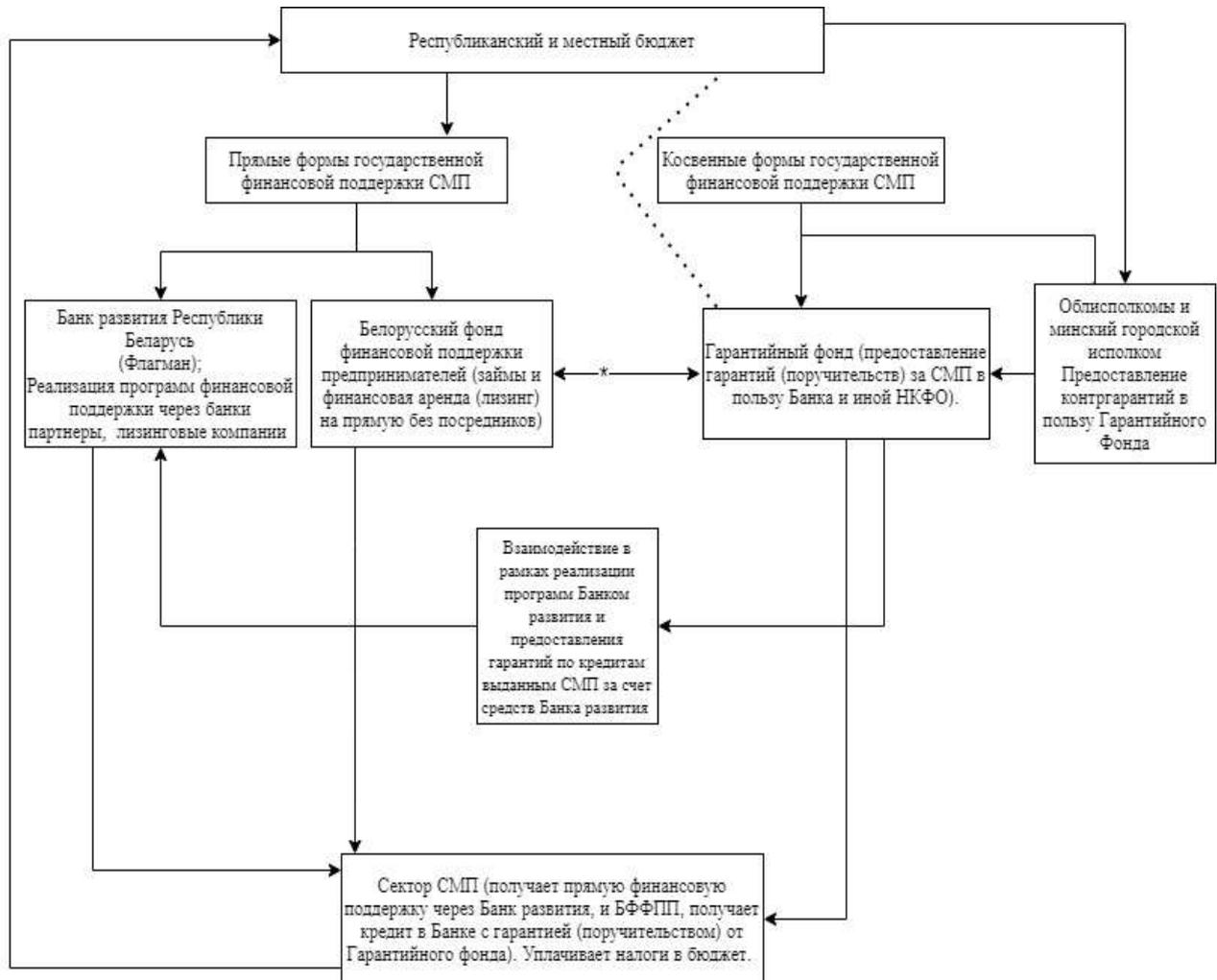

Рис. 2. Структура потенциально эффективных мер государственной финансовой поддержки субъектам малого предпринимательства в Республике Беларусь

Примечания:

1 – До момента создания гарантийного фонда как отдельной организации функции гарантийного фонда будет выполнять Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей на базе пилотного проекта «Гарантийный фонд».

2 – «.» – Данной линией показано формирование гарантийного капитала на этапе создания гарантийного фонда. В дальнейшем государство должно решать, каким способом оно будет и будет ли вообще предоставлять финансовые ресурсы гарантийному фонду для реализации им своих функций.

Своевременная уплата налогов в бюджет так же является важным условием, при котором местным органом власти будет приниматься решение о конечной уплате контргарантии. Важно понимать, что в случае возникновения проблем у СМП по выплате заемных средств банку у него параллельно возникают проблемы в уплате обязательных платежей (налогов, заработной платы и пр.). В данной ситуации важно предусмотреть механизм, который бы позволял сделать вывод о добросовестности СМП до наступления проблем. Если у СМП не имелось случаев просрочки обязательных платежей и он добросовестно выполнял взятые на себя обязательства, то местный орган власти обязан будет выплатить сумму контргарантии гарантийному фонду. Необходимость мониторинга добросовестности СМП в вопросах уплаты обязательных платежей, в том числе и налогов, играет важное значение. Именно через бесперебойную уплату обязательных платежей СМП формируется контргарантийный капитал. СМП, работая в регионе, выполняет, кроме основной предпринимательской функции, много других, в том числе социальной и функции усиления имиджа местной власти. СМП через свой труд и заработок помогает становиться лучше региону, а тот в свою очередь должен прийти к нему на помощь в случае возникновения сложной экономической ситуации.

Предлагаемая нами структура потенциально эффективных мер государственной финансовой поддержки субъектам малого предпринимательства в Республике Беларусь представлена на рис. 2.

Предлагаемая структура будет способствовать расширению доступа СМП к финансовым услугам, в том числе к недорогим кредитам, и усиливать их интеграцию в производственно-сбытовые цепочки и рынки.

Литература

1. Brault, J., Signore, S. The real effects of EU loan guarantee schemes for SMEs: a pan European assessment / J. Brault, S. Signore [Electronic resource] : European investment fund. – Luxembourg, June 2019. – Working Paper 2019/56. – Mode of access: https://www.eif.org/news_centre/publications/EIF_Working_Paper_2019_56.pdf. – Date of access: 10.04.2021.

2. Chatzouz, M., Gereben, A., Lang, F., Torfs, W. Credit Guarantee Schemes for SME lending in Western Europe [Electronic resource] :European investment bank. – EIB Working Papers, 2017. – Mode of access: https://www.eib.org/attachments/efs/economics_working_paper_2017_02_en.pdf. – Date of access: 12.04.2021.

3. Декларация генеральной ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 го-

да» от 25 сентября 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 6–99.

5. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2016 г., №149 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600149&p1=1>. – Дата доступа: 22.03.2021.

6. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 января 2021 г., №56 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/gos-progr-2021-2025/gos-progr-na-2021-2025.pdf>. – Дата доступа: 22.03.2021.

7. Сангинова Л.Д. Государственная финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства: действующая практика и направления совершенствования // Экономика региона: новые вызовы: сборник научных статей по материалам междунар. научно-практ. конф. – М. – 2016. – С 4–11.

Veraksa S.A., PhD student
Belarusian State University of Economics,
deputy head of department
Belarusian Fund for Financial Support of Entrepreneurs
Ser.ver1991@mail.ru

IMPROVING THE INFRASTRUCTURE OF FINANCIAL SUPPORT FOR SMALL BUSINESSES AS A DRIVER FOR THE IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Abstract. The article presents the main points of development of small and medium-sized enterprises in the Republic of Belarus in the context of achieving sustainable development goals. The situation of financial support for small and medium-sized enterprises has been analysed. A counter-guarantee mechanism aimed at reducing risks and increasing the availability of financial

resources in lending investment projects has been proposed. An author's concept for the development of a system of financial support for small and medium-sized enterprises in the Republic of Belarus has been developed to ensure the achievement of sustainable development goals.

Keywords: Small and medium-sized enterprises; sustainable development goals; financial support; support for small and medium-sized enterprises; guarantee fund; development bank; financial institution; support infrastructure for small and medium-sized enterprises;

Коновалов Д.Л., аспирант
Институт экономики Национальной
академии наук Беларуси
pochta.dionis@mail.ru

РАЗРАБОТКА И ПОСТРОЕНИЕ АВТОРСКОЙ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. С учетом характерных особенностей отечественной корпоративной практики, для совершенствования системы корпоративного управления и создания внутреннего механизма ее оценки, в статье предлагается методика оценки качества корпоративного управления.

Ключевые слова: оценка корпоративного управления, корпоративная социальная ответственность, сбалансированное соблюдение интересов, система корпоративного управления.

Внедрение передовых мировых практик корпоративного управления во всех стратегически значимых организациях и укрепление их хозяйственной самостоятельности предусмотрено Программой социально-экономического развития Республики Беларусь. При этом, как показывает исследование необходимо учитывать, высокую концентрацию собственности и доминирующую роль в управлении компаниями мажоритарных акционеров в лице государства, а так же преимущественно холдинговый тип объединения значимых для отечественной экономики организаций.

Одним из направлений совершенствования отечественной корпоративной практики, по мнению автора, является разработка и применение методики внутренней оценки корпоративного управления которая обеспе-

чит реализацию современных международных принципов корпоративного управления и позволит осуществить комплексную и всестороннюю оценку корпоративной практики через сбалансированную систему количественных и качественных показателей.

Интеграция современного механизма и методики оценки корпоративной практики во внутреннюю среду системы корпоративного управления представляется значимым фактором повышения ее эффективности, так как позволяет осуществлять в широком фокусе корпоративных задач и интересов диагностику ее текущего состояния и эффективное функционирование основных ее элементов, а также способствовать системному и своевременному выявлению ее слабых мест.

Согласно авторской методике, ключевым и фундаментальным аспектом, определяющим концепцию функционирования и эффективность системы корпоративного управления, является обеспечение баланса интересов всех заинтересованных лиц в процессе корпоративных отношений. При этом интересы собственников, менеджмента высшего и среднего уровней и трудовых коллективов, как показывает исследование, могут быть как в согласованном, так и конфликтном состоянии [2].

В общем виде система интересов субъектов корпоративных отношений, представленная на рис. 1, отражает их укрупненный состав в зависимости от принадлежности к внутренней или внешней среде организации, а также перечень основных преследуемых интересов, которые в соответствии с авторской методикой агрегируются в соответствующие блоки экономических, социальных, экологических и общекорпоративных интересов.

Данная схема отражает систему интересов характерных отечественной корпоративной практике, а именно, преимущественно холдинговому типу объединений с преобладающей долей государственного и долей государственного участия в управлении и владении организациями. На основании данных рисунка 1 можно подчеркнуть, что интересы государства в лице основного собственника согласуются с общей тенденцией мировой практики корпоративного управления, в частности: соблюдение правовых и этических норм, социальной ответственности и экологической безопасности в купе со стремлением к поступательному экономическому росту и развитию институциональной корпоративной среды.

Опираясь на данное положение, методика сбалансированной оценки деятельности при соблюдении интересов субъектов корпоративных отношений и, в частности, государства, представляется широким перечнем индикаторов количественного (как абсолютного, так и относительного) и качественного характера развития ключевых сфер функционирования промышленных предприятий.

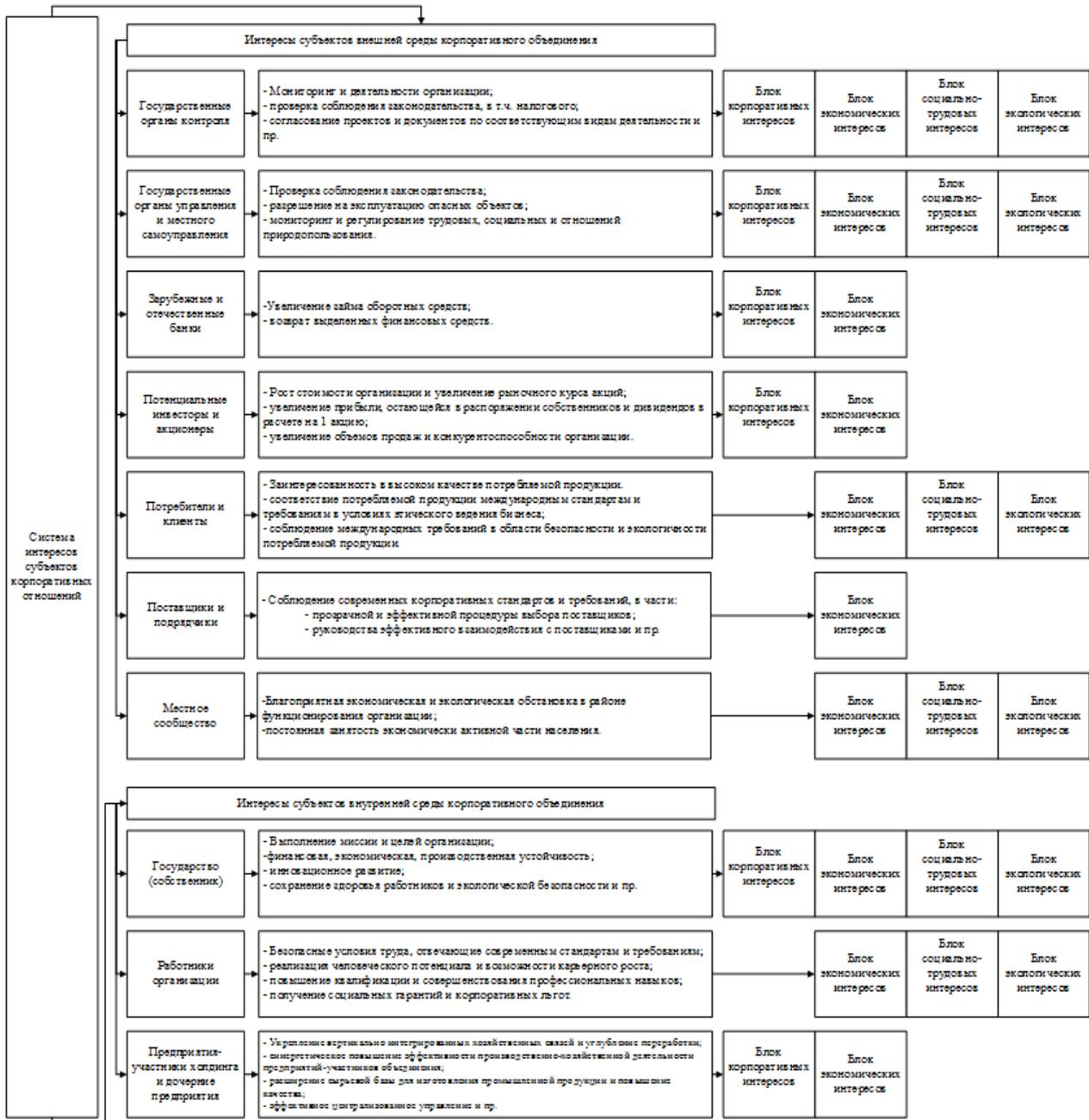

Рис. 1. Система интересов субъектов внутренней и внешней среды корпоративной организации с долей государственной собственности в современных условиях

Примечание: разработано автором.

Как видно из рис. 1, единственным и ключевым блоком, объединяющим интересы всех участников корпоративных отношений (собственника, менеджеров различных уровней, персонала организации, субъектов внешней среды и пр.), является блок экономических интересов. Согласно проведенному анализу литературных источников, экономические интере-

сы традиционно заключаются в повышении рентабельности организации, обеспечении и поддержании кредито- и платежеспособности, росте инвестиционной активности и пр.

На основании проведенного анализа и выявленных характерных особенностей корпоративных объединений промышленности, приведем обоснование и выборку показателей, характеризующих сбалансированное состояние экономических интересов субъектов корпоративных отношений в данных организациях. Так, с целью последующего агрегирования показателей характеризующих сбалансированное соблюдение экономических интересов стейкхолдеров организации в качестве ключевых направлений предлагается рассматривать: финансовые интересы, маркетинговые, производственно-технологические, организационные и инвестиционные интересы.

Следуя сформулированным принципам построения системы оценки, в соответствии с современной международной практикой, для оценки обеспечения финансовых интересов участников корпоративных отношений приняты абсолютные и относительные коэффициенты, отражающие:

- эффективное использование капитала объединения;
- текущее финансовое состояние и вероятность достижения банкротства;
- эффективность использования капитала организации;
- состояние платежеспособности организации, ликвидности ее активов и пр.

В качестве составного элемента предлагаемой модели, входящим в блок экономических интересов субъектов корпоративных отношений, предлагается рассматривать перечень интересов маркетинговой направленности. В этом ключе количественная оценка качества корпоративного управления будет свидетельствовать об уровне конкурентоспособности организации на отраслевом рынке, а также эффективности маркетинговой и сбытовой политики, направленных на достижение и сохранение доминирующего рыночного положения, расширения занимаемых сегментов рынка при увеличении объемов реализации.

Согласно представленной схеме, ключевыми критериями обеспечения сбалансированного состояния маркетинговых интересов являются:

- эффективная маркетинговая и сбытовая деятельность со стороны профильных служб организации, выражающаяся в рациональном использовании средств на их реализацию.

Агрегирование представленных индикаторов в обещающий показатель дает возможность общей оценки соблюдения ключевых маркетинговых интересов стейкхолдеров организации.

Наряду с финансовыми и маркетинговыми составляющими экономических корпоративных интересов стейкхолдеров организации, целесообразно рассматривать, в качестве приоритетного и не менее значимого – производственно-технологический аспект управления. Очевидно, что данный аспект представляется базисным условием эффективной и конкурентоспособной деятельности предприятия, а наличие прогрессивных технологий, обеспечивающий широкий сортамент производства при относительно высокой производительности труда входит в перечень ключевых интересов участников корпоративных отношений.

Системный подход в оценке корпоративной практики предполагает комплексный учет всех аспектов экономических интересов. С этой целью отдельным элементом данного блока выступают организационные интересы субъектов корпоративных отношений.

Одним из элементов модели оценки соблюдения экономических интересов участников корпоративных отношений, так же характеризующийся тесной взаимосвязью с внешней средой организации, является инвестиционный аспект корпоративной практики. В качестве приоритетных целей современной промышленной организации, среди прочих, являются доступ к кредитно-финансовому рынку с последующим эффективным использованием инвестиционных ресурсов и возможностью расширенного воспроизводства.

Таким образом, основные категории экономических интересов стейкхолдеров промышленной корпорации в рамках построения комплексной оценки системы корпоративного управления представлены финансовой, маркетинговой, производственно-технологической, организационной и инвестиционной составляющими. Агрегированный показатель обеспечения экономических интересов анализируемого корпоративного объединения находится посредством среднегеометрической промежуточных обобщающих показателей.

Наряду с этим, в соответствии с принятым подходом, предполагающим комплексный сбалансированный подход в достижении и обеспечении интересов широкого перечня заинтересованных лиц, в системе сбалансированной оценки корпоративной практики необходимо обосновать индикаторы оценки социально-трудовых и экологических блоков интересов стейкхолдеров.

Анализ современных корпоративных практик свидетельствует, что надлежащее корпоративное управление вне зависимости от структуры акционерного капитала в той или иной степени придерживается международной концепции корпоративной социальной ответственности. Учитывая культурно-историческое развитие корпоративных отношений в Республи-

ке Беларусь на современном этапе их становления, а так же особенности ее текущего состояния, характеризующиеся преимущественно большей долей участия государства в уставном капитале крупных компаний, корпоративная социальная ответственность является одним из приоритетных интересов и используется в качестве инструмента достижения поставленных целей общереспубликанской социально-экономической политики.

В этом ключе с целью устойчивого функционирования интегрированных корпоративных объединений, при общем балансе с фундаментальными экономическими составляющими, управление компанией должно осуществляться с учетом соблюдения следующих интересов основных заинтересованных участников корпоративных отношений:

- стабильное удовлетворение материальных потребностей работников организации, выражающееся в наличии и относительной доступности высокопроизводительных рабочих мест и получении, соответствующей вложенному труду, заработной платы.

Индикаторы оценки качества корпоративного управления служат для анализа обеспечения социальной защищенности персонала организации при соблюдении баланса интересов остальных стейкхолдеров.

Обеспечение экологической безопасности состоит в неразрывной связи с концепцией корпоративной социальной ответственности и является неотъемлемым атрибутом и индикатором качественного корпоративного управления. Стремление к снижению неизбежного негативного влияния экологически агрессивной промышленной деятельности крупных промышленных объединений представляет интерес широкого круга субъектов корпоративных отношений, как внутренней, так и внешней среды организации и является свидетельством реализации корпоративной политики в области глобального устойчивого развития. Исходя из этого, в модели комплексной оценки качества корпоративного управления предусмотрен мониторинг соблюдения перечня интересов экологической составляющей.

Обобщая вышеизложенное обоснование системы количественных показателей соблюдения интересов субъектов корпоративных отношений в рамках построения комплексной оценки корпоративной практики, следует отметить, что ключевыми аспектами ее построения являются агрегированные блоки экономических и социально-экологических интересов стейкхолдеров организации. В этом ключе значение обобщающего показателя с учетом всех освещенных индикаторов соответствия свидетельствует о степени сбалансированности корпоративной политики.

Тем не менее, согласно проведенному исследованию, система корпоративного управления, как совокупность экономических и управленческих

отношений, обеспечивающих процессы управления и развития интегрированных структур, представляется гораздо более емким предметом, объективная оценка которого не представляется полной без учета ее качественных характеристик.

Важнейшим фактором эффективной деятельности государственных объединений в конкурентной рыночной среде является надлежащий уровень системы корпоративного управления, а именно: системы распределения прав и обязанностей между всеми заинтересованными лицами корпоративных отношений, а также правил и процедур принятия решений. Обеспечение функционирования предприятий с государственным участием в устойчивой конкурентной и регуляторной среде, по мнению Организации экономического сотрудничества и развития, является принципиальным вопросом для поддержания режима открытой торговли и инвестиций, который является основой экономического роста [1].

На этом основании оптимальным и обоснованным действием на пути совершенствования корпоративного управления и разработки всесторонней методики ее оценки, по нашему мнению, является следование руководящим принципам Организации экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР), которые входят в перечень из 12-ти стандартов «наилучшей практики» признанных Международным финансовым сообществом [3].

Качественные характеристики системы корпоративного управления, в соответствии с разработанной методикой, находят свое отражение в блоке общекорпоративных интересов стейкхолдеров организации.

Обобщенная оценка, по вышеизложенным направлением, представляется совокупностью показателей развития отдельных ключевых элементов системы корпоративного управления и служит комплексным индикатором соблюдения общекорпоративных интересов основных ее участников.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что применение данного подхода в периодической оценке и самооценке организации дает представление о качественном состоянии корпоративной практики, которое посредством прослеживается посредством анализа традиционных количественных данных, и дает как комплексное представление о развитии основных ее аспектов, принятых в международной практике, так и их ключевых составляющих, в т.ч.: заинтересованности в развитии системы корпоративного управления, состояния развития ее основных элементов, реализации основных функций органа управления и развития корпоративной информационной политики.

По мнению автора, данная система показателей сбалансированного соблюдения интересов основных участников корпоративной деятельно-

сти, комплексно отображает состояние баланса интересов с учетом их экономической, социально-экологической и общекорпоративной направленности, что дает возможность осуществить глубокий и всесторонний анализ значимых элементов корпоративной системы управления. Кроме того, разработанная методика интегральной оценки, базируется на результатах исследования теоретических основ построения и оценки системы корпоративного управления и позволяет комплексно и системно использовать как количественные, так и качественные показатели эффективности и развития корпоративного управления.

Включение данного элемента в систему периодического управленческого учета послужит нормативной и методической базой для мониторинга, анализа, оценки, прогнозирования и обоснования совершенствования организационной структуры системы корпоративного управления с целью обеспечения устойчивого развития и повышения эффективности функционирования промышленного объединения в интересах всех его участников.

Применение данной методики оценки так же возможно для сравнительного анализа оценки качества корпоративной практики при сбалансированном соблюдении основных интересов как в рамках корпоративных объединений внутриотраслевой, так и разной отраслевой принадлежности, что соответствует принципу универсальности и адаптивности модели. Кроме того, использование данного инструмента оценки позволяет определить агрегированный показатель развития общекорпоративной практики, что дает возможность определять рейтинг развития между отечественными организациями, с учетом состояния общереспубликанской институциональной среды и ее особенностей.

Литература

1. Коновалов Д.Л. Качественная оценка корпоративного управления как инструмент диагностики корпоративной практики // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 13 / [редкол.: В.Ю. Шутилин (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. - Минск : БГЭУ, 2020. - С. 306-315.
2. Молохович М.В. Сущность и виды корпоративных интересов в системе рыночных отношений хозяйствующих субъектов // Новая Экономика. – С. 53.
3. G20/OECD Principles of Corporate Governance (Russian version) [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/g20_9789264252035-ru (дата обращения: 03.11.2021).

Konovalov D.L., PhD student
Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus
pochta.dionis@mail.ru

DEVELOPMENT AND CONSTRUCTION OF THE AUTHOR'S METHODOLOGY FOR ASSESSING THE QUALITY OF CORPORATE GOVERNANCE OF INDUSTRIAL ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. Taking into account the characteristic features of domestic corporate practice, to improve the corporate governance system and create an internal mechanism for its assessment, the article proposes a methodology for assessing the quality of corporate governance.

Keywords: assessment of corporate governance, corporate social responsibility, balanced observance of interests, corporate governance system.

Портнов А.В., аспирант
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Portnov-14@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Аннотация. В статье представлен обзор подходов повышения производительности труда с позиций целей устойчивого развития. Рассмотрен исторический взгляд на производительность труда, а также современный инструментальный повышения производительности труда в разрезе технологических и организационных преобразований.

Ключевые слова: производительность труда; инновации; бережливое производство; экономический рост; организационные изменения.

Введение

Производительность труда является ключевым показателем эффективности экономики на разных ее уровнях. Данный показатель является важным индикатором, который отражает степень развития экономики и производственных сил, а также эффективность использования трудовых ресурсов.

Актуальность изучения производительности труда с позиции повышения добавляет Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года, в котором говорится об увеличении данного показателя к 2024 году не менее чем на 5 % [3].

Проблема повышения производительности труда входит в число важнейших, что подтверждается национальным проектом «Производительность труда и поддержка занятости» сроком реализации до 2024 года [2], в котором в качестве целевого показателя определено достижение эффективности труда и развитие успешного предпринимательства.

В процессе реализации национальной программы, предполагается вовлечение не менее 10 субъектов Российской Федерации каждый год. Национальный проект в первую очередь направлен на решение таких задач как: стимулирование организационных изменений с учетом передовых практик, внедрение технологических решений и модернизация основных фондов предприятий. При этом планируется минимизировать нормативно-правовые и административные барьеры, которые препятствуют росту производительности на предприятиях. Также в рамках национального проекта планируется сформировать систему организационной и методической поддержки и подготовки кадров с использованием передовых цифровых и платформенных решений.

Объектом данного исследования является производительность труда. Предметом является способы повышения производительности.

Научная новизна работы состоит в обобщении разных подходов к повышению производительности труда с учетом исторического опыта.

Практическая значимость состоит в возможности использовать выявленные положения в дальнейших исследованиях, посвященных изучению производительности труда не только с позиции экономической категории, но и с точки зрения методики ее измерения в условиях цифровизации экономики.

Существенный вклад в изучении производительности труда внесли Кузнецова М.Н. [6], Волчков В.Н. [3], Миронова В.Н. [7], Радостева М.В. [9] и др. Данные авторы рассматривали в своих работах производительность труда с позиции фактора повышения эффективности. Другие авторы, такие как Одегов Ю.Г., Разинов А.Е. [8], Шаш Н.Н., Бородин А.И. [12] и др., анализировали возможности измерения производительности на микро- уровне.

Большой вклад в развитие такой экономической категории как производительность труда привнес А. Смит. Основоположник классической школы был первопроходцем в выделении главной роли труда в создании благ, а также ввел понятие производительности труда. [11, с. 89]. В своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» [11]

А. Смит рассматривал повышение производительности труда не только ввиду разделения труда, но и с использованием машин и профессионализмом работников [11, с. 253]. Несомненным фактом является то, что последующие исследования производительности труда будут отталкиваться от положений А. Смита.

Справедливо отмечает в своей статье М.В. Радостева: «Макроэкономическое значение роста производительности труда заключается в возможности осуществления контроля за социально-экономическими изменениями в соответствии с изменяющимися условиями рынка. Рост производительности труда является средством ослабления инфляции в экономике, а также источником реализации мер, направленных на социальное развитие» [9, с. 4].

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) измеряет производительность труда с помощью индексов, которые рассчитываются отношением физического объема ВВП к совокупным затратам на производство товаров и оказание услуг. Динамика производительности труда с 2008 г. по 2019 г. представлена на рис. 1.

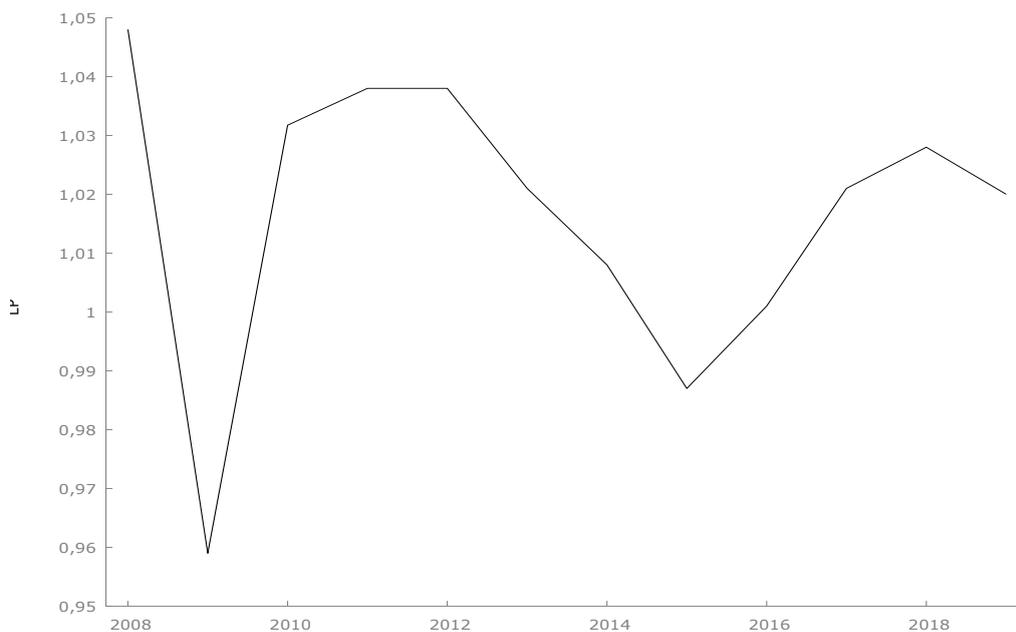

Рис. 1. Индекс производительности труда 2008 – 2019 гг. в РФ

В соответствии с тематическими направлениями Международной организации труда (Далее - МОТ), вопросам производительности труда соответствуют задачи 2.3 и 2.4 которые касаются сельского хозяйства, а также задача 8.2 по части совокупной факторной производительности. Такое пристальное внимание вопросу повышения производительности труда со стороны МОТ подчеркивает актуальность изучения данной категории с позиции повышения.

Если взглянуть на советский опыт в вопросах повышения производительности, то стоит отметить, положения, которые были изложены в документе «О мерах по обеспечению дальнейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве», утвержденном постановлением ЦК КПСС от 22.12.1986 [10]. В данном документе с самого начала говорится об повышении материального благосостояния и производительности труда во всех отраслях народного хозяйства. В качестве причин снижения темпов роста производительности выделялись: систематическое невыполнение заданий по внедрению нового высокопроизводительного оборудования и отсутствие комплексной автоматизации производств. Повышение производительности труда в соответствии с приведенным выше документом предполагалось за счет внедрения нового оборудования и технологий с параллельным повышением квалификации трудовых ресурсов.

Стоит отметить, что принципы и способы увеличения производительности труда в советское время и сейчас в условиях рынка остались прежними. Наглядно это видно из задачи 8.2 ЦУР МОТ, в которой говорится о повышении производительности труда в экономике с помощью технической модернизации и инноваций. При этом способ поддержания производительности МОТ заключается в реинвестировании прибыли в инновации и модернизацию с параллельным повышением квалификации трудовых ресурсов, что полностью соответствует советскому опыту.

Между добавленной стоимостью и производительностью труда существует прямая зависимость. При наращении добавленной стоимости происходит повышение производительности. В свою очередь, производительность показывает насколько эффективно используются ресурсы, а также выступает мерилем экономического роста на разных уровнях.

В своей статье И.В. Краснопевцева отмечает: «Проблема роста производительности труда в производственной сфере экономики была и в настоящее время остается актуальной, т.к. от результатов деятельности производственных предприятий зависят как уровень развития всего государства, так и удовлетворение общественных потребностей. Однако, как показывает практика, повышение производительности труда на предприятиях является процессом сложным и неоднозначным, очень зависимым от человеческого фактора производства, трудовые усилия которого и определяют ее уровень» [5, с. 2].

Стоит отметить, что повышение производительности труда возможно не только за счет внедрения современного оборудования и новых технологий, но и за счет организационных изменений.

Современные подходы повышения производительности базируются на принципах снижения потерь, а именно снижении сбоев, простоев произ-

водства и уменьшения производственных тактов. Одним из наиболее популярных инструментов организационных преобразований является бережливое производство (*Lean*). Основой данного инструмента является минимизация потерь с параллельными изменениями типа мышления как руководства компании, так и рабочих. Внедрение инструментов бережливого производства оказывает влияние на показатель производительности за счет оптимизации организации производственных процессов, снижения ошибок и брака, а также сокращения потерь времени и ресурсов.

Заключение

Как следствие из выше сказанного, производительность труда является одним из основных показателей эффективного функционирования экономики предприятия, региона и страны в целом. Подходы используемые в советское время к повышению производительности на местах в целом не подверглись концептуальным изменениям в современности. Способы и принципы повышения производительности достигаются за счет поступательного развития новых технологий и их внедрения, а также за счет организационных преобразований.

Производительность труда является мерой экономического роста. Производительность растет с увеличением уровня ВВП, но при этом заработные платы остаются на низком уровне. Снижение показателя производительности труда происходит при параллельном повышении уровня заработных плат и ВВП. Рост производительности может сопровождаться вытеснением либо исчезновением трудовых ресурсов за счет автоматизации различных производственных процессов. Безусловно, новые технологии, цифровая трансформация и автоматизация могут существенно менять рынок трудовых ресурсов, но в долгосрочной перспективе нововведения компенсируют вытеснение рабочих мест путем создания новых в других отраслях и секторах.

Производительность труда с позиций макроэкономики отражает конъюнктуру социально-экономических изменений, которые происходят в экономике отдельного предприятия, региона и страны в целом. В качестве одного из совокупных способов повышения производительности можно выделить реинвестирование прибыли в инновации и модернизацию с параллельным повышением квалификации трудовых ресурсов, а также проведение организационных изменений по части внедрения концепций бережливого производства. Предполагается, что синергия технологических и организационных изменений позволяет добиться высокой производительности в рамках предприятия.

В качестве направления для будущих исследований стоит выделить проблему измерения показателя производительности труда для макро- и микроуровня.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» URL:<http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/2> (Дата обращения 14.04.2021)
2. Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» утвержден Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/172bbcafd00605246f9db6834d7a7461/Passport_NP.pdf (Дата обращения 14.04.2021)
3. Волчков В.Н. К вопросу о производительности труда в России // Мир науки и образования. 2016. №1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-proizvoditelnosti-truda-v-rossii> (дата обращения: 01.02.2021).
4. Данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>(дата обращения: 01.02.2021).
5. Краснопевцева И.В. Концептуальные подходы к управлению производительностью труда // Вестник СГТУ. 2013. №1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-podhody-k-upravleniyu-proizvoditelnostyu-truda> (дата обращения: 27.04.2021).
6. Кузнецова М.Н. Производительность труда как организационный фактор повышения эффективности промышленного предприятия // Вестник ВГТУ. 2014. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvoditelnost-truda-kak-organizatsionnyy-faktor-povysheniya-effektivnosti-promyshlennogo-predpriyatiya> (дата обращения: 20.04.2021).
7. Миронова В.Н. Производительность труда как фактор повышения конкурентоспособности экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvoditelnost-truda-kak-faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-ekonomiki-rossii>(дата обращения: 13.01.2021).
8. Одегов Ю.Г., Разинов А.Е. Актуальные вопросы измерения производительности труда и результативности деятельности // Нормирование и оплата труда в промышленности. 2015. № 4. С. 17–24
9. Радостева М.В. К вопросу о производительности труда // Экономика. Информатика. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-proizvoditelnosti-truda-2> (дата обращения: 12.04.2021).
10. Сборник методических документов по планированию стандартизации. – Москва: Издательство стандартов 1986 г. URL: <https://pdf.standartgost.ru/catalog/Data2/1/4294812/4294812317.pdf>(Дата обращения 01.03.2021)

11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1935. – 475 с.

12. Шаш Н.Н., Бородин А.И. Показатели и способы измерения производительности труда и возможность их применения на предприятиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. №3 (148). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-i-sposoby-izmeneniya-proizvoditelnosti-truda-i-vozmozhnost-ih-primeneniya-na-predpriyatiyah> (дата обращения: 06.02.2021)

Portnov A.V., PhD student
Saint Petersburg State University of Economics
Portnov-14@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF INCREASING LABOR PRODUCTIVITY

Abstract. The article provides an overview of approaches to increasing labor productivity from the standpoint of sustainable development goals. The historical view of labor productivity is considered, as well as modern tools for increasing labor productivity in the context of technological and organizational transformations.

Keywords: labor productivity; innovation; Lean; the economic growth; organizational changes

Ватолина М.А., магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
Потапов С.С., магистрант
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский университет

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В статье поднимаются вопросы институционализации государственного управления, ориентированного на достижение целей устойчивого развития (ЦУР) в странах Содружества Независимых Государств (СНГ). На основании анализа документов авторы выделяют ряд ак-

туальных проблем, к которым относятся: незакрепленная за конкретными органами государственного управления ответственность за достижение ЦУР; отсутствие координирующего органа во властных структурах, отвечающего за синхронизацию усилий государства по достижению целей устойчивого развития; отсутствие в ряде стран программных документов и дорожных карт по внедрению целей в повестку государственного управления, дублирование государственными органами функций по достижению ЦУР, отсутствиерегулярной отчетности.

Ключевые слова: государственное управление, Цели устойчивого развития, Содружество Независимых Государств.

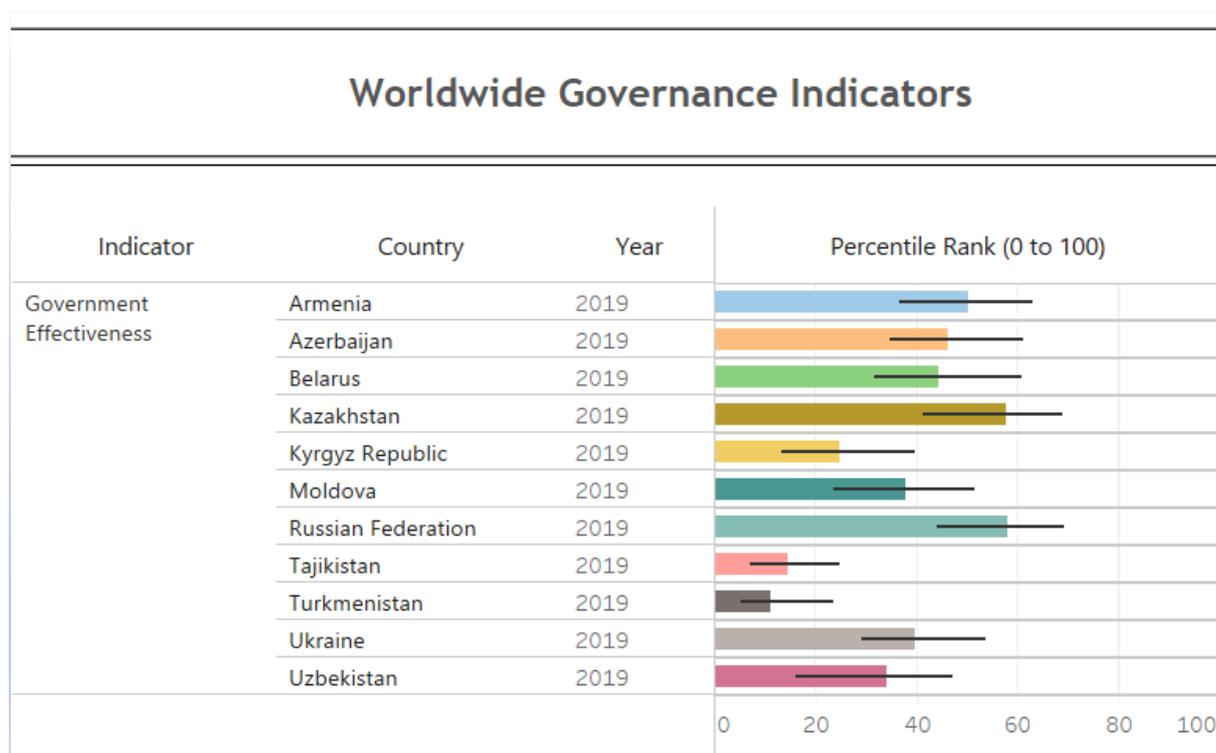
Целью исследования является обобщение и сравнение усилий, предпринимаемых странами СНГ, по институционализации государственного управления в контексте достижения целей устойчивого развития. Поставленная задача решалась путем проведения качественного контент-анализа национальных документов и применения сравнительного анализа.

25 сентября 2015 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке мировые лидеры приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Государства-участники СНГ, также входящие в ООН, приступили к реализации поставленных целей. Согласно Индексу прогресса по Целям устойчивого развития в авангарде достижения ЦУР находится Швеция [13]. Во многом успех страны в достижении целей связан с усилиями государственных органов. Так, Правительством Швеции разработан План действий по Повестке до 2030 года с указанием роли государственных учреждений и других заинтересованных сторон, учрежден Научный совет по устойчивому развитию, который призван служить платформой для диалога между правительством и научным сообществом, создана национальная система мониторинга, скоординировавшая сбор статистических данных о выполнении Швецией Повестки 2030 [17]. Достижение ЦУР находится во главе угла в таких странах как Финляндия, Дания и Франция, места в рейтинге достижения целей которых оцениваются так же высоко [13]. ЦУР в этих странах закреплены в нормативной базе, над Повесткой ведут постоянную работу специализированные органы власти. В Российской Федерации такие органы только создаются.

Группой Всемирного банка для оценки качества эффективности государственного управления используются Всемирные индикаторы управления (Worldwide Governance Indicators). Данные аккумулируются Всемирным банком из ряда исследовательских институтов, аналитических центров, неправительственных организаций, международных организаций и фирм частного сектора. Для измерения показателей используется методи-

ка Всемирного банка на основе 400 переменных [16]. Рейтинг строится на следующем принципе: чем больше количество баллов, полученных страной, тем положительнее оценивается ее деятельность по конкретному индикатору. Всемирные индикаторы управления не отражают официальную точку зрения Всемирного банка. Оценка строится по шести индикаторам, которые охватывают такие темы как: гласность и подотчетность, политическая стабильность и отсутствие насилия, эффективность государственного управления, качество регулирования, верховенство закона и борьба с коррупцией. Для сравнения государственного управления в странах СНГ был выбран такой индикатор, как эффективность государственного управления. Позиции стран в рейтинге по этому индикатору формируются на основе оценки результатов хозяйственной деятельности государства по вопросам организации государственного управления, выработки и реализации государственной политики как в целом, так и по отдельным ключевым направлениям деятельности (инфраструктура, экономическая, социальная деятельность государства и др.), качества и удовлетворенности населения работой правительства.

Таблица 1. Индекс эффективности государственного управления*

*Источник: URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>
(Дата обращения: 28.04.2021)

В таблице 1. представлен рейтинг стран СНГ по индикатору «Эффективность государственного управления» [14]. Эксперты Всемирного банка

оценивают наиболее высоко эффективность государственного управления в таких странах как Казахстан и Россия. Напротив, наименьшие оценки имеет деятельность правительств Таджикистана и Туркменистана.

Вместе с тем, в ходе сравнительного анализа выявлено, что в Таджикистане и Туркменистане не были приняты меры по синхронизации направлений государственной политики в области достижения ЦУР.

Таджикистан инициировал подготовку Добровольного национального обзора (ДНО) в 2017 году [11]. В стране была проведена Быстрая оценка взаимосвязи ЦУР с национальными стратегическими документами и секторальными политиками. В 2018 был представлен Национальный доклад о ходе реализации стратегических документов страны в контексте Целей устойчивого развития [3]. Указом Президента был образован Совет национального развития при Президенте Республики Таджикистан, целью создания которого является обеспечение координации сотрудничества всех заинтересованных сторон в вопросах национального развития Республики [1].

Туркменистан представил свой первый Добровольный национальный обзор в 2019 году [5]. В стране создана Национальная рабочая группа по вопросам достижения ЦУР. Министерство финансов и экономики Туркменистана осуществляет общую координацию деятельности по мониторингу исполнения ЦУР, включая имплементацию, сбор данных и отчетность. В Институте международных отношений МИД Туркменистана создан Учебно-методический центр по ЦУР.

Обратимся к опыту стран, эффективность государственного управления которых Группа Всемирного банка оценивает как высокую.

В 2018 году в Республике Казахстан создана архитектура координации реализации ЦУР: Координационный совет по Устойчивому развитию при Правительстве и пять межведомственных рабочих групп. В состав каждой структурной единицы вошли представители государственного, негосударственного секторов и международных организаций [12]. В 2019 году были запущены два национальных интернет-ресурса, позволяющих ознакомиться с достижениями, а также с действующими программами по 17 целям. В 2019 году был презентован ДНО по реализации целей устойчивого развития в Казахстане.

На данный момент Россия не имеет столь разветвленной координирующей государственной структуры, отвечающей за реализацию ЦУР, как некоторые соседи по СНГ. Принято считать, что министерства отвечают за реализацию целей, в то время как правительство отвечает за их скоординированность [7]. Органы власти осуществляют государственную политику, направленную на достижение целей, в рамках имеющегося распределения полномочий. Мониторинг достижения ЦУР и координация фор-

мирования и представления в международные организации официальной статистической информации по показателям достижения ЦУР Российской Федерации осуществляются Федеральной службой государственной статистики (Росстат). Одними из первых комплексный анализ и адаптацию Целей устойчивого развития ООН для России провели эксперты Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации (АЦ) в 2016 г. Результаты этой работы были опубликованы в докладе «Цели устойчивого развития ООН и Россия» [8]. Аналитический центр продолжил работу по подготовке докладов о человеческом развитии в Российской Федерации, в результате которой были опубликованы доклады «Экологические приоритеты для России» (2017 г.) [9] и «Человек и инновации» (2018 г.) [10]. Россия впервые представила Добровольный национальный обзор в 2020 году, подготовка, организация экспертных обсуждений, выработка основных тезисов и свод обзора осуществлялись Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации. Для наполнения ДНО были созданы 17 тематических рабочих групп, каждая из которых отвечала за одну цель [4].

Необходимость создания четкой системы управления с обозначением ответственности за реализацию ЦУР подчеркивается и экспертами Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. В качестве предложений звучит создание Проектного офиса на базе Министерства экономического развития, в сферу ответственности которого легли бы вопросы контроля и мониторинга, взаимодействия с региональными органами власти, вовлечение общественности и популяризация Повестки 2030. Ответственность за мониторинг прогресса в достижении ЦУР представляется возможным возложить на вице-премьеров. Отдельного внимания заслуживает интеграция ЦУР в программные документы и создание Дорожной карты реализации ЦУР.

Обращаясь к практике стран, не являющихся по оценке Группы Всемирного банка, лидерами в области эффективности государственного управления, важно отметить усилия Беларуси и Азербайджана, являющихся лидерами среди стран СНГ по достижению ЦУР.

Республика Беларусь подготовила масштабную систему реализации и мониторинга достижения целей устойчивого развития. Республика разработала дорожную карту, которая будет пересматриваться Национальным статистическим комитетом с учетом проводимой работы органов государственного управления и иными организациями, ответственными за мониторинг показателей ЦУР, групп ООН, в том числе Межучрежденческой и экспертной группой по показателям ЦУР и иных заинтересованных сторон [2]. В целях формирования четкого механизма реализации Повестки 2030 Президентом подписан Указ «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития». Заместитель Предсе-

дателя Совета Республики Национального собрания назначена Национальным координатором по достижению ЦУР. Под эгидой Национального координатора сформирована институциональная система управления процессом достижения ЦУР, которая включает: Совет по устойчивому развитию; Парламентскую группу по ЦУР, включающую представителей обеих палат Национального собрания Республики; партнерскую группу устойчивого развития. Обеспечение деятельности Национального координатора по достижению ЦУР и Совета осуществляет Министерство иностранных дел Республики Беларусь. В функции Национального координатора входит отслеживание процесса достижения ЦУР на национальном уровне, координация усилий всех вовлеченных сторон, представление Беларуси по вопросу ЦУР в ООН и ежегодный доклад Президенту и Правительству о прогрессе выполнения ЦУР.

В 2016 году Указом Президента Азербайджанской Республики был создан Национальный Координационный Совет по Устойчивому Развитию (Совет), возглавляемый вице-премьером, определен механизм мониторинга достижения ЦУР, а также поставлены задачи перед соответствующими государственными учреждениями. С этого же года в Государственном комитете статистики (Госкомстат) функционирует Отдел статистики устойчивого развития, который координирует работу отраслевых отделов, анализирует показатели ЦУР, подготавливает предложения, взаимодействует с другими ведомствами и международными организациями [6]. Госкомстат обеспечивает разработку статистических данных для показателей ЦУР и представляет их Совету. Ежегодно Совет представляет Президенту страны доклад о проделанной работе и мерах, принятых для достижения ЦУР [15].

Проведенный анализ показал, что наивысшие места в рейтинге по достижению ЦУР имеют те страны СНГ, которые включили в практику работы органов государственной власти вопросы синхронизации национальных программ и целей устойчивого развития, а также определили ответственные за это направление государственные структуры. Отражение приверженности целям устойчивого развития в создании правовой базы и инициирование работы отдельных государственных органов поможет странам СНГ продвинуться в достижении поставленных целей.

Литература

1. Указ Президента «Об образовании Совета национального развития при Президенте Республики Таджикистан» // Сайт Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан. – Режим досту-

па: https://www.medt.tj/documents/strategic/nation_sovet/ru/02-01-0лшо1-ru.pdf (дата обращения: 28.04.2021)

2. Дорожная карта Национального статистического комитета Республики Беларусь по разработке статистики по Целям устойчивого развития // Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-image/SDG/Road_map_ru.pdf (дата обращения: 09.04.2021)

3. Национальный доклад о ходе реализации стратегических документов страны в контексте Целей устойчивого развития // Сайт Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан. – Режим доступа: [https://www.medt.tj/documents/main/strategic_national_program/NationalReportV10\[RU\]18.pdf](https://www.medt.tj/documents/main/strategic_national_program/NationalReportV10[RU]18.pdf) (дата обращения: 10.04.2021)

4. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повести дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Российской Федерации // Сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 10.04.2021)

5. Добровольный национальный обзор Республики Туркменистан 2019 // Сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2331512.07.19_Updated_VNR_of_Turkmenistan.pdf (дата обращения: 10.04.2021)

6. Second voluntary national review of the Republic of Azerbaijan on the implementation of «Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development» 2019. // Сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23411AZERBAIJAN_VNR_Report.pdf (дата обращения: 10.04.2021)

7. Гражданский обзор о реализации ЦУР в России. 2020-2030: Десятилетие действий ЦУР. Вызовы и решения. URL: <http://kurs2030.ru/report2020> (дата обращения: 09.04.2021)

8. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации «Цели устойчивого развития ООН и Россия», 2016 // Сайт Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. – Режим доступа: <https://as.gov.ru/archive/files/publication/a/14685.pdf> (дата обращения: 09.04.2021)

9. Доклад о человеческом развитии «Экологические приоритеты для России», 2017 // Сайт Аналитического центра при Правительстве Россий-

ской Федерации. – Режим доступа: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/15600.pdf>(дата обращения: 09.04.2021)

10. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации «Человек и инновации», 2018// Сайт Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. – Режим доступа: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/19663.pdf>(дата обращения: 09.04.2021)

11. Осуществление Повестки дня в области ЦУР на период до 2030 года в Республике Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session4_Tajikistan_SDG_indicators_Russian.pdf (дата обращения: 10.04.2021)

12. Основное сообщение по целям устойчивого развития Республики Казахстан // Сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23018Kazakhstan_19.05.17_main_message.pdf (дата обращения: 09.04.2021)

13. Индекс прогресса по Целям устойчивого развития [Электронный ресурс] URL: <https://dashboards.sdgindex.org/rankings> (дата обращения: 10.04.2021)

14. Индекс эффективности государственного управления [Электронный ресурс] URL:<https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (Дата обращения: 28.04.2021)

15. Национальная платформа отчетности по ЦУР Азербайджанской Республики// Сайт государственного комитета статистики Азербайджанской Республики. – Режим доступа:<https://www.stat.gov.az/>(дата обращения: 10.04.2021)

16. Worldwide Governance Indicators Methodology and Analytical Issues [Электронный ресурс] URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID=103001127120085070090075112094078064054034061037083025066004083010002118023067005120098060061014119026053122088072081103086122041004031050048091071009091106103001060062057031030084013097066002016095080113125026125005096126091003015023099123112007093&EXT=pdf&INDEX=TRUE>

17. Страновой профиль Швеции - ЦУР и окружающая среда. [Электронный ресурс]// Сайт Европейское агентство по окружающей среде — Режим доступа: <https://www.eea.europa.eu/themes/sustainability-transitions/sustainable-development-goals-and-the/country-profiles/sweden-country-profile-sdgs-and> (дата обращения: 10.04.2021)

Vatolina M.A., master student
St. Petersburg State University
vatolina.m@icloud.com

Potapov S.S., master student
Higher School of Economics

INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC POLICY IN THE FIELD OF ACHIEVING THE SDGs: THE EXPERIENCE OF THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Abstract. The article raises the issue of institutionalization of public administration focused on achieving sustainable development goals (SDGs) in the CIS countries. On the basis of the analysis of the documents, the authors identify a number of current problems, which include: the lack of responsibility for specific government bodies for achieving the SDGs; the absence of a coordinating body in power structures responsible for synchronizing the efforts of the State to achieve sustainable development goals; the absence of program documents and roadmaps in a number of countries that are targeting State development agenda, duplication of functions by government bodies to achieve the SDGs, and the lack of regular reporting in a number of countries.

Keywords: public administration, Sustainable Development Goals, The Commonwealth of Independent States.

Вихлянцева Д.И., магистрант
Санкт-Петербургский
государственный университет
dary7vi@gmail.com

ДОСТУП К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Становление норм международного права в области доступа к экологической информации прошло длинный процесс эволюции, обусловленный глобализацией экологических проблем, а также признанием международным сообществом связи между эффективностью осуществления прав человека и благоприятным состоянием окружающей среды. На сегодняшний день основным международно-правовым актом, регулиру-

ющим доступ к экологической информации, является Орхусская конвенция, принятие которой определило новый этап международного сотрудничества в области охраны окружающей среды.

Проведя сравнительный анализ законодательства ЕС, Германии и Италии, можно сделать вывод, что на большинстве уровней система предоставления доступа к экологической информации налажена достаточно хорошо. Тем не менее, в некоторых случаях общественность сталкивается с определенными трудностями при попытке реализации права доступа к экологической информации. Опыт обеих стран может быть учтен в дальнейшем при создании аналогичной модели в Российской Федерации, которая на данный момент остается вне Орхусской конвенции.

Ключевые слова: экологическая информация, охрана окружающей среды, Орхусская конвенция, экологические права граждан, Европейский Союз, Германия, Италия, Россия, устойчивое развитие.

Возможность получения свободного доступа к информации является основополагающим правом человека⁴⁸. Наличие конкретного набора данных о социальных, экономических и экологических обстоятельствах необходимо для принятия решений, которые будут способствовать развитию и благополучию сообщества, сводя к минимуму потенциально неблагоприятные социальные и экологические последствия. Это особенно актуально в данный момент, поскольку перспективы изменения климата⁴⁹ и повышения уровня моря⁵⁰ требуют незамедлительных действий как от мирового сообщества, так и от представителей отдельных регионов.

Объект исследования — правовое регулирование доступа к экологической информации в странах ЕС. **Предмет** исследования — правовые механизмы предоставления доступа к экологической информации в законодательстве ЕС как основа совершенствования российского законодательства в контексте целей устойчивого развития. **Целью** исследования является выявление механизмов предоставления экологической информации в рамках Европейского Союза (в том числе, на конкретных примерах Германии и Италии) для использования их успешного опыта в

⁴⁸ Всеобщая декларация прав человека. С. 19. URL: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/> (дата обращения: 09.04.2021)

⁴⁹ Endre K. THE PRESENT DIALOGUE BETWEEN NATURE AND SOCIETY OR THE MUTUALITY OF NATURE PRESERVATION AND SOCIETY PROTECTION // Journal of Globalization Studies. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-present-dialogue-between-nature-and-society-or-the-mutuality-of-nature-preservation-and-society-protection> (дата обращения: 09.04.2021)

⁵⁰ Nicholls, R. et al., 2007. Coastal and low-lying areas. Intergovernmental Panel on Climate Change. Contribution to Working Group II to the Fourth Assessment Report.

законодательстве Российской Федерации и достижении целей устойчивого развития.

В научных исследованиях существенный вклад в разработку данного вопроса внесли труды как российских ученых в области международного экологического права (Боголюбов С.А., Бринчук М.М., Выпханова Г.В., Выстробец Е.А. и др.), так и зарубежных авторов (Бодански Д. (Bodansky D.), Койвурова Т. (Koivurova T.), Клепфер М. (Kloepfer M.) и др.). Также в ходе исследования использовались материалы из официальных источников Европейского Союза, Германии, Италии, Российской Федерации, средств массовой информации.

Актуальность исследования. Право граждан на экологическую информацию относится к основным правам человека и гражданина, гарантированных ему международным правом и законодательством многих государств. В то же время, практическая реализация данного права зачастую сталкивается со значительными трудностями. Эти проблемы обусловлены как несовершенством действующих норм международного права, так и внутренним законодательством.

Цель исследования — выявить механизмы предоставления экологической информации в рамках Европейского Союза (в том числе, на конкретных примерах Германии и Италии) для использования их успешного опыта в законодательстве Российской Федерации и достижении целей устойчивого развития.

В связи с этим при проведении исследования были поставлены следующие **задачи**:

- определить сущность понятия «экологическая информация»;
- проанализировать законодательство отдельных стран Европейского Союза на предмет его соответствия эколого-информационному обеспечению прав граждан (на примере Германии и Италии, поскольку соответствующий правовой механизм реализован в указанных странах наиболее полно);
- оценить готовность и возможность Российской Федерации присоединиться к Орхусской конвенции о доступе к экологической информации с учетом опыта данных стран;
- выявить взаимосвязь между доступностью к экологической информации и степенью реализации целей устойчивого развития.

С практической точки зрения, ценность данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании российского законодательства по предоставлению доступа к экологической информации (на конкретных примерах Германии и Италии), а также способствовать достижению целей устойчивого развития.

В первую очередь отметим, что оформление понятия «экологическая информация» шло постепенно и сопровождалось многими факторами. Объективными предпосылками явились глобализация экологических проблем, признание международным сообществом связи между эффективностью осуществления прав человека и благоприятным состоянием окружающей среды. Если изначально под экологической информацией понимался достаточно узкий объем данных, то на сегодняшний день определение вышло за пределы лишь одной науки. Определение экологической информации является собирательным и должно отражать специфику двух областей науки — экологии и права.

В российском законодательстве до сих пор отсутствует четкое определение «экологической информации», поэтому мы руководствуемся документом, который наиболее полным образом раскрывает данное понятие. Речь идет о Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (по месту принятия в г. Орхус, Дания Конвенцию принято называть Орхусской)⁵¹.

При рассмотрении доступности экологической информации в Германии и Италии, будем учитывать, что при оценке Секретариатом Орхусской конвенции стран-участниц Конвенции из различных региональных групп, Европейский союз и Норвегия характеризуются как наиболее успешные⁵². Соответственно, предполагаем, что правовые механизмы предоставления доступа к экологической информации в Германии и Италии находятся на достаточно высоком уровне.

Европейское Сообщество присоединилось к Орхусской конвенции в числе первых, что требовало соблюдения определенных обязательств как для органов Сообщества, так и для государств-членов. На данный момент осуществление Конвенции в Европейском союзе обеспечивается сразу на нескольких уровнях: наднациональном (Директива 2003/4, Директива ЕС 2003/35/ЕС) и государственном. Так, в сентябре 2006 года было принято Постановление ЕС №1367/2006 о применении Орхусской конвенции к

⁵¹ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 10.04.2021).

⁵² Якель Ю.Я., Перфильева Е.В., Тельгерекова А.С., Мальцева Н.В., Степаненко К.И. Руководство по применению Орхусской конвенции в России. – М., Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2013, – 168 с. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/d80/orhuss_web_1.pdf (дата обращения: 15.04.2021)

учреждениям и органам Сообщества⁵³. Таким образом, Конвенция, являясь документом более широкого действия, оказывает влияния на Сторон-участниц, которые через имплементацию ее положений изменяют собственную нормативно-правовую базу. Отметим также, что статья 2 Директивы 2003/4/ЕС более детально раскрывает содержание «экологической информации», в сравнении с тем, что дается в Орхусской конвенции (статья 3). В европейском праве в области окружающей среды действуют более жесткие критерии по предоставлению доступа общественности к экологически значимой информации, нежели те, что предписаны Орхусской конвенцией.

Исходя из того, что Директивы — есть важнейшие нормативные акты ЕС, которые вводятся исключительно через национальное законодательство, перейдем к более детальному рассмотрению нормативно-правовой базы Германии и Италии с точки зрения доступа к экологической информации. Выбор объектов для сравнительного анализа обусловлен тем, что уровень разработанности экологического законодательства Германии и Италии существенно отличается. Сравнительный анализ был произведен на основе следующих критериев:

1. Наличие закона об экологической информации (ратификация директив ЕС: в какой мере директивы ЕС включены в законодательство, введены ли ограничения);
2. Ратификация Орхусской конвенции;
3. На уровне каких структур реализуется обеспечение доступа к экологической информации;
4. Срок предоставления экологической информации;
5. Наличие общедоступной базы данных с экологической информацией;
6. Были ли замечены нарушения предписаний со стороны Европейского Союза по исполнению соответствующих Директив.

Необходимо отметить, что процесс становления экологической политики в указанных странах шел достаточно неравномерно. В Германии оформление экологической партии произошло значительно раньше («Зеленые», нем. *die Gruenen*, 1979 г.), чем в Италии («Федерация зеленых», итал. *Federazione dei Verdi*, 1990 г.), что во многом определило дальнейшее положение. Однако, несмотря на это, транспарентность экологических данных в Германии вплоть до 1990-х годов не обеспечивалась. Изме-

⁵³ Доклад об осуществлении Орхусской конвенции, представленный Европейским сообществом, URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2008/pp/mop3/ese_mr_pp_ir_2008_EC_r.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

нения в сложившемся немецком механизме начали происходить только в 1990 году после принятия Директивы Совета ЕС о свободе доступа к информации об окружающей среде, хотя еще в 1970-х годах партии рассматривали возможные варианты экологического законодательства. Соответственно, только в 1994 году правительство ФРГ одобрило Закон «Об экологической информации». Аналогичная ситуация в Италии, где только с появлением Директивы 90/313/ЕЭС доступ к экологической информации стал регламентироваться. Однако, если Германия затянула с принятием Директивы на два года, то в Италии данный процесс продолжался до 1997. Только при давлении со стороны ЕС был издан Законодательный декрет 39/1997 об экологической информации.

Как в Германии, так и в Италии положения национальных нормативно-правовых актов, в целом, отражали положения Директивы ЕС. Тем не менее, нежелание с немецкой стороны по изменению сложившегося устройства системы было велико, поэтому некоторые положения Директивы ЕС в Закон не вошли. Данное нарушение было выявлено в ходе расследования Европейского Сообщества о соблюдении предписаний Директивы 90/313/ЕЭС. В связи с чем власти ФРГ обязаны были внести соответствующие поправки в национальное законодательство⁵⁴. Только после принятия Директивы 2003/4/ЕС по указанию Европейского Парламента и Европейского совета германский закон «Об экологической информации» был дополнен новыми положениями. Официально нововведения вступили в силу в феврале 2005 года.

К итальянской стороне по поводу соблюдения Директивы 1990 года претензий не было. Однако, позже в отношении Директивы 2003/4/ЕС был выявлен ряд проблем, вызванных итальянской системой разделения властей и особенностями уклада общества. Так, на практике возникали трудности по единообразному применению правил, касающихся ситуаций отказа в предоставлении информации. В обоих случаях самостоятельность регионов и наличие различие нормативных актов создали определенные трудности как для понимания прав со стороны самих граждан, так и для выстраивания единой системы доступа к экологической информации⁵⁵. С нашей точки зрения может быть предложен следующий вариант решения данной проблемы: необходимо дать свободу регионам в некоторых вопросах, не играющих решающей роли на национальном уровне, одновременно с невозможностью изменения определенных положений законодательства об экологической информации.

⁵⁴ Case C–217/97, *Commission v. Germany*, [1999] ECR I–05087.

⁵⁵ Perkins R., Neumayer E. *Implementing Multilateral Environmental Agreements: An Analysis of EU Directives/ Global Environmental Politics*. Volume 7, N 3, 2007. - p. 19. URL: (дата обращения: 29.04.2021).

Говоря о принятии странами положений Орхусской конвенции, отметим, что Италия в числе первых стран присоединилась к Конвенции, в июне 1998 подписала, а спустя три года ратифицировала. В Германии ситуация кардинально отличается, поскольку ФРГ, изначально, «ратифицирует международные конвенции лишь в том случае, если национальное законодательство отвечает соответствующим международным правовым обязательствам или было приведено в соответствие с ними и вступил в силу Закон о ратификации»⁵⁶. В данном случае необходимо было создание специального законодательного акта в форме Закона о ратификации, что указано в пункте 2 статьи 59 Основного закона (нем. Grundgesetz). Поэтому, несмотря на то что Германия подписала Конвенцию в декабре 1998, ее ратификация произошла лишь 15 января 2007 года после внесения соответствующих поправок в законодательство Германии. Эти поправки были внесены одновременно с включением Директив 2001/42/ЕС, 2003/4/ЕС и 2003/35/ЕС, посредством которых основные элементы Конвенции уже введены в законодательство Евросоюза.

Исходя из текущего законодательства как в Германии, так и в Италии сроки предоставления экологической информации должны составлять не более одного месяца с момента получения запроса заявителя органом государственной власти. Однако, в исключительных случаях в соответствии с Директивой 2003/4/ЕС возможно увеличение срока ожидания до двух месяцев, когда ввиду объема и комплексности информации ее невозможно предоставить быстрее (ст. 3).

Непосредственно ответственность за реализацию доступа к экологической информации в ФРГ, в основном, лежит на администрации федеральных земель, в обязанности которых входит реализация и контроль за соблюдением законов в области охраны окружающей среды. Соответственно складывается ситуация, в которой большая часть практических функций по исполнению положений Орхусской Конвенции отведена администрации регионов, нежели федеральным государственным органам.

В целом, экологическое право Германии носит более императивный характер, чем в Италии. Все предписания германского законодательства строго соблюдаются каждым, что обеспечивается, в первую очередь, неотвратимостью наказания за экологические правонарушения. В Италии препятствием к налаживанию механизма предоставления экологической информации является экологическая преступность в южных регионах Республики. Предполагается, что для эффективного осуществления контроля за исполнением экологического законодательства, в Италии необхо-

⁵⁶ Доклад об осуществлении Орхусской конвенции от Германии. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/mop6/NIR_2017/2017_Germany_AC_NIR_RU_tracked_changes.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

димо ужесточить систему санкций и механизм реализации наказания за экологические преступления.

Что касается общедоступной базы данных с экологической информацией, то в обоих странах созданы соответствующие интернет-порталы, что является обязательным требованием выполнением Директивы 2003/4/ЕС.

Анализ нормативных правовых актов Германии и Италии показал, что в обеих странах имеется современная и действенная правовая база, регулирующая доступ к экологической информации. При этом, несмотря на то, что процесс формирования экологической политики в Германии начался значительно раньше, на данный момент, благодаря огромному влиянию Европейского Союза, ситуация предоставления доступа к экологической информации в обеих странах весьма схожа. Тем не менее, по некоторым вопросам экологическое законодательство Итальянской Республики уступает германскому.

Рассмотрев механизмы предоставления экологической информации в ЕС на примерах Германии и Италии, было замечено, что в обеих странах большинство функций в данной области отведены региональным властям. Опыт обеих стран может быть учтен в дальнейшем при создании аналогичной модели в Российской Федерации. Россия на данный момент остается вне Орхусской конвенции, хотя в стране создана достаточно обширная нормативно-правовая база, регулирующая права общественности на доступ к экологической информации. Предполагается, что в качестве основных исполнителей эколого-правовых норм выступают органы местного самоуправления, поскольку они являются самыми массовыми и наиболее приближенными к населению. Гарантирование доступа к экологической информации в рамках действия данной системы необходимо осуществлять посредством предоставления гражданам информации о деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления на условиях доступности, прозрачности, достоверности и своевременности.

На сегодняшний день, как мы видим, перед государственными органами Российской Федерации задача в создании единого законодательства по экологической информации не стоит. Данное заключение мы можем сделать на основе того, что в стране до сих пор не предусмотрены специальные документы в области экологической информации, отсутствует ясный порядок ее предоставления. Начинать реформировать систему стоит с введения четкой классификации понятия «экологическая информация», заимствование которой возможно из положений Орхусской конвенции. Полагаем, что до тех пор, пока в России не создан правовой механизм информационного обеспечения доступа к информации о состоянии окружа-

ющей среды, невозможно говорить о реально работающей и эффективной системе экологического законодательства.

Необходимо отметить, что обеспечение доступа к экологической информации напрямую связано с реализацией целей устойчивого развития, поскольку достижение устойчивости общества невозможно достичь без учета нормативно-правового обеспечения ключевых составляющих ЦУР ООН. Так, Повестка дня ООН в области устойчивого развития до 2030 года подчеркивает, что задача целей в области устойчивого развития состоит в реализации прав человека для всех⁵⁷. Именно возможность получения свободного доступа к информации является основополагающим правом человека⁵⁸. Наличие конкретного набора данных о социальных, экономических и экологических обстоятельствах необходимо для принятия решений, которые будут способствовать развитию и благополучию сообщества, сводя к минимуму потенциально неблагоприятные социальные и экологические последствия. Например, 16 ЦУР, которая заявляет о предоставлении доступа к правосудию для всех и создании эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях⁵⁹. Достижение данной задачи будет невозможно реализовать в полной мере без развитой правовой культуры и высокого уровня правосознания, что, по мнению Осипова Р.А., непосредственно коррелирует с правовой информированностью⁶⁰.

Очевидна связь 6 ЦУР – чистая вода и санитария, 11 ЦУР – устойчивые города и населенные пункты, 12 ЦУР – ответственное потребление и производство, 13 ЦУР – борьба с изменением климата, 14 ЦУР – сохранение морских экосистем, 15 ЦУР – сохранение экосистем суши. Осуществление всех вышеперечисленных целей во многом подкреплено именно предоставлением определенной экологической информации или же отсутствием такой. Для повышения эффективности осуществления Повестки дня в области устойчивого развития необходимо располагать полным и достоверным объемом данных о событиях и обстановке окружающей среды, что подтверждает важность предоставления доступа к экологической информации в контексте ЦУР.

⁵⁷ <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Business/Pages/SustainableDevelopmentGoals.aspx>

⁵⁸ Всеобщая декларация прав человека. С. 19. URL: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/> (дата обращения: 09.04.2021)

⁵⁹ <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/>

⁶⁰ Осипов Р. А. Правовая информированность: понятие и структура // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. - N1 (33). - С. 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-informirovannost-ponyatie-i-struktura> (дата обращения: 14.04.2021).

Таким образом, в ходе анализа законодательства Европейского Союза на предмет его соответствия эколого-информационному обеспечению прав граждан было выявлено, что основными документами, регулирующими доступ к экологической информации в ЕС, на данный момент являются положения Орхусской конвенции, применяющиеся через Директивы 2003/4/ЕС и 2003/35/ЕС. Конвенция, являясь документом более широкого действия, оказывает влияния на Сторон-участниц, которые через имплементацию ее положений изменяют собственную нормативно-правовую базу. Заметим, что в европейском праве в области окружающей среды действуют более жесткие критерии по предоставлению доступа общественности к экологически значимой информации, нежели те, что предписаны Орхусской конвенцией.

Литература

1. Endre K. The present dialogue between nature and society or the mutuality of nature preservation and society protection // Journal of Globalization Studies. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-present-dialogue-between-nature-and-society-or-the-mutuality-of-nature-preservation-and-society-protection>.
2. Nicholls, R. et al., 2007. Coastal and low-lying areas. Intergovernmental Panel on Climate Change. Contribution to Working Group II to the Fourth Assessment Report.
3. Perkins R., Neumayer E. Implementing Multilateral Environmental Agreements: An Analysis of EU Directives/ Global Environmental Politics. Volume 7, N 3, 2007. - p. 19.
4. <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Business/Pages/SustainableDevelopmentGoals.aspx>
5. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/>
6. Всеобщая декларация прав человека. С. 19. URL: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>
7. Доклад об осуществлении Орхусской конвенции от Германии. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/mop6/NIR_2017/2017_Germany_AC_NIR_RU_tracked_changes.pdf.
8. Доклад об осуществлении Орхусской конвенции, представленный Европейским сообществом, URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2008/pp/mop3/ece_mp_pp_ir_2008_EC_r.pdf.
9. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касаю-

щимся окружающей среды [Орхусская конвенция]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml.

10. Осипов Р.А. Правовая информированность: понятие и структура // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. - N1 (33). - С. 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-informirovannost-ponyatie-i-struktura>.

11. Якель Ю.Я., Перфильева Е.В., Тельгерекова А.С., Мальцева Н.В., Степаненко К.И. Руководство по применению Орхусской конвенции в России. – М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2013, – 168 с. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/d80/orhuss_web_1.pdf

Vikhlyantseva D.I., master student
St. Petersburg State University
dary7vi@gmail.com

ACCESS TO ENVIRONMENTAL INFORMATION IN THE CONTEXT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Abstract. The formation of the norms of international law in the field of access to environmental information has undergone a long process of evolution due to the globalization of environmental problems, as well as the recognition by the international community of the link between the effective implementation of human rights and a favorable state of the environment. Today, the main international legal act regulating access to environmental information is the Aarhus Convention, the adoption of which has defined a new stage of international cooperation in the field of environmental protection.

Having conducted a comparative analysis of the legislation of the EU, Germany and Italy, we can conclude that at most levels the system for ensuring access to environmental information is well established. Nevertheless, in some cases, the public faces certain difficulties when trying to exercise the right to access environmental information. The experience of both countries can be taken into account in the future when creating a similar model in the Russian Federation, which currently remains outside the framework of the Aarhus Convention.

Keywords: environmental information, environmental protection, Aarhus convention, environmental rights of citizens, European Union, Germany, Italy, Russia, sustainable development.

Комова А.С., студент
Санкт-Петербургский горный университет
nastenako97@yandex.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. В работе дается определение экономической устойчивости с учетом специфики горно-металлургической отрасли. Экономическая устойчивость рассматривается в общей структуре управления развитием горно-металлургического предприятия. Разрабатывается комплексный подход к оценке экономической устойчивости горно-металлургического предприятия.

Ключевые слова: экономическая устойчивость, оценка экономической устойчивости, комплексный подход к оценке экономической устойчивости.

Целью деятельности любого коммерческого предприятия является получение прибыли, а в долгосрочном планировании ее увеличение. В связи с этим можно отметить, что эффективное развитие предприятия обеспечивается его экономически устойчивым положением и позволяет, имея эту основу, развиваться в долгосрочной перспективе и улучшать свои показатели, оперативно реагируя на влияние внешних и внутренних факторов, дестабилизирующих ее положение. Одной из основных проблем в оценке экономической устойчивости горно-металлургических предприятий является отсутствие единого и комплексного подхода к оценке и системы показателей, как инструментария для проведения комплексного анализа по основным блокам важности и устойчивости предприятия горно-металлургической промышленности. Поэтому проблема создания комплексного подхода к оценке экономической устойчивости предприятия становится актуальной.

Цель работы - разработать методику оценки экономической устойчивости горно-металлургического предприятия с учетом особенностей отрасли.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие задачи:

1. Дать полное определение понятию «экономическая устойчивость» для горно-металлургического предприятия.
2. Разработать схему комплексного подхода к оценке экономической устойчивости предприятия.

Исходя из разных трактовок понятия “экономической устойчивости предприятия” и невозможности ограничиться одним из существующих определений, было установлено, что с учетом специфики горно-металлургической отрасли экономическую устойчивость горно-металлургического предприятия можно рассматривать как «способность горно-металлургического предприятия сохранять стабильное положение на рынке, обеспечивая достижение целевых показателей развития в условиях воздействия факторов внешней и внутренней среды; в рамках оценки экономической устойчивости, производя мониторинг важных для горно-металлургического предприятия блоков: производственного, финансового, социального, экологического».

Среда деятельности горно-металлургического предприятия подвергается воздействию внешних (макро- и мезо-) факторов и внутренних (микро-) факторов. Эти факторы оказывают разное по степени влияния на предприятие воздействие. Микросреда включает функциональные области предприятия, макросреда включает воздействие экономических контрагентов и влияние со стороны государства и общества, взаимодействие между собой которых может давать как положительное, так и отрицательное влияние на устойчивость функционирования предприятия.

Рис. 1. Классификация факторов влияния на экономическую устойчивость предприятия

Поскольку факторы имеют различную силу воздействия на устойчивость предприятия, необходимо рассмотреть более конкретизировано факторы влияния и показатели каждой подгруппы.

Самой неконтролируемой и масштабной группой факторов является макро-факторы, поэтому определим группы и показатели которые могут входить в эту категорию [2]. К фактором влияния макроуровня отнесем такие подгруппы, как: экономические (ВВП, уровень инфляции, уровень безработицы, курс валют и т.д.); социальные (демографическая структура, уровень занятости населения и т.д.); политико-правовые (порядок законодательной регламентации, налоговая политика, законодательство в области внешней политики и т.д.); технологические (развитие НИОКР, развитие технологий, патенты и т.д.); экологические (экологические стандарты выпускаемой продукции, уровень ресурсосбережения, уровень влияния на окружающую среду и т.п.).

Факторы мезоуровня включают в себя региональную специфику место нахождения предприятия и включают схожие с макро-факторами подгруппы только с учетом регионального уровня решения задач.

Факторы микроуровня включают такие группы как финансовые, производственные и организационные подгруппы по уровню влияния на эффективность деятельности организации [6, с. 76]. Финансовые факторы включают показатели, характеризующие долю привлечения заемных средств, качество активов и пассивов, показатели ликвидности и т.д. Производственные факторы включают показатели, характеризующие структуру выпускаемой продукции, объем и темпы производства, объем запасов и скорость их использования, степень использования основных фондов. Организационные факторы включают показатели, характеризующие состав персонала компании по квалификации, количеству и качеству, производительность труда, текучести кадров, способов и методов управления, применяемые компанией.

Воздействие рассмотренных выше факторов на горно-металлургическое предприятие подвергает изменению показателей экономической устойчивости предприятия, что говорит о необходимости учета и прогноза факторов влияния на всех уровнях с целью минимизации оказанного влияния.

Таким образом, можно отметить, что экономическая устойчивость горно-металлургического предприятия, как хозяйствующего в открытой экономической системе субъекта, подвергается влиянию внешних и внутренних факторов, и для обеспечения долгосрочной экономической устойчивости предприятия, необходимо контролировать и прогнозировать влияние факторов во взаимосвязи друг с другом, чтобы складывалась полноценная и комплексная оценка уровня экономической устойчивости.

В рамках исследования объектом исследования выступает горно-металлургическая компания и отрасль промышленности в целом, и предполагается необходимым для формирования направлений повышения эко-

номической устойчивости горно-металлургического предприятия требуется изначально провести оценку экономической устойчивости, используя набор показателей, которые позволят наиболее полно раскрыть состояние компании в каждом определенном функциональном блоке. Оценка экономической устойчивости горно-металлургического предприятия следует проводить с использованием комплексного подхода к анализу динамики производственных, финансовых, социальных и экологических результатов деятельности предприятия.

Показатели, участвующие в формировании характеристик экономической устойчивости по блокам, должны выявлять слабые стороны и позволять определить источники стабилизации положения. Отсюда, предполагаемая система комплексной оценки экономической устойчивости горно-металлургического предприятия должна служить действенным инструментом управления экономической устойчивостью предприятия. Анализ показателей поможет определить исходную ситуацию на предприятии, обнаружить сильные стороны компании на данный момент и обосновать направления повышения экономической устойчивости предприятия.

Рис. 2. Процесс формирования комплексной оценки экономической устойчивости горно-металлургического предприятия

Комплексный подход к оценке экономической устойчивости горно-металлургического предприятия предлагается основывать на анализе показателей по блокам оценки, которые включают в себя производственную, финансовую, социальную и экологическую устойчивость (рис. 2).

Предложенная выше система показателей экономической устойчивости горно-металлургического предприятия позволяет провести комплексную оценку стабильности и эффективности функционирования предприятия, на основе данного анализа возможно разработать комплекс мероприятий по улучшению экономической устойчивости предприятия согласно выявленным проблемным местам. Выбранные в систему показатели признанные достаточными для проведения комплексной оценки текущей экономической устойчивости горно-металлургического предприятия. Все показатели в системе отражают взаимосвязь с факторами внешней и внутренней среды и позволяют разработать направления повышения экономической устойчивости горно-металлургической компании исходя из выявленных проблемных мест.

Разработанный комплексный подход к оценке горно-металлургического предприятия отличается своей универсальностью и комплексностью в проведении оценки предприятия горно-металлургического комплекса. Применение данного подхода позволяет произвести оценку экономической устойчивости предприятия с учетом особенности отрасли и учета разных сторон развития компании.

Помимо важного производственного и финансового блока, нами были учтены не менее важные – социальный и экологический блок, поскольку реализация социальных и экологических мероприятий является неотъемлемой частью системы функционирования горно-металлургических предприятий. Поскольку в проведении природовосстановительных и природоохранных мероприятий компания минимизирует свое негативное воздействие на окружающую среду, а также реализация социальных программ, выражающая социальную ответственность компании по отношению к работникам предприятия, а также к гражданам, населяющих место локализации компании.

Литература

1. Артёмова О.В., Зубков М.С. Экономическая устойчивость промышленного предприятия: методика оценки // Социум и власть. – 2014. – № 3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-ust>. (дата обращения: 24.02.2021).

2. Афоничкин А.И., Журова Л.И. Модель оценки экономической устойчивости предприятий // *Фундаментальные исследования*. – No 10-1. – 2015. – С. 131–136.

3. Баранова В.Е., Николаева Е.Ф. Экономическая устойчивость предприятия // *Academy*. – 2018. – № 10 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-ust..> (дата обращения: 13.02.2021).

4. Гинзбург М.Ю. Финансовый менеджмент на предприятиях нефтяной и газовой промышленности / М.Ю. Гинзбург, Л.Н. Краснова, Р.Р. Садыкова. Вологда: Инфра-Инженерия, 2016. 287 с.

5. Зимина Е.Л., Панкевич Д.К., Горячева С.М. Методика оценки экологического аспекта устойчивого развития предприятия // *Вестник ВГТУ*. – 2019. – № 1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-ek..> (дата обращения: 27.02.2021).

6. Кольцова И.В., Рябых Д.А. Практика финансовой диагностики и оценки проектов // Москва: Вильямс. – 2007. – 411 с.

7. Перский Ю.К., Лепихин В.В. Методологические подходы к оценке устойчивости предприятия как эколого-социо-экономической системы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2014. – № 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-p..> (дата обращения: 03.03.2021)

Komova A.S., student
Saint-Petersburg Mining University
nastenako97@yandex.ru

A COMPREHENSIVE APPROACH TO ASSESSING THE ECONOMIC SUSTAINABILITY OF A MINING AND METALLURGICAL ENTERPRISE

Abstract. The paper provides a definition of economic sustainability, taking into account the specifics of the mining and metallurgical industry. Economic sustainability is considered in the general management structure of the development of a mining and metallurgical enterprise. A comprehensive approach to assessing the economic sustainability of a mining and metallurgical enterprise is being developed.

Keywords: economic sustainability, assessment of economic sustainability, integrated approach to the assessment of economic sustainability.

Проваторова А.А., студент
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
AlinkaProvatorova@yandex.ru

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. С момента принятия 17 Целей устойчивого развития в 2015 г. странами были достигнуты значительные результаты. Для успешного достижения поставленных задач государствам необходимо приложить совместные усилия. Несмотря на испытания, принесённые пандемией, Россия и Германия поддерживают эффективное сотрудничество в области устойчивого развития, обмениваясь важным опытом по реализации ЦУР.

Ключевые слова: Россия; Германия; устойчивое развитие; цели устойчивого развития; сотрудничество.

На сегодняшний день обсуждение темы устойчивого развития остаётся как никогда актуальным. В 2015 г. на Саммите по устойчивому развитию 193 государствами – членами ООН была принята новая Повестка дня «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Она включила в себя 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), которые направлены на обеспечение равноправных условий жизни, защиту планеты и процветание её жителей.

Данные Глобальные цели имеют комплексный характер. Другими словами, реализация задач в одной сфере будет оказывать непосредственное влияние на результаты в других областях. В связи с этим, развитие должно идти сбалансировано в социальной, экономической и экологической сфере. Для осуществления ЦУР требуется огромная политическая воля и принятие амбициозных решений всех заинтересованных сторон.

Российская Федерация регулярно предпринимает меры по реализации поставленных Целей устойчивого развития на национальном уровне. В «Добровольном национальном обзоре достижений РФ» (2020 г.) страной был отмечен ряд позитивных результатов. Наиболее успешным можно считать осуществление ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» [1].

На рис. 2 представлена динамика изменения численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за период 2015–2019 гг. Как можно заметить, показатель за 2019 г. действительно снизился по сравнению с 2015 г., что подтверждает положительный ре-

зультат. Однако, для того, чтобы достичь амбициозной цели, государству придётся приложить значительно больше усилий. Этому будет способствовать реализация ряда национальных проектов (к примеру, «Демография», «Производительность труда и поддержка занятости» и др.), а также развитие новых механизмов поддержки (внедрение инструмента «социального контракта», развитие волонтерства).

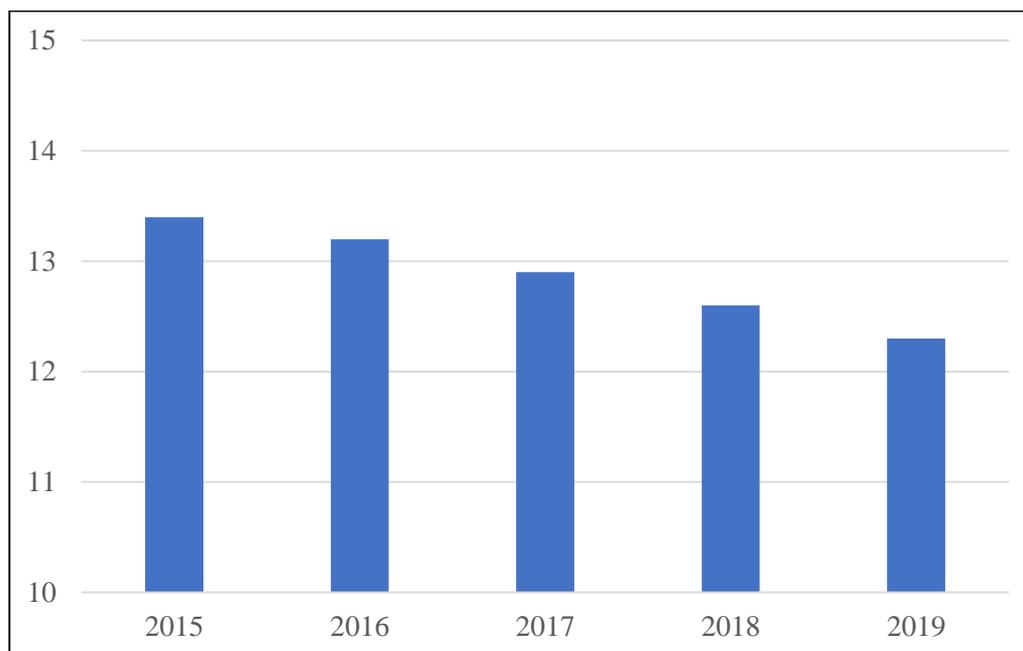

Рис. 2. Динамика изменения численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за период 2015–2019 гг., % (составлено автором на основе данных [5])

Несомненно, пандемия коронавируса оказала негативное влияние на успехи в данной сфере. Так, в 2020 г. численность населения РФ с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась на 1,2 млн человек по сравнению с 2019 г., тем самым составив 18,8 млн человек. В связи со складывающейся неблагоприятной ситуацией, в июле 2020 года Президент России подписал указ о национальных целях до 2030 года, согласно которому уровень бедности в государстве необходимо будет сократить в 2 раза по сравнению с 2017 г. уже не к 2024 г., а непосредственно к 2030 г. [3].

Также следует выделить успехи в осуществлении ЦУР 4 «Качественное образование», ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост». При этом в докладе отмечается, что остаются задачи, решение которых «требует активизации совместных усилий государства, бизнеса и общества» [1].

Переходя к ФРГ, отмечу, что Глобальные цели играют важную роль в определении государственной политики в области устойчивого развития.

В 2018 г. Германия располагалась на 5 месте по индексу ЦУР, в то время как Россия лишь на 57 [15, с. 36].

Значительных успехов Германия добилась при осуществлении ЦУР 7 («Чистая и доступная энергия»). За период 2015–2020 гг. стране удалось повысить долю возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии с 15,2 до 19,6% (рис. 3). Кроме того, ФРГ находится на первом месте в мировом рейтингестран в отношении возобновляемых источников энергии на душу населения: каждый житель Германии может использовать 1,4 киловатта (кВт) возобновляемой энергии. При этом средний мировой показатель составляет всего 0,2 кВт [9].

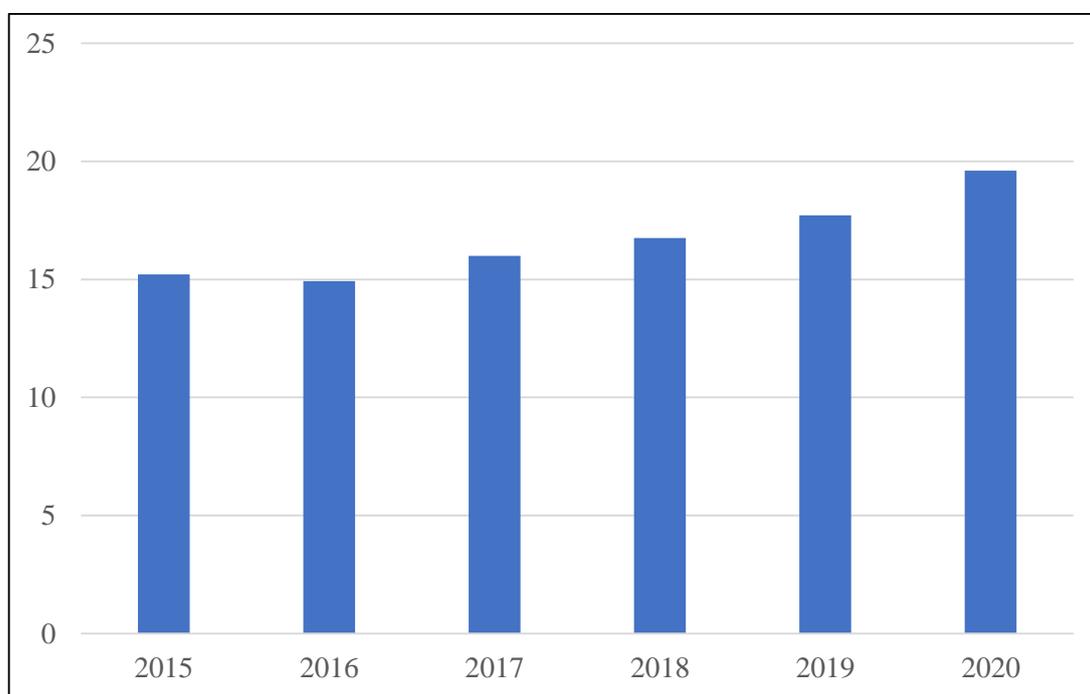

Рис. 3. Доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии, % (составлено автором на основе данных [16])

Также следует отметить прогресс в реализации ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), ЦУР 9 («Индустриализация, инновация и инфраструктура») и ЦУР 17 («Партнёрство в интересах устойчивого развития»).

На международном уровне правительство Германии прилагает все усилия для осуществления Повестки дня в области устойчивого развития. Так, Федеральное министерство окружающей среды и Федеральное министерство сотрудничества в целях развития запустили инициативу «Партнёры для обзора» (Partners for Review), тем самым стимулируя обмен информацией о достижениях и предстоящих вызовах в области ЦУР [8,12].

Россия и Германия поддерживают близкое сотрудничество по реализации ЦУР. Так, в декабре 2020 г. состоялось официальное открытие Российско-Германского перекрестного года под названием «Экономика и устойчивое развитие» 2020–2022. Главными целями данного тематического года станут укрепление российско-германского партнерства в перспективных сферах, налаживание устойчивого развития стран и др. Особый акцент будет сделан на обмен «опытом и лучшими практиками в области достижения Целей устойчивого развития, совмещение ЦУР с приоритетами национального планирования, локализации ЦУР на субнациональном уровне». Во время проводимых встреч будут также затронуты темы, связанные с возможностями сотрудничества двух государств в рамках «Зеленого курса Европы», развития водородной энергетики и цифровизации экономики [4, 12].

Несмотря на начавшуюся пандемию коронавируса, сотрудничество между двумя государствами сохраняется. В 2020 г. фармацевтическая компания «Bayer» получила статус резидента особой экономической зоны (ОЭЗ) в Липецке. Концерн планирует продолжить работу над строительством завода по производству средств для защиты зерновых и других культур. Реализация проекта будет способствовать устойчивому развитию сельскохозяйственного технологического потенциала региона [2]. Помимо этого, будут созданы новые высокотехнологичные рабочие места в Липецкой области, что поможет РФ достигнуть в первую очередь ЦУР 2, 8 и 9.

Кроме того, в сентябре 2020 г. открылся Логистический центр немецкой компании «GLOBUS» в Московской области. Данная сеть магазинов разработала проект «Жить осознанно», направленную на сокращение углеродного следа компании, а также поощрения потребителей к ведению экологического образа жизни [11]. Поддержка данной сети и обмен опытом во многом поспособствуют успешному осуществлению ЦУР 12 («Ответственное потребление и производство»).

Россия в свою очередь заявила о готовности инвестировать в развитие водородных технологий. Огромное значение здесь играет строительство трубопровода «Северный поток-2», который будет поставлять российский газ непосредственно в Германию, что также заложит основу для будущего маршрута импорта водорода.

Будучи лидером в развитии возобновляемых источников энергии, Германия готова активно сотрудничать с Россией в данной области. Как заявил премьер-министр Нижней Саксонии Ш. Вайль, страна «может предложить гигантский земельный потенциал в качестве основы для создания солнечной и ветровой энергетики, а также огромные водные ресурсы для гидроэнергетики» [6].

На данный момент Россия и Германия, как и другие страны, активно занимаются восстановлением экономики после удара, нанесённого пандемией. Поддержка и сотрудничество двух государств в нынешней ситуации может помочь странам ускорить переход к устойчивой экономике и найти новые пути решения существующих проблем в рамках ЦУР.

Литература

1. Аналитический центр при Правительстве РФ «Добровольный Национальный обзор достижения целей устойчивого развития» <https://ac.gov.ru/projects/project/dobrovolnyj-nacionalnyj-obzor-dostizenia-cel-j-ustojcivogo-razvitia-10>
2. Байер «Bayer станет резидентом ОЭЗ «Липецк» <https://www.bayer.ru/ru/news/20200128-bayer-lipezk-resident>
3. Интерфакс «Число бедных в РФ в III квартале выросло на 1,2 млн к прошлому году» <https://www.interfax.ru/business/748347>
4. Российско-Германский перекрестный год «Экономика и устойчивое развитие» 2020-2022 <https://russiagermany.ru/year/>
5. Росстат «Неравенство и бедность» <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
6. Ecker V. UPDATE 1-Germany looking at green hydrogen co-operation with Russia / V. Ecker // Reuters – 2021.– 16 February. <https://www.reuters.com/article/russia-germany-idUSL8N2KM38Z>
7. ЕЕА «Share of renewable energy in gross final energy consumption in Europe» <https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/renewable-gross-final-energy-consumption-4/assessment-4>
8. Federal Minister for Environment, Nature Conservation and Nuclear Safety «Implementation of the SDGs in Germany» <https://www.bmu.de/en/topics/europe-international-sustainability-digitalisation/sustainability/2030-agenda/implementation-of-the-sdgs-in-germany/>
9. Federal Ministry for Economic Affairs and Energy «Renewables in a global comparison: Germany ranks very high» <https://www.bmwi-energie-wende.de/EWD/Redaktion/EN/Newsletter/2019/07/Meldung/direkt-answers-infographic.html>
10. Federal Ministry for Economic Affairs and Energy «The Energy Transition» <https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Dossier/energy-transition.html>
11. GLOBUS «Программа устойчивого развития в гипермаркетах «Глобус»» <https://www.globus.ru/about/heart/>
12. Ministry of Economic Development of the Russian Federation «Maxim Reshetnikov: Russia is interested in cooperation with Germany in the development of renewable energy sources» <https://en.economy.gov.ru/materi->

al/news/maxim_reshetnikov_russia_is_interested_in_cooperation_with_germany_in_the_development_of_renewable_energy_sources.html

13. Partners for Review «Our work» <https://www.partners-for-review.de/>

14. Sustainable development Solution Network «Rankings: The overall performance of all 193 UN Member States» <https://dashboards.sdgindex.org/rankings>

15. Sustainable development Solution Network «Sustainable development report 2020: The Sustainable Development Goals and Covid-19» <https://sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2020/>

16. Umwelt Bundesamt «Renewable energy share in gross final energy consumption and gross electricity consumption » <https://www.umweltbundesamt.de/en/image/renewable-energy-share-in-gross-final-energy>

Provatorova A.A., student
Saint-Petersburg University of Economics
AlinkaProvatorova@yandex.ru

RUSSIA AND GERMANY: ACHIEVING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Abstract: Since the adoption of 17 Sustainable development goals, the countries have achieved significant results. To successfully reach the targets listed in “The 2030 Agenda for Sustainable Development” the states will have to act hand in hand. Despite the challenges posed by the pandemic, Russia and Germany maintain effective cooperation in sustainable development by sharing valuable experience and improving their approaches.

Keywords: Russia; Germany; sustainable development; sustainable development goals; partnership; cooperation.

Русанова М.Г., студент
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
hellimoory@gmail.com

НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦИИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Актуальность изучения проблемы окружающей среды очень значима, так как уже заметны негативные последствия антропоген-

ного влияния. Поэтому многие развитые страны разрабатывают свою экологическую политику для предотвращения глобальной природной катастрофы. Одним из способов защиты окружающей среды являются экологические налоги, которые Франция стала интенсивно внедрять в своё налоговое законодательство.

Ключевые слова: экологические налоги, эконалоги, Франция, экологическая политика, налоговое законодательство.

2015 год стал годом Парижского соглашения. Парижское соглашение – соглашение в пределах Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 года. Франция убеждена, что для удерживания повышения температуры к концу столетия в пределах 1,5–2°С необходимо принять глобальный комплексный подход к развитию и борьбе с изменением климата.

Современные страны для целей защиты экологической среды используют экономические инструменты такие, как эконалоги. Франция запустила климатический план на 2004–2012 годы, который был эффективно усилен в 2009 году после того, как были приняты несколько законов о введении стимулирующих налогов на энергосбережение, расширении штрафных налогов для определенных категорий загрязняющей деятельности и транспортных средств. Новый климатический план был запущен в июле 2017 года, чтобы перенести Парижское соглашение в национальное законодательство, и сделать его необратимым и усилить стимулирующие налоги и привилегии.

Экологические налоги в большинстве случаев основаны на потреблении энергии (с особым акцентом на ископаемое топливо через налог на потребление энергии), на транспорте (с различными режимами, направленными на улучшение энергетических и экологических характеристик транспортных средств и содействие безуглеродному транспорту) и на деятельности, загрязняющей окружающую среду (с особым акцентом на отходы через общий налог на деятельность, загрязняющую окружающую среду, которая в настоящее время реформируется, чтобы отдать предпочтение переработке и рекуперации перед окончательной утилизацией).

Экологические налоги используются государствами-членами как средство достижения экологических стандартов, установленных законодательством ЕС, таких как Директива о сокращении национальных выбросов определенных атмосферных загрязнителей. Поскольку законодательная процедура принятия налогового законодательства ЕС требует единодушия Совета, государства-члены пытаются договориться об общей си-

стеме налогообложения экологических налогов. Таким образом, тот факт, что экологические налоги принимаются на национальном уровне, приводит к большим налоговым различиям внутри ЕС. Например, доходы от экологического налога во Франции как доля от ВВП намного ниже среднего показателя по ЕС.

С экономической точки зрения экологический налог пытается решить проблему «негативного внешнего воздействия», например, загрязнения воздуха, которое возникает, когда производство или потребление какого-либо товара или услуги причиняет вред третьей стороне, кроме производителя или потребителя.

Экологические налоги можно разделить на три категории в зависимости от их назначения.

(1) Цель «налоговых экологических налогов» является бюджетной, что означает, что основная цель, преследуемая законодателем, заключается в повышении доходов в общий бюджет.

(2) Посредством «корректирующих налогов» законодатель стремится достичь цели общего интереса, такой как сохранение и улучшение окружающей среды или борьба с глобальным потеплением.

(3) «Сборы» относятся к оплате пользователями государственной услуги денежной суммы, которая пропорциональна оказанной услуге - прямая компенсация за государственную услугу.

Налоги на энергию во Франции в основном основаны на потреблении энергии (84% доходов в 2018 году) и частично на выбросах CO₂ от потребления ископаемого топлива. Благодаря введению налога на выбросы углерода с 2014 года, Франция в 2019 году занимала четвертое место в ЕС по уровню налогообложения как бензина, так и дизельного топлива.

Транспортные налоги во Франции включают 17 налогов и в 2018 г. составили 6,32 млрд евро. Франция отличается от других государств-членов низким уровнем доходов от транспортных налогов - 11% от налогов. Франция является одним из немногих государств-членов, которые взимают налоги с грузовых автомобилей и стремятся повысить налоги на воздушный транспорт, даже если ставки останутся низкими. Налог на регистрационные свидетельства, основанный на налогооблагаемой лошадиной мощности транспортных средств, и налог на страховые взносы на легковые автомобили составляют половину общих доходов от транспортного налога.

Налог на авиабилеты зависит от количества пассажиров на борту, категории билета и пункта назначения (ЕС / страны, не входящие в ЕС). Ожидая «европейской координации ценообразования на воздушные суда» на основе выбросов CO₂, Франция увеличила этот налог в 2020 году.

Повышение составляет 40% для билетов бизнес-класса на все направления и билетов эконом-класса на направления за пределами ЕС, тогда как для пассажиров эконом-класса на рейсах в ЕС оно увеличилось вдвое. Его максимальная ставка составляет 63,07 евро для рейсов бизнес-класса в пункты назначения за пределами ЕС. Облагая налогом билеты, одна из целей состоит в том, чтобы сократить количество рейсов и тем самым сократить выбросы CO₂, а также другие внешние воздействия на окружающую среду.

Налоги на загрязнение и ресурсы составляют 5% от общих поступлений экологического налога и состоят в основном из налога на загрязняющую деятельность и сборов за использование водных ресурсов (около 90% доходов от налогов на загрязнение и ресурсы).

Налог на загрязняющую деятельность был учрежден Законом о финансах от 1999 года. Основываясь на принципе «платит загрязнитель», он оплачивается компаниями, деятельность или продукция которых считается причиной загрязнения. Целью этого налога является борьба с загрязнением воздуха и выбросами отходов или продуктов, которые не могут быть легко поглощены окружающей средой. С 2018 года все доходы этого налога идут в общий бюджет страны.

Во Франции налоги на энергию имеют относительно высокие показатели по сравнению с другими государствами-членами. Однако ставки налога на транспорт и выбросы загрязняющих веществ в атмосферу для производителей слишком низки, чтобы служить эффективным стимулом для выполнения обязательных целевых показателей ЕС по выбросам CO₂ и сокращению загрязнения воздуха. Поэтому для Франции особенно важно продолжать постепенно повышать ставки экологического налога, давая компаниям время для планирования своих инвестиций и принимая во внимание общественную приемлемость.

Приемлемость экологических налогов вызывает большую озабоченность у французского правительства, поскольку их введение или повышение привело к протестам, таким как движение желтых жилетов, инициированное французскими гражданами после повышения налогов на энергию, и движение красных колпачков в транспортном секторе против налог на грузовые автомобили. Потребуется комплексные оценки воздействия, чтобы определить прирост благосостояния от перераспределения части доходов на душу населения, которое могло бы улучшить признание как гражданским обществом, так и промышленным сектором. Чтобы сохранить конкурентоспособность французских компаний, повышение налогов должно сопровождаться сопутствующими мерами такими, как поддержка проектов экологических инвестиционных мер или снижение других налогов, а также гармонизация на уровне ЕС.

Именно здесь «зеленый курс» ЕС может стать большим шагом вперед, если законодательство ЕС предусматривает равные условия игры с согласованными налоговыми ставками. Более того, поскольку экологические налоги во Франции подвергаются критике за то, что они все чаще относятся к общему бюджету или для бюджетных целей, французскому правительству необходимо активизировать свои усилия по повышению осведомленности общественности о корректирующей роли экологических налогов независимо от того, как используются их доходы, и о том факте, что охрана окружающей среды может финансироваться из общего бюджета независимо от того, откуда поступают налоговые поступления.

Кроме того, важно помнить, что поступления от «корректирующих налогов» могут уменьшаться по мере достижения поставленных целей. Наконец, более высокий уровень приемлемости может быть достигнут за счет усиления принципа «загрязнитель платит» в отношении налогов на выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в транспортном секторе и в отношении платы за воду, а также за счет сокращения налоговых льгот и сокращений налогов на энергию из ископаемого топлива.

Экологическое налогообложение во Франции, по сравнению с другими государствами-членами, характеризуется широким диапазоном низких налогов, в основном в транспортном секторе. В 2020 году, когда Франция повысила свои экологические налоги, не связанные с энергетикой, может стать началом дальнейшего постепенного повышения других ставок экологического налога, включая ставки налога на энергию, основанные на CO₂, наравне с другими государствами-членами.

ЕС должен установить согласованные критерии для экологического налогообложения государств-членов, чтобы создать равные правила игры на внутреннем рынке. Чтобы способствовать этому на переговорах с ЕС, французскому правительству необходимо улучшить принятие экологических налогов как гражданским обществом, так и промышленным сектором. Следовательно, экологические налоги должны быть освобождены от необходимости тратить их на экологические цели или на увеличение государственного бюджета. Вместо этого Франция должна перераспределить значительная доля доходов населения и промышленности. Французский законодатель должен будет разработать экологические налоги, соответствующие их целям, чтобы гарантировать их соответствие Конституции.

Литература

1. Aeronautical taxes [Electronic resource] // Ministère de la Transition écologique et solidaire. URL: <https://www.ecologie.gouv.fr/en/aeronautical-taxes> (last request: 12.04.2021).

2. Carbon Taxes in Europe [Electronic resource] // Taxfoundation. URL: <https://taxfoundation.org/carbon-taxes-in-europe-2020/> (last request: 12.04.2021).

3. Environmental Taxation in France [Electronic resource] // Centrum für Europäische Politik. URL: https://www.cep.eu/fileadmin/user_upload/cep.eu/Studien/cepInput_Umweltsteuern_in_Frankreich/cepInput_Environmental_Taxation_France.pdf (last request: 12.04.2021).

4. Vergnerie M. Environment and climate change in France [Electronic resource] // Lexology. <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=66f6d701-54ed-48ea-b38d-e64f9b73c24d> (last request: 12.04.2021).

Rusanova M.G., student
The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State
University of Telecommunication
hellimoory@gmail.com

FRENCH TAX LEGISLATION IN THE ENVIRONMENTAL SPHERE

Abstract. The relevance of studying the environmental problem is very significant, since the negative consequences of anthropogenic influence are already noticeable. Therefore, many developed countries are establishing their environmental policies to prevent a global natural disaster. One of the ways to protect the environment is eco-taxes, which France is intensively introducing into tax legislation.

Keywords: environmental taxes, eco-taxes, France, environmental policy, tax law.

Смекалова И.А., студент
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
irene.smklv@gmail.com

РАЗВИТИЕ УСТОЙЧИВОГО ТУРИЗМА В РОССИИ И МИРЕ

Аннотация. Данная статья описывает устойчивый туризм и его принципы, оказывающие влияние на социальную жизнь, окружающую среду и экономическое положение. Также описаны тенденции современного развития этого вида туризма, доказывающие, что люди становятся с

каждым годом все более осознанными потребителями, так как понимают, какое негативное влияние оказывается на окружающую среду. В России, несмотря на растущий интерес в данной области, существуют такие барьеры, как недостаточный уровень образования в области туризма и его несоответствие с принятыми международными принципами.

Ключевые слова: устойчивый туризм; развитие; устойчивое развитие; принципы; осведомленность.

Введение

Туризм является важной частью экономики многих стран, так как ежегодно добавляет значительную сумму в бюджет государства. Количество международных прибытий в 2019 году составило около 1,5 миллиарда, что выше на 4%, чем в 2018 году. Эта цифра постоянно росла до 2020 года, когда из-за пандемии страны закрыли границы и, соответственно, пассажиропоток сильно снизился.

Тема устойчивого туризма является очень актуальной, так как он влияет на социальную жизнь, экономический сектор и окружающую среду [9]. Все эти аспекты связаны вместе друг с другом и действительны только тогда, когда каждый из аспектов выполняется.

С точки зрения социального аспекта туризм включает в себя много сторон-участников, таких как туристы, местное население, организации, работающие в туристической отрасли (гостиницы, рестораны и так далее), государственные органы, от решений и действий которых зависит как привлекательность дестинации, так и ее доступность. Устойчивый туризм обеспечивает равенство всех заинтересованных стороны, а также гарантию того, что все блага распределены честно между ними, предоставляя равные возможности местному населению и туристам. Развитие такого туризма означает безопасность, здоровье, справедливость, партнерство, уважение и высокий уровень жизни местных жителей.

С экономической точки зрения развитие устойчивого туризма снижает уровень безработицы и бедности за счет создания рабочих мест. Туризм привлекает инвестиции в дестинацию, которые направлены на развитие инфраструктуры и поддержку дееспособности локального бизнеса.

С точки зрения окружающей среды туризм влияет на:

- 1 – природную среду (реки, горы, пещеры, пляжи, леса)
- 2 – дикую среду (млекопитающие, птицы, насекомые, рыбы, флора)
- 3 – антропогенную среду (индивидуальные постройки, деревни, транспортная инфраструктура)
- 4 – природные ресурсы (воздух, вода, климат)
- 5 – сельскохозяйственная среда (рыбные фермы, искусственные леса).

К сожалению, массовый туризм может негативно влиять на все три аспекта, так как зачастую обладает сезонностью, из-за которой особенно страдают дестинации, предлагающие туристам пляжный отдых (например, страны Средиземного моря). Таким образом, в низкий сезон (октябрь-апрель) местному населению негде работать. Касательно природных ресурсов, то чрезмерное количество туристов может сильно усугубить ситуацию: различные растения и животные, находящиеся в экосистеме дестинации, могут пострадать от рук туристов и даже стать вымирающим видом.

Отсюда следует, что способствующий рост индустрии туризма и его неустойчивое влияние, является очень важным фактором для изучения устойчивого туризма.

1. Определение устойчивого туризма и его принципы

Устойчивый туризм является одним из направлений устойчивого развития. Определение данной концепции было сформулировано в 1987 Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее» [15] и звучит следующим образом: «это развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений».

Определение данного термина было дано Всемирной туристской организацией (ВТО) и звучит следующим образом: устойчивый туризм – «это туризм, берущий на себя всю полноту ответственности за нынешнее и будущее экономическое, социальное и экологическое развитие с учетом интересов туристов, предпринимательства, местных общин и охраны окружающей среды» [14]. Таким образом, так как устойчивый туризм является одним из направлений устойчивого развития, то оба определения сфокусированы на удовлетворении потребностей нынешним поколением в разумных количествах для сохранения возможности развития в будущем, но определение устойчивого туризма более развернутое и специализированное на особенностях туризма.

ВТО также отмечает, что для развития устойчивого туризма необходимо постоянно отслеживать факторы, влияющие на него, используя превентивные или корректирующие меры тогда, когда это необходимо. Организация также заявила, что устойчивый туризм должен сохранить высокий уровень удовлетворенности туристов по отношению к дестинации.

ВТО и Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) сформулировали три принципа, которые должны существовать и действовать в рамках устойчивого туризма:

1 – оптимально использовать природные ресурсы, которые являются неотъемлемой частью устойчивого развития в области туризма. Люди

должны поддерживать все жизненные процессы экологии и пытаться сохранить природу и все, что к ней относится,

2 – проявлять уважение к другим культурам, их обычаям, ценностям и традициям, а также сохранять и поддерживать их места проживания и стимулировать межкультурное взаимодействие и толерантность.

3 – установить долгосрочные экономические связи, которые являются выгодными для всех сторон-участников, обеспечить рабочие места и социальные службы. К тому же необходимо создать возможность заработка для местного населения, благодаря которому можно добиться снижения уровня безработицы.

Всемирный фонд дикой природы (WWF) разработал следующие 10 принципов [2]:

- 1 – осознанное использование ресурсы,
- 2 – сокращение чрезмерного потребления и отходов,
- 3 – сохранение биоразнообразия
- 4 – интеграция туризма в планирование,
- 5 – поддержка местной экономики,
- 6 – вовлечение местных общин,
- 7 – консультации с заинтересованными сторонами и общественностью,
- 8 – обучение персонала,
- 9 – ответственный маркетинг туризма,
- 10 – проведение исследований.

Большая часть принципов ВТО и ЮНЕП схожи с 10 принципами Всемирного фонда дикой природы, но WWF также обратили внимание на обучение персонала, что является важным фактором развития.

Признание данных принципов обозначает следующие аспекты [16], указанные в таблице 1.

Таблица 1. Признание принципов устойчивого туризма

Принципы	Соблюдение социальной справедливости	Обеспечение экологической устойчивости	Достижение экономической эффективности
Действия, которые должны быть сделаны в рамках этих принципов	Забота о местных жителях, обеспечение стабильной культурной и социальной обстановки	Установка ресурсосберегающих технологий, экологизация деятельности предприятий туризма	Обеспечить повышение эффективности использования туристских ресурсов

Принципы	Соблюдение социальной справедливости	Обеспечение экологической устойчивости	Достижение экономической эффективности
	Доступность туристских услуг всем гражданам.	Создание условий для перераспределения потоков туристов по дестинации, учитывая допустимые нагрузки природных комплексов	Улучшение качества и конкурентной способности турпродукта
		Организация системы экологического образования широких слоев населения	Внедрение сертификации и маркировки услуг и продуктов туризма

Таким образом, в данной таблице фокус направлен снова на три аспекта устойчивого туризма.

2. Регулирование развития устойчивого туризма

Цели по развитию устойчивого туризма отражены в трех из 17 Целей устойчивого развития [11], принятыми ООН в 2015 году (табл. 2).

Таблица 2. Цели устойчивого туризма

Цель	Ее содержание
8.9	Осуществлять политику по продвижению устойчивого туризма, который создает рабочие места и продвигает культуру и продукты
12.b	Разработать и внедрить средства для наблюдения за влиянием устойчивого развития на устойчивый туризм, создающий рабочие места и продвигает культуру и продукты
14.7	Увеличить экономические выгоды для Малых островных развивающихся государств (СИДС) и наименее развитых стран

Цели отражены в стратегиях, которые направлены на создание рабочих мест, продвижении культурных особенностей и продуктов, а также увеличение экономической выгоды для развивающихся стран и стран, принадлежащих к числу Малых островных развивающихся государств (Фиджи, Ямайка, Сейшельские острова и т. д.).

Также еще до формулирования целей, описанных в таблице 2 в 2012 году в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН под названием «Будущее, которого мы хотим» [15] было указано, что хорошо-организованный и управляемый устойчивый туризм может внести вклад в составные части устойчивого развития, так как он связан с другими индустриями и секторами.

3. Современные тенденции устойчивого туризма

На данный момент в области развития устойчивого мира наблюдается его популяризация во всем мире в разных областях, в том числе и в сфере устойчивого туризма. Согласно результатам опроса, прошедшего онлайн, в котором приняли участие путешественники из разных стран, в рамках исследования Booking.com [1], 54% туристов хотят путешествовать, согласно принципам устойчивого туризма, так как заметили негативное и разрушительное влияние туризма на окружающую природную среду. Также согласно исследованию 78% респондентов считают себя более осознанными туристами по сравнению с годом назад, 39% испытывают чувство вины за прошлые поездки, так как понимают, что они были не «устойчивыми».

Согласно Booking.com в 2019 55% путешественников по всему миру сообщают, что они более решительно настроены сделать устойчивый выбор в путешествиях, чем год назад, но барьеры включают отсутствие знаний и доступных или привлекательных вариантов, когда они пытаются реализовать это на практике. Исследование выявило, что 72% туристов считают, что нужно действовать уже сейчас, чтобы сохранить планету для будущих поколений.

Спрос на устойчивые средства размещения также растет. 73% туристов отмечают, что намерены хотя бы один раз остановиться в экологичном месте размещения. В свою очередь 70% респондентов по всему миру хотели бы забронировать номер в месте размещения, зная, что оно отвечает правилам устойчивого туризма, хотя, когда заходит речь о том, устойчивый ли отель, хостел, гостевой дом, апартаменты и так далее, 72% отвечают, что не знают о каких-либо сертификатах для мест размещения.

Несмотря на все желание быть более ответственными, существует несколько препятствий, которые предстают перед путешественниками. Они представлены в табл. 3.

Респонденты также отмечают, что туристические агентства играют огромную роль в развитии устойчивого туризма, и 71% туристов считает, что туристические организации должны предлагать клиентам более устойчивые дестинации.

Таким образом, наблюдается с каждым годом растущая заинтересованность путешественников в устойчивом туризме, вызванная желанием сохранить окружающую среду и оказать помощь местному населению.

Таблица 3. Барьеры, препятствующие устойчивому туризму

Барьеры, предстающие перед туристами, выбирающими устойчивый туризм	% респондентов
Не знаю, как сделать их путешествия более «устойчивыми»	37%
Не могут позволить тратить больше на устойчивые путешествия	36%
Их повестка дня не позволяет сделать более «устойчивый» выбор	34%
Привлекательны более другие варианты, не входящие в рамки устойчивого туризма	34%
Привлекательны более не устойчивые дестинации	34%

4. Социо-культурные и экономические факторы, влияющие на развитие устойчивого туризма

На устойчивое развитие туризма влияют различные факторы. Среди них находятся социо-культурные и экономические факторы. Они имеют как положительное влияние, так и негативное[3].

Среди положительных моментов социо-культурных факторов являются знакомство с разными культурами, их обычаями, традициями, нарядами. Такой культурный обмен помогает людям из разных культур понимать друг друга, что может снизить уровень враждебности. Устойчивый туризм также может укрепить связи местного населения, увеличить уровень вовлеченности и участия жителей в жизни и развития дестинации.

Среди других положительных аспектов можно отметить участие больших международных компаний в различных устойчивых программах (RadissonHotelGroup, HyattHotelcorporation [10], [4]), освещение проблем

дестинации в интернете и социальных сетях, способствующее решению проблем.

Среди негативных аспектов влияние социо-культурных факторов можно выделить утерю культурных особенностей местного населения.

К положительным аспектам экономических факторов является создание рабочих мест для местных жителей и привлечение денежных потоков, которые могут быть использованы для улучшения инфраструктуры, поддержание культурных объектов и в общем на благосостояние экономики дестинации.

Среди негативного влияния можно выделить два направления – для туристов и для дестинаций и местного населения. Для туристов негативным фактором может быть более высокая цена на устойчивые путешествия, которая может препятствовать выбору быть более осознанными путешественниками. Для дестинаций – это зависимость от инвестиций, получаемых от туристов и международных компаний, работающих на территории конкретной дестинации. Для местного населения, занятых в области туризма, – отсутствие или заметное снижение заработка в низкий сезон.

5. Устойчивый туризм в России

В Россию осознание значимости устойчивого развития в целом пришло позже, чем в западных странах, но оно постепенно растет. Согласно отчету IpsosFlareRussia[6], российские потребители становятся все более заинтересованными в данной области, но их смущает большое количество различной и противоречивой информации об экологичности брендов.

Уровень развития устойчивого туризма сложно измерить, поэтому Гизятова [16] предлагает следующую градацию систем туризма:

- 1 – не развитая,
- 2 – развивающаяся,
- 3 – развитая.

Развитые туристические системы считаются наиболее устойчивыми. Развивающиеся системы не могут быть названы устойчивыми, так как деятельность в рамках данной системы недостаточно эффективно управляема и контролируема. Считается, что российский туризм находится в развивающейся стадии.

Изучение в области устойчивого туризма в России является очень важным [3]. Авторы считают, что на данном этапе понимание концепции устойчивого туризма в России является поверхностным и не имеет за собой крепкой базы, так как уклон делается только на необходимость учета природных ресурсов, интересов местной экономики и социальных ограничений.

Исследования показали, что федеральные и местные органы власти учитывают лишь несколько принципов устойчивого туризма, таких как социальная ответственность, сохранение и этика окружающей среды [7]. В процессе интервью в рамках проведенного исследования авторы выяснили, что российские менеджеры в области туризма не обладают достаточными знаниями и пониманием термина устойчивого туризма и его принципами. Отношение менеджеров к устойчивому туризму в основном зависит от их собственного опыта и восприятия, а не из-за принципов, принятых во всем мире. Отсутствие знаний у специалистов и исследователей препятствует потенциальное развитие устойчивого туризма в России [17].

Некоторые авторы считают, что такой низкий уровень знаний у менеджеров, работающих в сфере туризма, возник из-за низкой степени соответствия туристического образования в России и принципов, принятых мировым научным сообществом [8].

Вывод

Таким образом, устойчивый туризм является важным, так как включает в себя много принципов, благоприятно влияющих на социальную жизнь, окружающую среду и экономическое положение.

С каждым годом осознанность в том, что нужно быть более устойчивыми растет как среди государственных органов и организаций, так и обычных потребителей.

Развитие устойчивого туризма в мире происходит не равномерно среди стран. Несмотря на тенденции и роста заинтересованности в устойчивом туризме, в России есть несколько факторов, которые приостанавливают развитие устойчивого туризма, такие как низкий уровень осведомленности и образования в данной области.

Литература

1. Booking.com reveals key findings from its 2019 sustainable travel report [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalnews.booking.com/bookingcom-reveals-key-findings-from-its-2019-sustainable-travel-report>.

2. Eber, S. Beyond the green horizon: principles for sustainable tourism/ S. Eber - a discussion paper commissioned from Tourism Concern by WWF UK. 1992. WWF UK World Wide Fund for Nature.

3. Ecological tourism in Europe. SustainableTourismDevelopmentin UNESCO Designated Sites in South-Eastern Europe [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://portal.unesco.org/en/files/45338/12417872579Introduction_Sustainable_Tourism.pdf/Introduction_Sustainable_Tourism.pdf.

4. HyattHotelsCorporation. Hyatt Unveils New 2020 Environmental Sustainability Strategy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newsroom.hyatt.com/2014-08-28-Hyatt-Unveils-New-2020-Environmental-Sustainability-Strategy>.

5. Ilkevich, S.V. An outlook at the Russian education in the field of tourism through the prism of the sustainable tourism paradigm / Ilkevich S.V., Stroemberg P.G.J., Sakharchuk E.S. – СервисвРоссииизарубежом, 2016. – С. 120-132.

6. Ipsos Russia 2020 in search of sustainability. 10 keypoints [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-12/flair-russia-2020-10-things.pdf>.

7. Kask, S. Understanding of sustainable tourism among Russian tourism managers. / Kask, S., Kull, T., & Orru, K - European Journal of Tourism Research, 14, 2016, P. 101-105.

8. Kokorev, P. A. Implementation of the concept of corporate and social responsibility in tourism. / P.A. Kokorev -Russia, Saint Petersburg: Izvestia of Saint Petersburg University of Economy and Finance, 2010, № 6.

9. Kostić, Marija&Tončev, Melita. (2014). Importance of sustainable tourism. 722-725. 10.15308/sinteza-2014-722-725.

10. RadissonHotelGroup. Radisson responsible business [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.radissonhotelgroup.com/responsible-business>.

11. UN GeneralAssembly. Transforming our world : the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]. A/RES/70/1, 2015. Режим доступа: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E.

12. UNWTO. The 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/?menu=1300>.

13. World Commission on Environment and Development. Ourcommon-future. [Электронный ресурс] / Oxford: Oxford University Press, 1987. Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (Accessed: 23 March 2020).

14. WorldTourismOrganization. Sustainable Development of Tourism – Definition. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unwto.org/sustainable-development>

15. Генеральная Ассамблея. Будущее, которого мы хотим [Электронный ресурс]: Режим доступа https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/66/288&Lang=R.

16. Гизятова А.Ш. Устойчивость туристской отрасли: методологический аспект. / Гизятова А.Ш. - Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2016;20(1), С. 58-71.

17. Зелетдинова Э.А. Туризм в регионе: состояние, проблемы, перспективы // Социологические исследования. – 2005. – № 11. – С. 96–105.

18. Шимова О.С. Устойчивый туризм: учеб.-метод. пособие. – Минск: РИПО, 2014. – 158 с.

Smekalova I.A., student
Saint-Petersburg State University of Economics
irene.smklv@gmail.com

DEVELOPMENT OF SUSTAINABLE TOURISM IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Abstract. This article describes sustainable tourism and its principles that influence on social life, environment and economic wealth. There are also tendencies of current development of sustainable tourism, proving that people are becoming through time more conscious consumers because they are aware what negative impact is done on environment. Despite the growing interest to the sphere, in Russia exist such barriers as insufficient level of education in the sphere of tourism and absence of correlation of it with accepted global principles.

Keywords: sustainable tourism; development; sustainable development; principles; awareness.

Научное издание

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Сборник научных статей

Под редакцией канд. экон. наук Е.В. Викторовой

Подписано в печать 18.08.2021. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 500 экз. Заказ 505.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ